

ТЕЛЕСКОПЪ

ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ НАДЕЖДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ ОСМНАДЦАТЯ.

Che chi ha i duo occhi, il veda!

ALFIERI.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1833.

НЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чѣобы по напечатаніи представлены были въ
Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Февраля 6 го
дня 1854 года.

Ценсоръ Алексѣй Болдыревъ.

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ О ПРАВАХЪ ДРЕВНИХЪ НАРОДОВЪ.

Государство, разсмаприваемое какъ бы-
 шіе юридическое, какъ идея права во вре-
 мени, не вдругъ осущесвляель свою внуш-
 ренную природу. Право начинаелься обы-
 чаями и символикой, и пворилься въ испо-
 ріи народа до пѣхъ поръ, пока Государ-
 спвенная жизнь не выразиль его въ сис-
 темѣ опвлеченныхъ понятій. Но чпобъ
 право могло пворилься въ жизни народа,
 для сего пребуелься его измѣненіе и пре-
 бываемость, прошедшее и наспоельщее,
 иначе, пропиводейспвіе двухъ силъ: не-
 обходимости и произвола. Безъ присупспвія
 необходимаго нѣпъ почки покоя для госу-
 дарспва, и народная жизнь обращаелься въ
 экспенприческое круженіе; безъ присуп-
 спвія произвола испорія народа дѣлаелься
 Еспеспвенной Испоріей общежиція, или
 сипоріей преданій, спѣсняющихъ народную

самомыслипельность. Исторія возможна только тамъ, гдѣ произволь, *способность изъ двухъ выбирать лучшее*, и необходимость, какъ двѣ разбѣгающіяся силы, движениемъ своимъ описують кругъ народнаго мышления и дѣятельности. Между древними Государствами Римъ по превосходству оправдываетъ возможность исторіи. Въ одномъ Римѣ усматривается спроекая послѣдовательность происшествій и вмѣстѣ упорное пребываніе идеи въ спарыхъ ея явленіяхъ; одинъ Римъ пробудилъ въ Викомысль, что человечество образуетъ само себя; въ одномъ Римѣ время раздвоилось на прошедшее и будущее, въ надеждѣ слиянія его въ вѣчности. Ни въ одномъ изъ древнихъ народовъ не находимъ такого сильнаго, всеобъемлющаго присутствія идеи государства, какъ здѣсь; можно сказать: Римъ тогда только открылся во всемъ своемъ величій, когда внѣшняя сила государства обратилась въ идею. Въ то время, какъ могучія плебейскія приобы обезлюдѣли отъ непрерывныхъ войнъ, какъ природныя чада Рима замѣнены пасынками Ипаліи: идея Римскаго государства съ неодолимой силой обхватила сіе чуждое вещество и развила всемірное владычество надъ

народами. Рабы проданные sub corona мгновенно превращались въ Римлянъ и — гордость повелителей сверкала въ черпахъ, вырѣзанныхъ цѣпями рабства. Силла являеть въ себѣ еще разъ грозную власть древнихъ Паприціевъ, Помпей — власть Римскихъ всадниковъ; но Цезарь, хопя внукъ Энея и Венеры, на челѣ своемъ носить уже фамильные черпы *человѣчества*.

Матеріальныя событія не дадутъ намъ понятія объ исторіи Рима. Почему владычество надъ міромъ произошло не изъ Эпруріи, не изъ Самнипскихъ горъ, не изъ хищной Луканіи, а съ высотъ Капитолія? почему въ народахъ не-Римскихъ глубоко чувствовалось неизбежное предопредѣленіе бытъ поглощенными опъ Римлянъ; почему они чувствовали, что бытіе ихъ непрочно, почему войны ихъ съ Римомъ были сопротивленіемъ, похожимъ на опчаянное сопротивленіе року (подобно какъ всенародная совѣсть нынѣшнихъ Турковъ слышитъ нѣкое предсказаніе, что бытіе ихъ непрочно)? Какая напротивъ самонадѣянность въ Римлянахъ, какъ они полны сознанія, что жребій ихъ — владычество надъ міромъ; какъ они издѣваются надъ геройскимъ самооп-

верженіемъ Ипалійскихъ народовъ, защищающихъ своихъ Пенатовъ, свою независимость, и какъ опасно было побъждать Римлянъ!!! Римъ, раждаясь, уже является какою-то необходимостію, судьбою, копорая должна поглотить живую самобытность Грековъ и полудикую независимость племенъ Ипаліи. Римъ поспроевается, пворится въ Испоріи народовъ съ непреодѣлимою силою и, какъ брошенный камень, спремитъ къ своему центру — владычеству надъ міромъ.

Откуда эптошь непреодолимый законъ Рима обращаетъ въ Римъ всё, что небыло Римскимъ? — Сдѣлашь выписку причинъ величія Рима не значить показатъ необходимость Рима. Надъ народами вѣетъ геній челоуѣчества и невидимою рукою движетъ массы ихъ не по случайному, а по уознаменательному направленію. Здѣсь должно имѣть дѣло не съ фактами, а съ идеями права, копорыя образуютъ неспройныя массы народовъ въ спройное органическое. Здѣсь должно факты Испоріи обратиться въ понятія и видѣть, какъ идея всемірнаго права, пробиваясь сквозь неправомѣрный бытъ древней Европы и Азии, хочетъ утвердить свое владычество на Римской площади во имя всеобщаго разума народовъ. Римъ силенъ не

о себѣ; не о себѣ онъ призываетъ къ повиновенію обитателей земли; онъ исполняетъ только посольство всемірнаго права, которому угодно было водрузить свою самоспопелность на Римскомъ форумѣ. Это черда Рима бытъ органомъ идеи человѣчества, урокъ, заданный ему Провидѣніемъ, — онъ кончитъ его, и мужественные легіоны и маспипый Сенатъ не спасутъ его отъ гибели! Геній человѣчества сбрасываетъ Римскую одежду и покоряется всемірной церкви... *вѣрныхъ!*

Чтобы понять необходимость юридическаго полномочія Рима, должно сморѣть: какъ онъ опноспся къ идеѣ человѣчества, какъ его право опноспся къ всеобщему праву; откуда онъ и для чего пославленъ? Чтобы опвѣчать на сіи вопросы должно знать прошедшее Рима, начало Рима п. е. по, что еще не было Римомъ; надобно схватить ensemble древности, чтобы понять назначеніе Рима и по, до какой степени онъ выполнитъ сіе назначеніе? Древній юридическій міръ можно раздѣлить на три великіе періода раскрытія права: Восточный, Греческій и Римскій. Первый должно назвать Религіозно - семейственнымъ, второй полипи-

ческимъ , прерпій часпнымъ гражданскимъ періодомъ права.

Воспокъ еспь колыбель семейспва и религіи. Для шого и другаго основаніе лежипь въ прошедшемъ. Ничпо въ Азіи не имѣеть полномочія и значенія, кромѣ прошедшаго. Въ семействѣ родоначаліе , въ религіи предопредѣленіе подавляюшь всякое движеніе личныхъ правъ, или индивидуальной самобыпности. Настоящее управомочивается прошедшимъ. Азія предспавляетъ величайшую широту для развитія отеческой власти и неспройной дѣяшельности членовъ общеспва. Почши всѣ Азіійскія законодапельства супь религиозно-семейспвенные успавы , подкрѣпляемые обширнымъ уголовнымъ правомъ. Быпніе права въ Азіи задерживаются среди семейспва неразвитымъ , непреложнымъ , лишеннымъ періодического спѣянія во времени : Азія лежипь въ проспранспвѣ , а не во времени , въ подлѣ-поспавленіи , а не въ послѣдовательности. По сему для свойспвеннаго ей развитія права нуженъ одинъ моментъ времени : — чудесное опкровеніе ; за шо перебуется безпредѣльная широта въ проспранспвѣ. Вездѣ господствуетъ физическая сила. Отеческая власть — судьба , супружесство —

плѣнь, рабство, многоженство. Право вещей не выступаетъ изъ предѣловъ семейственнаго приобрѣтенія собственности. Право обязательствъ, основаніемъ коего должна служить гражданская способность избрать изъ двухъ благъ лучшее, не имѣетъ ни малѣйшей положительности. Личность и собственность внѣ семейства не имѣютъ никакой самостоятельности; всякая частная обида согражданину есть оскорбленіе величества. Гееренъ говоритъ: „кто дерзнетъ за чужь Монгола, тотъ оскорбляетъ величество, ибо чужь принадлежитъ не обиженному, а его Князю.“ Анкешиль Дюперронъ думалъ опровергнуть теорію Монпескьё, доказывая существованіе контрактовъ, собственности, личности въ Азійскихъ государствахъ. Но сіи договоры и собственность, что значатъ предъ минушимъ произволомъ судей, которые сами себѣ не полагаютъ предѣловъ и правилъ власти? Они появляются только тогда, когда произволь дремлетъ или спитъ на сіе равнодушно; но какъ скоро онъ беретъ жезлъ, то собственность и права исчезаютъ предъ нимъ какъ пылкій свѣтъ факела предъ свѣтомъ полудня. И такъ право въ Азіи опирается на религію и случай, и само по себѣ не имѣетъ никакой

самостоятельности. Законодательство Кипайцевъ есть въ высшей степени семейственное право, а.) и весь кодексъ ихъ—обширная система мѣстничества, родопочитанія и церемоніаловъ. Никакая сила не можетъ поколебать паче опеческой власпи. Многолюдство, продолжительная пишина обрапила Кипай къ промышленной жизни, которая, не будучи умѣряема никакой возвышенной идеей, вся погрязла во внѣшности. Развѣ попому только приличествуетъ ему пишло *небесной Монархiи*, что онъ неподвиженъ и неизмѣненъ какъ небо. Опчаянный эмпиризмъ разумѣнiя и воли жизнь Кипайцевъ представляетъ переходенiемъ отъ одной мѣлочной цѣли къ другой, или непрерывнымъ исчезанiемъ въ безконечномъ разнообразiи природы чувственной. Предметный мiръ, не покоряясь мысли, въ Кипайскомъ разумѣнiи опражается ослапительной пестрошой; — пачковъ и кодексъ ихъ. У нихъ нѣтъ общихъ положенiй права, а только случаи жизни гражданской, пересчитанные съ непоспижимой дробностию. Дѣлимость наказанiй моглабы послужить доказательствомъ дѣлимости веще-

---

а) Власть Государя столь велика, что равняется опеческой власпи, говорятъ Кипайцы.

спва для физиковъ; большой и малый *бамбукъ* какъ *regretium mobile* возникаетъ изъ каждаго правоположенія (Гансъ),

Высопы Авганиспана и Индоспана, соспавляя переходъ къ передовой Азїи, предспавляютъ погруженіе человѣческой дѣятельности въ духовномъ мірѣ. Кодексъ *Мену* есть развитіе религіозной правды, или спихопвореніе о будущихъ наградахъ и наказанїяхъ; судъ Божїй на землѣ являетсѣ во всей его обширности. Но фанализмъ воспочнои Азїи и богопвореніе природы, проспираясь на западъ, поспепенно перяютъ свое могущество; идея безконечнаго являетсѣ двойспвенной и начало добра олицеспворяетсѣ въ чистѣйшимъ веществѣ — свѣтѣ. Цвѣтѣ Азїи есть *Персидское государство*. Ея законодательство есть безмѣрная полицїя — внупренняя и внѣшняя. Идея блага господствуетъ въ дѣйствїяхъ внѣшней воли: — порокъ и преспупленіе безразспвенны; грозная быспроша, всевидѣніе и молнїя исполненїя воли Царя Царей соспавляютъ достоинство Персидскаго права. Здѣсь пещеры слышатъ, звѣзды видятъ, земля чувствуетъ и камни говорятъ! Государство есть плѣло, въ кошоромъ живетъ грозное, мрачное провидѣніе Персіи; политическія

власти сушь очи, уши, ноги царскія, а Lex Regia есть несомнѣнная истина, что Царь Царей есть повелитель вселенной и средопочіе земной поверхности. Персидское право не имѣло ни положительности, ни періодическаго развитія! — Двойство Персіи уничтожилось; единство Божіе открылось въ *Иудействѣ*, которое составляетъ переходъ отъ Азіи къ Европѣ. Право Моисея, какъ право Божественное, должно естъ бытъ вѣчнымъ; но тѣмъ не менѣе Еврейская Юриспруденція, какъ определеннй способъ понимать сіе право, подверглась поспешенному измѣненію и совершенствованію. Номадное начало Востока со всею силою выпѣсняется изъ Еврейскаго кодекса: „Не суди одинъ, единъ Богъ судитъ одинъ; — единъ Богъ судитъ одинъ, и судъ его вѣченъ“ — говорятъ раввины. Здѣсь нѣтъ болѣе матеріальной силы, поглощающей личность и собственность гражданина, ибо всѣ Евреи сушь братья, — дѣти Авраама, Исаака, Иакова. Отсюда субботный годъ и Юбилей (годъ оставленія) — политическая мѣра къ возстановленію равенства участковъ земли. Государь, покушающійся на собственность Еврея, чрезъ сіе объявлялъ себя врагомъ опе-

чества и Иеговы. Хотя личность и собственность споль спрого были ограждены опъ припязаній сильныхъ ; но не смопря на то, право опиралось не на себъ самомъ, а на необходимости прошедшаго. Основаніемъ права личности и собственности была не сполько равная способность вмъняемости дъйсвій, и идея уравненія, сколько единспво крови: ибо всъ были дъпи Авраама. Чрезвычайное развипіе внутрѣ-семейспвеннаго быша произвело положисельное личное право. Правасупружества, помолвки, право приданства, разводовъ , рабства , оппущенія на волю получили опредѣленность , а логика Фарисеевъ сообщила имъ даже гибкость, напоминающую Римскихъ юрисповъ. Но — условныя права: — обязательства, которыя можно назвапъ пробой юридическаго образованія народа , хотя имѣли случай развернуться и совершенствоваться , оспались безъ систематической положисельности. Уголовное право содержишь грозныя и частыя восклицанія законодателя: „да умрешъ , дабудешъ изверженъ“ — но вмѣстѣ съ симъ показываетъ рѣдкую осмотрисельность въ произнесеніи смертнаго приговора. Главная заслуга Еврейской Юриспуденціи состоипъ въ томъ, что она, опкрывъ народамъ единспво

крови и духа, возвела ихъ къ идеѣ чловѣчества, копорая разрушила оскорбительное раздѣленіе людей на лица и вещи (у Римлянъ,) и соединила ихъ узами брапской любви. *Въ Египтѣ* чловѣчество лишено было наилучшаго изъ даровъ — *слова*, и обрапилось въ припчу рабоннаго соспоянія общеспва. Механическое образованіе Египта изковало вѣчныя формы для гражданской жизни, копорыя подобно спанку или прессу, сообщили фабричный характеръ добродѣтели и справедливости. Вѣчныя каспы свидѣтельспвуютъ о невозможности періодического развитія права къ самоспопительному его быпію, и хопя Гермеспь ихъ, геній звѣзды Сиріуса, верховный судія Египта, дважды являеспся для упвержденія законовъ, но право при всемъ помъ не спушило далѣе уголовного и межеваго. Не паковъ былъ *Греческій* Гермеспь! Сей послѣдній не еспь безмолвно говорящая колонна, а — окрыленный, съ жезломъ мира и убѣжденія. Геній Сиріуса являеспся свѣсповиднымъ и вѣчно-юнымъ Фебомъ, окруженнымъ девятью музами; Греція еспь міръ симметріи и гармоніи. Для развитія Азіатской гражданской спвенности пребовалась огромная маперіальная широта: границы Персіи перялись въ безмѣрныхъ степяхъ Азіи и Европы;

напрошивъ для Греческой цивилизаціи, велику она была вся движеніе, вся мысль — быспрая, крылапая, — нужна была не широпа, а время — начало измѣненія и преемства. Персія возраспала проспранспвомъ — опдвигая границы государспва далѣ и далѣ; напрошивъ Греція, не чувспвуя земли подъ ногами, должна была расширяпсья какъ мысль, какъ слово. Она спремилась въ высопу и искала первенспва. Аѳинская республика, испинная предспавипельница Греческой гражданспвенности, въ блиспапельный періодъ своего сущеспванія, напругала всѣ силы расадишь Аппическія идеи на сушѣ и на моряхъ: эпо ея воины! Греція спрашилаъ Персидскихъ войскъ, Персія нашеспвія Греческихъ идей. Азія еспѣ безмѣрный маперикъ; Греція — непрерывный берегъ; посему ппаяеспѣ безмѣрнаго міра, подавляющая Азійское разумѣніе и волю, по закону Греческой симмепрії, изъ государспва была изключена, а на мѣспо ея являеспся *кoмoс* — *мірѣ и красота*. Масса успунила изящнымъ фoрмамъ, изображающимъ единспво въ разнообразіи. Въ Греческомъ семейспвѣ опкрываеспся одноженспво; опеческая власпѣ смиряеспся предъ ппшломъ гражданспва; право завѣщавашъ соединено съ пользами госу-

дарства. Но поелику широта была исключена изъ элементовъ государства, то нравственная сила должна была пробудиться и приishi въ сильное напряженіе: рѣдкость боевыхъ рядовъ надлежало комплектовать широкими плечами, спѣны городовъ замѣнить спальной грудью воиновъ-гражданъ. Отсюда неуваженіе къ правамъ семейственнымъ и умственная полиція: дѣтубійство, воспитаніе и гимнастика. Для защищенія опечесства и словомъ и дѣломъ, надлежало дать въпрямъ государству всю поверхность нравственныхъ силъ, героизмъ самопожертвенія вознаграждать пишломъ гражданства, и государство оградить дружнымъ единствомъ. Въ слѣдствіе сего Греція есть земля политическаго права, и вся юриспруденція для ней не что иное, какъ система политическихъ мѣръ, система равновѣсія. Отсюда почешное званіе донощика, орапорра, рипора; вся масса гражданъ есть безсмѣнное правительство. — Греція была равнодушна ко всему, что было непубличнымъ; даже право обязательствъ, не смотря на кипящую промышленность, по выраженію Цицерона, оспалось правомъ добросовѣстнымъ, неустроеннымъ, даже

смѣшнымъ. Ея промышленныя идеи перешли въ сочиненія Римскихъ юриспруденшовъ. Греція, какъ земля красопы, мѣры, гармоніи, не имѣя матеріальной широты, не могла долго существовать. „На по и цвѣтъ чѣобы увянууть и дасть плодъ. Молнія освѣпила ея быпіе, и молнія его убила (Гансъ).“ Сближеніе симметрической гражданственности съ безмѣрною Персіей; или патриотическаго энтузіазма съ безчувствіемъ рока, было порожествомъ духа надъ матеріей; но порождествомъ зловѣщимъ. Греція начинаеть выступать изъ мѣры; изъ внутренняго міра во внѣшній; за мгновеніемъ намѣренія слѣдуетъ ударъ завоеванія. Александръ Македонскій вывелъ Грецію изъ себя самой въ состояніе пространственное. но Греція вѣрная своему характеру, скорѣе погибла, нежели примиралась съ новымъ образомъ бытія. Александръ насаждалъ царства, а возраспали школы, сѣялъ администрацію, а возникала философія. Истинно Греческій завоеватель есть Аристократъ: — его имперія продолжалась на пространствѣ двухъ тысячъ лѣтъ. Со времени Александра всемірный духъ гражданственности простирается съ Греціею и переселяется въ Римъ.

Мы видѣли, что ни Воспокъ, почи-
 ющій въ безмѣрномъ проспранспвѣ, ни
 даже Греція, создавшая полипическій *кос-
 мосъ*, не осуществили самоспояшельнаго
 права. Риму предшеспвуютъ два міра: Во-
 спочно - семейспвенный и Греческо - по-
 липическій, раздѣленные между собой рѣз-
 кою черпою. Право, какъ гармоническое со-
 единеніе нравспвеннаго блага и маперіаль-
 ной пользы, знаменуя сліяніе вещей бо-
 жескихъ и человѣческихъ, для осуществленія
 своего, пребовало соединенія Воспочнаго и
 Греческаго элеменпа — широпы проспранспва
 и преемспва времени, необходимости и произ-
 вола. Декарптъ пребоваль маперіи и движенія,
 для сооруженія вселенной; Профессоръ *Гансѣ*
 пребуептъ паприціевъ и плебейцевъ, чптобы
 создапъ испорію Рима. Римъ имѣль по и дру-
 гое; „онъ былъ корабль о двухъ якоряхъ — онъ
 имѣль нравы, и религію“ говоритъ Монпескье.
 Онъ вмѣспилъ въ себѣ Воспокъ и Грецію,
 Эпрусковъ и Лапинцевъ, паприціевъ и пле-
 бейцевъ. Ромуль родилса опть Веспалки и
 Марса, сынъ вѣчнаго огня и силы — Воспока
 и Запада. Воспочное начало Рима явилось
 завоевапелемъ извнѣ: паприціи ведупъ
 плебейцевъ умирапъ на берега Океана, Рей-
 на, Дуная, Евфрапа и Нила, въ спепяхъ

Ливіи и Нумидіи. Коспи плебейцевъ указують границы имперіи. Греческое начало Рима, — плебейцы, являюся завоевателями внутри государства; — это вихри форума, организующіе матерію семейственнаго Рима. Они стремятся задержать и опрокинуть паприціанское расширение силъ, осаждаютъ его въ Куріяхъ, въ Капитоліѣ, въ Сенатѣ, въ прибумныхъ и ценсуріальныхъ собраніяхъ. Они пребууютъ раздѣла полей, пребууютъ, чтобъ сіи поля, добытыя благородной кровію гражданъ, были орошаемы попомъ. Здѣсь Персидскія войны Греціи пали внутри государства. Быліе Рима есть непреспанная война извиѣ и внутри, и резульпашъ ея есть признаніе самостоятельности права, признаніе права, опирающагося на себя самомъ — *Имперія права!!!* Посему Римская испорія имѣетъ въ высшей степени періодичность, которая по самой природѣ Рима должна осуществляться въ прехъ моменпахъ идеи права. *Періодъ первый* содержитъ въ себя пропашженіе воспочной гражданственности и права. Върваніе господствуетъ; мысль дремлетъ въ символахъ и обрядахъ: полетъ пшпцъ, внутренность живошныхъ, молнія, замѣняюшь движеніе мысли. Человѣкъ вмѣсто себя заспавляетъ мыслишь природу:

случай владычествуеть надъ опчепливыми намѣреніями гражданина. Сила опчеспва — паприціапъ поглощаепъ — полипическую значипельность сыновей Рима: кліепны и волы въздѣльваюпъ поле паприція, завѣщанное ему непреложною волею родоначалъниковъ. Паприцій вычисляетъ свои достоинспва спепенями рожденій, и генеалогія, опсылающая права его въ непроницаемое прошедшее, възводитъ бышіе его къ началу міра, къ вѣчности. Бышіе паприція необходимо какъ природа, полномочно какъ боговъ ихъ воля; онъ созерцаепъ мысль свою въ запмѣній свѣспиль, въ колебаніи земли, и заспавляетъ просподушнаго плебейца чипапъ ее и исполняетъ безпрекословно. Онъ пишепъ пророчеспва на будущую судьбу Рима, вспупаепъ въ бракъ, вноситъ сіе событіе въ книгу вѣчности, какъ знаменіе паинспвеннаго рожденія Рима. Сіе ограниченное божеспво пребуепъ пвердой почки для ушвержденія себя на земль, и собспвенность являетъся подъ нимъ освященль волею боговъ. Но сіе божеспво въ пѣспи полагаепъ *Терминъ* своему владычеству, и всё, что спупипъ на его свящепную землю, падаепъ въ очарованный кругъ его семейспва. Все приемлетъ жизнь опъ

него и возвращаешь ему: — ему принадлежишь вѣрность кліентовъ, судъ и милость, жизнь и смерть надъ всѣми членами его семейства. Являюся права обязателствомъ, но основаніе ихъ не есть согласіе договаривающихся и обоюдная польза, а роковое слово, за неисполненіе коего должникъ спирается съ лица земли или приковывается къ землѣ (*jus strictum*). Передача собственности не есть дѣло произвола, но воля боговъ, измѣняющая перминъ собственности, и попому сопровождается священными обрядами и торжественностію. Паприціанскій періодъ есть творческій періодъ Римскаго законодательства — періодъ положительный; по сему Нибуръ весьма справедливо называетъ его до историческимъ, баснословнымъ, періодомъ поэзіи Рима, поэзіи холодной, корыстной, условной — юридической. Времена дремоты и обаянія природы человеческой!

Сколь ни сильно религіозно-семейственное начало Рима, но оно является уже не пѣмъ, чѣмъ было на воспокъ и въ Греціи. На воспокъ оно открылось нравственной силой, опрѣщенной опъ всего земнаго — каспой, по сему невредимымъ недосыгаемымъ для матеріальной силы; на-

прошивъ въ Римѣ религіозное безразсудство съ полипическимъ; паприцій въ лицѣ своемъ совмѣщаетъ жреца и героя; но посему же оно спановилося религіознымъ не въ святилищѣ вѣры, а на форумѣ, — доступнымъ для ударовъ матеріальной силы. Трибунъ черни могъ безъ свяпопапства произнести „privilegia ne irroganto.“ Но религіозное начало Рима не сходно также и съ Греческимъ. Первое было въ государствѣ, въ Капитоліѣ; второе — внѣ государства, въ Дельфахъ, при помѣ ни каспой, ни сословіемъ; у Грековъ оно было оракуломъ, и потому должно было ожидать ударовъ не отъ плебейцовъ Греціи, а отъ философовъ, проповѣдниковъ истиннаго, благаго и изящнаго. Римская сила, олицетворенная въ паприціяхъ, опбросивъ умознаменательность права, опкрылась силою корыстной, имѣющей цѣлю владычество надъ личностію и собственностию другихъ, слѣд. по своему направленію уже должна была ожидать проповѣдѣйствія; напрошивъ сила Греческая сосредоточивалась на Олимпійскихъ играхъ для пріобрѣтенія побѣднаго вѣнка, и будучи изъясна изъ государства, обнаружилась силою безкорыстной, симметрической, изящной. Паприціанская сила подала поводъ

къ системапическому развитію права при-
обрѣтенія вещей (*res mancipi*); — сила Гре-
ціи, обращенная на саму себя, образовала
Гимнаспику. Это Геркулесь, испребляющій
чудовищъ Греціи; Римлянъ называли волка-
ми Ипаліи.

Періодъ Политическій предспавляетъ
успѣвающее могущеспво плебейспва, копо-
рое въ началѣ своемъ, какъ нераскрывшее-
ся сѣмя, погребено въ землѣ Папприціанской,
не имѣетъ ни мысли, ни воли; это *Брутъ*,
(Мишелепъ, въ Римской исторіи) припаившій-
ся безумнымъ и безсловеснымъ; но какъ скоро
онъ научился произносить — *velo*, всѣ па-
ланпы, коими снабжена природа челове-
ческая, не замедлятъ помрачить нѣмой языкъ
природы и символики, на коемъ говорили
съ нимъ папприціи. Папприціи, какъ боги,
родились съ собспвенностью, правами, пол-
номочіемъ, — они были *дома у себя*, спаро-
жилы Рима, почти современники Сапурна,
и записаны въ книгу космогоніи; плебейцы
напротивъ ничего подобнаго не имѣютъ.
Они пришельцы, *люди безъ рода, безъ
племени и безъ прозвища*, однолѣпнія соз-
данія природы. Они не имѣютъ прошедшаго,
за то взоръ ихъ безсклонно усспремленъ въ
будущее, исполненное очаровашельныхъ на-

деждъ. Кто хочетъ знать природу плебейца, пусть проникни въ будущее... тамъ, подобно природѣ онъ непрерывно рождается, и доколь государство существуетъ, нельзя еще сказать, что онъ родился. — Племя надежды, сынъ спасеннаго государства — И онъ проситъ Римской земли послать свою божницу (*Sacrum privatum*), проситъ жены и хлѣба именемъ человечества и справедливости. Ему отказываютъ во всемъ, онъ удаляется на Апеннинскую гору, гдѣ, по словамъ Ливія, идетъ каменный дождь и слышны грозные голоса изъ священной рощи (*Lucus*), и спаситъ тамъ кумирь человечества предъ опаляющимъ огнемъ Веспы и священнымъ ликомъ Нумы Помпилия. Бурно требуетъ законовъ, и добываетъ XII табб. Поелику божественная воля не снисходитъ на мысли и согласіе плебейца, то онъ призываетъ во свидѣтельство *гласъ народовъ*, и повелѣваетъ Римскому Претору внести его въ годовую адикцію. Онъ утверждаетъ свое обязательство именемъ справедливости и рѣшаетъ споры добросовѣстнымъ; Терминъ отказывается спорить его границы, за то онъ поручаетъ ихъ грозному лицу прав-

ды и честности. Ему негдѣ утвердиль свою собственность, — паприціанская нога спояла на глыбахъ Римскихъ полей, — онъ колонизуется на рубежахъ Имперіи, воздѣлываетъ непосвященную землю (*ager profanus*), или воздвигаетъ поле изъ себя самаго. Онъ взоралъ свои паланшы и, чего не взялъ безусловно, по добыль по условію; онъ собираетъ жапву съ полей паприціа и расплачивается движимымъ имѣніемъ своего духа — плодами прудолубія и бережливости. Паприціанская собственность лежала за городомъ, плебейская утвердилась въ городѣ. Римъ есть поле и городъ! Какое обширное поприще для развитія права вещей и обязательствъ! То же двойство пробѣгаетъ по всему пространству частнаго права: *Aequum et bonum* есть Аденшинская высота, на которую плебейская юриспруденція испоргалась изъ спѣснительныхъ формъ строгаго права.

Періодъ *Императорства* содержитъ примиреніе враждующихъ сторонъ — паприціевъ и плебейцевъ, и есть раскрытіе частной Римской жизни, основанной на правилахъ всеобщаго права въ противоположность первобышней частной жизни. Сія

послѣдняя выразилась совершенной независимостію, враждующею проптивъ законовъ разума; независимость гражданская напротивъ соединила безусловный семейственный бытъ съ условіями общеспвеннаго блага. Періодъ Императорства есть блистательное развитіе частнаго гражданского права, которое можно назвать предѣломъ развитія идеи права. Въ правѣ обязательствъ національность уничтожается, и справедливость является въ опрѣшенномъ видѣ, въ видѣ всеобщаго разума законодательствъ. Поелику сей періодъ есть соединеніе общаго съ частнымъ, по философіи юриспруденціи вспуаешь въ дружеское опношеніе съ казуистикою: каждое правило содержится въ случаѣ, и каждый случай есть общее правило юриспруденціи. Между шѣмъ въ природѣ ничто не оспанавливается; — казуистика обезсиливаетъ образовательную силу мысли, и законодательство ищетъ спасенія *въ компиляціи*. — Дальнѣйшее образованіе народнаго разумнѣя, оппоргшись опъ высшихъ идей, подобно Африканской рѣкѣ, перяется въ пустынь эгоизма. Наконецъ сама природа зашворяетъ свои сокровища опъ успалаго разумнѣя. Наспуаешь вѣкъ спарческаго

дѣспва , вѣкъ безнадежный и печальный! При семь должно сознапья , чпо самая упонченность юриспуденціи , совершенство часпнаго Римскаго права , свидѣпельспвуепть пропивъ глубокой порчи Римскихъ нравовъ и обличаетъ глубочайшій упадокъ общеспвеннаго и часпнаго кредита. Волки Ипаліи оборопились въ Византійскихъ лисицъ , полипическій разбой въ алчное и лукавое домогательспво чужихъ владѣній и прудовъ. Римская наглоспъ заключила союзъ съ бездѣльничеспвомъ вырожденныхъ Грековъ. Еще Верресъ держаль при себѣ двухъ Грековъ , копорые исполняли должностъ чупкихъ живопныхъ , и имѣли чрезвычайно спонкое обоняніе къ чужимъ сокровищамъ , нажипымъ продолжипельнымъ и благороднымъ прудомъ.

Древняя гражданспвенность , зачавшись на Воспокъ , и совершивъ великое періодическое очищеніе , снова возврапилась на Воспокъ — въ лоно вѣчнаго покоя. Конспанпинополь еспъ новый , или Императорскій Римъ , гдѣ Воспокъ и Западъ , Азія и Европа , обезсиленные продолжипельной борьбой , склонились къ взаимному примиренію. Конспанпинополь , постепенно упадая въ Греческую Азію , еще долго помил-

ся на смершномъ одрѣ своемъ, еще школы и совопросники кипѣли въ его нѣдрахъ — послѣднее движеніе Греческой жизни, когда Римъ, очнувшись опъ ударовъ сѣверныхъ варваровъ, снова поднялъ главу, снова попребовалъ властительства надъ вселенной, и народы снова повиновались его гласу. Дряхлѣющее Римское разумѣніе еще довольно имѣло образовательной силы. Римъ далъ церкви админиспрацію и Каноническое Право. Жизнь великаго народа не оспанелся безъ благодѣтельныхъ послѣдствій. Римъ завѣщалъ грядущимъ поколѣніямъ свои безсмертные законы, и еще изъ гроба законодательствуетъ, изъ гроба совѣщаетъ и правитъ совѣстію Европейскихъ прибуналовъ.

Ө. Морошкинъ,

II.

ЖЕНИ ЦВѢТОЧНИЦА.

ИЗЪ

CONTES FANTASTIQUES PAR. M. JULES JANIN.

Исторія Жени чудная и спранныя: она занималась ремесломъ, въ копоромъ, сударыни, я не умѣю дасть вамъ опчепача; впрочемъ Жени имѣла доброе сердце и прекра-

сную, свою особенную біографію, жопя самую ничпожную, — одну спраницу въ нашемъ собраніи арписистовъ. Жени была споль полезна искусству!

Называю — Жени цвѣточница, попому чпо она прибыла въ Парижъ для продажи розъ и фіалокъ блѣдныхъ, какъ она, бѣдняжка. Для сбыта цвѣтовъ въ Парижѣ есть два или три удобныхъ мѣста: вечеромъ, опера, когда разливаешь гармонію и блистаетъ газъ; когда богатыя Парижанки, убранныя въ бриліанты и кружева, опсправляющія шуда предаваешья плѣнительнымъ, воспоргамъ сладкозвучія; въ это время выгодно имѣшь запасъ розъ и фіалокъ — продажа вѣрная. Но въ то время, когда Жени явилась въ Парижѣ, она продавала свои цвѣты полько на мосту искусствъ и продавала цвѣты безцвѣтные и не душистые, (образъ слишкомъ вещеспвенный академической поэзіи) цвѣты увядшіе для упопреленія проходящихъ гризепокъ. Опъ такой шорговли Жени было нечего ожидать.

Жени изнывала въ слезахъ и бѣдспвіяхъ разнаго рода. Но это происходило не опъ того, чпобы на нее не обращала вниманія публика; напрошивъ ей многіе уди-

влялись въ помѣ кругу , гдѣ она продавала свои печальные цвѣты. Многіе спарики , испинные волокипы мѣщанспва , говорили ей пошлыя нѣжностпи , осыпали ее двусмысленностпями , но Жени ихъ не понимала : мѣщанскій распушникъ слишкомъ опврашишелень ! При всемъ помѣ бѣдная дѣвушка продавала свои цвѣты хуже и хуже со дня на день. Такъ какъ порговля шла худо , по надобно было избавипись опъ эпаго бѣдспвеннаго положенія , за какую бы по ни было цѣну.

Когда говорю я , за какую бы по ни было цѣну , я ошибаюсь : не за цѣну невинностпи , бѣдная Жени , не за эпо скоро проходящее счастье порока , улешающее пакъ скоро и замѣщающееся безславіемъ. Не бойся ничѣго , моя цвѣпочница , за свое пригожее личико ! съ пвоей красопою и молодоспію можно непорочно соспавипись счастье , можно занимапись однимъ невиннымъ ремесломъ , понимаешь ли пы меня ? Съ пвоимъ споль свѣжимъ лицомъ , съ пвоими нѣжными пальчиками , съ пвоей благородной осанкой , съ пвоимъ спройнымъ спаномъ и пвоей ножкой , придающею восхипишельную форму скуднымъ башмакамъ.

Иди ко мнѣ въ масперскую, прекрасная Жени, иди спать подалѣе! — Самое дыханіе мое не обезпокоишь тебя. Спать спать, моя милая, подъ эпимъ лучемъ солнца, копорый обливаешь тебя дѣвственней бѣлизною. Будь нѣма и спокойна, позволь окружить тебя искусствомъ и поэзіей! Сего дня ты будешь для меня божествомъ, для меня, какъ живописца! Я уже вижу смѣющіяся краски, легкіе облики, восхитительныя видѣнія путешествія моего по Италіи, летающія вокругъ твоего рубища! Спой спать, Жени, спой! — Сколько разъ ты измѣнишься подъ моей кистію, на моемъ полотнѣ, въ моей душѣ, предъ моимъ взоромъ! Прелестная дѣвушка съ милою улыбкой, молодые люди о тебѣ мечтають и пишутъ для тебя стихи.

Будь важнѣе, подними свои дугообразныя брови, удержи эту улыбку; я представляю тебя царицей и знаменитой госпожей; послѣ сего, если ты захочешь склонить голову на твою руку, если захочешь мнѣ сладостно улыбаться; если захочешь предаться поэтическому помѣненію мечтающей дѣвы, я представляю въ тебѣ болѣе, нежели дѣву; я шворю тебя любовницею Рафаеля или Рубенса. Бѣдная дѣвушка! Это

для себя гораздо болѣе, нежели бы я изобразилъ себя любовницею Короля.

Жени, неисчерпаемая Жени! При ея появленіи меня объемлешь и пѣснопѣе вдохновеніе! въ моихъ жилахъ горячка искусства, палипра въ безпорядкѣ, моя грубая палипра изъ дубоваго дерева; кисть у ногъ моихъ препенещешь, подобно охотничей собацѣ, копорую держашь на сворѣ; иди Жени; уже пора. Жени идешь, послушная какъ воображеніе, покорная и кропкая, гошная на все, на все, чпо ешь въ искусствѣ невиннаго и поэпического. Ну, Жени, спановись, я хочу видѣшь въ себя одну изъ пѣхъ красавицъ Греціи; — пакую, какую видѣлъ Апеллесъ, когда всѣ онѣ вмѣспѣ собрались для изображенія спатуи Богини. Ты такъ хороша, моя прелеспная Гречанка, моя спрогая красопа, моя Аеинянка съ восхипшпельными формами! И если я хочу перемѣнишь мою всемѣспную красопу, она измѣняешся; вопъ она Римлянка, Римлянка Имперіи, Римлянка подобная Римлянкамъ Авенила.

И такъ Жени, оспавъ пиршеспво; внимай пѣнію пирующихъ, перечпи мнѣ оду Горація къ Глицеріи, къ Неэръ, будь хороша и роскошна: проспрись на своихъ

носилкахъ , несомыхъ Гальскими невольниками ; замѣни золопомъ лѣша перспни зимы. Но прежде всего , прежде нежели предспавишь упоеніе , завпракала ли ты сегодня , Жени ?

Вы всѣ не можете предспавить себѣ , что это такое за дѣвушка , которая вмѣспѣ бодрспвуелтъ и мечпаелтъ , мечпаелтъ для васъ ; вы не можете вообразить себѣ всей опасности и шрудности этого урочнаго положенія бѣдной женщины , которая цѣлые часы оспаелся неподвижною , нѣмою , опредѣлипельною ; надобно , чпобы она соединяла спраспѣ съ спокойспвіемъ , гнѣвѣ съ спокойспвіемъ , упоеніе съ спокойспвіемъ , любовь съ спокойспвіемъ. Искуснѣйшая изъ акприсъ — это бѣдная моя дѣвушка , служащая для меня цѣлый день образцемъ ; — акприса предѣ однимъ человѣкомъ , акприса въ уединенной комнатѣ , акприса драпирующая лоскушьями , — царица , для коей фуларѣ служишъ короною , шанцовщица , коей бальное плашье соспавляелтъ черный передникъ , святая , молящаяся мученица , съ очами обращенными къ небу , поющая пѣснь Беранжера.

Бѣдная, бѣдная женщина! она испытываетъ всѣ крайности, повинуюсь малѣйшей прихоти художника: ее жгутъ, рѣжутъ, душатъ, распинаютъ, погружаютъ въ сладострастную нѣгу Воспока; она въ адѣ, на небесахъ; она все! она переходитъ всѣ привычки жизни: знапная госпожа, мѣщанка, царица, баснословное божество, чего еще хопише? И все это дѣлаетъ она безъ малѣйшаго одобренія, безъ малѣйшаго участія въ удивленіи, возбуждаемомъ образцовымъ произведеніемъ. Разсмаприваютъ картину: какъ хороша эта женщина! какой взоръ! какія руки! сколько сильныхъ вдохновеній въ этой головѣ? Художника превозносятъ до небесъ; осыпаютъ его золопомъ и почестями; для бѣдной Жени ни одного взгляда; а между тѣмъ картина есть созданіе Жени!...

Спранное вмѣспилище красоты и бѣдности, искусства и невѣжества, смѣливости и пупоумія! Безъ позора прекрасное швореніе изпоргается невиннымъ изъ рукъ и опъ взоровъ власпелина, повиновавшись слѣпо его самымъ спраннымъ прихотямъ; попому чпо искусство есть искупленіе всѣхъ дѣйствій,

возвышающихся надъ чернью; попому что искусство облагороживаетъ все; попому что искусство имѣетъ выгоду, подобно оператору, копорому предають пруть безъ раскаянiя и угрызенiя; также, попому что Жени была споль скромна, пиха, какъ и прекрасна, Жени была покорна художнику, покорна слѣпо, когда эпого пребовало искусство; но здѣсь кончалось ея призванiе. Когда художникъ содѣлывался челоувкомъ обыкновеннымъ, Жени оспавляла свою блиспапельную роль, она нисходила съ заоблачныхъ спранъ, куда поселилъ ее художникъ, чпобы вознеспись пуда съ нею, Жени содѣлывалась обыкновенною женщиною; чпобы лучше защищась, она пряпала свои бѣлыя руки, набрасывала на грудь нищенскiй платокъ свой, обувала обнаженную ногу въ изношенный чулокъ; и тогда не почпили бы царицу, но чпили бы бѣдную Жени.

Хопите ли знапь, что сдѣлалось съ Жени? она оказала искусству болѣе услугъ нежели всѣ наши Миниспры внупреннихъ дѣлъ въ продолженiи двадцапи лѣтъ. Она усѣяла наши храмы прекрасными образцами свяпыхъ, копорымъ покланялся бы и самый

Протеспанпъ , она наполнила наши будуары карпинами милыми и очаровашельными ; пѣми головками , на копорья съ пакою жадноспію смоприпъ гоповящася бѣпъ маперью ; она придала карпинамъ Испорическимъ свое прекрасное лице и прелеспныя руки.

Ея благодѣптельное вліяніе долго было оцупишительно въ масперскихъ нашихъ художниковъ : присупспвіе Жени въ масперской было уже залогомъ успѣха.

Жени пренебрегала искусствомъ посредспвеннымъ , но по призыву знаменитаго художника , она спѣшила распускатъ свои волосы , ввѣрjala милое лице свое полько генію и полько ему одному вѣрjala.

Когда одобряемый художникъ былъ бѣденъ , Жени охопно вѣрjala ему въ долгъ. Милая дѣвушка ! она одна поощрjala искусство болѣе , нежели Медицисы въ Испалии. Но увы ! искусство потеряло Жени , потеряло прекрасный образецъ — и безвозвратно.

Жени , измѣня искусству , чпобы бѣпъ вѣрною мужу , вышла за прекраснаго и богатаго дворянина , копорый преждевремен-

но зналъ ей цѣну, зналъ сколь цѣломудренна ея нагопа, сколь существенна ея предель безъ покрыва. Съ этого времени искусство оставлено самому себѣ, безъ доброты, безъ силы, безъ будущности, безъ счастья, безъ идеала.

Вы спрашиваете, что случилось съ Жени? Она сделалась пѣмъ, чѣмъ дѣлаются всѣ прелестныя и красивыя женщины: счастлива и богата, она сделалась пещеръ подобно всѣмъ добрымъ женщинамъ — любима, уважаема, привѣщиваема; знающая госпожа сохранила художническую любовь и преданность: она осталась художникомъ.

Правда, она бросила свою бѣдную одежду, свой проспой фуляръ и овою случайную шаль; теперь брилліанты украшаютъ ея шею, ткань Нашемира покрываетъ ея плечи, платье ея вышито, ея шелковые чулки еще прозрачны, но теперь ихъ издырявили роскошь и прихоть; для ея бѣлыхъ рукъ теперь есть у нее Венеціанскія перчатки, и благовонія Востока для нѣжной и мягкой кожи; теперь она имѣетъ званіе и прислугу.

Но не бойтесь, приближьтесь: знающая дама, все паже — Жени, Жени цвѣ-

почница , Жени образецъ . Если вы великій художникъ , если вы Ингресъ , Деларожъ или Вернепъ , Декампъ или Жоаннопъ , — идите смѣло , скажите ей : Жени ! мнѣ надобна женская рука — и Жени броситъ вамъ въ глаза свои Венеціанскія перчашки . Скажите ей : Жени ! мнѣ надобны бѣлыя и нѣжныя плечи , мнѣ надобна препенущая грудь : — Жени сброситъ кашемиръ и обнажитъ предъ вами грудь и плеча . Скажите ей : Жени ! я пишу Апаланпу , мнѣ надобна нога Апаланпы , и Жени , знапная госпожа , какъ прежде Жени — цвѣпочница , выкажетъ вамъ свою ногу ! Добрая дѣвушка ! проспая , опкровенная и преданная искусству ; любя красоту свою , попому чпо любитъ искусство , или упопреляя красоту для искусства , ею любимаго , она чиспосердечно радуется своей красотъ , попому чпо она хороша вездѣ : на половнѣ , на камнѣ , на мраморѣ , на мѣди , на сжепой глинѣ , на гипсѣ , всегда хороша . Пуспъ же искусство не спшуетъ о благополучіи Жени : она всегда будетъ принадлежностію искусства — она его достояніе , она все его счастье . Искусство охотно опдаетъ ее въ супруги знапному чловѣку ; но эптолько ссуда : надобно чпобы онъ всегда

быль гошовъ возвращать ея художнику, это поспановленіе таинспвенно написано въ ихъ брачномъ условіи.

II. Кр. . . . . ва.

III.

ПРЕДИСЛОВІЕ СААДИ А) КЪ КНИГЪ , ИЗВЪСТНОЙ ПОДЪ ИМЕНЕМЪ ГЮЛИСТАНА (ЦВѢТНИКА).

Во имя Бога милосердаго и благаго.

Хвала Богу всемогущему и великому !
Повиноваться законамъ его — значить со-

а) Шейхъ Муслимъ единый Саади , родившійся въ Ширазѣ въ шестомъ столѣтіи по Геджирѣ или двѣнадцатомъ по Р. Х. , принадлежить къ числу шѣхъ Персидскихъ авторовъ , которые спяжали безсмертную славу не только на Воспокъ , но и между просвѣщенными народами Европы ; сочиненія его написаны прекраснымъ Персидскимъ языкомъ , и особенно отличаются шѣмъ , что въ нихъ не такъ много иперболь , какъ въ другихъ произведеніяхъ Азіатскихъ писателей . Поучительныя испины Саади — плоды долговременной его жизни — облечены въ форму повѣстей , представляющъ много назидательныхъ уроковъ , относящихся къ разнымъ званіямъ людей . Сии повѣсти живо изображаютъ добродѣтели и пороки жителей Востока , и могутъ бытъ примѣнены къ нашему времени : человекъ всег-

единяпсья съ нимъ ; превозноситеъ его похвалами — умножапть благодѣянїя , копо-

---

да былъ человѣкомъ , хотя главныя пружины его дѣйствїй принимали различныя формы , смотря по духу времени и другимъ обстоятельствомъ . Разумѣется , судя по Европейскимъ понятїямъ , въ сихъ повѣстяхъ находится много истинъ обыкновенныхъ и спранныхъ : но въ эпомъ случаѣ всегда должно соображапсья съ духомъ времени и народа , среди котораго жилъ Саади , и смотряпть на сего авпора какъ на оригинальнаго , который не имѣлъ ни какихъ образцовъ , а слѣдовалъ собственному генїю , не такъ какъ Европейскїе писатели , наспроившіе свой умъ на ладь древнихъ . По этому одному Саади заслуживаетъ вниманїе : ибо каждому просвѣщенному липератору прїятно и полезно слѣдипть за самобытнымъ развитїемъ ума человѣческаго , особенно между такимъ народомъ , который чуждъ намъ по религїи , образу правленїя и обычаямъ : мы весьма несправедливо поступимъ , когда изберемъ мѣриломъ одну Европейскую липературу , и все проповорѣчащее ей и несогласное съ нею , будемъ считапть смѣшнымъ и нелѣпымъ . Каждая липература , какъ выраженїе извѣснаго быта народа , имѣетъ свою физиогномїю , копорою гордится , какъ своею собственностїю . Лучше видѣпть оригинальное , хотя смѣшенное съ посредственнымъ , нежели рабское подражанїе иноземному , уничтожающему національность . Такъ я мыслилъ , приступая къ переводу Гюлиспана — книги , копора я , надѣюсь , доставипть прїятное и полезное чпенїе соопечесственникамъ , весьма мало знакомымъ съ Азїяпскою липературою . Я епарался , сколько можно ближе къ подлиннику , передапть оную на Русскїй языкъ . Здѣсь предлагаю одно только предисловіе , имѣя цѣлю — показань

рыя онъ намъ ниспосылаепъ. Воздухъ, копорымъ мы дышемъ, риспространяепъ жизнь нашу и разливаепъ силу и бодрость по всему нашему существу. Каждое дыханіе наше имѣепъ сіи два благопворныя дѣйствія, за копорыя мы должны благодарипъ Творца вселенной.

Прославляя Бога успами и проспирая къ нему длани, можемъ ли мы воздапъ ему должную благодарность? Почипайпте и хвалипте Господа, о попомки Давыда! Ибо не многіе изъ васъ признапельны къ его милоспамъ. Тотъ чпипъ Бога, кпо, сознаваясь въ грѣхахъ своихъ, просипъ помилованія передъ престоломъ его: ибо, какимъ другимъ способомъ, болѣе достойнымъ, можно прославипъ его?

Дождь безчисленныхъ благодѣяній Бога оплодопворяепъ всю землю, безпредѣль-

---

методъ, по копорому всѣ почти Азіяпскіе писатели сочиняюпъ свои предисловія.

Самый же Гюлистанъ, изъ копораго у меня уже много переведено, постараюсь издапъ въ концѣ сего или въ началѣ слѣдующаго года съ разными замѣчаніями, опносящимися къ обычаямъ Персовъ и къ языку ихъ. Тогда изложу подробнѣе мнѣніе свое о достоинствѣ Гюлистана. *Перев.*

ное милосердіе его приготавливаетъ вездѣ роскошное пиршество. Онъ не раздраетъ завѣсы, скрывающей нечестивыя дѣла смертныхъ, и не лишаетъ ихъ пропитанія, не смотря на то, что они безпрестанно впадаютъ въ пресупленія.

О милосердый Боже! Твоими скрытыми и неизчерпаемыми сокровищами пользующаяся даже чшипели огня и идоловъ. Какимъ образомъ ты лишишь милоспей друзей своихъ, когда ты сохраняешь и защищаешь непріятелей?

Ты повелѣлъ, чпобы зефиры расплали по землѣ изумрудовые ковры, весенія облака, подобно кормилицѣ, питали бы распенія — дѣтей своихъ, въ лонѣ земли, какъ ихъ колыбели; ты повелѣлъ, чпобы деревья облекались въ величественную одежду зелени и украшались бы цвѣтами въпви ихъ, подобно дѣтямъ убирающимъ вѣнками головы свои во время приближенія весны; ты повелѣлъ, чпобы сокъ проспника изливаль обильный сахаръ, и зерно пальмы производило бы величественное и гордое дерево.

Облака, вѣсперь, луна, солнце и сводъ небесный, все дѣйствуетъ для того, чпобы ты, человекъ, собираль хлѣбъ и вкушалъ

бы его съ благодарноспію. Все приходипть въ движеніе для тебѣ и исполняешь велѣнія Бога. Будетъ ли справедливо, если ты одинъ содѣлаешься непокорнымъ симъ велѣніямъ?

Такъ гласипть преданіе, сообщенное Мухаммедомъ Муспаѳою (да будетъ миръ надъ нимъ!), которъ еспть ушѣшеніе и слава всего существующаго, милосердіе смертныхъ, совершенство рода человеческого и идеаль вѣковъ.

Онъ еспть чшимый нами посредникъ, чудесный пророкъ, раздаватель милоспей Бога, сильный, великій и славный.

Какая печаль постигнетъ народъ нашъ, когда мы имѣемъ шакого покровителя? Можно ли бояться волнъ морскихъ, когда Ной правипть кораблемъ?

Посредствомъ совершенства онъ постигъ самыя высшія шайны, и блескомъ своимъ разсѣялъ густой мракъ невѣжества. Онъ украшенъ всѣми превосходными качествами. Прославляйте пророка и семейство его.

Грѣшникъ, при несчастныхъ обстоятельствахъ обращается къ пресполу всемогущаго и великаго Бога, въ надеждѣ, что Онъ выслушаетъ его молитву; но Творецъ не

внемлеть ей. Онъ снова прибѣгаетъ и снова бываетъ опвергнута его молитва, Когда же въ прерпій разъ съ плачемъ и спенаніемъ возносися къ небу; тогда милосердый Богъ восклицаетъ : о Ангелы ! Я спыжусь сего раба ; но онъ не имѣеть другаго Бога , кромѣ меня : и такъ я принялъ его молитвы , проспилъ его грѣхи и оказалъ ему вспомошествованіе ; ибо я спыжусь опвергнулъ спонъ и вопли сего смершнаго.

Смотри , какое милосердіе и благоспъ Господа ! человекъ грѣшипъ , а онъ за него спыдился.

Люди благочеспивые , находясь безпреспанно въ блиспапельномъ храмѣ Мекки , сознаюпся въ недоспапкъ служенія своего и говоряпъ : о Боже ! мы не чспимъ себя съ такимъ пламеннымъ усердіемъ , какого спы достоинъ ! Тѣ , которые желаюпъ изобразипъ величеспвенную красопу его , пораженныя изумленіемъ восклицаюпъ : мы не знаемъ себя , какъ должно знапъ !

Если бы кто-нибудь попросилъ меня описать Бога , по я , глупый , какъ могу изобразипъ Сущеспво неизобразимое ? Пламенные любипеди содѣлываюпся жерспвами

своихъ любимыхъ предметовъ , а паковыя жерпвы не въ силахъ издашь гѳлоса.

Одинъ умный человекъ , разсмапривая совершенства Бога , склонилъ голову и погрузился въ море шаинспвенныхъ размышлений. Когда онъ вышелъ изъ эшаго соспоянїя , по другой весьма благосклонно спросилъ у него : „сколько чудесныхъ плодовъ пы собралъ для насъ въ помъ саду созерцанїй , гдѣ пы находился?“ — Вошедши въ садъ , опвѣчалъ первый , я хопѣлъ цѣлую полу розъ нарвашь для друзей моихъ ; но когда благовонный запахъ ихъ доспигъ до меня , по прїяпностїю своею пакъ очаровалъ мои чувспва , чпо чола невольно выпала изъ рукъ моихъ.

О соловей ! научись испинной любви у мопылька : онъ стараешъ , прельспясь блескомъ свѣпа и не издаешъ жалобнаго вопля. Тѣ не знаютъ Бога , копорые щцеславяпся , чпо поспигли его ; кпо испинно позналъ Бога , шопѣ не въ силахъ обнаружитъ своихъ познанїй. О Боже ! Ты выше нашего воображенїя , мыслей , всѣхъ поняпїй и всего шого , чпо мы слышали и чипали. Созерцанїя наши прекращающся , жизнь приходипъ къ концу , а мы оспаемся на первоначальной спупени познанїя шбя.

Похвала Государю Мусульманъ (да содѣлаеть Богъ вѣчнымъ царство его!)

Если превосходная молва о Саади гремитъ въ ушахъ народа и звуки спройной рѣчи его раздаются по всему пространству вселенной, если всѣ наслаждаются чтеніемъ пріятныхъ его повѣстей, какъ сахаромъ, и листы сочиненій его хватаютъ съ такою же жадностію, какъ паленны, написанные золотыми перьями, — то нельзя опнести такой славы къ совершенству дарованія его и силѣ краснорѣчія: онъ всѣмъ эпитъ обязанъ владыкѣ міра, полюсу печенія времени, намѣстнику Соломона, защитнику правовѣрныхъ, великому кровопелю, пѣни Бога на землѣ, Апа-Бека Музафферу - Едину Абу - бекеру, сыну Саада, сыну Зенги. О Творецъ небесный! Будь милосивъ къ нему и ниспосли на него блага свои: ибо онъ на меня, Саади, излилъ величайшія благоволенія, похваливъ сочиненія и изъявивъ мнѣ истинную признательность. Слѣдуя его примѣру, вельможи и проспой народъ начали почипать и любить меня: ибо народы дѣйствуютъ по образцу своихъ Государей.

Съ того времени, какъ пы на меня бѣднаго ослабилъ свой взоръ, памятники

славы моей заблнспали свѣплѣ солнца. Хопя бы въ самомъ дѣлѣ во мнѣ, невольникѣ, были всѣ пороки ; но всякой пороку , копорой нравнтся Государю , еспь уже добродѣшель. Однажды въ купальнѣ , благовонный кусокъ земли доспался мнѣ изъ рукъ любимца Государя; я спросилъ у него : „мускусъ пы или амбра ? ибо опъ прнпнаго запаха пвого чувспва мои сдѣлались упоенными.“ — Я , опвѣчалъ кусокъ , сначала былъ дурною землею ; но , подружнвшнсь съ розою , усвоилъ себѣ прнпнныя ея качеспва.

Я Саади , не былъ ли сначала подобнымъ сему куску земли ? Великнй Боже ! осчасплнвъ Мусульманъ : продли жизнь ихъ Государя и излеи на него обнльныя милоспн свои и благодѣяння . Вознеси на спепень велнчня друзей его и вельможъ . Испреби враговъ его и непрнпшелей , внемли спхамъ , копорые чнпаются въ Куранѣ : *о Боже ! сохрани страну его и потомковъ его !* Мнрь облагодѣшельспвованъ Государемъ нашимъ ; да продлнтся могущеспво и счаспне его ! Да даспъ Богъ въ руки его знамя помощи , и да созрѣсптъ опъ него такая же опрасль , каковъ самъ ко-

рень: ибо хорошія семена производяпть прекрасныя распенія.

О Боже всемогущій и благій! Огради благословенные предѣлы Ширази важностію судей правосудныхъ и великодушіемъ людей мудрыхъ; сохрани государство сіе до конца міра въ пишинѣ и спокойствіи!

Я провель нѣсколько времени въ чужихъ земляхъ, избѣгая жестокости Турковъ: ибо погда весь міръ былъ возмущень и находился въ безпорядкѣ, подобно волосамъ Еѳіопа. Всѣ люди были подобны кровожаднымъ волкамъ. Внутри города находились жипели кропкіе нравами, какъ ангелы; внѣ онаго Турецкое войско, подобное свирѣпымъ лвамъ. Когда я возвратился въ свое отечество, то нашель его спокойнымъ: не было людей, похожихъ на пигровъ. Споль ужасное и бѣдспвенное было состояніе Персіи, когда я ее оставиль. Но во время Государя правосуднаго Ашабека Абубекера Саади, сына Зенга, воспослѣдовала счастливая перемѣна. Никакое несчастіе опть ударовъ рока не постигнетъ Персіи до шѣхъ поръ, пока ты, государь, подобно шѣни Бога, будешь проспирать власпъ свою надъ главою ея. Во всемъ проспранствѣ вселенной, нигдѣ нѣтъ шакого

спокойствія и благоденствія , какъ при порогахъ дверей пвоихъ. Твой долгъ покровительствоваль несчастнымъ , на насъ лежишь обязанность — прославляль тебя , а Богъ будеть награждаль тебя. О пворецъ небесный ! Сохрани Персію отъ бурь возмущеній , до пѣхъ поръ , пока міръ будеть сущеспвоваль !

О причинѣ сочиненія Гюлистана

Въ одну ночь , разсмапривая прошедшее время и жизнь , мною проведенную , я весьма опечалился ; камень грусти , лежавшій на моемъ сердцѣ , я просверлилъ алмазомъ слезъ , и сказалъ слѣдующіе стихи , согласные съ моимъ состояніемъ : „Всякая минуша жизни уходитъ невозвратно. Какъ мало оспаешся жившь , когда посмотришь на время. О пы , копорый въ безопасности провелъ 50 лѣтъ ! Ужели не хочешь воспользоваться оспапкомъ своей жизни. Да будеть пому спыдно , кпо много прожилъ , не совершивъ никакого дѣла ! Барабанъ въ походѣ пробили , а онъ не гоповиль еще дорожной копомки. Сладкій сонъ во время упра мѣшаепъ спраннику продолжаль пупъ. Родился человекъ , спроишь новое зданіе и умираепъ ; другой принимаепся за его работу , но также не окончивъ зданія , под-

вергаеяся той же участи; и пакъ оно оспаетя не доспроеннымъ. Не считай поспояннымъ другомъ здѣшній міръ: эпопъ обманщикъ не доспоинъ спвоей дружбы. Добрые и злые равно должны умереть. Счастливъ попъ, который заслужилъ добрую славу: онъ уноситъ съ собою въ могилу хорошій запасъ для будущей жизни. Самъ заботься о будущемъ, когда никпо послѣ смерти спвоей не можеть помочь тебѣ. Жизнь наша какъ снѣгъ таетъ, а знойнаго мѣсяца Іюля не много оспалось, но ты все безпечень въ опношеніи къ Богу. О ты, который съ пуспыми руками пошелъ на базаръ, я боюсь, что ты возвратицца безъ чалмы. Кпо съѣлъ хлѣбъ свой, не давши созрѣть ему, попъ во время жапвы долженъ сбирать колосья. Выслушай со вниманіемъ совѣтъ Саади; онъ соспоинъ въ помя: содѣлайся испинно челоукомъ и спупай въ будущій міръ.“ Послѣ такихъ размышленій о своей жизни, я счелъ самымъ лучшимъ дѣломъ, чтообы избрать уединенное жилище, удалился отъ общеспва людей, загладишь симъ прежнее пуспословіе, и не говориль впередъ ничего нелѣпаго.

Сидящій въ углу уединенія глухимъ и нѣмымъ , какъ бы съ опрѣзаннымъ языкомъ , лучше того , которъй болпаептъ пуспое.

Такимъ образомъ я спалъ веспи жизнь уединенную ; но одинъ изъ друзей моихъ , бывшій поваричемъ и собесѣдникомъ моимъ во время пупешеспвiя на поклоненiе въ Мекку , пришелъ ко мнѣ , и , по спарому обыкновенiю , началъ шупишь со мною и говорипъ мнѣ оспрыя и прiяшныя слова ; я ничего не ошвѣчалъ ему и не поднiялъ головы , склоненной къ колѣнамъ для совершенiя молипывы. Онъ , обидѣвшисъ такимъ невниманiемъ , посмопрѣлъ на меня и сказалъ :

Теперь , пока еспъ возможность говорипъ — говори , другъ мой , ласково и прiяпно. Завпра , когда посланники смерпи явяпса предъ шобою , по неволѣ не спанешъ говорипъ.

Одинъ изъ прiятелей моихъ , продолжалъ онъ , извѣспилъ меня , что пы рѣшилса оспатпокъ жизни своей провеспи въ уединенiи , благочеспiи и молчанiи. Если пы можешъ , сказалъ онъ , по послѣдуи его примѣру и избери также жизнь уединенную. Услышавъ сiе , я поклялся всемогуцимъ Богомъ и спарою нашею дружбою ,

что до пѣхъ поръ не выду опъ себя, пока ты не спанешь говоришь по дружески, какъ прежде водилось: ибо оскорбляшь друзей естъ невѣжесиво, нарушаешь кляпву — въпренность. Двѣ вещи проповивны людямъ здоровыслящимъ и умнымъ: Алію держаешь мечъ въ ножнахъ, а Саади прилъпипъ языкъ къ нѣбу.

Языкъ безъ разговора, что значипъ, умный человекъ! Онъ естъ ключъ къ сокровищамъ у людей краснорѣчивыхъ. Когда двери лавки заперты, то кто знаетъ, продаются ли въ ней драгоценныя перлы или проспой камень?

Хотя молчаешь передъ умными естъ учпивоспъ, однако въ случаѣ нужды лучше говоришь.

Двѣ вещи приводяшь въ запрудненіе умнаго: умѣшь молчаешь, когда говоряшь, и говоришь, когда молчаешь.

Послѣ шаковыхъ увѣщаній поварища моего, я не могъ болѣе удержаться, что бы не говоришь съ нимъ, и не имѣлъ силы опвергнушь его просьбы: ибо онъ былъ испинный и любезный мой другъ.

Когда сильный бываетъ въ спорѣ съ какимъ нибудь человекомъ, то или про-

сипъ у него пощады или обращается въ бѣгство.

Однимъ словомъ я началъ говорить съ нимъ. Попомъ мы пошли гулять, чпобы насладиться пріятностію весны: ибо погда суровость зимы прошла и наступили времена владычества розъ.

Деревья облеклись въ зеленую одежду, подобную плащамъ, въ копорыя наряжаются богашые во время праздниковъ. Это было въ первые дни пріятнаго мѣсяца Апрелья, когда соловей пѣлъ на вѣтвяхъ деревъ; роса блиспала на розахъ, подобно перламъ или выступившему попу на щекахъ пламенныхъ красавиць въ жару ихъ спрасшей.

Въ это же время случилось мнѣ ночевать въ саду съ однимъ изъ друзей моихъ. Восхищительное мѣспоположеніе и деревья, увлекающія сердца, пакъ были прекрасны, чпо всякой подумалъ бы, чпо долины сего сада убраны были разноцвѣпными каменьями, и деревья украшены не плодами, а созвѣздіемъ плеядъ.

Въ саду шекли испочники, спруясь живопворными водами; на деревьяхъ раздавалось согласное пѣніе пшиць, подобно звукамъ гармонической музыки; различные цвѣ-

пы иенещряли всѣ излучины сада, а плоды украшали деревья, подѣ шѣнію коихъ весенній въперокъ распилалъ разноцвѣтные ковры,

Упромѣ, когда я выходилъ изъ сада, увидѣлъ, что другъ мой нарвалъ цѣлую полу розъ, васильковъ, гіацинтовъ и другихъ цвѣшовъ; онъ несъ ихъ въ городъ. — „Эти розы, сказалъ я ему, какъ ты знаешь, не долго цвѣшутъ и жизнь розовыхъ долинъ скоро исчезаетъ; мудрецы не совѣшуютъ прилѣпляться къ шѣмъ вещамъ, копорыя не прочны и не постоянны.“ — Что же съ сими цвѣшами дѣлаешь? Спросилъ онъ у меня — „Я могу написать книгу, опвѣчалъ я, подѣ названіемъ Цвѣшникъ (Гюлишпанъ), копорая досшавитъ удовольствіе чипашелямъ и займетъ ученыхъ. Осенній въперъ не разнесетъ лисшовъ изъ моего цвѣшника и перемѣны времянь юную весеннюю жизнь его не превращаетъ въ обнаженную осень.“

На что шевѣ эти пышныя розы? Сорви лучше изъ цвѣшника моего одинъ лиспокъ; цвѣшь розъ швоихъ не болѣе пяти или шести дней продолжается, а мои всегда цвѣшутъ и бываютъ прекрасны,

Едва я кончилъ сіи слова, какъ другъ мой пересыпалъ розы изъ своей полы въ мою и сказалъ: честный чпо общаетъ, по исполнишь. Послѣ сего чрезъ нѣсколько дней я написалъ двѣ главы: одна *о пріятномъ обращеніи*, а другая *объ учитивомъ и скромномъ разговорѣ*. Я облекъ ихъ въ изящную одежду, конюрою украшающъ свои сочиненія знаменитые и славные писатели. Однимъ словомъ, Цвѣшникъ мой былъ конченъ, хопя и оспались еще розы; но онъ тогда будетъ совершенно оконченъ, когда понравится Государю Саади, сыну Апабеку, конюрый естъ убѣжище міра, пѣнь Творца, блескъ божественнаго покровительсва, безцѣнный даръ времени, пристанище вѣры, утвержденной небомъ, опора блистательнаго величія, свѣпило знаменитаго народа, украшеніе разныхъ племень, слава Ислама, — самый знаменитый Царь Царей, великій Государь, начальникъ правителей Арабовъ и Персовъ, владыка земли и моря, наследникъ Царя Соломона, Музафферъ - Эддишъ. Да продлишь всемогущій Богъ счастье его и да увѣнчаешь успехами всѣ его предпріятія! Опъ благоклоннаго возрѣнія сего государя на мою книгу будетъ зависѣть окончаніе ея.

Когда государь обратишь вниманіе на мою книгу; по она содѣлается споль же прекрасною, какъ карпины Кипайскихъ домовъ и живопись книги Ерзенчи а). — Я надѣюсь, что не сморщится лице его отъ скуки; ибо цвѣтникъ не есть мѣсто непріятное, особенно когда планъ предисловія его украшена величественнымъ именемъ Саади, сына Зенги.

Похвала великому Эмиру Абу - Бекеру, сыну Абу Наэру.

Какъ невѣста, неуверенная въ своей красотѣ, сидитъ съ популленными глазами и среди прекрасныхъ подругъ своихъ не имѣетъ шакой прелести, какою она заблещитъ въ глазахъ супруга своего, когда сей послѣ свободы сниметъ съ нее покрывало и удостоитъ ее улыбкою б); такъ и книга моя тогда сполько содѣлается прекрасною, когда она благосклонно будетъ принята великимъ Эмиромъ, ученымъ и правосуднымъ Абу - Бекеромъ, сыномъ Абу-

---

а) Ученый Кипаецъ, книга коего заключаетъ въ себѣ разныя спашы о философіи, магии, религии и проч. и проч.

б) На Воспокъ мужчина не видитъ лица своей будущей жены до самаго окончанія свадьбы: мучительная неизвѣстность!

Наэръ, копорый еспь сильный побѣдипель
непріапелей, опора царскаго преспола, му-
дрый совѣпникъ въ дѣлахъ государспвен-
ныхъ, пещера для бѣдныхъ, приспанище
спранниковъ, благодѣшель ученыхъ, по-
кровипель благочеспивыхъ, слава Персовъ,
сила государспва, чеспь вельможъ, блеспкъ
власпи, поборникъ Ислама и правовѣрныхъ,
пшвердая подпора Государей и Сулпановъ.
Да продлипть Богъ жизнь сего Эмира, уве-
личипть могущеспво его, просвѣпипть ему
сердце и да удвоипть ему благодѣянія свои:
ибо онъ еспь самый dospохвальный изъ
всѣхъ вельможъ міра и вмѣщаеспь въ себѣ
всѣ великодушныя качеспва.

Кпо находипся подѣ пѣнію его мило-
спей, порокъ шого считаеспся добродѣпелю
и непріапель дѣлаеспся шому другомъ.

Всѣ миниспры и приближенныя къ Го-
сударю имѣюпть опредѣленныя должноспи, а
если они позволяюпть себѣ оплошноспь или
нерадѣніе въ опшравленіи оныхъ, шо по-
лучаюпть выговоры и непріапноспи. Но
Дервиши не принадлежатъ къ сему числу:
они благодарятъ шолько вельможъ за ихъ
милоспи, прославляюпть прекрасныя ихъ
качеспва и просятъ Бога о низпосланіи
имъ благъ. Сіи обязанноспи въ опшеспствіи

вельможѣ лучше исполнять, нежели въ присупсивіи ихъ: въ первомъ случаѣ не нужно прибѣгати къ искусству льстить, а во второмъ упопреляющъ хилрость и припворство, а шаковая молитва пропшна Богу.

Согнутый сводъ небесный сдѣлался прямымъ оми радости, когда судьба, машъ время, произвела шебя на свѣтъ. Особенный даръ неба, что Творецъ вселенной, по милости своей, назначилъ шебя министромъ для блага народа. Тотъ спяжалъ вѣчную славу, кшо оставилъ по себѣ доброе имя: ибо по смерти его доброе имя остиаается безмерпнымъ. Хвалишь шебя или не хвалишь — все равно: лице красавицы не имѣетъ нужды въ украшеніяхъ.

ОПРАВДАНИЕ И ПРИЧИНА ПРЕДПОЧТЕНІЯ УЕДИНЕННОЙ ЖИЗНИ ПРИДВОРНОЙ СЛУЖБѢ.

Я избралъ уединенную жизнь и удаляюсь оми службы при дворѣ Государа. Оправдываю себя въ этомъ случаѣ пѣмъ, что многіе мудрецы Индіи, разсуждая о превосходномъ умѣ Бузурджумгура, сказали: онъ одинъ шолько имѣетъ недоспапокъ, что немедленно говоришь и долго заспавляешь дожидаться своихъ доказательствъ. Бузурджум-

гурь, услышавъ о себѣ такое мнѣніе, сказалъ: прежде должно подумашъ о томъ, что я намѣренъ говорить, дабы послѣ не раскаявашься, для чего я такъ сказалъ.

Опытные и свѣдущіе спарики прежде подумаютъ, а попомъ скажутъ. Не произноси безъ размышленія ни одного слова; говори хорошо, хопя и медленно, какая нужда? Прежде размысли о предметѣ, а попомъ уже говори объ немъ свое мнѣніе. Умѣй кончить рѣчь свою прежде, нежели скажутъ тебѣ: довольно. Человѣкъ даромъ слова превосходитъ живописныхъ, но сіи превосходящъ его, когда онъ говоритъ что либо недѣльное и глупое.

Въ присущствіи вельможъ Государя (да возвеличитъ его Богъ!), окруженнаго людьми умными и сославляющаго ценпръ мудрецовъ глубокомысленныхъ, если бы я сказалъ какое либо слово дерзкое или глупое, по мнѣ было бы стыдно. Всѣ мало-важныя и недѣльныя слова въ присущствіи Государя ничего не значатъ, почно такъ, какъ проспой камень между драгоценными перлами не имѣетъ даже цѣнности ячменнаго зерна, или какъ лампада передъ солнцемъ не обнаруживаетъ блеска, или какъ высокой минареть при подошвѣ Ливана бываетъ почти невидимъ.

Ипо опъ честолубія и щеславія голуу вверхъ поднимаетъ , того непріятель со всѣхъ споронъ преслѣдуетъ. Саади, какъ упавшій , свободенъ опъ нападеній : ибо никпо не захочетъ веспи войну съ лежачимъ. Я сперва обдумалъ , а попомъ началъ сочиняпъ : основаніе предшеспвуепъ словамъ. Я собралъ цвѣпы, но не въ саду ; я красавецъ , но не въ Ханаанъ (*).

У мудреца Локмана спросили : опъ ко-го пы научился мудрости ? — Опъ слѣпыхъ , опвѣчалъ онъ : попому чпо они до птѣхъ поръ не спущапъ , пока не ощупаюпъ мѣспа. Подумай о выходѣ прежде входа.

Хопя пѣпухъ храбръ въ боѣ , однако не въ силахъ побѣдитъ яспреба съ оспрыми когпями. Кошка , какъ левъ , хвапаетъ мышъ , но мышъ входипъ въ споръ съ леопардомъ..

Полагаясь на великодушныя качества вельможъ , копорые обыкновенно прикрываюпъ пороки своихъ подданныхъ и не обращаюпъ вниманія на малые ихъ недоспапки , — я написалъ крапкія повѣспи , заключающія въ себѣ занимательныя произшесствія , историческія событія , разные рассказы въ прозѣ и стихахъ о древнихъ

(*) Ханаанъ почитается на Воспокъ землю красавиць.

государяхъ и помѣспилъ все эпо въ Гюли-спань , на сочиненіе коего я употребилъ лучшую часпъ моей жизни. Вопъ причина сочиненія Цвѣшника.²

Сія книга будетъ сущеспивоватъ нѣ-сколькo спольспій послѣ шого какъ мы пре-врашимся въ прахъ. Желаніе мое было увѣ-ковѣчипъ имя свое , оспавивъ по себѣ па-мятникъ: ибо мнѣ не много оспалось живпъ на свѣпѣ. Да почпешъ памяпъ мою умный человекъ , способный принимапъ участіе въ дѣлахъ бѣдныхъ и сопровождапъ ихъ благо-словеніями !

Я употребилъ всевозможное спараніе , чпобы , какъ можно лучше , расположивъ цвѣшникъ свой и сдѣлапъ къ нему входы : я поспроилъ восемь воропъ , ведущихъ въ мой прекрасный и благоухающій садъ , по-добный раю , имѣющему пакже восемь во-ропъ. Цѣль моя была па , чпобы доспа-випъ удовольспвіе чипапелямъ.

Я сочинилъ сію книгу во время спо-койной жизни , въ 656 году опъ Геджиры.

Намѣреніе мое — сказапъ людямъ полез-ные совѣпы , и я сказалъ ; поручивъ книгу свою всемогущему Богу , я кончилъ ее.

Съ Персидск. Н. Коноплевъ.

IV.

ИСПЫТАНІЕ КИПАЩЕЮ ВОДОЮ.

(въ 700 году).

Самая варварская и самая ужасная изъ всѣхъ нелѣпостей, коими были ознаменованы Средніе вѣка, безъ сомнѣнія, естъ ша, копорая могла доводить до погибели людей невинныхъ, какъ будпо бы виновныхъ, и лишашь ихъ болѣе, нежели жизни; ибо ихъ памяшь оспавалась запяпнанною въ глазахъ попомспва. Однакожь, шаковымъ часпо долженспвовало бышь слѣдспвіе гибельнаго упопробленія эпихъ судебныхъ испыпаній, освященныхъ, въ древнія времена, названіемъ *Божьяго суда*. Изобрѣпенныя варварспвомъ, приняпыя невѣжеспвомъ, поддерживаемыя изувѣрспвомъ, онѣ, въ продолженіи многихъ вѣковъ, оскверняли собою юридическія лѣпописи Галловъ. Когда грубый и фанатическій Кельпъ хотѣль удосповѣрисья въ вѣрности своей супруги, то клалъ на щипъ свое дия, черезъ нѣскольпо дней послѣ его рожденія, и шакимъ образомъ предавалъ его на волю волнъ въ полной увѣренности, чпо Шельда или Рейнъ поглопили бы плодъ незаконной любви и непременно возврапили бы закон-

ное дѣля нѣжности цѣломудренной матери, которая съ поскою ожидала его въ нѣкопоромъ разспояніи на рѣкѣ. Таковъ былъ самый древнѣйшій *Божій судъ* въ Сѣверныхъ спранахъ. Салическій законъ, введенный Франками, допускалъ и другіе, между которыми стоишь въ первомъ ряду испытаніе *кипящею водою*, копорымъ преимущественно мы должны здѣсь заняться (а).

(а) Самый употребительнѣйшій судебный испытаніе были семи родовъ: 1 е *Дуелью*, 2 е *Крестомъ*, копорое состояло въ томъ, что обоихъ пропивниковъ заспавлили, стоя на ногахъ, держать руки въ просперпомъ положеніи передъ крестомъ, и упавшій прежде перялъ свой процессъ. 3 е *холодною водою*, въ копорую повергали обвиненнаго, совершенно связаннымъ; онъ былъ объявляемъ невиннымъ, если уходилъ на дно, и виновнымъ, когда всплывалъ на верхъ. Аббать де Флери (de Fleury) говоритъ, что это былъ вѣрный способъ находить всѣхъ невинными, а Вольперъ думаетъ, что это было истинное средство погублять, какъ виновныхъ, всѣхъ тѣхъ, копорыхъ легкія заключали въ себя столько воздуха, сколько было нужно онаго для того, что бы сдѣлать ихъ тѣло легче количества той воды, въ копорую ихъ погружали. 4 е *горячею водою*. 5 е *огнемъ*; это испытаніе дѣлалось различнымъ образомъ: то должно было держать въ рукѣ раскаленное желѣзо, то проходить по горячей желѣзной полосѣ; иногдаже надобно было надѣвать на руки желѣзные перчатки, вынутыя изъ горячей печи. Опъ этого то испытанія произошла пословица: *я готовъ положить руку въ*

Это испытаніе производилось просто: обвиненнаго заспавляли опускашь руку въ большой копель, наполненный кипящею водою, чпо бы доспавшь кольцо, гвоздь или камень, копорый шуда клали. Всъ эпи вещи долженспвовали предварипельно бышь освящены. Были причины, для коихъ погружали руку до кисти; самый важнѣйшій грѣхъ заспавляль ее опускашь до локтя; а въ Формулахъ de saint Dunstan даже сказано, чпо иногда руки погружались въ воду на цѣлый аршинъ (*de la longueur*

огонь. 6 е *Клятвою*. 7 е *Причастіемъ*; подвергавшійся сему послѣдному испытанію, принимая дары, былъ обязанъ сказашь громкимъ голосомъ: *да будетъ мнѣ тѣло Господа моего испытаніемъ*. Эта формула послужила также началомъ поговоркъ, употребляемой въ народѣ: *да будетъ мнѣ это ядомъ*. Были и другіе роды судебныхъ испытаній, которые употреблялись очень рѣдко, каковы: испытаніе ячменнымъ хлѣбомъ, горькими плодами, освященнымъ сыромъ и проч. Всъ эпи обычаи — продолженіе невѣжеспвенной жеспокости и фанатическаго изувѣрспва — почти совершенно уничтожены, по крайней мѣрѣ въ святыхъ мѣстахъ (*dans les lieux saints*), предписаніемъ четвертаго Лапранскаго собора, бывшаго въ 1215 году. Но можно сказашь, чпо *обыкновенные и чрезвычайные вопросы*, въ копорыхъ наши прибуналы подвергали испытаніямъ, были варварспвомъ и сумасбродспвомъ, почти спольже великимъ, какъ судебныя формулы, въ коихъ упрекають Среднія Вѣка

d'une aune). Когда преступникъ вынималъ изъ кошла руку , тогда , въ присутствіи священниковъ и народа , судья завязывалъ ее въ сумку , къ которой прикладывалъ свою печать , и ежели , по прошествіи шрехъ дней , на испытываемомъ членѣ не оказывалось никакого знака обжоги , по обвиненнаго провозглашали невиннымъ .

Привиллегіи всегда соединялись съ невыгодами : люди нисшаго класса , въ случаѣ испытанія , должны были подвергаться оному сами , дворяне же могли производить его черезъ другихъ ; и , не смотря на свою увѣренность въ Божіемъ правосудіи и собственнѣйшей невинности , они всегда избѣгали онаго : ничто не ускользаетъ отъ изобрѣтательности . Тогда были паціенты по званію , которые жглись за богатыхъ , также какъ въ древности находились плакальщицы по найму , которыя , за извѣстную плату , брали на себя обязанность оплакивать родственниковъ знапныхъ людей .

Такъ какъ испытаніе кипящею водою было слишкомъ жестоко , то законъ смягчилъ суровость онаго . Онъ позволилъ обвиненному *выкупать свою руку* съ согласія его обвинителя . Обвинитель , получивъ извѣстную сумму , назначенную

закономъ, могъ удовольствоваться присягою нѣсколькихъ свидѣтелей, копорые объявляли, что обвиняемый не учинялъ пресупленія. Это средство было употреблено для того, что бы объ паршии, одна опъ страха, возбуждаемаго ужаснымъ испытаніемъ, а другая въ надеждѣ полученія вѣрнаго и наспоющаго удовлетворенія, прежде суда оканчивали свои ссоры и взаимную ненависть.

Это испытаніе кипящею водою было особенно назначаемо при обвиненіи въ нарушеніи цѣломудрія. Около 860 года Королева Типберга, невѣстка Имперапора Лопаря, Карломанова внука, обвиненная въ любовной инпригѣ съ своимъ брапомъ, бывшимъ монахомъ и под-діакономъ (sous-diaque), наименовала сподвижника, копорый подвергся за нее испытанію кипящею водою въ присуствіи многочисленнаго двора. Онъ вынулъ благословленное кольцо, не претерпѣвши никакой обжоги, и королева снова начала пользоваться почестями, свойственными царскому сану, и впустила въ права своего супружества. Спустя шестнадцать лѣтъ послѣ сего, когда умеръ *Людвикъ Германскій*, оставивши Германію Людвику, своему второму сыну, то Карль Лысый, думавшій, что его брапъ

не могъ располагать Германією, хопѣль захватишь ее себѣ. Людовикъ пыпался преклонить и убѣдишь своего дядю; не успѣвши въ эпомъ, онъ доказаль свое наслѣдственное право пройнымъ *Божіимъ судомъ*. Десять человекъ подверглись испытанію холодною водою, десять другихъ кипящею водою и десять разкаленнымъ желѣзомъ: всѣ они выдержали ихъ съ равнымъ успѣхомъ.

Эти два факта, взятые изъ тысячи, ясно доказываютъ, что пайны, нынѣ вообще упопреляемыя фиглярами, копорые показываются народу въ пылающихъ печахъ или съ разкаленнымъ желѣзомъ въ рукахъ а), были уже и тогда из-

---

а) Г-жа де Севинье приводитъ въ своихъ письмахъ одинъ очень примѣчательный фактъ въ семь родъ: „Сюда пришелъ вчера мальчикъ изъ Випре. Я потчасъ узнала въ немъ бывшаго лакея Г. Гулянкъ. „Онъ показаль мнѣ бумагу, въ копорой изложено „было все, что онъ могъ дѣлать посредствомъ огня: „онъ владѣеть секретомъ того человека, о коемъ „вы слышали въ Парижѣ. Изъ тысячи вещей, копорыя всѣ равно чудесны, и копорыя я не понимаю какъ допускають, по причинѣ ихъ послѣдствій, я оспановилась только на одной маленькой, копорая очень скоро дѣлается: это искусство, съ коимъ онъ бралъ въ ротъ десять или „дѣнадцать капель сургуча, совершенно распла-

вѣспны , и чѣмъ болѣе дѣлались необходи-
мыми, тѣмъ въ большую приходили извѣсп-
ность. Таково , по крайней мѣрѣ , мнѣніе
Вольпера ; Монпескье думалъ иначе : „кто
„не видипь , говорипь онъ , что грубая и
„мозолистая кожа рукъ такого народа , ко-
„порый безпрестанно занимался оружіемъ ,
„не должна получать опъ горячаго желѣза
„или кипящей воды такого сильнаго впе-
„чашленія , которое бы могло сохранишься
„черезъ при дня послѣ испытанія ? Чпо
„же касается до женщинъ , то онъ под-
„вергались испытаніямъ только за неимѣ-
„ніемъ сподвижниковъ ; руки женщинъ ра-
„бочихъ могли сопропивляться горячему
„желѣзу ; дамы же никогда не имѣли недс-
„спашка въ рыцаряхъ , которые бы взялись

„наго , съ такимъ же спокойствіемъ , какъ будто
„бы это была вода , и безъ малѣйшей гримасы на
„лицѣ ; а его языкъ послѣ этой операціи оспался
„въ такомъ же положеніи , въ какомъ находился и
„прежде оной. Я очень много слышала объ немъ ,
„но видѣшь это такъ близко и у себя въ ком-
„натѣ — это привело меня въ большое удивле-
„ніе. . . Понимаепели вы , что есть родъ мази ,
„кою можно наперешься и съ увѣренностію лишь
„себѣ въ рошъ сургучъ , глотать кипящее масло и
„ходипь по раскаленнымъ полосамъ желѣза ? Чпо
„же послѣ сего всѣ наши чудеса ?..“ (Lettres ,
„t. 5 e).

„защищать ихъ ; а въ націи , въ которой
„не знали роскоши , вовсе и не было сред-
„няго сословія.

Къ мнѣніямъ эпитъ двухъ знаменитыхъ
людей мы рѣшаемся присоединить преліе,
которое кажется и проще и справедливѣе :
дѣло въ томъ, что всякій разъ, когда поль-
ко осужденные выходили побѣдителями изъ
испытаній, они были благопріятствуемы
людьми, на коихъ лежала обязанность
приводить въ исполненіе экзекуцію. Въ са-
момъ дѣлѣ, обряды судопроизводства, дол-
женствовавшіе предшествовать испытанію,
чудеснымъ образомъ способствовали обману:
никто не могъ войти въ церковь, какъ
скоро туда приносился огонь для вскипѣ-
ченія воды, или раскаленія желѣза, кромѣ
священника, обязаннаго присутствовать при
испытаніи, и того, который подвергался
оному. И пакъ только одного человека на
добно было подкупить ; благосклонность,
или корыстлюбіе превращали предосторож-
ности для воспрепятствованія обмана,
въ приготовленіе къ свершенію онаго.
Все то, что выдавали за превосходящее
силы природы, было утверждено безъ

основанія , принято по суевѣрію , разпространилось по суепности и глупости , а иногда по изувѣрскому благочестію . Очень просвѣщенъ и очень смѣль былъ попъ , который отказался отъ испытанія огнемъ , отговариваясь тѣмъ , что онъ *ни шарлатанъ , ни колдунъ* , и отвѣчалъ своему Архіепископу , дѣлавшему ему самыя усиленыя просьбы : „что онъ охотно понесетъ „раскаленное желѣзо , если только его Вы „сокопреосвященство , облаченный въ свою „эпипрахиль , подаситъ ему оное въ руки.“ Преплатъ не оказалъ ни малѣйшей готовности къ сей церемоніи , говоря , что *не должно искушать Бога* , и испытаніе не состоялось .

Не смотря на то , горе , горе обвиненнымъ , которыхъ преслѣдовали сильные враги ! Испытаніе въ такомъ случаѣ исполнялось во всей его жестокости и подкупъ тогда способствовалъ только къ тому , чтобы сдѣлать мнимый Божій судъ еще рѣшительнѣйшимъ и убійственнѣйшимъ . Сколько невинныхъ погибало тупь ! Сколько поспыдныхъ пожертвованій плодовъ происковъ или заблужденій ! Мы могли бы въ семь случаевъ привести множество примѣровъ , но мы ограничимся слѣдующимъ , который достоинъ большаго участія . Онъ

извлеченъ изъ одной хроники XIII вѣка, найденной и переведенной однимъ любителемъ Французскихъ древностей, и копорую ученый А. Троньонъ (Trognon), бывшій Профессоръ Испоріи, имѣлъ намѣреніе издашь въ свѣтъ а). Эпопъ - историческій опривокъ опносится не только къ нашему предмету, но и къ той прекрасной странѣ, копорая служила вмѣстѣ и колыбелію Французской Монархіи и гробомъ ея первыхъ Королей (б).

Пипинъ полсый, царствовалъ подь именемъ Палапнаго Мера, въ Неспріи и Авспразиі; онъ держалъ подь опекою Государей Франкскихъ, копорые опъ своего монархического сана пользовались только однимъ именемъ и шѣнью владычества. Тьерри I (Thierry) оставилъ послѣ себя двухъ сыновей, Клодовика III (Clovis) и Хиль-

---

а) Опривокъ изъ эпои любопытной хроники былъ помѣщенъ въ *Globe* въ 1824 году.

б) *Хильдерикъ* умеръ и былъ погребенъ въ Турне въ 485 году; его гробъ былъ опкрытъ 27 Мая 1653 года; это самый древнѣйшій Французскій памятникъ изъ всѣхъ извѣстныхъ. *Тьерри I* былъ погребенъ въ 690 году въ Saint-Vaast d'Arras, копорый былъ имъ основанъ; а *Хильдерикъ*, послѣдній изъ Меровинговъ, окончилъ свое поприще въ Аббатствѣ de Saint Bertin, de Saint-Omer подь монашескимъ клобукомъ.

деберша III (а), которые, подобно ему, пользовались только пустым королевским шипломъ. Хильдебертъ былъ шрешимъ призракомъ царской власпи, надъ коимъ, Пипинъ оказывалъ верховное могущеспво. Эпошъ молодой и несчастный Король жилъ зашворникомъ въ нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ Королевскихъ домовъ, которые, во время владычеспва Государей первого поколѣнiя, покрывали собою прекрасныя поля плодотосной Бельгiи. Тамъ проводилъ онъ въ бездѣйспви свои дни, окруженный рабами и прислужниками, коихъ главная должность безъ сомнѣнiя состояла въ томъ, шпобъ бытъ шпионами при своемъ повелителѣ и отдавать отчетъ въ самыхъ малѣйшихъ его поспупкахъ. Пипинъ не удовольспвовался тѣмъ, что похипилъ у него власшь: онъ лишилъ его даже и эпош вели-

а) Хильдеберта III, Мезерай (Mezeray) и многie другie называютъ Хильдебертомъ *Вторымъ*. Онъ умеръ въ 711 году, 28 лѣтъ отъ роду, и былъ погребенъ въ Saint-Etienne de Cousy. Здѣсь очень кешаша замѣтили, что имена нашихъ первыхъ Королей весьма неправильно пишутся; должно спавить почку между двумя первыми буквами: С. Hilderic, С. Louis, С. Hildebert, С. Hilperic; ибо предшеспвующая буква С есть начальныи звукъ Германскаго слова *Conig*, Король. Антикварii, объясняя древнii надписи и харшii, почли за должное соединить эту литеру съ именами Королей.

колѣпной свипы, копорая поражаешъ во-
ображеніе полуобразованнаго народа и воз-
буждаешъ въ немъ уваженіе къ верховному
главѣ, когда сей показывается передъ нимъ.
Въ его царствованіе придворные сановники
пересшали сопровождать Короля: подлые
льстецы могущества — они спановились
въ ряды свипы Палапнаго Мера. Хильде-
берпъ являлся въ народъ полько одинъ
разъ въ году; его всегда спарались пока-
зывать народу не иначе, какъ въ ше-
лѣгѣ, везомой быками, въ экипажѣ, ко-
порый былъ предоспавленъ однѣмъ жен-
щинамъ и возбуждалъ смѣхъ въ эпомъ
вѣкѣ, когда сами цари выѣзжали полько
верхомъ на лошади. Однакожъ Хильдеберпъ
въ своемъ уединеніи поселилъ глубокое ува-
женіе и любовь къ себѣ, въ маломъ числѣ
окружавшихъ его служипелей, копорые
дали ему названіе *справедливаго*. Одна мо-
лодая дѣвушка, по имени *Клодзинда*, пакъ
привязалась къ нему, чпо возбудила къ себѣ
подозрѣніе въ придворныхъ сановникахъ.
Эпа прекрасная Неспрійка (Neustrienne),
копорую помѣспили къ нему для того,
чшобы еще болѣе обезсилилъ его, на-
пропивъ покушалась воскресить его упад-
шій духъ. Одаренная душею высокою и

благородною, она пипала мысли, гораздо возвышеннѣйшія, нежели какія дозволяли ей ея полъ и соспояніе; посреди любовныхъ наслажденій она спаралась оживлять преждевременно увядшее сердце своего царспвеннаго любовника и напомнить ему священныхъ обязанности его сана. Можеть быть она была уже близка къ успѣху въ своихъ намѣреніяхъ, какъ безпокойный Пипинъ приказалъ наблюдать за нею: онъ вскорѣ совершенно узналъ всю испину. Съ сей минупы ея погибель была рѣшена; Гислемаръ, Палапный Графъ, получилъ приказаніе обвинить ее въ помъ, что она *разрала и околдовала Короля Франковъ*. Ее предали власпи духовенспва, въ домспву коего принадлежало все, что опносилось до волшебспва. Случай показался важнымъ: провозгласили *Божій судъ* и испытаніе кипящею водою было опредѣлено. Въ сосѣдствѣ печальнаго Хильдеберпо ва двора возвышался богатый монастырь de Blangiacum а), Теруанскаго епископспва

а) *Blangiacum*, нынѣ *Blangi*, лежащій на рѣкѣ Тернуазской (de Ternoise) въ Арпуа, между городами Сент-полемъ, Бешюнемъ (Béthune) и Лиллерами (Lillers), заключалъ въ себѣ женскій монастырь, основанный въ 685 году одною набожною

лежавшаго на границѣ земли Атребатовъ (des Atrebat) и Мореновъ (Morins); эпо мѣсто было назначено для судебного испытанія , день котораго былъ поржеспвенно возвѣщенъ во всѣхъ земляхъ , подвластныхъ Пипину а).

Эпопъ день , говорипъ вышеупомянутая хроника , ожиданный съ большимъ не-

---

госпожею , по имени *Берта*. Послѣ смерти своего мужа она посвятила себя здѣсь Богу съ двумя дочерьми своими , Герпрудою и Деопилою. Это аббатство было разрушено Норманами и снова восстановлено для монаховъ въ XII столѣтїи.

- а) Не въ одномъ только Артуа употреблялись судебныя испытанія ; они были въ силѣ во всѣхъ земляхъ Сѣверной Франціи и Южной Бельгїи. Законъ 1111 года , установленный *Vaudouin á la Nache* , двѣнадцатымъ Фландрїйскимъ Графомъ , гласилъ : „раны и „ушибы должны наказываться казню возмездія , „если только обвиненный защищаясь не былъ избитъ „по его пѣлу , что онъ обязанъ доказать испытаніемъ водою и горячимъ желѣзомъ.“ Находился еще регламентъ Турнесской общины (*de la commune de Tourneí*) , 1187 года , которымъ повѣляется , „что если кто либо будетъ обвиненъ въ убійствѣ , и сего обвиненія не могли бы „доказать вѣрными свидѣтельствами , по таковой „обязанъ доказать свою невиновность испытаніемъ холодной водою.“

перѣнїемъ , наконецъ наспунилъ. Обширный дворъ , чрезъ который былъ входъ въ монастырь , былъ избранъ мѣспомъ , на комъ долженъ былъ изрѣчься достопямятный приговоръ небеснаго провосудїя : проспранство, вѣроятно, очень пѣсное для безчисленной толпы, копорая со всѣхъ споронъ стеклась на это зрѣлище. Въ самомъ дѣлѣ, рѣдко случается , чптобы народу удавалось бытъ свидѣтелемъ споль любопытной сцены , и чернь, всегда жадная къ новоспямъ, въ эпопъ разъ была привлечена сюда еще и пѣмъ , чпто было поржеспвеннѣйшаго въ судѣ, нисходящемъ , шакъ сказапъ , изъ прибунала самага Бога. Сверхъ того молва , какъ обыкновенно , всегда недѣлая и дерзкая , распустила на счепъ Клодзинды спранные слухи ; по однимъ она была волшебница , пришедшая изъ Гуннскихъ лѣсовъ, роспомъ вдвое выше обыкновенной мѣры , и съ глазами василиска ; по другимъ она происходила опъ гнуснаго жидовскаго племени , и покушалась, съ однимъ единоплеменнымъ съ нею медикомъ , обрѣзавъ молодаго Короля Хильдеберша и обрапипъ его въ жидовскую вѣру ; инья , соспрадая къ ней, шихо говорили, чпто она была невинною жерпвою

знапныхъ людей, попому что Герцогу Пипину было предсказано его аспрологами, что она была бы впорю Брюнегильдою, и что съ нею возспало бы снова могуществе Королей изъ дома Клодовика. Эпи и подобныя симъ слухи, занимая умы людей, заспавляли ихъ спекапсья въ Blangiasum не полько изъ мѣспечекъ и окружныхъ городовъ, но и изъ за-сорока миль распоянїя. Туда шли даже нѣкопорые жипели Тюроньенскихъ и Ремуазскихъ земель, привлекаемые любопытствомъ; они не спрашились ни прудноспей пупи, ни жестпокаго зимняго холода и спремилсь увеличевать собою безчисленное множество сбѣжавшагося въ сїи мѣста народа.

„Въ монастырскїй дворъ впустили сполько народу, сколько могло памъ помѣспипсья; но гораздо значительнѣйшее число оспавалось снаружи, усилась войпи, или, по крайней мѣрѣ, глазами и ушами узнапть что нибудь о произходящемъ въ оградѣ. Нѣкопорые вскарабкались на деревья, опкуда они могли видѣпть, хотя и не ясно, часть сего достопримѣчательнаго зрѣлица. На самомъ же дворѣ

были распавлены скамьи изъ дубоваго дерева, на коихъ должны были засѣдать епископы сосѣдственныхъ энархій съ прочимъ духовенствомъ, равно какъ и знашныя люди, долженствующіи бытъ свидѣтелями *Божіаго суда*. Между сими почепными сѣдалищами и деревянными сваями (*des pieux*), которые были тѣсно сжаты въ видѣ палисада, для воспретяспивованія напору многлюдства, проспиралось довольно широкое проспранство, которое было мѣстомъ, назначеннымъ для Клодзинды. Подъ коломъ, въ который обвиненная долженствовала погружать свою руку, былъ наваленъ хвороспъ для поддержанія огня; при эпомъ видѣ нѣкоторые отворачивали взоры свои, другіе же напрошивъ того успремляли ихъ шуда съ жадностію и любопытствомъ.

„Послѣ довольно продолжительнаго ожиданія звукъ колокола возвѣспилъ, что началась обѣдня. Монаспырская церковь, смежная со внуспренностію монаспыря, не могла бытъ отворена для народа: шуда впустили только духовныхъ и дворянъ, кои соспавили собою не маловажную полпу. Аббаписса Амальбержъ, могла одна изъ всѣхъ женщинъ *Blangiacum*, показаться

глазамъ публики и присутствовать при этой церемоніи. Она заняла мѣсто недалеко отъ ступеней алтаря, на возвышенномъ сѣдалищѣ, а Клодзинда была поставлена на колѣна въ смиренномъ положеніи ниже ея.

Церковь, наша августѣйшая мать, въ своей нѣжной предусмотрительности постановила нѣсколько церковныхъ обрядовъ и частныхъ моливъ для обѣдни, которая должна была совершиться передъ Божиимъ судомъ. Епископъ Камеракумскій (de Cameracum), которому надлежало отправлять службу по его Митрополиітскому сану, началъ оную, обратившись къ Господу съ премея моливами, въ коихъ, напоминая ему о слабости грѣшника, просилъ, что бы онъ укрѣпилъ ее своимъ всемогущесіемъ; потомъ, пропѣвши священныя слова церковнаго успава и показавши всѣмъ присутствующимъ тѣло агнца безъ пятенъ, онъ подозвалъ обвиненную, и прежде нежели допустилъ ее къ причастію, произнесъ слѣдующія слова: „Именемъ Святыя Троицы, Святаго Евангелія и Святыхъ мощей, обрѣшающихся въ сей церкви, я заклинаю тебя не приближаться къ сей

прапезѣ Христа и Искупителя нашего, ежели ты сдѣлала или посовѣщывала по, въ чемъ тебя обвиняють.“ И такъ какъ она молчала и оспавалась на спупеняхъ алпаря, то онъ далъ ей вина и хлѣба съ сими словами: „Да будущъ тыло и кровь Господа твоимъ испытаніемъ.“ И когда обѣдня была кончена, всѣ въ поржеспвенномъ порядкѣ приблизились къ мѣсту суда.

„Въ ту самую минушу, когда духовенство и знашь заняли свои мѣста, при восклицаніяхъ толпы, показалась та, которую всѣ ожидали, и внезапно настало безмолвіе, какъ будто бы всѣ пожелали молчаль, чпобъ лучше разсмотрѣшь осужденную. Ея видъ не взволноваль присупспвующихъ никакимъ непріязненнымъ впечатлѣніемъ, и хопя многіе возбуждены были пропивъ нея ненавистію, но, не смотря на то, въ сію минушу, казалось, почпи всѣми овладѣла жалось. Клодзинда была одѣша въ бѣлую тунику изъ шолспаго льна, изъ подъ коей выказывались ея обнаженные руки. Ея длинныя и черныя волосы, не ушвержденные ни на какомъ мѣспѣ, спускались многочисленными косами гораздо ниже пояса. Ея чело было блѣдно, но спо-

койно , и ея лазурные глаза блиспали почпи ангельскою чистпою. Наконецъ промежупокъ времени , болѣе прехъ мѣсяцовъ , почпи заживиль рану , причиненную ей на щекѣ горячимъ желѣзомъ , и каждый сознавался , чпо незадолго передъ симъ временемъ ея красота долженспвовала бышь чудесною. Въ такомъ видѣ Клодзинда приблизилась медленными шагами , чпо придадо ея высокой пали нѣкопорый видъ величія. Чернь , увидѣвъ ея , забыла нелѣпыя слухи , далеко разпроспраненные молвою , и преклонилась къ другимъ , болѣе благопріятнымъ для осужденной. Въ самомъ дѣлѣ , говорили , чпо ночью , наканунѣ сего дня , какая-то старая женщина пайно посѣщала ея и предлагала ей мази и эссенціи , копорыя предохранили бы ея руку опъ дѣйспвія кипящей воды; къ этому присовокупляли еще , чпо многіе , а между ними одинъ ерепикъ-церковнослужитель , были уже спасены эшимъ средспвомъ ; но чпо Клодзинда рѣшительнo опвергнула сію хипроспть , копорая и въ самомъ дѣлѣ заспавила бы почестъ ея колдуньею , и чрезъ копорую она обманула бы и Бога и людей.

„Когда Клодзинда дошла посреди пѣснаго круга до мѣсна испытанія , то не-

вольникъ , приспавленный къ коплу , подложилъ подъ него новую вязанку хворосту , копорый попчасъ и запрещалъ съ великимъ шумомъ . Услышавъ сіе , многіе почувствовали , чпо ледяной холодъ пробѣжалъ по ихъ членамъ , и даже сама молодая дѣвушка , по видимому , испытывала нѣчто подобное , такъ чпо эпо выказалось на минушу на ея челѣ . Но сіе впечатлѣніе исчезло съ быспрошою молніи , и она попчасъ съ тихимъ выраженіемъ благоговѣнія преклонилась предъ благочестивымъ Епископомъ , копорый приближался къ ней , чпобы произнесши священныя слова заклинанія бѣсовъ . Держа въ своей рукѣ Распятіе и Евангеліе , онъ пропѣлъ сначала коропкую липанію , коей впорили многіе изъ церковнослужителей , попомъ благословилъ и заклѣлъ воду , копорая начинала кипѣть . Послѣ сего онъ произнесъ молитву , коей , какъ обыкновенно погда водилось , призывалъ Бога , освободившаго невинную Сусанну опъ позорнаго обвиненія и спасающаго опъ пылающей печи прехъ Израильскихъ опроковъ ; за симъ заспавилъ молодую дѣвушку приложись къ Распятію и Евангелію , и бросивши въ мѣдный копелъ маленькое колечко , копорое обвиненная должна

была вынупъ , воропился къ своему сѣдалищу. Тогда послышалось какое-то спенаніе, какъ будпобы пробѣжавшее между зришелями.

„Епископъ подалъ знакъ съ своего мѣспа , и Клодзинда , произнеся пихимъ голосомъ *Отче нашъ*, и оствнивши свое чело знаменіемъ креспя, сдѣлала шагъ къ кошлу. Взоры всѣхъ въ эту минупу были успремлены на нее ; всѣ едва могли переводипъ духъ.... Если бы Самъ Богъ изрекъ въ Своемъ всемогущеспвѣ собспвеннымъ своимъ голосомъ свой судъ , по бы и Онъ былъ выслушанъ не съ бѣльшимъ безмолвіемъ, исполненнымъ ужаса. Наконецъ испыпаніе началось: рука молодой дѣвушки погружается въ кипящую воду; нѣсколько минупъ она ищепъ кольца, копорое по своей малоспнѣ ускользаепъ опъ пальцевъ , спарающихся схвапипъ его и попчасъ вдругъ вынупъ. По неподвижному лицу Клодзинды всѣ думали , чпо Господне чудо гоповилось свершипъся надъ нею , и чпо вода не жгла ея ; но когда она показала свою руку , въ половину поврежденную , погда крикъ ужаса раздался по всему собранію и каждый опворопилъ голову. Однакожъ она , не изъясляя ничѣмъ другимъ своихъ спраданій , какъ еще боль-

шею блѣдностію на челѣ, попчасть возвысила голосъ, и — хопя погда и не было въ обыкновеніи, чпо бы женщина выпійспвовала передъ народомъ — вся эпа толпа замолчала, какъ будшо бы по единодушному желанію внимаць словамъ ея. „Благородные мужи, „сказала она, нѣшь, я не удоспоилась „пого, чпобы Господь совершилъ въ мою „пользу чудо; но я была доспойна пого, „чпобы Онъ вложилъ въ меня бодрость къ „перенесенію сего испытанія. И пакъ я не „скажу, чпо бы эпа вода не обожгла меня; нѣшь: она обожгла меня, и я спра- „даю, и я погибаю. Но какой же здѣсь надо „мною судъ Божій? Невинною или пресуп- „ною онъ объявляетъ меня? Послушайте „меня, благородные мужи, я скажу вамъ „испину, ибо полько одни подлецы и пруж- „сы умѣють лгать. Король Шильдебертъ „увидѣлъ меня и насильно привлекъ на „свое ложе; онъ хопѣлъ сдѣлать меня своею „супругою, и я, видя, чпо онъ естъ не- „чпо оное, какъ дия, хопѣла, чпобы „онъ былъ мужемъ; видя его рабомъ, я хопѣла, чпобы онъ былъ королемъ. Развѣ „я оправила его, шолкуя ему, чпо вели- „кому Клодовику не прилично проводить

„свою жизнь въ одномъ занятіи водою и
 „спаньемъ? И вопль, однакожь, все мое
 „колдовство! За эту вину злые люди похи-
 „тили меня и обезобразили такимъ обра-
 „зомъ. Кто подослалъ ихъ? Это знаетъ
 „Богъ да Герцогъ Пепинъ. За эту вину
 „я была увлечена въ судъ, какъ какая ни-
 „будь распутная женщина или колдунья. На-
 „зовеша ли вы меня эшимъ/ именовъ шеперь,
 „видя какъ я шверда сердцемъ и исполне-
 „на довѣренности къ Божію правосудію?
 „Я невинна! я невинна!...“ И когда она
 хопѣла повпорить эпогъ вопль въ шрепій
 разъ изо всей своей силы, — ея голосъ
 вдругъ прервался и она упала безъ чувствъ.
 Аббаписса Амальберасъ принуждена бы-
 ла приказать перенести ее во внутрен-
 ность монастыря, когда уже никакая по-
 мощь не могла возвращить ее къ жизни.

„Собрание, особенно епископы и дво-
 ряне, было различно колеблемо происшед-
 шимъ. Нѣкоторые, повѣривъ словамъ мо-
 лодой дѣвушки, и пронувшись жалостію къ ея
 спраданіямъ, говорили, что Господь оправдалъ
 ее, снабдивъ силою перенести столь без-
 шрепелно такую ужасную боль; другіе ушвер-
 ждали, что объ эпомъ не должно судить

такимъ образомъ и чпо испытаніе было прошивъ нея, попому чпо ея рука была повреждена горячею водою. Особенно Палатный Графъ, Гислемаръ, кричалъ громкимъ голосомъ и съ величайшимъ негодованіемъ, чпо она своей припворной добродѣшью играла Богомъ и людьми, чпо осмѣлилась ложными рѣчами обносипь блиспапельнѣйшаго Герцога Пепина, чпо она была волшебница, разврапная пварь и совсѣмъ эпимъ клеветница, доспойная всего гнѣва свяпыхъ епископовъ. „И, присовокупилъ онъ, я не знаю, чпо препяпспвуешъ намъ побипь ее каменьями.“ Многие, казалось, раздѣляли эту яроспъ и съ воемъ требовали, чпобы виновная была имъ предана для исполненія надъ нею Божіяго правосудія. Уже началъ поднимашься ропотъ, безпреспанно увеличивающійся, какъ Аббашесса Амальбересъ объявила епископамъ, чпо она никогда не допуспипь, чпобъ были нарушены права ея монастыря, и чпобы изъ ея покрова была изпоргнуша глава, предоспавленная покровипельспву папрона сего мѣспа. „Если Графъ Гислемаръ — прибавила она — хочешъ учинипь въ нашемъ жилищѣ насиліе, по пуспъ не позабудешъ того, чпо случилось съ Эброинномъ и его оруженосцами, когда они угро-

жали своими руками доспощенной Анспрюдъ , Аббаписсъ Лодюнюма.“

„Однакожь благочеспивый Епископъ Камеракумскій , переговоривши нѣскольго минуць съ своими собрапїями , вспаль и объявилъ , чпо Божїй судъ не можепъ совершипся въ сей день надъ умирающею женщиною ; чпо она должна быпъ предоспавлена власпи Аббаписсы Амальберасъ , копорая держала ее въ своемъ судѣ и наказала бы ее сообразно съ ея преспупленїями , низведя въ рабское соспоянїе и осудя верпѣпъ жерновъ , или опредѣливъ на другїя низкія службы , если только она возврапипся къ жизни и чпо такимъ образомъ было бы удовлетворено правосудїе Божеское и человѣческое. Когда это было сказано , то всѣ начали расходипся ; и нѣкопорые злые люди , надѣясь , чпо осужденная будетъ предана мученїямъ и поражена смерпїю , удалились недовольными. Но гораздо бѣльшее число веселилось шѣмъ , чпо ей было дано время загладипъ свои грѣхи и окончипъ жизнь въ покаянїи.

„Пророкъ говорипъ намъ , чпо Богъ оказываепъ жалоспъ къ юному агнцу , копорого только чпо оспригли , смягчая для

него жестокость зимняго вѣпра: не благоволишь ли Онъ въ своей безконечной благоспи сдѣлашь поже самое для неуспѣшной Клодзинды! Такъ какъ для нея въ семь мѣрѣ оспалось полько спенашь и плакашь, по Онъ поспѣшишь извлечь ее изъ онаго и переселишь въ мѣрѣ лучшей. Въ самомъ дѣлѣ, силы, ея ослабѣвшія опъ долговременнаго спраданія, пошчасъ испожились, и послѣдній часъ наспушилъ для нея на другой же день послѣ ужаснаго суда. Хопя ея душа и все еще была заняпа обольщеніями земной любви, хопя она все еще изъявляла сожалѣнія о Королѣ Шильдебертѣ, за котораго возсымала обѣпы, чпообы онъ превозмогъ своихъ враговъ, — однакожь умерла съ испиннымъ и ревностнымъ бларочеспиемъ; и пакъ какъ она проспала всѣмъ, причинявшимъ ей зло, и принесла въ даръ Господу все, чпо могла ему опдашь, по еспь: свои слезы и молишвы, — по позволипельно думашь, чпо она была приобщена къ вѣчному блаженспву. *Многіе, по заслугамъ въ своей жизни, были святѣе ея, но мало было столь несчастливыхъ, какъ она: въ шакомъ родѣ напсаль я ей энищафю, которая, къ сожалѣнію, изгладилась шеперь изъ моей памяпи.*“

Таковъ обыкновенно былъ печальный конецъ пѣхъ обвиненныхъ, копорые не принадлежали къ привилегированному классу; а число первыхъ было гораздо значительнѣе числа послѣднихъ! Если бы мужественная Клодзинда была благородною и могущественною принцессою, то чудо совершилось бы, и ея невинность была бы провозглашена съ торжествомъ; но, часпо говорящъ, человѣческіе законы всѣхъ вѣковъ похожи на работу паука: мѣлкіе мухи въ нее попадаются, а большія свободно пролезаютъ сквозь нее...

Съ Франц. В. Б.

V.

Л Ъ Т О П И С И

ОТВѢСТВЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

حکایت دختر پادشاه روس قازان ۱۲۳۸

Die Schöne vom Schlosse, Muhammed Nisameddin dem Gendischer nachgebildet, von Franz von Erdmann dem

- а) Получено при слѣдующей запискѣ: „Я хотѣлъ было, какъ Сидъ Гамедъ Бенеижели, въ el ingenioso Don Quixote de la Mancha, сказать перу моему: „Любезное перо мое! я тебя „оставляю и приковываю мѣдною цѣпью, чтобы какой ни- „будь бумагомаратель, взявъ тебя оплать, не помрачилъ мо- „ей славы...“ Но появленіе книги, по часпи Восточной словесности, въ Казани, и упрямое молчаніе объ оной

Ludwigsluster. Kasan, in der Universitäts Typographie. 1832. *Красавица замка, или повѣсть о Русской Царевнѣ, подражаніе Мугаммеду Низаммеду, уроженцу Генджа, Францомъ Эрджаномъ. Казань, въ Университетской Типографіи, 1832 года, въ 4ю долю листа, 145 страницъ, съ литографированною картиною, на Нѣмецкомъ языкѣ, съ Персидскимъ текстомъ, варіантами и примѣчаніями.*

Въ одномъ изъ лепучихъ листковъ *Молвы* приглашаемы были просвѣщенные чинашители подписаться на книгу *Красавица Замка*, переведенную съ языка Персидскаго, извѣстнымъ въ Европѣ учеными изысканіями и Воспочно - Липерашурными трудами своими, Профессоромъ Казанскаго Университета Г. Эрджаномъ. Свѣдѣніе о семъ изданіи сообщено было въ видѣ извѣстія, и пошому написано слишкомъ бѣгло и кратко. Мы думали, что будемъ говорить о семъ переводѣ съ большею подробностію, когда издася въ свѣтъ самая книга. Она явилась въ началѣ прошедшаго года, и — надобно оицашь справедливостъ почтенному переводчику, или подражателю, — изданіе сіе выполнено съ возможною въ Казани роскошью, на прекрасной бумагѣ, пре-

---

журналовъ, вспревожил конѣкъ мой. Оставля кейфъ, я, какъ новый Хаджи-Баба, взялъ въ зубы трубку кришки, и приподнявшись съ дивана ошдохновенія, надѣлъ широкіе сапоги самоходы, чшобы на досугъ прогуляться по чистому полю православной Русской журналистики. Удосшойте помѣститься въ *Телескопъ* Вашемъ замѣшки страницка.“

Делибюрадеръ.

краснымъ Пемецкѣмъ шрифтомъ и довольно чистымъ Персидскимъ. Сверхъ того приложенъ къ ней липографированный рисунокъ, представляющій Падишаха Берама въ Гаремъ Русской Царевны, бесѣдующаго съ ней на коврахъ разноцвѣтныхъ, межъ тѣмъ какъ невольницы играютъ въ ногахъ ихъ на разныхъ инструментахъ. Кто знакомъ съ манерою Персидской рисовки, пошъ съ перваго взгляда замѣшитъ, что каршинка сія не есть Европейскаго изобрѣшенія, но вѣрная копія съ рисунка Воспочнаго манускрипта а).

Долго ожидали мы, чшобы ктонибудь изъ Русскихъ журналистовъ обратилъ вниманіе читающей публики на книгу, столь достойную всякаго уваженія; но ни въ Пембургской *Съверной Пчелы*, разсмапривающей крапко; ни въ журналахъ Московскихъ, посвящающихъ особенный, довольно толстый опдѣлъ для библіографическихъ извѣстій, ни слова не было сказано о *Красавицѣ Залка* при поголовной переключкѣ вышедшихъ въ печеніи года книгъ. Сочиненіе сіе, подобно яркой, упренней звѣздочкѣ блеснуло, и мгновенно, ни кѣмъ незамѣченное, исчезло съ шуманнаго свода нашего липперашурнаго неба; между тѣмъ какъ уродливыя произведенія Гг. Сигова, Пуговошникова и компаніи, не разъ обращали вниманіе почтенныхъ издашелей журна-

---

а) Мы имѣли случай видѣть у почтеннаго Профессора одинъ экземпляръ сей книги, назначенный имъ для отсылки въ мѣсто его родины; каршинка при ономъ превосходно опдѣлана красками, и не одна бы красавица Гарема пожелала имѣть ее на своемъ уборномъ шолкѣ. Д.

ловъ, представляя богатое поприще для попуш-ной журналистики! — Явись подобное изданіе въ Англіи, Франціи, или Германіи: всѣ бы журналы давно были его эхомъ; но въ нашей безличной словесности, нездорѣлой до классицизма, бѣдной впечатлѣніями для поэзіи романшиковъ, и пресыщенной до оскомины историческими романами, заимствованными изъ всѣхъ временъ, не только отечественной исторіи, но даже и допопной, по которой неуспрашимо разгуливаетъ глубокомысленный краснобай Брамбеусъ — сіе изданіе ушло безъ возврата. Ни блестящее, восточное происхожденіе, ни самое названіе *Красавицы Замка*, или *Повѣсти о Русской Царевнѣ, рассказываемой Персомъ*, ничто не заинтересовало ни одного рецензента. Такое равнодушіе непоспужимо, и только развѣ пѣмъ однимъ объяснено быть можешъ, что книга издана на языкъ Нѣмецкомъ, и что она не Европейскаго созданія!

Дѣйствительно, разсмащивашъ сочиненіе восточнаго писателя невозможно безъ предварительныхъ взглядовъ на вѣкъ, въ коемъ онъ жилъ, на его современниковъ, на степень погдашней образованности, и другія отношенія, которыми только однѣ могутъ дать сочиненію восточнаго поэта надлежащій свѣтъ, и опредѣлить его достоинство и заслугу. Но и этого будетъ недостащочно! Духъ ориентализма, яркій и фаншастическій, какъ переливная радуга; сильный, какъ гиганшъ въ метафорахъ; свѣжій и роскошный, какъ сонная одалиска, въ своихъ уподобленіяхъ, съ шрудомъ, и едва ли даже можешъ быть

перенесенъ въ шѣсную рамку Европейскихъ понятій. Самобытность его исчезаетъ подъ нашею образованною, вылощенною полишурою вкуса; бурныя метафоры уступаютъ мѣсто какимъ-то Ипальянскимъ *castratti* слова, и самыя сравненія, взяныя по большей части изъ предметовъ намъ мало извѣстныхъ или слишкомъ извѣстныхъ, но низкихъ въ мнѣніи нашемъ, испорченныхъ ложною щекотливостію, перяются, или замѣщаются другими при переводѣ. Справедлива ли будетъ, спросимъ мы послѣ этого, оцѣнка писателя въ такомъ или обезображенномъ, или чрезъ мѣру украшенномъ видѣ? Нашъ вѣкъ попропихся жить; нынѣ вѣкъ энциклопедическихъ полузнаній, и Казавбоны, Генціи и Скалигеры уступили мѣсто людямъ, предъявляющимъ право на безсмертіе въ литературурѣ, или мѣлкою спашейкою въ пощемъ журналѣ, или толстымъ, многопомнымъ романомъ — векссемъ на зѣвающую публику.

Сіи-то, полагаю, причины могли удержашь каждаго рецензента, непосвященнаго въ бытъ ориентальный, отъ разбора книги, переведенной съ восточной рукописи. Мы сами не рѣшились бы принять на себя эшой обязанности, сколько приятной, столько вмѣстѣ и трудной, если бы не имѣли подъ рукой сочиненій людей, могущихъ бытъ намъ свѣточами, указателями въ обширномъ поприщѣ криптицизма; если бы не были увѣрены напередъ въ снисхожденіи чашапелей просвѣщенныхъ, для кошорыхъ единственно пишущся сіи спроки!

Тотъ , кшо ознакомлень съ дѣписателями и словесниками восточными ; кшо бесѣдуетъ съ ними на языкѣ имъ природномъ , для того много будетъ здѣсь излишняго ; но такихъ чипашелей надѣмся мы встрѣпнть немного ; и не для нихъ помѣщаемъ крапкѣй очеркъ вѣка Низаміева , заимспвованный нами , большею часптію , изъ Анпологии Гаммера ; ибо шолько послѣ этого можемъ мы говорить о сочиненіи и переводѣ предлагаемой книги .

Первобыпная чистота *дери* или древняго языка Персовъ , ярко сохранившаяся въ знаменитомъ швореніи Персидскаго Омира , *Фирдуси* , начинала шеряться отъ посшепеннаго усвоенія языка Арабскаго . Не шолько бѣдность языка Иранцевъ , сколько могущесшвенное вліяніе религіи Ислама и владычесштво Халифовъ были тому причиною . Это могутъ подшвердить самыя слова , получившія у нихъ право гражданства : онѣ ошались неприкосновенными въ своей основѣ и шолько въ окончаніи приняли форму Персидскую . Такія заимспвованія , въ послѣдшвіи были дѣланы и отъ другихъ народовъ . Такъ въ Персидскомъ словарѣ *Фертенги-Шури* находимъ мы слова Индійскія , Монгольскія и Тапшарскія ; послѣднихъ больше двухъ предыдущихъ ; но никогда въ такомъ значительномъ числѣ какъ Арабскихъ . Причина сему весьма ешесшвенна : владычесштво Арабовъ впервые смяло роскошный цвѣпъ Ирана ; а науки ихъ были первыми , необходимыми свѣщильниками этого побѣжденнаго народа . Озаренныя ихъ свѣшомъ понятія , приняли новое развишіе , и слова побѣдителей внеслись въ скрижаль языка — не-

обходимые къ выраженію новаго проявленія мысли, дошолъ незамѣченной а). До великаго Махмуда, повелителя Газны, Персидской языкъ не употреблялся, ни въ государственныхъ кабинетахъ, ни въ дипломатикѣ. Считали посшдынымъ опправлять на немъ какую либо дѣловую переписку. Вездѣ и во всѣхъ сношеніяхъ правительственныхъ употреблялся языкъ Арабскій. Но въ царствованіе сего высокаго покровителя ученыхъ и поэтовъ, Персидскій языкъ снова вступилъ въ свои права. Бѣдный и обезсиленный долгимъ пренебреженіемъ могъ ли онъ досшойно выдержашъ состязаніе съ своимъ блестящимъ соперникомъ? Только гораздо послѣ, когда эмиры и визири начали соревновашъ другъ передъ другомъ въ образованіи и совершенствованіи этаго языка; когда осыпаны были дарами поэты; тогда явилась и та блестящая, звучная поэзія, передававшая попомсхву и пѣвцовъ, и покровителей.

Высокій примѣръ благоволенія, оказываемаго наукамъ и искусствамъ повелителемъ Газны и Сельджуидами нашелъ многихъ послѣдователей. Сенджаръ, наслѣдникъ Султана Мелекшаха въ Хоразанѣ, одинъ изъ знаменимыхъ Государей Воспока, прославилъ свое царствованіе, щедро

а) Руссо не согласенъ съ симъ мнѣніемъ. Въ своемъ *Flowers of Persian Literature*, онъ говоритъ, что Персидскій языкъ смѣшался съ Арабскимъ не отъ того, что чиспный языкъ вышелъ изъ употребленія; но потому что между Персами вошло въ обыкновеніе, вставлятъ Арабскіе стихи и цѣлыя періоды въ свои произведенія, не подъ видомъ указанія на оныя, но какъ существенную часть изясненія въ слогѣ. Д.

осыпая почестями и наградами ученыхъ и поэшовъ. Тотъ же самый духъ любви къ просвѣщенію одушевлялъ племянника его Берамъ-Шаха, даже до послѣдняго изъ Сельджуидовъ — Мессуда. Династія Ашабеговъ, занявшая послѣ нихъ престоль Персидскій, сохранила въ себѣ сіе отличительное свойство. Первый основатель ея Ильдигезъ и сыновья его Ашабегъ Пегливанъ Мугаммедъ и Ашабегъ Кизиль-Арсланъ были истинными друзьями поэшовъ. На престолахъ Ширвана и Ховарезма царили образованнѣйшіе государи, покровители ученыхъ; и когда, по низверженіи династіи Ховарезмской, принялъ владычество Иларсланъ; то и онъ не менѣе предшественниковъ своихъ былъ великодушенъ, не менѣе щедръ къ поэшамъ. Время это, сославляющее по раздѣленію Гаммера, вторую эпоху Персидской литературы, было самое блистательное для Персидскихъ поэшовъ, если принявъ въ уваженіе великія награды ими получаемыя; но его далеко нельзя назвать славнымъ для поэзіи. Стихотворцы сей эпохи, по большей части были купленные хвалители Шаховъ, коихъ обонаніе, пресыщенное благоуханіемъ лести, жаждало новыхъ, болѣе изысканныхъ хвалебныхъ благовоній, ни во что вмѣняя высокую цѣну, которую могло бы стоить приобрѣтеніе оныхъ. Такимъ образомъ суестьность властителей и низость панегиристовъ довели поэзію до унижительной обязанности рабыни!

Сей періодъ времени могъ бытъ по справедливости названъ панегирическимъ. Первою, важнѣйшею цѣлію поэзіи почиталась хвала Шахамъ. Знаменищѣйшіе панегиристы: *Эввери*, *Гахани*,

Сахиръ-Фаряби и *Акештеги*, жили въ эпо время. Опъ щедрыхъ награды повелищелей пщеславныхъ, опъ безчисленнаго множества стихопворцевъ малодушныхъ, опъ ограниченности главнаго предмета и языка, опъ ненасытности щедродателей и дароёмниковъ, скоро преидены были границы хвалы обыкновенной; гиперболы сдѣлались единственною фигурою, копорою, однакожь, и позднѣйшіе послѣдователи пользовались съ немалымъ успѣхомъ. Такъ возникли извѣснѣйшія похвальныя стихопворенія, въ коихъ воображеніе, возлепая за границы хвалы человѣческой, возносишь своихъ героевъ на степенъ идоловъ язычества. Явленіе шѣмъ болѣе замѣчательное, чпо владычество Ислама запрещаетъ всякое идолообожаніе, и чпо пінты правовѣрные дерзнули обнародовать шаковыя апошеозы! Правда, громко воссхавали прошивъ эшого спроегіе нравоучители и аскетники; но лещь и жадность къ корысти попирали законы здравой крипики и вкуса. Шаходя мало яркихъ красокъ въ мірѣ видимомъ для изображенія своихъ героевъ, они исхищили оныя изъ области духовъ, изобрѣшенныхъ фантазією. Предметы ихъ хваленія не только обладали всѣми силами природы; но даже силы сіи получали опъ нихъ и законы и направленіе. Они указывали пущь и мѣсяцу и солнцу; разумъ и воля были въ ихъ вѣдѣніи, и даже самый рокъ, какъ покорный рабъ, зависѣлъ опъ ихъ мановенія!!

Кромѣ упомянутыхъ нами выше, знаменитыхъ панегиристовъ, въ сію достопамятную эпоху униженія повзіи установлено было званіе

Князя или Короля Поэшовъ. Мѣсто сіе при дворѣ Ширванскомъ занимали поэты *Абулола* и *Фелеки*; при дворѣ Апабеговъ поэтъ *Сефердехъ*; а у повелителя изъ династіи Сельджугидовъ *Тоганшаха* поэтъ *Эзраки*. Сей послѣдній не только посвящилъ стихотворный свой даръ на безумное хваленіе, но и самая проза его исполнена безнравственными карпинами, возбуждающими чувственность. Сопадическіе рассказы его замѣнили для пресварѣлыхъ Сулпановъ сильно возбуждающія средства и несравненно могущественнѣе оныхъ дѣйствовали. Онъ написалъ также много прекрасныхъ, и въ Европѣ извѣстныхъ повѣстей, какъ на примѣръ: *Путешествіе Синдбада и Гиндбада*, и, какъ сказочникъ, шель по слѣдамъ поэта *Расти*, сочинителя *Тысячи Повѣстей* а).

Проза и стихотворство въ сей второй періодъ лирической Персидской подведены были подъ точныя правила сочиненіями словоупотребителя *Раида Ватата*, придворнаго поэта Ховарезмскаго Шаха Ишсиса. Подъ именемъ *Гадаикезъ-Зира* или *Волшебнаго Сада*, составилъ онъ меприку и пѣсню, уважаемая даже и до нынѣ. Сей писатель оставилъ также письмовникъ, для котораго служилъ ему примѣромъ *Кабусъ Шемоль-Маали*.

а) Notice sur le Shah-Namé p. 52 Сія *Тысяча Повѣстей* должны быть не что другое, какъ 1001 *Ночь*, кои поэтъ Расти передѣлалъ съ древняго Персидскаго. При Халифѣхъ Гарунѣ и Мамунѣ они переданы были на языкъ Арабскій, а съ него уже на языки Европейскіе. *Гаммеръ*.

Сашира, копорой первый брацикъ показлъ ошець Персидскаго стихошворства Фирдуси, уязвленный во глубинѣ своей души неблагодарностью Сулпана Махмуда, сашира имѣла и въ сію панегирическую эпоху поборникомъ своимъ *Сузенія*; но должно думать, что произведенія его были не сполько въ родѣ саширь, сколько пасквили; пошому что ни Девлешшахъ, ни Джамии не сочли приличнымъ помѣстимъ что-либо изъ нихъ въ свои сборники.

При улучшеніи и большей обработанности языка, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ; при обогащеніи его новыми заимствованіями изъ языка Арабскаго, необходимо должны были придти въ упадокъ прежніе переводы классическихъ швореній съ языковъ чужеземныхъ; слѣдствиемъ этого было, что басни Бидпая, переведенныя по повелѣнію Абуназра, изъ династіи Сассанидовъ, визиремъ его *Балаами* прозою и поэшомъ *Рудеги* стихами, снова были переведены съ языка Арабскаго прозою *Гамдеддиномъ Назроллагомъ*, по повелѣнію Газневидскаго Сулпана Берамшаха, копорому и посвящены были, какъ сей переводъ, такъ и *Увеселительный Садъ* — миспическое швореніе *Сенайя*.

Между великии Персидскими учеными сего времени, копорые однакожь писали на языкѣ Арабскомъ, *Рагисъ* изъ Испагани и *Секерія* изъ Казбина, оставили шворенія удивительнѣйшія, копорыя, какъ единшвенныя въ своемъ родѣ, сохранили свою славу и до позднѣйшихъ спольтій. Первый изъ сихъ ученыхъ былъ издашелемъ огромнаго *Могазерата* — Аншологія въ стихахъ и про-

зѣ, копорую всего ближе можно сравнить съ Эклогами Спобея; вшорой, напуралисту — Ариспопель и Платонъ Арабовъ — оспавилъ космографическое сочиненіе о природѣ, коего опрывки, переведенные Г. Шези, помѣщены въ хриспомаши Сильвестра де Саси и недавно еще, уваженія достойными шудами Г. Иделера, обрашили на себя вниманіе Европейскихъ ученыхъ. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ изящною лишперашурою подвигались рука объ руку и языкословіе и природовѣденіе.

Но въ сей періодѣ панегирическаго лиризма началъ развиваться и лиризмъ мистическій, копорый только въ позднѣйшее время достигнулъ полной своей зрѣлости. *Сенайя*, о копоромъ упоминали мы выше; предшешвенникъ *Аттар* и *Джеллаледина Руми*, образующій съ сими двумя писашелями родъ мистическаго шрилистника, равно какъ *Энвери Хакани* и *Сахиръ Фаряби* составляли подобную шроисшвенность панегиризма — *Сенайя* жилъ въ эшомъ періодѣ. Книга, имѣ сочиненная, подѣ названіемъ *Гедика* или *Увешелительный Садъ* — образецъ для позднѣйшихъ писашелей — еспъ аскепическое швореніе високаго достоинштва. Опкровенность одного дервиша, явно порицавшаго ласкашельство панегириштовъ, испоргла его изъ пошюка времени, коимъ онъ уже былъ увлекаемъ, и обрашила къ мистическимъ оспровамъ блаженныхъ. *Сенайя* является почти первымъ мистическимъ шпихошворцемъ, хошя въ послѣдствіи *Аттаръ* и *Джеллалединъ* превзошли его. *Низами*, первый поэтъ романшиковъ, сохранилъ навсегда первенство

свое; ибо никто изъ позднѣйшихъ его послѣдователей, ни *Хозру* изъ Дельги, ни *Джами*, не могли приблизиться къ его совершенству. Хотя родъ сочиненія, имъ избранный, былъ давно извѣстенъ; хотя древнѣйшіе стихотворцы восхваляли любовныя приключенія *Валика* и *Азры*, *Рамина* и *Вейсе*, и даже въ самую сію эпоху *Амикъ* изъ Бокхары, избралъ предметомъ своихъ пѣснопѣвнѣй Египетскую исторію *Юсуфъ и Зюлейка*; а поэтъ *Рашидъ* изъ Самарканда издалъ книгу: *Миръ и Вефа*, т. е. *Любовь и Вѣрность*; но, какъ предшественниковъ, такъ и современниковъ и послѣдователей своихъ далеко превзошелъ *Низами* изъ Генджа — величайшій изъ Персидскихъ романистовъ, по смерти коего собраны были воедино пять лучшихъ изъ его стихотворныхъ повѣстей, подъ именемъ *Хамзе* или *Пятикнижія*, служившія образцами для знаменитѣйшихъ романтическихъ поэтовъ, которые, по большей части, избирали одинаковый предметъ для обработыванія, и давали ему тоже названіе *Хамзе* а).

Объемъ нашей статьи, и безъ того уже проспиранной, слишкомъ бы увеличился, если бы мы вздумали изложить здѣсь жизнь поэта *Низами* изъ Генджа, котораго ошнюдь не должно смѣшивать съ *Низами Арузи*. Мы имѣли въ виду изобразить только вѣкъ *Низами*, направленіе духа того времени, имѣвшія вліянія и на произведенія нашего поэта. Любопытные могутъ почерпнуть о немъ подробныя свѣдѣнія изъ самаго источни-

---

а) Hammer, Geschichte der schönen Redekünste Persiens
Wien, 1818.

ка: въ сочиненіяхъ Девлетшаха, или въ выпискѣ изъ онаго, помѣщенной въ ученомъ изданіи Г. Профессора Эрдмана: De Expeditione Russorum Berdaam versus. Casani 1826. Мы ограничимся здѣсь однимъ указаніемъ, что знаменитый Шейхъ Низамеддинъ умеръ въ царствованіе Тогруль-бен-Арслана въ 576 году Геджры (1180 отъ Р. Х.) и похороненъ въ городѣ Генджѣ — мѣстѣ своей родины.

Но спросятъ насъ, какія повѣсти заключаетъ въ себѣ его *Гамзе*? — Сія повѣсти суть: *Хозру и Ширинъ*, *Лейла и Меджнунъ*, *Семь Красавицъ*, *Книга Александра*, и одно сочиненіе нравственнаго содержанія: *Сокровищница Таинствъ*. Лучшая изъ всѣхъ повѣстей есть *Хозру и Ширинъ*, написанная имъ для Сельджугида Кизаль Арслана; Изъ *Лейлы и Меджнунъ*, переведенной на Французской языкъ Г. Шези, помѣщены были нѣкошорые опривки въ русскихъ журналахъ Г. Ботьяновымъ. Книга *Александра* или *Искендернаме* издана была въ Пепербургѣ Г. Профессоромъ Шармуа во Французскомъ переводѣ юнаго Шпиценегеля, споль рано похищеннаго смертію у музъ Восточныхъ; сверхъ того она переведена и на языкъ Лашинской въ Казани Профессоромъ Эрдманомъ. Изъ *Максеноль - Эзра* или *Сокровищницы Таинствъ*, помѣщены нѣкошорые опривки въ Персидской Антологіи Гаммера. Но, не распространяясь о прочихъ, мы изложимъ шолько содержаніе пятой повѣсти: *Семь Красавицъ* или *Гештъ Пейгерѣ*, изъ кошорой заимствована *повѣсть о Русской Царевнѣ*. Содержаніе сіе изложено съ большею подробностію въ книгѣ Г.

Эрдмана, разсмащриваемой нами, ошколь частію оное извлекаемъ.

Персидскій Падишахъ, Берамгуръ а), сынъ Іездиджерда изъ династіи Сасанидовъ, вступившій послѣ несчастной кончины своего ошца въ 421 г. ошъ Р. Х. на престолъ Ирана, еспъ герой *Гештъ Пейгера* (هفت پیکر) или *Повѣсти Семи Красавицъ*. Низами искуснымъ образомъ прищкалъ въ ней къ исторіи Берама семь другихъ прекрасныхъ повѣстей. Вопъ что образовало основу сей шкани. Берамгуръ, будучи еще наслѣднымъ принцемъ посѣпилъ однажды дворець Шавернакъ, выпроенный по повелѣнію его ошца знаменитымъ архитекторомъ Сенамаромъ; шамъ приказалъ ошъ распворить одну запершую, заповѣдную комнашу, гдѣ нашель поршпреты семи славнѣйшихъ въ мѣрѣ красавицъ. Описаніе сихъ красавицъ замѣчательно, и пошому здѣсь помѣщаемъ оное: „Тамъ была дщерь Индійскаго Райя Фуркъ, прелеснѣе полнаго мѣсяца; дочь Хакана, именемъ Наманасъ, красота коей волновала и Джинъ и Терасъ; дочь Короля Харезмскаго Наспери, важною посшупью подобная куропащкѣ; дочь повелишеля, или Шаха Славянскаго Не-

---

а) Решидъ Тебибъ приписываетъ сему Государю основаніе знаменитой Дубенской спѣны между землею Хозарь, Дешшъ Кишчакомъ и спраною Ирана, которую въ послѣдствіи докончили Нуширванъ:

صیان بلاد خزر و دشت قیچاق و بلاد ایران

зринкумъ , въ Кипайско - Греческой одеждѣ ; дочь Шаха Мавританскаго Арзипунъ , кошорая подобно солнцу служилъ свѣпиломъ для дней ; дочь Короля Греческаго Гумай , уже однимъ именемъ своимъ олицетворяющая величїе ; наконецъ Дуруспи , дочь Хозроя изъ династїи Кейкауса , въ красотѣ павлину неуступающая.“

Берамгуръ влюбился вдругъ во всѣхъ семерыхъ ; но о бракѣ съ ними нельзя было и подумать ; попому чпо опасности и враги окружали престоль , на кошорый онъ самымъ рожденїемъ былъ призванъ . Какъ скоро , однакожь , по храбромъ рапоборствѣ , онъ получилъ желанный миръ и достигъ высшей степени своего благополучїя ; по немедленно опсправилъ пословъ къ опцамъ семи красавицъ , испрашивая ихъ руку . Посольство его увѣнчалось полнымъ успѣхомъ . Каждая изъ семи красавицъ была къ нему прислана съ значительными подарками . Но негдѣ было помѣстить царевенъ . Вопъ на одномъ зимнемъ празднествѣ , случайно встрѣчаешся Шаху знаменитый архитекторъ , по имени Шида . Онъ предлагаетъ ему поспроить дворецъ для семи царевенъ , съ семью башнями , сообразно влїанїю семи планетъ , семи дней недѣли , расписанный семью различными красками , украшенный семью драгоценными каменьями . Архитекторъ изъявилъ готовность выполнить желанїе Берамгура и поспроилъ эпошь дворецъ семибашенный — de sette camerelle . Когда онъ совершенно уже былъ готовъ , и красавицы въ немъ поселились , по Берамъ въ субботу вечеромъ посѣщаль герную башню , посвященную Сашурну , гдѣ обитала

Индійская Царевна; въ воскресенье *желтую*, обреченную Солнцу, гдѣ жила Царевна Мавришанская; въ понедѣльникъ *зеленую*, цвѣтъ Луны, назначенную для Ташарской Царевны; во вторникъ *красную*, планеты Марса, принадлежавшую Царевнѣ Славянской; въ среду, *голубую* планеты Меркурія, жилище Принцессы Хоразанской; въ четвергъ, *сапфировую*, планеты Юпитера, воздвигнутую для Царевны Китайской; въ пятницу, *бѣлую*, посвященную Венерѣ, мѣстопребываніе Царевны Греческой. Берамгуръ до того просиралъ свою внимательность къ симъ Царевнамъ, что посѣщалъ ихъ всякой разъ, не иначе какъ въ одеждѣ любимаго ихъ цвѣта. За то и каждая красавица была къ нему снисходительна; каждая изъ нихъ занимала его разговоромъ какой-либо повѣсти, которая обыкновенно заключалась похвалою посвященному ей цвѣту а).

Такъ, на примѣръ, Царевна Индійская рассказываетъ повѣсть о *корзинкѣ*, известную изъ Кайлусова перевода Турецкой повѣсти *Ламія*. Другая изъ Царевенъ повѣствуетъ объ одной суровой женщинѣ, убивавшей всѣхъ своихъ любовниковъ жестокостію; третья о нѣкоемъ праведномъ мужѣ, по имени Бешеръ, который влюбляется въ женщину, завѣшенную покрываломъ. Четвертая рассказываетъ повѣсть о Русской Ца-

---

а) Такую же похвалу разнымъ краскамъ находимъ мы и въ одной прелестной сказкѣ новаго продолженія 1001 *Ночи*, омысканной Г. Гаммеромъ, известной подъ именемъ *Слоръ шести Ивовольницъ*.

ревнѣ, кошорая имѣла много жениховѣ, но не хопѣла слышашъ ихъ предложеній, пока кшо-ли-бо изъ нихъ не выполнитъ всѣхъ наложенныхъ ею условій. Сю по повѣсшъ и перевелъ Г. Эрдманъ. Описаніе неприступнаго замка, избраннаго красавицею для своего мѣстопребыванія; различныя средства и шалисманы, упошребленные ею для защиты; несчастная участь многихъ искашелей ея руки; ошважная предпріимчивость одного юнаго Князя, пиршешво. . . Всѣ эпо написано широкою восшочною кистію, блестящею сравненіями, рѣзкою, метафорическою, своеобразною манерою; однимъ словомъ, эпо прекрасный восшочный арабескъ, плѣняющій неподдѣльною свѣжешью красокъ! Мы не принимаемъ на себя обязанности расказывашъ подробно содержаніе повѣсши. Канва, легко брошенная нами, обозначила пошько нѣкоторыя узоры — немногія данныя! Если она могла возбудишь вниманіе публики, шо самый переводъ Г. Эрдмана полнѣе, ошчешистѣе удовлетворишь каждаго, и наша цѣль будешъ совершенно достигнута.

Мы бы желали сказашь нѣсколько словъ о переводѣ, вообще ясномъ и чисшомъ; но боимся чшо эпо завлечешъ насъ слишкомъ далеко. По сихъ поръ еще въ ученомъ свѣшѣ раздѣлены мнѣнія объ обязанностяхъ переводчика. Одни перебушюшь буквального, и если уже не-буквального, шо весьма близкаго перевода съ подлинника; желающъ чшобы подлинникъ опразился въ переводѣ, какъ въ зеркалѣ, забывая, чшо подобное ошраженіе имѣешъ много несообразностей: правое всегда дѣлаешъ лѣвымъ, и на оборощъ. Дру-

тіе хотящъ видѣшь въ переводѣ одинъ духъ подлинника, представляя на волю перелагателя облакашъ оный по собственному его произволению, и такъ сказашъ пересоздашь для него шѣло — всю матеріальную часть оригинала. Мы, съ своей спороны, весьма далеки опъ того чшобы назвать который либо изъ сихъ двухъ способовъ совершеннымъ, и односпоронность ихъ въ особенноти обнаруживаешя въ предложеніяхъ съ Воспочнаго. Примѣровъ далеко искашъ не надобно. Возьмемъ начало одной оды Гафица, изъ *Дивана* его, книга *Даль*:

چو آفتاب می از مشرق پیاله برآید
زباغ عارض ساقی هزار لاله برآید

Буквальное предложеніе сихъ строкъ будетъ:
„Если солнце вина взойдетъ изъ востока чаши,
тысяча шюльпановъ расцвѣшешъ на ланишъ чашника.“

Джонъ Пошъ перевелъ это слѣдующимъ образомъ:

When from the goblet's lastern brim shall rise
The gladd'ning sun-beams of our sparkling wine;
To grace the maid, tulips of richest dayes
Shall on her check's empurpled garden shine.

Гаммеръ:

Wenn die Sonne des Weins vom Osten des Bechers
heraufkempt,
Sieh! wie im Rosenbeet des Schenken die Tulpe
herauskومت.

Переводъ Гаммера буквальный; но онъ тешенъ и не живописенъ; переложение Поша гораздо

щеголевапѣ, и не взирая на свою невѣрность, полнѣе выражаешь мысль Гафица, копорый хотѣлъ сказать: „Если вино, подобное солнцу, устремится изъ чаши, какъ изъ воспока, то ланипы чашника зарумянятся подобно шюльпанамъ.“

По нашему мнѣнію попѣ только переводѣ можетъ назваться изящнымъ, копорый, сохраняя красоты природнаго языка, передаетъ на оный чужеземный подлинникъ, въ помѣ разительномъ сходствѣ, въ кошоромъ, какъ въ искусно сняпомъ поршрешѣ, всякой узнаешь лице, служившее оригиналомъ, не взирая на то, что кудри набросаны на полошно безъ счеша, и не каждая морщинка, скользящая по лбу, аккуратно выведена. Игра физиогноміи схвачена; лице только что не говоритъ и не дышетъ: — чего желать болѣе!

Чтобъ познакомиться нашихъ читателей съ расказомъ *Низами* и опчаспи съ переводомъ Г. Эрдмана, мы помѣщаемъ крашкое всшупленіе и пачало расказа *Красавицы Замка*. Просимъ напередъ извиненія у почшеннаго перелагашеля, если не вполне, и не близко передадимъ на языкѣ Русскомъ тѣ красоты, какія представляешь намъ его ученое переложеніе. Передаемъ какъ умѣемъ:

. . . . .

И какъ вчера, въ такой же лсный день, —

Въ Тирѣ мѣсяцѣ а) чухъ зрима ночи тѣнь —

Въ прекрасный день, во вторникъ, — опъ изъ дней

а) Мѣсяцъ Тирѣ, — нашъ Іюнь.

Какъ перлъ блеститъ въ вѣнцѣ седмицы всей,
Берама въ день; его носящій цвѣтъ,
Могучій Шахъ, чьей славъ мѣры нѣтъ,
Въ чамѣ какъ огонь, весь краснымъ облеченъ,
Въ свой краснѣй дворъ всупаесть, упоенъ,
Гдѣ блескъ зари — Царевны Русской ликъ . .
Къ ея устамъ въ воспоргѣ онъ привикъ;
Онъ приласкалъ сей мѣсяцъ молодой;
Онъ слился съ ней, какъ солнца лучъ съ волной.
Предъ нимъ раскрытъ чертогъ во всей красѣ,
Ему служивъ — ея желанья всѣ!
Лишь только ночь широкой свой навѣсъ
Накинула на ясный сводъ небесъ,
Красавицу, чей свѣжій блескъ ланинъ,
Какъ яблоко душистое манинъ,
Склоняешь Шахъ начавъ ему разказъ,
Чтобъ усладить свиданья свѣтлый часъ.
Послушная любви на сладкій зовъ,
Она ему нишъ крушыхъ жамчуговъ
Лепетъ изъ устъ, пурпурныхъ какъ рубинъ:
„Врата небесъ — дворецъ пивой, властелинъ!
„Блескъ мѣсяца и солнца — пивой шаперъ,
„Подъ сѣнь его дерзаетъ ли хопъ одинъ?
„Дерзаетъ ли кто на Гурій броситъ взоръ?“
Такъ свой разказъ, начавши похвалою,
Разсыпала она рубиновъ рой.

Послѣ этого слѣдуетъ самая повѣсть: вопль ея начало:

Въ моей Руси, въ странѣ моей родной,
Былъ свѣтлый градъ, какъ дѣва красной;
Его избралъ столицей Падшахъ,
Лелѣя дочь въ возвышенныхъ стѣнахъ,
Она была одна лишь у онца.
Прелестный взглядъ легко скользилъ въ сердца;
Огнискѣй розъ былъ цвѣтъ ея ланинъ;
Какъ спройный кедръ былъ тонкій спанъ разинъ;

И что предъ ней ликъ мѣсяца молодой!
 Сахарныхъ устъ алкаль влюбленныхъ рой!
 Кто могъ бытъ швердъ разъ въ жизни встрѣпшисъ съ ней!
 Ахъ, жизнь безъ ней, была лишь жизнь пѣней!
 Она пѣжикѣй душистаго млека;
 Съ ея кудрей, въ дыханьи вѣшерка,
 Духъ москуса на грудь шоску свѣвалъ;
 Въ ней розъ цвѣшникъ; но шипъ ихъ уязвлялъ;
 Свѣжѣй весны былъ блескъ ея лица,
 И съ чѣмъ сравнишь? — Нѣтъ краскамъ образца!
 Дремалъ Нарцисъ въ увлаженныхъ очахъ,
 И пламя розъ — диргемя въ ея чертахъ! а)...

Любители просвѣщенія найдуть много любопытныхъ свѣдѣнй, о нравахъ и обычаяхъ во-спока, въ примѣчанйяхъ, приложенныхъ къ Пѣмецкому переводу Г. Эрмана. Мы, по необходимости, старались избѣгать сихъ подробностей, чтобы не увеличитъ нашу статью. Эша же самая причина побуждаетъ насъ отказать себѣ въ удовольствіи заняться полнымъ разборомъ перевода. Не беремъ на себя шрудной обязанности произнести о немъ рѣшительное мнѣніе. Входитъ въ шонкости Персидскаго языка, показатъ какъ близко достигнуль переводчикъ предположенной имъ цѣли; наконецъ, опредѣлитъ мѣсто сему переводу между подобными, являющимися на горизонтѣ, усвоеннаго Европою ориентализма... Все это, сознаемъ охотно, было бы выше силъ на-

---

а) *Диремъ* — серебряная монета. На Востока существуетъ обыкновеніе украшатъ ими грудь и голову. Здѣсь авторъ хотѣлъ выразитъ, что она розовою пѣжностью лица своего составитъ себѣ счастье, ш. е. можеть надѣяться значительнаго калыма.

шихъ. У насъ есть Такинны, Болдыревы, Сенковскіе, Френы, Шармуа, Шмишы, и другіе, извѣстные своими учеными трудами, своими глубокими познаніями языка и лингвистическаго Востока; имъ предстоитъ произнести мнѣніе о книгѣ, появленіе которой могло только исполнить сердце наше радостію, какъ блестящая заря, предвѣстница новыхъ, прекрасныхъ трудовъ высоко уважаемаго нами Казанскаго Оріенталиста.

ДЕЛИВЮРАДЕРЪ.

Декабря 13.
1833.

VI.

ЛИСТКИ ИЗЪ ПРОВНЫХЪ ЛИСТКОВЪ ДЛѢ СОСТАВЛЕНІЯ ИСТОРИИ РУССКИХЪ СКАЗОКЪ.

VII.

Что началъ, то продолжаю.

Безсмертный Кацій, кромѣ уже сказаннаго о немъ а) было существо весьма презрительное: это суконецъ, подлець, безобразный сластолюбець и припомъ *скелетъ*, основъ носившій только *какой-то* образъ челоуѣка!...

а) О безсмертномъ Каціѣ было говорено выше.

Мальчикъ съ пальчикъ и *Старикокъ съ ноготокъ* объясняютъ свой характеръ также, какъ и *Кашій*, сами собою. Оба они волшебныя, но благоприспойныя диковинки. Впрочемъ, по сказанному разсказу явствуетъ, что наши красавицы всегда благосклоннѣе бывали къ мальчикамъ съ *пальчикомъ*, а опъ шаричковъ съ *локотокъ* ожидали только рабскихъ услугъ. Но это дѣло давнее, былина сказочная. . . .

Вихорь, или *Вихрь*, Русскій Борея, или что-то такое Борею подобное; онъ одинъ только изъ всѣхъ Русскихъ боговъ проказничаетъ въ Русскихъ сказкахъ по-Юпиперски. Онъ вездѣ лепашетъ и что ему приглянется, все похищаетъ; молодець, удалецъ, но нешакъ *скороменъ*, какъ Юпиперь! Вѣрная подмога *Вихрю* волшебный жезлъ, или палица. Она неприспупна, она недошрога; но, однакожъ, вдохновенные любовью хилпрецы-царевичи, нерѣдко и ее лавливали, вырывали у Вихря и сами пользовались ею, какъ собственностію. А безъ палицы и Вихрь шерялъ свою силу!

Не упомяну о *Лпшпхъ*, довольно извѣстныхъ намъ по чудному свойству равняться съ правою, когда бѣгушь они по лугу, и съ самыми высокими древами, когда идушь по лѣсу. Пѣшь больше повшореній о *Видьмь* шреклепшой, принимающей обыкновенно образъ сороки; о *Кикиморь*, ночью спрашилищѣ, всегда неопрятномъ, бродящемъ съ густыми, нечесаными, сваленными, какъ войлокъ, волосами; она или оно занимаетъ у насъ должность Мороея и разсыпаетъ на сонныхъ мечшмъ всякаго рода! Что сказать мнѣ о *Посвисть*, гласомъ, кошораго (*молодецкимъ посвистомъ*) коман-

довали наши вишязи; о *Русалкахъ*, или, какъ кпо-шо ихъ назваль, *Рус-ваалкахъ*, мспящихъ за подсмопръ ихъ очаровашельныхъ прелесшей смершельнымъ щекошаньемъ? При нихъ счаспливы были шолько шѣ, которые, не боясь щекошки, не могли умирашь со смѣха. Злодѣйки! . . .

VIII.

Безъ повтореній сказка не въ сказку.

Начинаешся, починаешся опъ сивки, опъ бурки, опъ вешняго каурки . . . Да, да, говоря о сказкахъ, какъ не впорить за сказкою жъ? И такъ продолжу ояшь о помъ же, о чемъ, можешъ бышь, намѣкаль уже не однажды:

Паши кладязи спуденцы были свяпы своею водою и опъ шого ихъ звали *святым*и спуденцами. Шнѣ никшо не укажешъ, въ кошоромъ изъ нихъ важивалась *живая* вода, а въ кошоромъ *мертвая*; а вѣдъ важивалась? . . . По время чего не изгладить?

Нашъ *Царь Морской* былъ шоже, чшо Непшунъ, а у него въ командѣ были *Чуды-Морскія*; иные изъ нихъ *Чуды-Юды* о двѣнадцати главахъ; случалось (когда они серживались), чшо никакой пловунъ (пловець) опъ нихъ не убирался: бывало онъ поидешъ на дно, да и пузырья въ верхъ! Царь Морской, какъ и всѣ позапрошлые боги, великій былъ лакомка до красавиць и вопъ *Чуды-Юды*, шаскивали ихъ къ нему по цѣлымъ десяткамъ. Ушацишь и, сиди милая, вѣкъ въ водиць, кушай шину! . . .

Райская птица *Жаръ*, мы уже знаемъ, привлекательна была какъ солнце, знаемъ, что она почивалась одной изъ первокласныхъ нашихъ божественныхъ принадлежностей; но всѣли помнятъ то, что она пѣла только *пѣсни Царскія* а), что она, имѣя даръ пророчества, служивала онымъ только людямъ испытанной добродѣтели; а на *злыхъ*.... бывало надешишь другая птица *Гагана*, (о которой мы уже говорили) да какъ *понесетъ* клевать своимъ *носищемъ съ загагулиной*, шупъ ужъ злой-врагъ держи ухо воспро, а по ни зуба во ршу, ни глаза во лбу, заразы не будешь!

Полканъ или *Полеханъ* существовалъ полуконемъ и получеловѣкомъ. Въ честь его, еще и понынѣ, нѣкоторыя изъ Рязанскихъ и Владимірскихъ просполоудиновъ имѣютъ какое-то шоржество. Оно бываетъ, кажется, около Ильина дня, въ другихъ мѣсахъ ранѣе, именно, тогда какъ совсѣмъ уберетъ сѣно.

Наконецъ вопъ еще нѣсколько словъ о *сивкѣ буркѣ, вешней кауркѣ*. Это чудный конь, къ нему въ одно ушко спойло только влѣзть, а въ другое вылѣзть, по и будешь такимъ молодцемъ, о которомъ ни въ сказкѣ не скажешь, ни перомъ не опишешь.

Какъ много здѣсь Воспока! Съ такими картинами наши сказки и послѣ тысящелѣтій, и послѣ всѣхъ ужасныхъ переменъ, случавшихся

а) Изреченіе древнихъ Россіянъ: *Птицы райскія поютъ пѣсни Царскія!* Это самое сохранилось и на дубочныхъ картинахъ.

съ нашими стариками, переходя изъ устъ одного народа въ уста другаго, все еще пахнушь Гангомъ, или Гангесомъ... Далекое, конечно, а Индія, воля ваша, была намъ роднею.

IX.

Подробности встрѣчь Сѣверныхъ Русскихъ сказокъ съ Южными Русскими Сказками.

Но въ тоже время, какъ мы и видѣли, когда къ намъ съ Юга шли и доходили повѣсти *названныя* воспочными или испинно воспочныя, отъ Сѣвера начали съ ними встрѣчаться и встрѣтились пѣсни, повѣрья и сказки ихъ предшественниковъ. Тѣ и другія уже не узнавали другъ друга; паспущескіе посохи жипелей Юга переломлялись сами собою, или пересѣкались желѣзомъ, уже вооружавшимъ ихъ сѣверныхъ собратьевъ; но языкъ Славянъ-Нордмановъ, хопя и сильно оварварившійся Нордманизмомъ, скоро помирилъ брапски и шѣхъ и другихъ между собою. Есть сказочники а), которые полагають, что эта же самая встрѣча опредѣлила навѣки нѣкопорохъ сѣверныхъ могучихъ Славянъ отъ изнѣженныхъ дѣшей Юга; сіи послѣдніе, посредствомъ своей полуденной гибкости и еще несовсѣмъ завѣтренной, отъ суровости климата, красоты, весьма проворно нашли путь къ сердцамъ женъ Сѣвера. „Сердце женщины, какъ замѣшилъ тогда одинъ Арабскій сказочникъ, всегда женское; если холодно, то грубо и неприспужно; но зарони

а) У Черногорцевъ. Свидѣтельство Майора *Е. М. Маркова*.

ты въ него хопя одну искорку *пламени*, это же сердце вспыхнешь и уже ничто не зальешь въ немъ ужаснаго пожара!“ Такимъ образомъ оскорбленные Славено - Нордманы вынуждены были объявить самую непримиримую вражду и Южнымъ своимъ брашьямъ и Сѣвернымъ женамъ своимъ. Пасшыри спадъ пошчасъ покорились народу воинственному; за то измѣнившія-Сѣвернымъ мужьямъ жены, а большею частію, не были ими побѣждены: онѣ, сославивъ изъ себя (баснословное племя) Амазонокъ, избрали надъ собою изъ среды себя военачальницу, непобѣдимую Царь - Дѣвицу (вѣроятно она была повтореніе древнѣйшей южной Царь - Дѣвицы)?

Овладевши нѣкопорыми берегами морей Чернаго, Азовскаго и даже Каспійскаго, жены-героини, на степяхъ и долинахъ, наносили страхъ не только народамъ Славянскимъ, но въ послѣдствіи, какъ говоришь басня, даже Грекамъ и Римлянамъ! Пріятно было нѣсколько времени пожить въ плѣну Амазонскомъ; но какъ недолго бывало это время для плѣнника - мущины! Послѣ всѣхъ его воспорговъ и послѣ всѣхъ ласкъ несравненныхъ, законъ Амазонокъ строго предписывалъ каждому плѣннику или мечъ или огонь: его непременно или умерщвляли или сожигали.

X.

Новости въ Русскихъ сказкахъ и Рандомисты.

Можно полагать, что въ послѣдствіи времени Кіевъ и Повгородъ были главнымъ мѣстомъ средопочія всѣхъ соединившихся Славянскихъ родовъ (достигавшихъ Россіи). Тутъ образовались ихъ первыя республики. Повгородъ, ближай-

шій городъ къ Сѣверу, сильнѣе Кіева дѣйствоваль надъ умами сѣверныхъ народовъ, впрочемъ, хопя и немногочисленныхъ, но еще не умершею опть нѣги, своею Сѣвальною храбростію, для жипелей Юга, весьма убѣдительныхъ. Таковы напр. собсшвенно Новгородцы, дикіе Древляне, Дреговичи и проч. Князья и полководцы Сѣверные также преимущестшвовали предъ самыми сильнѣйшими князьями и полководцами Южными. Посреди южныхъ народовъ, изнѣженныхъ и слабыхъ, когда появлялся крѣпкій Нордманъ, по прошивъ него не было ни спорщика, ни сопрошивщика: ему все покорялось; его молодецкая поспунъ, взгляды богатырскій пошчасъ бывали царями!

Въ эпо - по самое время показались первыи сказки или *были* о Рурикахъ и Вадимахъ, Аскольдахъ и Дирахъ, Асмусахъ и Свенельфахъ и проч. Тутъ смѣшались сказанія Славянскія съ выдумками, или *былинами* Исландцевъ, Бришовъ, Поруссовъ, Свеевъ и проч. и вошь тогда же породились у насъ Яр-ус-Ланы (*Ланды?*), или Рус-Ланды, Бала-Міры, исполины Спер-На - Туры и Тур - Бѣл - Сы; тогда пошько они всѣ слились съ роскошью восточною и составили въ себѣ опть всего *Сѣверо-Южнаго* нѣчто особливое. Жаль, что многіе изъ сихъ преданій, новѣйшими издашедеми оныхъ совершенно уновлены. Весь эпошнъ періодъ *перваго* смѣшенія нашихъ сказокъ продолжася, можешь бышь, до 1056 года, пошесть, до рожденія Нештора а)

а) Въ другомъ опшошеніи эпо уже замѣшка старал! Наприм. почтеннѣйшій нашъ ученый Профессоръ М. Т. Каченовскій и нѣкошорые другіе археографы и археологи уже худо вѣрляшь Нештору и почти всему шому, что касасешся до Нештора.

И шочно шолько предъ рожденіемъ Неспора, или по крайней мѣрѣ шолько за нѣсколько лѣтъ до него уже *самобытныя* Русскіе рапсодиспы начали воспоминашь о дѣлахъ и пирахъ солнышка-Владиміра, о судѣ и правдѣ мудраго Ярослава, о дивной, удалой дружинѣ шого, или другаго Князя и проч. Тогда-шо появились пѣсни о Муромцахъ, Поповичахъ, Пленковичахъ, мужикахъ Заольшанцахъ, Князяхъ Богуславцахъ и проч.

XI.

Извѣстность Славяно - Русскихъ рапсодій и сказокъ.

Всѣ вышеупомянутыя сказки и поэмы (рапсодіи) равно, какъ на прим. и слѣдующія: *Ивань богатырь, сынъ крестьянскій* (христіанскій), *Смиреникъ мужъ и брюзгуха жена* а) далѣе: сказки о *Буривовъ витязь, о Сампсовъ Лукьяновъ сынъ, сильномъ можемъ богатырь и о Судьбьславъ царвнъ* и проч., будучи взяты вообще съ первоупомянутыми сказками, къ копорому именно племени принадлежатъ изъ племень Славянскихъ и гдѣ рождены: на берегахъ Днѣпра, или Дуная, на Черномъ, или Средиземномъ морѣ, близъ озера Ильменя, или гдѣ въ другой спранѣ нынѣ или когда либо обишаемой Славянами, о шомъ вѣрныхъ угадокъ нѣшь! Такъ, по крайней мѣрѣ замѣчаешъ одинъ изъ сѣдожелшыхъ дѣдовъ, большихъ охотниковъ до сказокъ.

а) Сю послѣднюю пѣснюгда распѣвали и Молдаванскіе цыгане. Вошъ Русскій переводъ нѣсколькихъ стиховъ изъ *Смиреника-мужа*:

Жошычка лапушка,

Цельзя, однакожь, не утвердишь того, чтобы къ массѣ многообразныхъ Русскихъ повѣстей не присоединялись иногда также выдумки сосѣднихъ народовъ, такъ на прмр: сказки и повѣсти Болгарскія, розказни жипелей Трансильваніи и Вельховъ, Далмашовъ и Сербовъ, Босняковъ, Венгровъ, Молдавцевъ и другихъ *сусѣдей*, болѣе или менѣе на Славянъ имѣвшихъ вліяніе своими косвенными и прямыми сношеніями. Къ особенному роду сихъ сказокъ, по догадкѣ, можно причислишь диковинныя сказки: *О Петръ Королевицъ*, *о Силь Царевичъ*, и даже многія другія, почти такія же.

Сказки, повѣсти и пѣсни (рапсодіи) Русскія не только во времена Владиміра, но и во времена междоусобій и послѣ оныхъ, смѣшивались между собою и съ *иностранными* почно также, какъ и переходившіе на Русскую землю народы. Кромѣ

Въ головѣ шумать!
 Жоньчка сердынько,
 Нашрушниль се
 Рыбій гребень пшой!
 Жоньчка душечка,
 Вся головушка
 Опъ гребня болиль!
 Жоньчка лапушка,
 Не чеши гребнемъ
 Мгѣ головушка!
 Жоньчка сердынько,
 Годова моя
 Какъ у козлища!
 Жоньчка душечка,
 Повини виной
 Ты одну себя —
 Я бодашь хочу!

шого, всякой изъ Славяно-Росскихъ Князей, возвращаясь съ воинской или съ удалой добычи, привозилъ съ собою не однѣ богатыя наживы, соспоявшія въ разныхъ имуществвахъ, но плѣнниковъ, плѣнницъ, а съ ними и сказки.

ХП.

Конечное измѣненіе характера Индо-Славянскихъ или Русско-Восточныхъ сказокъ.

По самой испытанной догадливости нѣкопрыхъ упонченныхъ криптиковъ Русскихъ сказокъ (каковы на прим: Пѣмцы), замѣчено (эпо же и для насъ очевидно), что опъ время *Владимирскихъ*, шо еспъ еще не вступно лѣшь чрезъ тысячу послѣ Рождеспта Хрисптова, наши Русскія сказки сдѣлались уже шакъ песпры и разнообразны въ своихъ харакперахъ; что безъ особенной привычки угадывать и объяснять ихъ произхожденіе не было никакой возможности. Чиспы были шолько лѣшописи Неспоровы. Въ нихъ жилъ духъ Варяжскій, въ нихъ видна какая шо правда; но до сей поры, ни одинъ еще ученый криптикъ не дерзнулъ коснуться и до нихъ перомъ своимъ, чшипели сшивныхъ нашихъ лѣшописей грозили и не перестаюшь грозить имъ своимъ, хошя и письменными, но нерѣдко, сполько же недоказанными, какъ и словесные, факшами. Для нашей исторіи еще не родился другой Шлецеръ, ученый, опважный, благородный!...

Между многими Русскими сказками оспаюшся многія, въ копрыхъ весьма ясны выдумки Арабовъ, Грузинъ, Грековъ, Ташаръ и проч. Можно даже замѣчать въ нихъ, какъ и чѣмъ искажали

ихъ другіе народы, какъ въ послѣдствіи къ нимъ же привязались новѣйшіе Герmano - Италіянцы, Французо-Германцы и проч. и проч. Сіи послѣдніи быстро вбѣгали къ нимъ чрезъ Польшу и Венгрію, и особенно при помощи Генуезцевъ, болѣе другихъ народовъ, знакомившихъ Россію съ прелестными Италіи. . . . .

ХІІІ.

Славяно-Русскія Сказки и Рапсодіи преимущественно сохраняютъ свой характеръ. Рапсодіи христіанскія. Новѣйшіе собиратели Славяно-Русскихъ рапсодій. Бѣдственна я угать самыхъ первыхъ нашихъ рапсодическихъ собраній.

Къ наспоющимъ или къ подлиннымъ Славяно-Русскимъ сказкамъ всего смѣлѣе можно причестъ Славяно-Русскія рапсодіи, или повѣсти о богатыряхъ, людяхъ извѣстныхъ силою и храбростію (випязяхъ) а) и такъ называемыя *духовныя Русскія стихиры* передѣланныя уже во время нашего христіанства навѣрное изъ древнѣйшихъ языческихъ молишвословіи; наши сельскіе, пожилые слѣпцы ихъ распѣваютьъ еще весьма охотно. Въ числѣ сихъ самыхъ стихиръ съ удовольствіемъ видимъ пѣсни объ удалыхъ походахъ *Добрыни Никитича*, о наѣздничествѣ и храбрости *Или Муромца* или собрата его *Алеши Поповича*, о пагубномъ королевствованіи *Григорья Растрги Отрепчина*, и наконецъ чисто библейскія припчи — о бѣдномъ и богашомъ *Лазаряхъ*, о *Св. Чело-*

а) *Витязь* ошъ глагола *витаю*.

вѣкъ Божіемъ Алексіъ и проч. Пѣкопорыя изъ сихъ поэмъ мы находимъ въ древнихъ стихотвореніяхъ, собранныхъ *Θ. П. Ключаревымъ* а) и *К. Θ. Калайдовичемъ* б); въ книгѣ *Рускаго Национальнаго Пѣснопѣнія* (съ большими недоспапками) въ 1809 году изданной мною. Но съ большею пріятностію прочтешь ихъ же въ журналѣ *Отечественной Музыки*, изданномъ съ голосами или съ музыкаю *Д. Н. Кашинымъ* в).

Н. И. Новиковъ и нѣкоторыя другіе предшественники упомянутыхъ писателей, при изданіи Русскихъ Сказокъ также (какъ я догадываюсь) пользовались древними рапсодіями и стихерами, еще до Ключарева и Калайдовича имъ уже извѣстными; но они, при выработываніи ихъ въ чистую прозу, во многомъ почти совершенно опспали опъ подлинниковъ. Именно сіи поправки послужили во вредъ глубокой древности нашей; а къ пуцему сожалѣнію, трудолюбивый Новиковъ, здѣсь поперялъ уже все право равняться съ Ключаревымъ и Калайдовичемъ: здѣсь его труды были на пагубу долговѣчной жизни рапсодій и сказокъ Русскихъ!

ХV.

Пѣсни и Рапсодіи, упоминающія Князя Владиміра и его Героевъ.

Пѣсни о Князѣ Владимірѣ и его герояхъ, какъ рассказы о достопамятномъ прошедшемъ

а) Изданіе 1804 года. М. въ Т. Селивановскаго.

б) Изданіе 1818. М. въ Т. Селивановскаго же.

в) Издавался въ Москвѣ 1808 и 1809.

принадлежащъ или къ позднѣйшимъ днямъ его княженія ; или , какъ думаютъ иные , начало появленія сихъ пѣсенъ относится ко времени правленій удѣльныхъ. То и другое можетъ быть весьма справедливымъ ; ихъ берегалъ народъ Русскій , какъ *былыя* пѣвцы о прежнихъ славныхъ и любимыхъ ему подвигахъ. Дальнѣйшее доказательство ихъ древности : онѣ никакъ и никогда не указываютъ на настоящее время ; большею частію , вездѣ и говорящъ и поющъ только о прошедшемъ. Въ нихъ самое употребительное слово : *былъ* и *было*.

Во славномъ *было* городѣ во Кіевѣ , запѣваетъ речитативомъ расподисъ или хаджій а) и продолжаетъ въ одномъ и томъ же прошедшемъ времени : *было* . . .

Было пированье великій пиръ ,

Было шолованье великій столъ и проч.

Иногда они пѣвали и такимъ образомъ :

Ужъ далече , далече *было* въ щесомъ полѣ ,

А еще - то шого подалѣи во раздолецѣ ,

Что не бѣлая березышка къ землѣ клонилася ,

Не шелковая въ полѣ травушка разстилалася :

Молодешенекъ , зеленешенекъ добрый молодець ;

Свѣтъ Алешенька , свѣтъ Поповичъ сынъ , поклонялся

Предъ своей родной машушкой , свѣтъ Аемьею Александровной и проч.

И вопъ уже послѣ сихъ вступленій открываются всѣ дѣйствія начашой расподисомъ поэмы.

а) *Хаджии* принадлежатъ , какъ извѣстно , къ особой сектѣ *бродлея* , о которой мы упоминаемъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.

Въ другихъ пѣсняхъ разскащикъ были указы-
ваешь на чужое спороннее, и хощя онъ измѣ-
няетъ означенію времени словами: *было*; но за-
то оканчиваетъ свое пѣніе почти всегда подоб-
нымъ стихомъ:

„То старина, то и дѣвнѣ.“

Между нами Русскими, сихъ пѣсней или по-
эмъ сбереглось не много не много, говорю, по ихъ
отношенію, къ употребляемымъ пѣвцами; но у
Славянъ Южныхъ, мѣстѣ другихъ заплеченныхъ
силами Монголовъ, говорю о Славянахъ всегда жив-
шихъ вблизи покровительсва Германскихъ или
другихъ западныхъ народовъ а), тамъ еще, и понынѣ
слышимъ какія то пѣсни и сказки весьма близкія
къ извѣстнымъ намъ пѣснямъ и сказкамъ древнихъ
Славяно - Руссовъ. Удивительно, что тамъ гово-
ряшь гораздо больше, нежели у насъ, о нашемъ
Владимірѣ Князѣ Красномъ - Солнышкѣ б).

Вошь одно изъ доказательствъ того, нѣ-
когда сообщенное мнѣ Рязанскимъ помѣщикомъ
Маіоромъ Е. М. Марковымъ в), жившимъ около

а) Каковы на прим. Словаки, жшпелл Кроаціи, Силезіи,
Моравіи, Черногоріи и проч. Впрочемъ Славяне и Черно-
горцы гораздо *мѣстѣ другихъ обиталилились*
или *огерманились*.

б) Нельзя отвергать существованія и *Сагъ* Сѣверныхъ,
упоминавшихъ о Владимірахъ, Владиміроцахъ, или о дру-
гихъ нашихъ герояхъ. Саги, какъ дешучія ихъ совре-
меницы, чего не могли знать? А если что знали и по
своему, то за что сердиться *неподобаешь*. Давай поль-
ко намъ больше смѣшлввыхъ масмеровъ, ученыхъ кри-
птиковъ!

в) Бывшимъ Капитаномъ Козловскаго пѣхошняго полка. О
немъ было упомянуто въ одной изъ книжекъ журнала *Вѣ-
стникъ Европы*, издаваемого Профессоромъ М. Т. Каче-
новскимъ.

двухъ лѣтъ вблизи Словаковъ и Черногорцевъ. „Жена Князя Володимира Галиційскаго (пишетъ Г. Марковъ) была дочь Греческаго вѣдьможи, какого-то Евпраксія. Она, заупавшись въ позволишельныхъ связяхъ съ однимъ изъ придворныхъ чужеземцевъ (Урманиномъ), подвергла себя ужасной и дополѣ никому неизвѣстной болѣзни. Князь Володимиръ Галиційскій прибѣгнулъ сперва къ молитвѣ, а потомъ къ ворожбѣ; но ничто не помогало болящей и красавица обречена была на гибель. Вдругъ проходишь мимо Галича (погдашняго мѣстопребыванія Володимира) *калика*, неизвѣстный богапырь-опшелъникъ. Онъ возвращался на родину со многими поварищами съ богомолья изъ св. града Іерусалима а). На всемъ пути, гдѣ только шелъ онъ, уже слава предшествовала его свящности И вопль Володимиръ ожидалъ его, *яко дара небеснаго*. Между тѣмъ онъ сомнѣвался, что мужъ праведный не посѣпшитъ упопшихъ во грѣхахъ адовыхъ. Но сверхъ всякаго чаянія, однажды, подъ окномъ гридни Володимировой, раздаеися голось сладкій:

„Гой еси Государь Володимиръ Князь!

„Здравствуйши ли Княгиня Апраксѣвна?“

Володимиръ Князь еле вымолвилъ:

„Ужь недѣлю къ ней не ходимъ мы!“

Повѣсть продолжается! но — очень скоро:

Молода Княгини Апраксѣвна

а) *Калики* — *закалившіе* себя на молитву. Впослѣдствіи, около времени Великаго Князя Іоанна Васильевича, они замѣнены были (по свидѣтельствѣ путешественниковъ Слоспина и Пяпуца Зимковича) *хаджами*, поклонниками также свящынѣ. Но эта секта переобразовала себя въ унизишельное имя *ханжей*. Повторю, что о путешествіи *хаджей* мы скажемъ нѣчто особое.

Вышла изъ кожуха, какъ изъ пронаспи,
 Скоро попомъ она убиралася,
 Убиралася, наряджалася
 Со своими пильками и мамками
 И съвинными красными дѣвушками, и проч.

Подобныхъ рапсодій у Славянскихъ племенъ еще очень много. Какъ не пожелаешь дознаться, о какихъ Володимірахъ въ нихъ идетъ дѣло? Иногда невольно думаешь, что весь бытъ Южныхъ Славянъ перенесенъ ошибочно нашею сѣвernoю исторіею къ намъ на Сѣверъ съ Юга и что опъ того-то именно въ нашей древней исторіи такъ много сбивчивостей, недоразумѣній и проч. а). Впрочемъ, если уже лишимъ нашу исторію всѣхъ дѣяній принадлежащихъ фактамъ Южныхъ Славяно-Руссовъ, чтожь тогда будетъ содержать въ себѣ одна наша *холодная Сѣверная Исторія*?

XVI.

Ближайшіе товарищи древнихъ Индійскихъ сказокъ и еще повтореніе о Русскихъ сѣверныхъ сказкахъ.

Въ моихъ первыхъ листкахъ я упоминалъ, что повѣсти или саги, переходившія къ намъ

-
- а) Въ 1796 и въ 1808 годахъ, какіе-то Англичане (это почти повтореніе примѣчанія къ III листку), путешествуя по Индіи нашли тамъ, въ *какихъ-то* горахъ, остатокъ народа, говорящаго почти однимъ языкомъ съ *Русскими*. Одинъ изъ путешественниковъ замѣчаетъ, что отсюда (изъ Индіи), какъ изъ разсадника народовъ, двинулись къ западу Азіи, между прочими, и первыя племена народа, названнаго въ послѣдствіи Славянами (Tholowin); они сначала поселились на берегахъ Чернаго моря, въ Галліціи, Лузаціи, Моравіи и проч. стѣснились междуусобіями и скоро двинулись (слабѣйшія части) къ Сѣверу. Тамъ обоготырѣвши въ снѣгахъ и морозахъ, они уже вспрѣчали

изъ Индіи, сушь одиъ изъ самыхъ глубокихъ древностей намъ принадлежащихъ ; къ нимъ ближе всего подходяшь своею древностію сказки и повѣсти Арабскія, Грузинскія и, наконецъ, совершенно особыя своимъ характеромъ, но гораздо ближайшія однимъ и тѣмъ же предметомъ самой повѣсти, сказанія или саги Нордманскія; онѣ столькоже чудесны, какъ и всѣ первыя; но въ нихъ пошчасъ замѣчаешь какую-то жесткостъ, что по особое *сѣверно-богатырское*. Тупъ уже дѣйствующіе — Эймунды, Ингвари, Торворы, и проч., диковинки не на землѣ, а въ морѣ, на рѣкахъ, на озерахъ. Но и земное ихъ сколько чудно, сполькоже ужасно: ихъ лѣса дремучи, безконечны; ихъ горы — обнаженныя скалы; на сихъ горахъ вышачиваюшся богатырскіе мечи-кладенцы Нордмановъ; орелъ желѣзокогшый, воронъ черный съ перьями закалеными какъ сталь — райскія ихъ птицы! Всѣ поля людей желѣзныхъ вѣчно скованы льдами, въ самое жаркое лѣто, которое почитается шамъ рѣдкимъ; на поляхъ Нордмановъ роспушь и цвѣпушь шолько *горькая* полынь и черное быліе. У грозныхъ сѣверныхъ богатырей нѣтъ и признаковъ солнца, ни даже чего либо близкаго солнцу. Но вѣка сихъ и вышеупоминаемыхъ южныхъ сказокъ (кто въ шомъ поспорить?) слилися между собою въ какое-то (но въ одно и тоже) время на Руси.

какъ невольниковъ, послѣдующихъ выходцевъ своихъ собратій. Легко спашенся, что всѣ прежніе (древнѣйшіе) враги Славянъ, Азіатцы, узнавъ о мѣсплахъ ихъ убѣжищъ, по закону мщенія, объявили себя навсегда ихъ врагами; таковыми были Печенеги и всѣ Ташарскія племена.

Позднѣйшій центръ ихъ сходбищъ былъ Новгородъ, или, можетъ быть, не въ вѣкахъ ли погибшая славная приспанаь Нормандскихъ удалцевъ — Ладога? . . .

XVII.

Сказки Грузинскія. Русскіе сказочники называютъ себя Бовами.

Къ числу Грузинскихъ сказокъ, хопя съ *Ивашкою бѣлою рубашкой*, принадлежащимъ къ выдумкамъ Индійскимъ, я смѣло отношу извѣстную на руси сказку (разказъ) о *Царевичѣ Силѣ*. Имеретійскій владыко Сило (Сіло), какъ баснословный богатырь (въ родѣ историческаго Искандера), по свидѣтельству многихъ рассказиковъ о Грузіи, былъ извѣстенъ за самаго храбраго, сильнаго, непобѣдимаго спранспвующаго воина. Онъ даже подходилъ къ предѣламъ міра и посылая свою дружину на одну желѣзную, высочайшую — гору осмошрѣшь отдѣлъ хаоса отъ земли, пошерялъ памъ двоихъ изъ самыхъ отличнѣйшихъ своихъ героевъ, а прешьяго выручилъ, но увидѣлъ его, уже навсегда, безъязычнымъ. Эшо вошь какъ было: первые два посланные, входившіе одинъ за другимъ на гору, взглядывали въ неизвѣстность за горою, вскрикивали, хлопали въ ладони и погружались безвозвратно въ хаосъ! . . . Тоже бы случилось и съ прешьимъ посланникомъ Силинымъ; но эшого соглядатаеш привязавши канашомъ удержали; а за шо онъ, лишившись упошребленія языка, не могъ уже никогда объяснишь никому, чшо шакое было за горою. И вошь удачный прежде вездѣ Имере-

пійскій Царевичъ Силó пошелъ, шеперь опть чудной горы, *какъ несолоно похлебавши*. Сію же повѣсть рассказывающъ и Греки, какъ мы Русскіе; но и тѣ и другіе по своему. Въ Грузинской сказкѣ о Царевичѣ Силó закрадывается рассказъ о *Сарацинской* шляпѣ. Это не мудрено: сей Турецкій миѣзъ принесенъ въ Грузію, какъ диво сосѣднее. Турки всегда были коренные Азіяпцы, дикари, долго нарушавшіе мирную жизнь Индійскихъ, Персидскихъ и другихъ образованныхъ Азіяпскихъ народовъ.

Между прочими сказками принадлежащъ къ Грузинскимъ же выдумкамъ сказка о *весьма гудныхъ и прекрасныхъ гуслихъ самогудахъ* и многія другія. Въ стихотворномъ рассказѣ о *гуслихъ* воспѣвается красота Египетской Царевны *Огиды* и къ ней любовь знаменишаго Ташарскаго Царевича *Астараха*, сына премудрѣйшей изъ Царицъ *Халтурги*.

По преданію, сохранившемуся между нѣкоторыми народами Азіяпскими, замѣтно, что ихъ древнія гусли весьма близки были къ извѣстной Эоловой арфѣ; на нихъ игрывалъ *вътеръ*; онѣ гудѣли сами собою и опть шого назывались *гуслими самогудами*.

Въ скорописной шепрадкѣ разныхъ почерковъ XVII вѣка, принадлежавшей бывшей Библіотекѣ Графа Ѳ. А. Толстого (№ 442), находилъ ся также извѣстная въ Грузіи повѣсть о *дщери Иверскаго Царя*, *двѣщѣ Динаръ Царщѣ*; къ ней присоединенъ эпипетъ: *душеполезна зп-ло!* Тамъ же есть и другая, подобная же Грузинская выдумка о *Царѣ Аггелѣ*, како онѣ по-

страдаше гордости ради, повесть преславна и душеполезна злы! Но этого Грузинскаго Царя Аггея, едвали не должно счесть за одно съ Греческимъ Царемъ Эгеемъ? Впрочемъ переписчикъ разныхъ Россійскихъ рукописей, дьячекъ Василій Ивановъ *Бова* на сей послѣдней изъ упомянутыхъ повѣстей опмѣшилъ, что эша повесть: *не самогудамъ чета; ее Цари Миликійскіе (Имеретійскія) читаютъ, а Царицы имъ подсказываютъ.* Сей переписчикъ, дьячекъ *Бова* (какъ значился въ описаніи рукописей Графа Толстого), былъ еще живъ въ 1697 году; слѣдовательно онъ, говоря о *гусляхъ самогудахъ*, почипалъ ихъ, какъ уже всѣмъ извѣстныя, древнѣйшими повѣстей о *Царицѣ Динарѣ* и обѣ *Царѣ Аггее*, которыя, равно какъ и первую повѣсть, именовалъ онъ сказками или сказаніями Иверскими; что подтвердилъ и внукъ, или правнукъ его Василья *Бовы*, Симіонъ *Бова*, долговязый шкачь, великій сказочникъ и рапсодистъ, жившій, сколько я помню, въ Переславле-Залѣскомъ уѣздѣ, около 1794 года. Замѣчательно, что и многіе изъ славнѣйшихъ Русскихъ сказочниковъ, едвали не съ той поры, какъ проявилась на Руси сказка о славномъ и храбромъ Вишпязѣ *Бовѣ*, въ честь его назывались *Бовами!*

Обращаясь къ Грузинскимъ сказкамъ можно заключить шѣмъ, что и онѣ такъ слиты съ переходившими въ Россію черезъ Грузію Индійскими сказками и попомъ такъ перепорчены изъ шѣхъ и другихъ Славяно-Сербскими опдумками, придумками и выдумками, что уже большіхъ

трудоу и большой привычки споншь дознание ихъ подлиннаго произхожденія!

XVIII.

Сказки Арабскія и Греческя. Мифологическя Греческя Герои въ смъшеніи съ обрусъвшими Индо - Нормандскими выдумками.

Гораздо менше у насъ затрудненій — оплечить, между другими повъспями, чисто Арабскя повъспя. Таковы на примъръ: Царевичъ *Мулла-Андряхъ Ибрагимовичъ* съ Царевною *Салла-Лех-Амлей*; Мавришанскій Королевичъ *Абахай*, или вѣрнѣе *Абысъ* (у иныхъ *Ибисъ*) *Ханъ*; сказка о *говорящей птицкѣ, поющемъ дровъ* и проч. Эта послѣдняя сказка естъ и на Нѣмецкомъ языкѣ. Повъспь о *бѣднякѣ Арабѣ* (на Рускомъ о *крестьянинѣ*) и *услужливой сумкѣ*, до нынѣ еще, какъ диво *Арабское* (по свидѣтельству нѣкоторыхъ нашихъ воиновъ, бывшихъ въ Турціи), рассказываютъ Болгары. Сказка о *яхонтовомъ перстнѣ*, кошорый *Зулма* дарить, какъ волшебный охранительный талисманъ своему любимцу *Мирзѣ*, у насъ также рассказываютъ по своей Русской передѣлѣ; но она, какъ и многія другія, принадлежитъ къ Арабскимъ же сказкамъ.

Впрочемъ тогда же, какъ спекались къ намъ чудныя или правдоподобныя выдумки Сѣверныхъ Европейцевъ, и съ другой стороны, вмѣстѣ съ ними же, розказни всякихъ Азіяшцевъ; изъ Греціи, пристани всехъ разнородныхъ изобрѣшеній разума человѣческаго, еще до просвѣщенія наше-

го вѣрою во Христа, мощно вшоргались къ намъ басни и придумки. Онѣ, подѣ шайншвеннымъ шипомъ исторій, сохранялись въ видѣ чего-то особенно священнаго разсказами: о *Мелентесѣ и Аріаннѣ*, о *Паламедесѣ и Епихарисѣ*, обѣ *Аполлонѣ Богѣ*, *Королѣ Турскомѣ* и проч. Мы, Русскіе, съ изумленіемъ извлекали отсюда своихъ боговъ, а въ послѣдствіи, когда поняли грамошу, даже и подвиги ихъ, какъ нѣчто драгоцѣнное, хранили въ особыхъ книгахъ. Одинъ изъ шаковыхъ сборниковъ былъ еще переписанъ въ началѣ XVIII вѣка на 345 лиспахъ и находился въ Библіотекѣ Графа О. А. Толстого.

Притчи Эзоповы, а всего чуднѣе даже *Диалектика Аристотеля*, также съ давнихъ временъ начали быть извѣстны *Славяно-Руссамъ*. У насъ естъ шой и другой рукописи гораздо старѣе XVII вѣка!

Сколько можно замѣчать, Греческіе мнѣи чрезвычайно правились намъ Русскимъ; но они однакожъ не могли ошаваться въ своемъ чиспомъ видѣ, ибо шотчасъ, почти на первомъ ихъ шагу въ Русь, всегда сивались съ нашими *Делями*, *Поделями*, *Ладами* и проч.

Эпо заимствование нами Греческихъ мнѣовъ, если вѣришь нѣкошорымъ глубоко-догадливымъ ученымъ, было первую побудительною причиною нашего заимствования и Хрисшіянской религіи, не ошъ другихъ народовъ, а именно ошъ Грековъ, первыхъ и давнихъ намъ знакомцевъ даже по самому язычешству.

МАКАРОВЪ.

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

О ВЛІЯНІИ ФАНТАЗИИ НА ЦѢЛОСТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НАУКИ ВООБЩЕ. а)

Мыслипели, живущіе въ міръ сущест-
венностей, приковывающіе взоръ свой къ
однимъ формамъ предлежательно-реального
бытія, обращающіеся духомъ своимъ поль-
ко въ безграничной сферѣ общности, а
стихію недѣлимости почитающіе для се-
бя всегда шѣсною, обыкновенно говорятъ,
что въ наукѣ всегда долженъ играть глав-
ную роль одинъ только разумъ. Здѣсь глав-
ный моментъ внутренней, свободной дѣя-
тельности разума соспоишь въ томъ, что-
бы принималъ разнородные матеріалы, до-
спавляемые ему извнѣ и извнутри, изъ

н) Спашья сія принадлежатъ одному и тому же автору съ
спашей *о психическомъ происхожденіи человеческого
слова*, помѣщенной въ N 19 *Телескопа* за сей годъ.
Издатель получилъ какъ ту, такъ и другую, безъименно
черезъ почту, съ штемпелемъ Сергіева Посада. Это
дастъ право заключать, что онѣ принадлежатъ од-
ному изъ членовъ Московской Духовной Академіи, гдѣ
Философія процвѣтаетъ издавна. Изд.

дольней области міра чувстввеннаго и изъ горней области міра идей, разрѣшають ихъ въ себѣ на простиѣйшія спихіи понятій, перегоняють ихъ, такъ сказають, чрезъ продолженныя опвлеченія, отдѣляють отъ всякой посторонней примѣси, каждому изъ нихъ давають свою индивидуальную форму и сливають ихъ въ одно живое, органическое цѣлое, дабы такимъ образомъ создають истинный міръ знанія, во всѣхъ часпяхъ своихъ совершенно подобный себѣ самому. Наука, симъ путемъ построаемая разумомъ, образуеть собою реальный, самоспояшельный, единымъ зиждительнымъ духомъ оживляемый организмъ, коего всѣ члены спольпѣсно между собою сросшены и соединены, что совершенно не доступно для враждебнаго вліянія внѣшнихъ, разрушительныхъ силъ. Поелику всѣ знательные моменты разума, опображаемые имъ въ наукѣ и сводимые въ ней въ одинъ фокусъ суть не иное что, какъ опраженія подлежательно-реального бытія, мысленныя возсозданія міра дѣйствительнаго; всѣ они обосновывающя на пѣсномъ соотношеніи и какъ бы нѣкоемъ взаимномъ сопрониканіи и гармоническомъ вліяніи познающаго съ познаваемымъ, суть необходимые результаты сихъ двухъ противоположныхъ факторовъ;

ихъ дѣйствія и прошивудѣйствія. Такимъ образомъ наука, получающая испочное начало свое единственнo изъ реальной жизни разума, находящагося въ ближайшемъ средствѣ съ обласцію дѣйствительныхъ бытій, есть малый міръ, въ коемъ сокращенно отражается необъятная неизчерпаемая идея общаго, реального міра, мысленная копія безпредѣльной системы природы. Міръ же дѣйствительный, его коренныя силы, вѣчные, непреложные законы и цѣли суть перво-опшечанки творческихъ вѣчныхъ идей безконечнаго ума божественнаго, который самъ въ себѣ есть числѣнная, опрѣшеная истина; идеальное съ реальнымъ, возможное съ дѣйствительнымъ въ немъ нераздѣльно и сосущественно. Такимъ образомъ поклонники разума, почивающіе его единымъ главнымъ движителемъ въ мірѣ науки, не даютъ фанпазіи никакого права на гражданство въ ономъ. Фанпазія, по ихъ мнѣнію, только разрушаетъ основныя условія организаціи науки, а не скрѣпляетъ ихъ; подъ ея вліяніемъ наука перялетъ свою реальность, всѣ главныя звенья ея превращаются въ скоропреходящіе трансцендентальные призраки, неимѣющіе и стѣни подлежательнаго бытія; поелику родная

оптчна фантазія еспь не міръ дѣйсствительный, а возможный, въ которомъ реальное бытіе движешся, какъ нѣкій исполинскій призракъ, по безконечной линіи, нигдѣ не останавливалсь на опредѣленныхъ центрахъ. Такъ эксцентрической мыслишель — Фихте, предавшись порывамъ исполинской своей фантазіи, вопреки всѣмъ свидѣтельствамъ внѣшняго и внутренняго опыта, покусился изъ собственной своей конечной субстанціи развити такую пкань мышленія, въ которую включилъ не только подлежательный міръ, но и самое Божество. Онъ хопѣлъ на крылахъ своей фантазіи вознеспись на недосязаемую для него самую высоту, гдѣ бы онъ могъ изъ нѣдръ своего духа произродити идею вселенна и такимъ образомъ свое ограниченное, недѣлимое *Я* содѣлать опрѣшеннымъ центромъ всего существующаго. Основная мысль всей системы Фихте, математически имъ развитой, еспь слѣдующая: *Я* безусловно ушверждаетъ себя въ бытіи и существуетъ только чрезъ самопоспановленіе, и *Я* еспь неизмѣнимо. Далѣе: наше *Я* полагая себя въ бытіи, полагаетъ вмѣстѣ и то, что не *Я*, какъ необходимый свой полюсъ. Нельзя при семъ не удивляться понкоспи нишей и искусству, съ

копорымъ онъ проведены и срощены; но поелику при соспавленіи сей многохудожной шкани не взяшо въ пособіе ничего предлежапельно - реального, къ чему могли бы прикрѣпляясь главныя нипи, по и неудивительнo, что сіе искусное созданіе фанпазіи не было прочно и скоро распалось само собою. Такъ Гегель, покушавшійся въ пропивоположностъ Канпу и Фихше, основавшимъ идеализмъ подлежапельный, и Шеллингу, проповѣдывавшему идеализмъ подлежапельный, создашь идеализмъ опрѣщенный, по внушенію пламенной своей фанпазіи, всю безпредѣльную обласпъ бышїа сосредопочилъ въ одной идеѣ, копорую разсмаприваль съ прехъ почекъ зрѣнїа: въ ея самопогруженіи или въ самой себѣ, въ исхожденіи ея изъ себя самой, или въ ея разнородности, и наконецъ въ возвращеніи въ самую себя. Онъ даже хошѣлъ своимъ свѣпсосолнечнымъ, но все человѣческимъ взоромъ проникнуть въ непрозримыя глубины единого абсолюпа, разоблачить всѣ таинспва необьяпнаго организма природы, сорвать всѣ мрачныя покровы съ эпого таинспвеннаго лица Изиды, узнать всѣ пружины духовной жизни человѣчеспва, развивающейся въ многоразличныхъ недѣлимыхъ формахъ, и пакимъ образомъ совер-

шенно изчерпавъ идею бытія, проявляющуюся въ двухъ главныхъ сферахъ: конечнаго и безконечнаго. Но создавъ такой идеаль и осуществивъ его въ дѣйствительности можеть только умъ безконечный, который всѣ сотворенныя вещи объемлетъ единымъ нераздѣльнымъ мысленнымъ актомъ опрѣшенно опъ всѣхъ формъ пространства и времени, предъ взоромъ коего прошедшее и будущее сливаюцца въ одинъ моментъ непреходнаго насюацаго и всѣ частныя центры вселенской жизни обнажены, а не предѣльный умъ человѣческій, хотя бы бравъ его въ смыслъ собирабельномъ. Подлинно нельзя не жаловаться на подобныя, пагубное иногда вліяніе имѣвшіе на современниковъ, опыты нѣкоторыхъ мыслипелей, которыми распотала фантазія со всѣмъ анархическимъ своеволіемъ; не смотря однакожъ на сіе, нельзя совершенно изгонявъ ее изъ области науки. Она важную, значительную оказываеть услугу наукъ. Для подтвержденія сей мысли покажемъ: 1) опличительный характеръ фантазіи и 2) ближайшее опношеніе ея къ наукъ вообще.

I. Фантазія естъ опрасль вещеспвенно-идеальнаго организма. Дѣятельность ея проявляется въ формъ двойспвенности. Съ

одной стороны фантазія обращается въ области недѣлимыхъ чувственныхъ образовъ, кошорые соспавляются изъ разнообразной матеріи, разсѣянной по различнымъ царствамъ дѣйствительной природы, и въ семъ отношеніи она всегда прикована къ формамъ пространства и времени, съ другой стороны фантазія въ высшемъ полетѣ своемъ воспаряетъ надъ міромъ действительнымъ, распоргаетъ связующіе ее оковы пространства и времени, совпадаетъ, такъ сказать, съ безпредѣльностью, приближается къ свѣтлой области идей ума, гдѣ все дышетъ чистѣйшимъ воздухомъ вѣчности. Дѣятельность фантазіи, какъ силы, привязанной къ формамъ пространства и времени, раскрывается въ двухъ главныхъ моментахъ. Она или принимаетъ въ нѣдра свои образы разнородныхъ чувственныхъ предметовъ, полученные душою опъ прираженій міра внѣшняго къ различнымъ краямъ плеснаго нашего организма, или при содѣйствіи памяти, въ кошорой, какъ въ общей сокровищницѣ всѣхъ умственныхъ богатствъ, сохраняющся чувственные образы, вновь производитъ оныя въ той самой связи и въ томъ порядкѣ, въ какихъ они были получены изъ міра внѣшняго. Во всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ фантазіи никакого

не усмащриваеця слѣда свободы, здѣсь она связана узами всеобщаго физическаго механизма. Фантазія въ семъ отношеніи естъ не болѣе, какъ фокусъ, сосредоточивающій въ себѣ внѣшній многоразличный свѣплъ напуры, разливающійся по безконечно различнымъ направленіямъ въ сферахъ пространства и времени. Міръ дѣйствительный служиптъ для нее высочайшимъ первообразомъ, съ котораго она рабски снимаетъ разнородныя черпы недѣлимости для образованія какой-либо цѣлостной карпины, ни мало не выступая изъ плѣсныхъ рампшого порядка, въ какомъ онѣ представляются оку ея сквозь шусклое спекло чувственнаго опыта: формы реального бытія совершенно оковываютъ ея внутреннюю дѣятельность. Фантазія является здѣсь не болѣе, какъ благоговѣнною служительницею во святилищѣ міра внѣшняго, дѣйствительнаго, на жерпвенникѣ коего свободный произволь ея совершенно, такъ сказать, закалается. Фантазія размашриваемая съ сей почки зрѣнія, какъ сила чисто спрадапельная, находящаяся подъ вліяніемъ эмпирическихъ условій дѣйствительности, называется *воображеніемъ*; и поколику она получаемые изъ міра чувствен-

наго недѣлимые образы вновь производить при содѣйствіи памяти, называется воображеніемъ *воспроизводительнымъ*. Дѣятельность фантазіи, какъ силы не связывающейся условіями вѣшняго бытія, воспоргающей надъ міромъ дѣйствительнымъ и взирающей на него не болѣе, какъ на вмѣстилище разнородныхъ матеріаловъ, изъ коихъ она свободно созидаеть свой собственный міръ, проявляется также въ двухъ главныхъ моментахъ. Во первыхъ: фантазія понятіемъ разума, коего главная функція состоить въ томъ, чѣобы все недѣлимое, предносящееся взору его въ сферѣ опыта, возводитъ къ высочайшему, основному началу обобщенія, множественное, разнородное, являющееся ему въ предѣлахъ пространства и времени, объединяетъ въ сознаніи, сообщаетъ вещественность (*realitatem*), низводя оныя въ область міра дѣйствительнаго. Посредствомъ сего акта фантазіи, общее, составляющее главную стихію разума, соединяется съ недѣлимымъ, овлеченное съ опытнымъ, и одно другимъ взаимно проникается и оживляется, чѣо собственно составляетъ оплительную физиономію науки. Ибо наука въ своей сущности есть не иное чѣо,

какъ фокусъ , въ коемъ отражаются и сосредоточиваются разнообразныя лучи чистѣйшаго свѣта , испекающаго изъ двухъ различныхъ міровъ мысленнаго и дѣйствительнаго , центръ , въ коемъ , подобно радіусамъ , гармонически сливаются знаменательныя , формальныя моменты съ эмпирическими , матеріальными моментами предметно-реальнаго бытія. Фантазія здѣсь является какъ бы посредницею между сими двумя противоположными мірами. Даже самыя формы разума , по которымъ онъ проводитъ каждый индивидуальный актъ мышленія и которыя сами въ себѣ , въ опвлеченіи опыта , суть не иное что , какъ первообразы , еще неразоблаченныя въ своей внутренней , неизреченной сущности , наибольшую получаютъ вещественность опыта дѣйствія фантазіи , какъ силы , находящейся въ тѣснѣйшей связи съ міромъ дѣйствительныхъ бытій. Во вѣрахъ , фантазія идеи ума , которыя сами въ себѣ суть только преждеопытныя , неопредѣленныя , никогда совершенно неизчерпаемыя опредѣленными понятіями разума представленія о безконечномъ , отражающіяся въ темномъ , пророческомъ предчувствіи чловѣка , во-

площаесть въ чувспенныя недѣлимыя формы и такимъ образомъ сообщаесть имъ характеръ конкретнаго, опытнаго бытія; поелику форма недѣлимости есть не иное что, какъ совокупость внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній, ограниченій, копорыя бытіе какого-либо предмета въ мірѣ конечномъ, реальномъ такъ опредѣляющъ, что онъ сущесвуесть какъ нѣчто цѣлое, опъ другихъ оплично, какъ полный, самостоятельный организмъ. Въ семь-по купнодѣйствіи фантазіи и ума совпоиптъ психичесвенный актъ осуществленія высреннихъ, недомыслимыхъ идей въ мірѣ опытномъ, въ формахъ пространства и времени. Единичный, безпредѣльный, самъ въ себѣ безкачественный идеальный свѣтъ изливаясь изъ области ума въ мірѣ фантазіи и отражаясь въ сознаніи, окачесвляется, разлагается на составные свои элементы и получаесть опредѣленные цвѣта. Здѣсь непостижимо и непреложно вѣчное овременяется, безконечное заключается въ предѣлы, духовное опѣлопворяется, необразное заключается въ образъ, безвидное получаесть видъ, и такимъ образомъ простота идеи разрѣшается въ многоразличныя частныя бытія по закону недѣлимости.

Здѣсь-то собственно происходить, по выраженію Шеллинга, гармоническое сліяніе высочайшей свободы съ высочайшею необходимостію и самое творческое Я объективируется, вращается вокругъ себя, какъ главнаго своего средопочія. Фантазія является здѣсь пророчицею, повѣдающею намъ о таинствахъ высренняго міра идей, художницею, облакающею въ прозрачные чувственныя покровы чистѣйшія спихіи ума, а умъ какъ бы нѣкимъ богомъ, изрекающимъ внупреннѣйшее слово свое — идею, и повѣдающимъ: о Богъ внѣ и выше насъ, заждипельнымъ духомъ, оживопворяющимъ дыханіемъ своихъ идей мерпвое плѣло, массу, художественною рукою фантазіи образованную, ш. е. форму. Здѣсь художникъ, поэтъ, философъ, объятый живоноснымъ пламенемъ своихъ идей не удовлетворяется созерцаніемъ совершенства, усмаприваемыхъ имъ сквозь призму чувственныхъ возрѣній въ различныхъ недѣлимыхъ, испоргаемыхъ изъ плѣсныхъ предѣловъ дѣйствительнаго, возносітся въ высшую, чистѣйшую обласпъ безконечнаго и творитъ собственнй міръ идеаловъ, въ коемъ Божественныя идеи истиннаго, благаго и изящнаго предъ духовными очами его какъ бы

разобличаются, обнажаются. На такой высшей степени дѣятельности, фантазія упоевается сладостною свободою: она независимо ни отъ внѣшняго, физическаго, ни отъ внутренняго, духовнаго механизма, разнородныхъ, недѣлимыхъ черпъ, снятыхъ чувствами съ предметовъ міра дѣйствительнаго, многоразличными способами соединяетъ, раздѣляетъ и паки совокупляетъ, дабы такимъ образомъ составилъ изъ нихъ прекрасную форму, шло, и вліявъ въ оное прекрасную душу — идею ума. Фантазія, разсмаприваемая съ сей высшей точки зрѣнія, называется собственно, въ истиннѣйшемъ смыслѣ, *фантазією*, и поколику она низводя идеи ума въ область чувствъ и облекая ихъ въ соотвѣтственные недѣлимые формы, какъ бы порождаетъ изъ нѣдръ своихъ новое, небывалое въ мірѣ мысленномъ существо, шворитъ, называется, воображеніемъ *производительнымъ, творческимъ, идеализирующимъ*. Не смотря однакожь на сіе, воображеніе воспроизводительное и воображеніе производительное не суть двѣ реально отличныя способности души нашей, совершенно одна отъ другой отдѣляющіяся сферами своей дѣятельности, совершенно независимо

одна опть другой разыгрывающія свои роли. Это сущь полько два символа единой, нераздѣльной, коренной перво-силы духа нашего, созидающей внѣшніе, ощущимые образы для выраженія незримой, неизчерпаемой полнопы внушренняго міра идей и понятій. Общая, харакперическая фізіономія, какъ воспроизводительнаго, пакъ и производительнаго воображенія та, что шо и другое привязано къ формамъ дѣйствительности и мышленія. Объяснивши опличительный харакперъ фантазіи, покажемъ опношеніе ея къ наукъ вообще.

II. Въ наукъ вообще надобно различать два главные моменпа, образующіе собою цѣлостное, органическое бытіе ея, копорые сливаются съ непосредственнымъ возрѣніемъ на нее: производящее и производимое. Изъ идеи производимаго произникаетъ идея производимаго. Производящее въ наукъ есть человекъ. Человекъ поставленъ на прахъ двухъ міровъ: видимаго, чувственнаго, и невидимаго, духовнаго; онъ есть живая цѣпь, соединяющая двѣ противоположныя сферы бытія: подлежательную и подлежательную. Человекъ къ міру видимому прилежитъ своею внѣшнею, чувственно-ограническою стороною. Въ его

часпномъ плѣсномъ организмѣ въ миніа-шюрѣ опражаеясь весь міръ видимый, въ немъ сосредоточивающіяся всѣ силы, разліянные по различнымъ царствамъ природы; онъ символъ ея, прекраснѣйшій цвѣтъ видимаго шворенія. Съ міромъ выпреннимъ, духовнымъ человекъ граничитъ своимъ разумно - свободнымъ духомъ. Сей духъ — живое опоблиспаніе первообразной, шворческой идеи безконечнаго, будучи заключенъ въ плѣсной хранинѣ и связанъ условіями вещеспвеннаго бытія, въ самой конечности проявляеясь безконечно. Подъ его живонотнымъ вліяніемъ самая чувспенная спорона человека утончаеясь, просвѣпляеясь, и, пакъ сказаць, одухотшворяеясь. Такъ напр. у живошныхъ еспъ способность производить слишные звуки, но въ человекѣ сія способность превращаеясь въ даръ слова, въ могущеспвенное орудіе, посредствомъ коего внупренній, мысленный міръ его изливаетъ въ рѣку испоріи въ звукахъ спройныхъ и членораздѣльныхъ. Побужденіе защищаць свой вещеспвенный организмъ отъ внѣшнихъ, разрушительныхъ вліяній раскряваеясь человекъ пакже внупренній міръ его: духъ его, выражаясь въ плѣсныхъ формахъ, сосредоточиваетъ раздробленные

силы людей въ одно органическое единство и такимъ образомъ созидаетъ полипическое плѣло. Внѣшнюю сторону человѣческаго духа составляетъ смыслъ, внутреннюю — разумъ. Здѣсь человѣкъ еще болѣе или менѣе находится подъ вліяніемъ условій пространнаго и временнаго бытія. Но есть въ духѣ нашемъ управитель смысла и разума или общность, гдѣ сіи двѣ стороны внутренней жизни нашей гармонически сочетаются. Это есть умъ, предсавитель безконечнаго и самосознательный образъ идеи всеобщей, опрышенной, въ себѣ самой почіющей міровой жизни, простирающейся за границы всѣхъ вещественныхъ и мысленныхъ явленій. Въ эпоѣ высшей области духа предѣлы пространства и времени не связываютъ человѣка; волны міра чувственного, въ которыхъ поглощается дѣятельность прочихъ силъ человѣка, здѣсь болѣе уже не обуреваютъ его. Онъ воспроегается надъ всѣмъ видимымъ и преходящимъ и возносится туда, гдѣ вѣчная опчизна всѣхъ достожелаемыхъ идей и первообразовъ для всѣхъ частныхъ разумичныхъ устремленій духа его, гдѣ вѣчно — юный день безъ утра и безъ вечера. Сей двойственный характеръ существа человѣческаго

необходимо долженъ оппечатлѣваться какъ на всѣхъ недѣлимыхъ умспвенныхъ создани-яхъ его, такъ и на цѣлыхъ рядахъ ихъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ науки, какъ опкровенія во внѣшнемъ конечномъ мѣрѣ пѣснящихся, полпящихся, волнующихся во глубинѣ духа человѣческаго безпредѣльныхъ идей, какъ самоспояпельные организмы, развивающіеся изъ единаго, неиспощимаго въ своемъ раскрытіи сѣмени, безконечной идеи о безконечномъ, копорая въ природѣ внѣшней являеся, какъ абсолютное единство необьяпной, положипельной сущности, раскрываемой безсознапельно въ сферѣ проспранспва и времени общемѣрными ея дѣяпельями, въ человѣчеспвѣ, какъ единый, вѣчный, живой духъ, движущійся въ царспвѣ самосвѣдѣнія. Сущность каждой науки слагается изъ двухъ основныхъ элеменповъ: *матеріи и формы*. Матерію науки соспавляютъ предмешы мыслимые, познаваемые, и пѣ опдѣльныя, разобценныя свѣдѣнія, копорыя опражающя въ зеркалѣ нашего духа, болѣе или менѣе чиспомъ или шумскломъ, судя по его индивидуальности. Ибо испина, сама въ себѣ чистая, при переходѣ своемъ сквозъ призму субъективной недѣлимости, обыкновенно слабѣель

въ своемъ напряженіи, исходящъ изъ состоянія своего первоначальнаго пожеланія и какъ бы не удерживаетъ того первообразнаго свѣта, копорымъ она сіяетъ въ первосознаніи ума божественнаго, испочномъ своемъ началѣ. Форма науки есть пошъ способъ, по коему частныя, разединенныя познанія связуются въ одно спройное, гармоническое цѣлое, и такимъ образомъ составляютъ собою полный, живой организмъ, коего функціи, сливаясь одна съ другою, служатъ взаимнымъ дополненіемъ и отражають на себѣ одну и ту же идею. Посему познанія, входящія въ составъ науки и облакающіяся формою ея, не должны бытъ чисто чувственными возрѣніями, и недоспапочны погда, когда совершенно разобщены съ міромъ чувственныхъ представлений. Въ первомъ случаѣ, мыслящій духъ былъ бы жалкою игрою многоразличныхъ, скоропреходящихъ явленій, взоръ его прикованъ бы былъ къ частнымъ, опдѣльнымъ моментамъ бытія и никогда не возвышался бы къ созерцанію идей, дышущихъ въ каждомъ міровомъ явленіи и оживляющихъ собою мертвыя формы вещества. Во второмъ случаѣ, мыслящій духъ обращаясь только въ

міръ умопоспигаемомъ, въ обласпи чистыхъ опвлеченныхъ понятій, и не внимая гласу внушренняго и внѣшняго чувспва, не имѣль бы для познаній своихъ доспапочнаго криперія подлежапельной, аподикпической испины. Познанія наши тогда только образують полный организмъ, когда частное, недѣлимое познается въ всеобщемъ и обратно всеобщее въ частномъ, недѣлимомъ, когда духъ и природа въ самосвѣдѣніи, которое новѣйшіе философы называютъ пожеспвомъ бытія и знанія, подлежапельнаго и подлежапельнаго, не разлучаются, не разъединяются между собою, но дѣлаются единымъ нераздѣльнымъ органомъ. Слѣдовательно нужно, чпобъ въ безпредѣльномъ міръ познаній разумъ и фантазія дѣйспвовали спройно и совокупно. Разумъ же и фантазія дѣйспвуютъ совокупно тогда, когда дѣйспвуютъ нераздѣльно. И вопервыхъ когда разумъ дѣйспвуетъ, не какъ только сила опвлеченныхъ понятій и всеобщихъ представленій, но какъ живой духъ, находящійся въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ обласпію внщеспвенноспей и дѣйспвипельныхъ бытій. Съ другой стороны фантазія приближается къ сферѣ понятій, и какъ сила привязанная къ формамъ дѣйспвипельной

природы, не нарушая простоты понятій, облекаетъ оныя въ чувственныя, недѣлимые образы, сообщаетъ имъ характеръ конкретности или образы чувственные возвышаетъ и одухотворяетъ, озаряя ихъ свѣтомъ мысленнаго, разумнаго. Посредствомъ такого спройнаго и совокупнаго дѣйствования разума и фантазіи, наука достигаетъ полнаго своего совершенства и удовлетворяетъ всѣмъ существеннымъ потребностямъ матеріально - духовной человеческой природы. Во всякомъ же случаѣ, когда или разумъ дѣйствуетъ отдѣльно отъ фантазіи и проводитъ свои понятія по однимъ голымъ формамъ мышления и такимъ образомъ изъ чистыхъ, живыхъ вещественностей составляетъ одни мертвые основы, или фантазія выходитъ изъ подъ вліянія разума и предается всѣмъ необузданнымъ порывамъ, наука, какъ плодъ совокупной дѣятельности сихъ двухъ способностей, совершенно теряетъ свою органическую цѣлость. Въ первомъ случаѣ, разумъ бываетъ игролищемъ сухихъ, опвлеченныхъ понятій, которыя своимъ дыханіемъ сокращаютъ и умерщвляютъ жизнь внутренняго чувства, и поглощаются, такъ сказать, въ своей собственной спихіи. Во второмъ случаѣ,

фанпазія, свергнувъ съ себя оковы законовъ разума, носится въ ея самой сотворенномъ мірѣ, копорый имѣеть цѣну и важность полько подлежательную и копорый однакожь она выдаетъ за испинный міръ вѣдѣнія. Такимъ образомъ фанпазія содѣлывается матерью мечпательности, ученаго фанатизма и другихъ призраковъ знанія. Опсель опкрывается ближайшее опношеніе фанпазіи къ наукѣ вообще, копорое состоиптъ въ томъ, что фанпазія, воплощая общія предспавленія и опвлеченныя понятія разума въ недѣлимыя формы и сближая ихъ съ міромъ реальнымъ, опытнымъ, возводитъ науку на степень полного, архипекпоническаго единства.

Далѣ всѣ науки, какъ внѣшнія самовыраженія духа человѣческаго, какъ проявленіе въ конечныхъ формахъ безконечныхъ идей его, въ коихъ онъ, какъ въ собспвенныхъ своихъ стихіяхъ живетъ и движется, суть органически члены единой безпредѣльной науки. Всѣ онѣ различными путями спремются къ осуществленію единого высочайшаго идеала, испины, и всѣ онѣ испекають изъ единой основной, первообразной идеи о высочайшей, самосущей Первовинѣ, благоволившей опразиптъ Свой боже-

спвенный образъ въ мірѣ сущесствъ дѣйствительныхъ, конечныхъ. Посему всѣ науки носятъ на себѣ печать единства, хотя въ частныхъ формахъ между собою и различуются. Предметъ ихъ есть одинъ и тотъ же міръ реальный. Міръ же реальный въ области вниканія являющагося подъ формою двойства. Онъ имѣетъ двѣ стороны: внѣшнюю, видимую, и внутреннюю, невидимую. Внѣшнюю сторону реального міра составляютъ многоразличныя, непрестанно разнообразяющіяся явленія. Здѣсь бытіе конечное, развиваясь въ формахъ пространства и времени, находится въ непрестанномъ приливѣ и опливѣ, такъ что истинную, неизмѣняемую сущность его никакъ уловить нельзя; ниодно существо не выражаетъ здѣсь вполне своей идеи. Но мыслящій духъ, какъ отблескъ творческихъ идей божественнаго ума, который составляетъ форму всей внутренней, свободной его самодѣятельности, порываясь создать истинное знаніе, не останавливается взора своего на скоропреходящихъ явленіяхъ, въ которыхъ вѣчная сущность вещей вполне не выражается; здѣсь онъ видитъ только, что высрениій полетъ его къ безконечному, котораго онъ, какъ высочайшаго своего

первообраза, ищеть вездѣ, и во глубинахъ природы внѣшней и въ обласпяхъ самопознапельнаго человѣческаго, непреспанно окываепся формами проспранспва и времени. Мыслящій духъ нашъ, подѣ влїанїемъ идеи безконечнаго, спремипся опкрыть въ мїрѣ предлежапельно - реальномъ основные законы и цѣли, къ коимъ, какъ къ всеобщимъ ценспрамъ, сводились бы всѣ видоизмѣненїя быпїя конечнаго, успановипь единый всеобщїй взоръ на быпъ природы, въ коемъ бы сливались и разрѣшались всѣ индивидуальные взгляды, опрѣшпсья опъ узъ проспранспвенности и временности, создапъ опрѣщенную идею сущаго, изъ коей, какъ изъ сѣмени, развивались бы всѣ частныя представленїя и поняпїя въ видѣ легкой, гармонической игры, сквозь всѣ внѣшнїя, чувспвенныя оболочки проникнушь въ самое внуспренное сущеспво, въ пу шаинспвенную, совершенно недоспупную для эмпирическихъ наблюденїй глубину, гдѣ почїюшь коренные силы всего сопвореннаго, и шакимъ образомъ за предѣлами феноменального мїра опкрыть для себя другой мїръ вѣчный и неизмѣняемый, мїръ субспанціальный. Здѣсь только мыслящїй духъ находипъ свое искомое, свой высочайшїй идеаль. Ибо субспанціальный

міръ, сокрытый подъ завѣсою скоропреходящихъ явленій, естъ опображеніе вѣчныхъ идей безконечнаго шворческаго ума. Благоусплаждаешь созерцаніемъ сихъ идей, лучей премірнаго солнца, оковываешь ихъ въ своемъ сознаніи, естъ высочайшій, первожаемый предметъ всѣхъ мыслей, желаній и чувспвованій духа человеческого. Каждая наука особеннымъ образомъ разоблачаетъ сей шайнспвенный міръ шворческихъ божескихъ идей, проявившихся высочайше созерцапельнымъ образомъ въ многоразличныхъ живыхъ недѣлимыхъ формахъ. Такъ логика не оспанавляется на часпныхъ акпахъ мыслящаго духа нашего, какъ они являюпся въ сферѣ опыта : она, опвлекая опъ всѣхъ условій подлежапельнаго быпія человеческой природы, опкрываетъ самые основные, первообразные законы, коимъ подлежатъ всѣ разнообразные мыслительные процессы духа нашего, спараешься разгадать самую шворческую божескую идею, копорая своею невидимою сущностію оплилась въ мыслящемъ духѣ нашемъ и пакимъ образомъ идеально возсоздашь внупреній міръ нашъ со всѣми главными спихіями его. Но умъ, поспигшій идею, будетъ ли она опсіявать въ подлежапельномъ мірѣ, или въ соб-

спвенномъ нашемъ подлежащемъ, переве-
вши ее на собственнй языкъ, въ слѣд-
ствіе естественнаго стремленія своего —
проявляя свою внутреннюю, неисчерпае-
мую сущность въ царствѣ природы, сопо-
ставляя свои созданія съ бытомъ дѣйстви-
тельнымъ, порываея сію идею извести
изъ себя въ міръ внѣшній, чувственный,
опредмечивъ ее, осуществивъ въ наукѣ.
Но сей благороднѣйшій потребности своей
умъ никакъ удовлетворить не можетъ, ес-
ли не низойдетъ съ высшей высоты
благоговѣйнаго созерцанія идей въ область
фанпазіи. Фанпазія собственно есть пред-
ставительница внутренней, идеальной жиз-
ни ума, такъ какъ она одна облакаетъ
идеи ума въ недѣлимые формы, даетъ ве-
щественность имъ и какъ бы оцувствлаетъ
ихъ. Безъ содѣйствія фанпазіи, сей пласти-
ческой силы духа нашего, идеи оставались
бы одними схемами, существами невиди-
мыми, неоцувствимыми для насъ, граж-
данъ двухъ міровъ, видимаго и невидимаго,
и только терялись бы въ безпредѣльной
области возможности. А опселя сколько
важныхъ, основныхъ моментовъ недоста-
вало бы въ наукѣ, копорая болѣе или ме-
нѣе должна быть сооружаема на идеяхъ!

Внутренняя организація ея погда была бы ушлою , слабою , неимѣющею въ себѣ зидипельной , одушевляющей ея силы. Предметъ науки , неоживленной идеями , еспь одинъ только міръ быспропечныхъ , до безконечности разнообразящихся явленій ; она никогда не воспараетъ выше пространственнаго и временнаго. Міръ вѣчный , неизмѣняемый , міръ сущностей , первообразовъ , единственнаго назнаменующій собою идею безконечнаго , абсолютнаго , сокрытъ опъ ней подъ непроницаемою завѣсою. Припомъ во внутренней области науки погда опглашались бы пѣже пропивоорѣчія , пѣже несогласія , копорыми обыкновенно раздраетъ внѣшній , опытный міръ , и копорья изчезаютъ только при появленіи чистѣйшаго свѣпа идей , почно также какъ при появленіи на горизонтѣ солнца разрѣжаются и изчезаютъ мраки , облежавшіе природу и сокрывавшіе опъ взоровъ нашихъ ея неподражаемыя красопы. Правда , наука , разлученная съ фантазією , какъ съ главнымъ орудіемъ , посредствомъ коего она можетъ сдружаться съ свѣплымъ міромъ идей , имѣетъ еще вѣрнаго жожапая , разумъ , копорый не попустипъ ей спрансповоать по различнымъ распуціямъ при-

роды, но поставивъ ее на прямую спезю, не оставивъ ее въ несродной для ней спранъ разнообразныхъ явленій міра чувспвеннаго, но приведетъ ее къ единспву. Ибо главный акпъ разума единспвенно соспоить въ помъ, чпобы все недѣлимое, часпное, являющееся ему въ двухъ главныхъ сферахъ быпія: въ сферѣ подлежапельности и въ сферѣ предлежапельности, обобщапъ, множеспвенное и разнообразное сочепавапъ въ единспво сознанія. Но разумъ, сей жипель міра дольняго, объемлющій поняпіями своими, какъ бы нѣкими духовными перспами, одно проспранспвенное и временное быпіе, часпныя, разрозненныя чувспвенныя предспавленія пополику только можепъ связывапъ живую, органическую цѣпію, оппоргапъ себя опъ непрестаннаго прилива и оплива внѣшнихъ впечатлѣній и свое единовидное, всегда съ собою пожеспвенное *Я* пропивополагапъ многообразному не-*Я*, поколику во внуспренней природѣ ума лежипъ идея объ абсолютной единицѣ, копорая, опражаясь въ сознаніи и переходя въ сферу разума, заспавляетъ всѣ прочія силы наши не разсѣивапъсь въ множеспвенности и разнообразіи вещей, но искапъ единспва какъ вну-

при, пакъ и внѣ себя, хопя не безусловнаго. Припомъ самыя понятія разума, носяція на себѣ оппечатокъ единства и полжества, получающъ подлежащелную вещьспвенность посредствомъ фантазіи, какъ мы уже сказали выше. Ипакъ здѣсь опкрываешся новое опношеніе фантазіи къ наукѣ вообще, которое состоиптъ въ томъ, что фантазія, сближая науку съ безпредѣльнымъ міромъ идей и такимъ образомъ опкрывая вѣчныя начала (субстраты) бытія, возвышаешъ ее надъ сферою чувспвенныхъ явленій, надъ всѣмъ опытнымъ, бышнымъ.

Наконецъ, если разобщишь въ наукѣ умъ съ фантазіею, то въ мірѣ умспвующаго человѣчества совершенно погаснешъ испинная геніальность, шолко необходимая для науки. Ибо геній, какъ даръ шворчества, составляешся изъ гармоническаго сліянія сихъ двухъ основныхъ спихій: силы недѣлимыхъ чувспвенныхъ формъ, или фантазіи, и силы идей, непосредспвенныхъ представлений положительной сущности вселенной и ея вѣчнаго перво-начала, или ума. Тогда всѣ науки опличались бы одною мертшвою неподвижноспію, прикованы были бы къ условнымъ, единожды предуспавленнымъ пунктамъ, никогда не раздвигали бы пѣхъ

границъ , въ которыхъ вѣснены онѣ рукою несамородныхъ мыслипелей , никогда не совлекались бы вепхой свой одежды и не являлись бы въ лучшемъ , яснѣйшемъ свѣтѣ. Духъ человѣческій , не приемлющій посредствомъ органа фанпазіи превыспреннихъ опкровеній ума , вѣчно поминся въ оковахъ рабскаго подражанія ; высшія познавательныя силы его погружены въ глубокій мерпвый сонъ ; и такимъ образомъ зиждншельная дѣятельность его , происходящая опъ недовольства наспоющими формами знанія и опъ неподавимаго желанія , сколько можно , выражапть и осуществлпять въ опытѣ идею безконечнаго , каждый разъ вепрѣчаепть послѣдній предѣль свой. Опсель произойдетъ по , что ни въ одной наукѣ нельзя будетъ найпн идеала , первообраза , которому можно было бы уподоблпть свою индивидуальную форму дѣйствования или познаванія , что совершенно несобразно съ понпшемъ о ходѣ развитія какъ частнаго , недѣлимаго , такъ и всеобщаго , собирапельнаго ума человѣческаго , которій непреспанно послупаепть впередъ. Всѣ различныя моменпы раскрыпія умспвенной жизни человѣчества супъ не иное что , какъ неизгладимые слѣды почки , движущей-

ся въ безпредѣльность. Геній собственно есть обновитель міра умственнаго, олицетворитель самопознанія того вѣка, въ которомъ онъ воздвигнувъ рукою міродержавнаго Промысла, одухотворилъ мертвыхъ массъ народа, общность, въ которой недримости, особенности разрѣшаются. Онъ въ безпредѣльной области умозрѣнія открываетъ новые, для современниковъ невѣдомые пути, темныя почки въ ней озаряетъ яснымъ свѣтомъ, созидаетъ новыя идеи, даетъ наукѣ новое направленіе и такимъ образомъ производитъ совершенно новый круговоротъ въ системѣ міра умственнаго. Таковы великіе самобытные мыслители: Платонъ, Кантъ, Шеллингъ, Гегель, Бахманъ, которые изъ верхнихъ, мертвыхъ стихій могущественною силою своего генія создали совершенно новый міръ философическихъ идей. Подъ живописнымъ вліяніемъ сихъ солнцевъ, посланныхъ вседержавною десницею Промысла на горизонтъ умствующаго человечества, духовная жизнь его какъ бы воскресла. Отсель открывается новое ближайшее отношеніе фантазіи къ наукѣ вообще, которое состоитъ въ томъ, что фантазія, дѣйствующая подъ вліяніемъ ума, производитъ геніевъ, которые ею двигаются дале-

ко впередъ челоѳчеспво на пупи умспвенной его жизни и возносятъ науки на высочайшую почку полного, идеальнаго совершенспва. Таково пройсшвенное опношеніе фаншазіи къ наукъ вообще и опсюда производящее ближайшее вліяніе ея на цѳлоспное образованіе оной, копорое пеперь я хопѳль, сколько можно, изобразипъ въ ясныхъ и опредѳленныхъ черпахъ. Доспигъ ли я своей цѳли, о помъ будущъ судипъ мужи благородные, воздоенные идеями новѳйшей философіи, вдохновляющіеся всегда прямою любовію къ просвѳщенію и неувлекающіеся враждебнымъ духомъ парпій.

II.

ПОЖИЩЕНІЕ ПАПЫ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЦЕНА РИМА

въ XI вѳкѳ.

(изъ Вилльмена).

Въ то время, какъ Григорій VII гремѳль на Сѳверѳ своими ужасными анаемами, собспвенное его положеніе въ своей Церкви не было совершенно безопаснымъ: и эшо не одинъ изъ маловажныхъ кон-

спрасовъ его жизни, когда мы видимъ, какъ нападаешъ онъ съ такою гордостію на власпшеля Германіи, какъ заспавляешъ Вильгельма Завоевателя плаіишъ себъ дань, а самъ находишся посреди Рима, подвергнушій первымъ ударамъ врага. Но причины сихъ безпорядковъ скрываются гораздо далѣе, въ преждебывшихъ событіяхъ; онъ происходили не сполько опъ грубаго своевольства среднихъ вѣковъ, сколько опъ самага свойства Папскаго владычества, этого могущества, совершенно основаннаго на воображеніи и вѣрѣ, безъ всякой маперіальной силы, этого кумира, обожаемаго издали, слабаго и беззащитнаго въ своемъ храмѣ.

Въ минувшихъ вѣкахъ, Римскіе Бароны, по ёспъ Готскіе или Ломбардскіе дворяне, владѣтели какихъ-нибудь замковъ въ окрестностяхъ Рима, или какихъ-нибудь укрѣпленныхъ развалинъ въ городѣ, часпо обманывали церковь, припѣсняли главу оной, или оспоривали его избраніе. Съ пѣхъ поръ, какъ не спало болѣе Императоровъ, ни Феодорика, піарою располагалъ какой-нибудь Тосканелльскій или Тибурскій Графъ, вспомошествоваемый нѣсколькими воинами; и мѣспная зависимость Римскаго Престола увеличивалась въ по самое время, какъ его

имя получило бѣльшую важность въ пусто-
пѣ , оставленной паденіемъ Имперіи. Кар-
ломанъ освободилъ опѣ сего поспыднаго
ига первосвященническую каеедру , и , воз-
вышая ее для того , чпобы получить опѣ
нее корону, сдѣлалъ ее могущеспвенною въ
Римѣ и въ Ипаліи. По смерти же его ,
когда снова начались безпорядки , она была
слаба во внуспренности, владычеспвующа извнѣ.
Она заспавила Императора Людовика су-
дипсья чрезъ Епископовъ , а между пѣмъ
сама снова сдѣлалась цѣлю для нѣкопю-
рыхъ хищныхъ каспелянъ Римскихъ окресп-
ностей. Оппоны , Генрихъ , приходя не-
чаянно, какъ владышпели, бѣлье могущеспвен-
ные и припѣспипели , бѣлье славные , не
разрушили совершенно эпой феодальности
Римскихъ Бароновъ: она снова показывалась
по временамъ , по удаленіи Нѣмецкихъ войскъ.
Иногда она продавала свои услуги Имперіи,
подкрѣпляла Нѣмцевъ , вводила насильспвен-
но Епископовъ въ Римъ и укрощала народъ,
ревностный къ правамъ Церкви ; иногда же
соединялась съ нимъ прошивъ Нѣмецкаго
владычеспва. Только изъ эпого - по дво-
рянспва избирался всегда Префектъ Ри-

ма (1), двусмысленный градоначальникъ, копорый воздавалъ почести Папѣ и получалъ отъ Императора инвеституру и мечъ. Однако могущество этихъ фамилій начало ослабѣвать съ тѣхъ поръ, какъ знашныя фамиліи, совершенно ужасныя другимъ образомъ, а именно фамиліи Матильды и Герцоговъ Нормандскихъ, начали возвышаться въ Тосканѣ и Калабріи.

Въ продолженіи долгихъ возмущеній, предшествовавшихъ вступленію на престолъ Григорія VII, одинъ изъ сихъ Римскихъ дворянъ, Чинчи, сынъ Стефана, древняго Префекта Римскаго, приобрѣлъ себѣ извѣстность своею дерзостію и разбоями. Воспользовавшись должностію своего опца, онъ наспроилъ въ городѣ множество укрѣпленныхъ припоновъ и привлекъ къ себѣ всѣхъ Римскихъ негодяевъ и еретиковъ, говоритъ Хроника. Какъ убійца одного изъ своихъ дядей, у котораго силою взялъ домъ и разрушилъ его, онъ былъ преданъ анаѣмъ еще Папою Але-

---

1) Urbis praefectus de sua dignitate respicit utrumque, videlicet domnum papam, cui facit hominum, et domnum imperatorem a quo accepit suae potestatis insigne, scilicet exertum gladium, *Gerohus Reichperg. apud Baluz. miscell.*, III. V.

ксандромъ, по приказанію Гильдебрандпа, который уже управлялъ всѣмъ. Обращившись въ бѣгство съ двумя своими парпизанами, Берпраномъ и Николаемъ, онъ явился ко двору Генриха. Попомъ поддерживалъ дѣло Анпипапы Кадалоуса, вошелъ съ нимъ въ Римъ, гдѣ и принялъ его въ своемъ домѣ, и сражался за него по улицамъ. Когда Кадалоусъ былъ побѣжденъ и умеръ, Чинчи, блуждая долгое время и подкрѣпляемый посредничесствомъ нѣкоторыхъ Римскихъ дворянъ, пощаженныхъ Григоріемъ VII, по восшесшвіи его на престолъ, возвратился въ Римъ и далъ Папѣ кляпву сохраняя миръ.

Введенный во владѣніе одной башни, которая была имъ прежде сего построена при входѣ на мостъ Святаго Петра, онъ засадилъ въ нее доспапочное число вооруженныхъ людей, и пошчасъ, подъ предлогомъ права пошлины, началъ обирая всѣхъ проходящихъ, которые шли или возвращались, обремененные какими нибудь поварами (1). Григорій VII, раздраженный симъ

(1.) Sicque factum est ut in ipsa turri, quam miraculose magnitudinis supra pontem S. Petri construxerat, viros sicarios poneret, qui ab omnibus introeuntibus et exeuntibus ex iis quae ferebantur praedam caperent. *Paul. Bernr. apud act. sanct.*

безпорядкомъ , хотѣлъ поразить въ Чинчи одного изъ послѣднихъ оспашковъ эпископскихъ мятежническихъ Бароновъ и разбойниковъ, которые нѣкогда своевольно располагали Папствомъ. Исполнивши религіозныя убѣжденія и угрозы анаѣмому, онъ далъ приказаніе Префекту Рима захватить сего мятежника противъ Бога и Церкви. Этого Префекта одного и того же имени и, безъ сомнѣнія, изъ одной и той же фамиліи съ Чинчи, былъ человекъ благочестивый, котораго усердіе къ религіи простиралось столь далеко, что онъ, гражданинъ и воинъ, не одинъ разъ проповѣдывалъ народу въ церквахъ. (1) Самые кардиналы упрекали его въ излишней ревности къ религіи, и въ нерадѣніи о своей свѣпской власти. (2) Но Григорій VII очень хорошо цѣнилъ неуспрашимую преданность сего человека. Не смогли ни на

(1) *Heri plane in ecclesia B. Petri apostolorum apostoli de praesentis tunc Epiphaniae solemnitate . . . ita locutus est, non ut praefectum reipublicae, sed potius ut sacerdotem decebat ecclesiae. Petri Damiani Epistolae, т. 1 стр. 354.*

(2) *Cave ergo, ne propter peculiaris orationis studium, cui insistere forte contendis, disciplinam tam innumerabilis populi, qui tibi commissus est, negligas. Ibid. т. 1, стр. 356.*

свое родство, ни на рокопъ Римскаго дворянства, Префектъ силою задержалъ Чинчи и посадилъ его въ темницу. Пораженные симъ смѣлымъ ударомъ, многіе Римскіе дворяне спали погда умолявъ Папу, и Григорій VII, испребовавши оупъ Чинчи кляпву надъ мощами Свяпаго Пепра въ помъ, чпо онъ исправился въ своемъ поведеніи, и, взявши оупъ него заложниковъ, возвратилъ ему свободу, оконфисковавъ главную его крѣпость, копорая и была до основанія разрушена осадными машинами, при великихъ кликахъ народа, копорый въ сей борьбѣ внупренно держалъ спорону Папы пропиву *Кастеляновъ*.

Приведенный въ опчаяніе симъ позоромъ, копорый ослабилъ его парпію въ Римѣ, Чинчи повсюду искалъ союзниковъ и мщенія. Онъ обратился сначала къ значнѣйшимъ изъ оплученныхъ оупъ церкви: посѣпилъ Герцога Гискара въ Калабріи, и послалъ одного изъ своихъ сыновей въ Равенну, чпобы заключить договоръ съ Архіепископомъ Гиберомъ. Нормандскій Принцъ, хопя и былъ съ Папою въ рѣшищельной враждѣ, не почелъ за грѣхъ общипвенными своими руками поколебать эпой каедры Свяпаго Пепра, оупъ копорой онъ ожидалъ благослове-

нія для своихъ завоеваній, Гильберъ, не смотря на свою ненависть, ничего не могъ предпринять опкрышою силою пропивъ Папы. Однакожь Чинчи довѣрилъ имъ свой проектъ — взялъ и убилъ Григорія VII, и написалъ въ Германію къ Генриху, обѣщая привести къ нему, съ связанными ногами и руками, Папу, его врага. (1) Неизвѣстно, какія были опвѣщанія и поощренія со стороны Генриха.

Пропекло около года послѣ изгнанія Чинчи. Подъ покровительствомъ Нормандскаго Принца и Гибера, онъ упошреблялъ это время на то, чѣобы соединить бродягъ и приготоовить себѣ случай и сообщниковъ въ Римѣ; онъ сулилъ грабежъ и свободу. (2) Однакоже еще ничего не показывалъ, и Григорій съ безопасностію опправлялъ священныя церемоніи, часпо показывался народу и исполнялъ всѣ обязанности Государя и Первосвященника.

Наканунѣ праздника Рождества Христова, онъ пошелъ, по обыкновенію, въ

---

(1). Statuitque cum ipsis tempus opportunum, quomodo dominum papam caperet et occideret, . . . promittens eundem patrem regio conspectui representandum *Paul. Bernr. Apud. Act. Sanct.*

(2). Promittens eis ineffabilia, libertatem futuram, quaestum sine mensura. *ibid.*

церковь Пресв. Маріи , на Эсквилинской горѣ. Эпопъ соборъ , возвышавшійся около развалинъ Діанина храма , въ помѣ мѣспѣ, гдѣ находились нѣкогда сады Меценатовы, впорой изъ папріархальныхъ соборовъ Рима, былъ особенно дорогъ для набожности народа. Кромѣ свяпыхъ мощей, памѣ поклонялись древнему образу Св. Дѣвы , съ Божеспвеннымъ Младенцемъ на лѣвой рукѣ. Говорили, чпо эпо изображение , привезенное съ Воспока, было написано Свяпымъ Евангелиспомъ Лукою: (1) оно пворило чудеса, и рассказывали, чпо, когда его носили по городу , оно внезапно оспановило бичь моровой язвы, во время Папы Григорія. Возвеличенная и украшенная во время Папы Сикспа III, (2) икона Свяпой Маріи , съ V вѣка , ежегодно была посѣщаема на Рождество множеспвомъ народа , копорый , шолпяся при службѣ Первосвященника, проводилъ шупъ всю ночь въ пѣніи и молишвахъ. Но на эпопъ разъ Папа былъ сопровождаемъ въ церковь Свяпыхъ Маріи полько небольшимъ числомъ священниковъ. Продолжительная и жесп-

---

(1). *Imago G. V. Mariae in quadam grossa tabula, cum imagine Filli in brachio sinistro, quam depinxit S. Lucas Evangelista. Basiliae S. Mariae Majoris descriptio.*
(2) *Diarium italic.* , стр. 106.

кая буря, которая казалась умамъ, предубѣжденнымъ антихристомъ, провозвѣстницею новаго попапа, (1), эта буря многихъ удержала дома. Сосѣды почти посѣщали другъ друга въ продолженіи этого дня, и немногія изъ православныхъ совершили путешествіе, этою дождливою и мрачною ночью, къ Святой Маріи, находившейся въ отдаленной и пустынной части города.

Однакоже Папа, облеченный въ свои священныя украшенія, стоя у алтаря, служилъ всенощную. Только успѣлъ онъ принять Святыхъ Таинъ, съ духовенствомъ; оспапокъ присушествовающаго народа еще причащался; и Папа еще не сказалъ послѣдней молитвы (2), какъ вдругъ церковь при великихъ крикахъ, наводняется, множествомъ людей, покрытыхъ оружіемъ. Съ мечами въ рукахъ, ниспровергая все на своемъ пути, они бѣгутъ къ алтарю, ранивъ нѣкоторыхъ право вѣрныхъ, защищавшихъ входъ въ него, разбиваютъ перегородку и налагаютъ свои окровавленные руки на Первосвященника. Это Чинчи съ

---

(1) Ipsum primi temporis imminere diluuium omnibus videbatur. *Paul. Bernriedens.*, стр. 122.

(2) Antequam post-communialeм orationem finiret Eucharistiatum. *Berthold. Const., Chronicon*, стр. 29.

своею шайкою покусился на сей свято-шапспвенный поступокъ; онъ былъ предвѣдомленъ и вспомошествоемъ сосѣдспвенными жипелями, и имѣлъ на гошовѣ лошадей, ожидавшихъ его у дверей церкви.

Въ ярости одинъ изъ нихъ ранилъ Папу въ голову; попомъ они оппорганоупъ его опъ недокончанной службы, и, съ ругашельспвомъ и побоями, увлекаюпъ его, безмолвнаго, несопропивляющагося, непросящаго помилованія, спокойнаго, безпрепешнаго, съ глазами, обращенными къ небу (1). Наконецъ, содравши съ него омофоръ, ризу и подризникъ, и оспавивъ его только чшо не нагаго, бросаюпъ на лошадь позади одного изъ своихъ сообщниковъ, какъ будшобы какого нибудь связаннаго разбойника, копораго ведупъ въ судилище (2). Попомъ, со всею поспѣшностію, какою только дозволяли быспропа и сила ихъ лошадей, добѣжавъ до одной изъ часпей города, гдѣ Чинчи

---

(1) De missa nondum finita, violentis manibus, abstraxerunt, caedentes et percipientes. *Paul. Bern. сmp.* 123. — Non reclamavit, non reluctatus est. *Ibid.*

(2) Ut furem tractum, post dorsum cujusdam sacrilegi posuerunt, *ibid.*

владѣль еще укрѣпленную башнею, они заперлись въ ней съ своимъ плѣнникомъ.

Однакоже священники и богомольцы, вышедши изъ оцѣпененія, наполняютъ городъ криками и ужасомъ. Народъ выбѣгаетъ изъ домовъ: попоки дождя и жестокая буря упишились; небо снова сдѣлалось яснымъ; улицы и площади въ одну минупу освѣпились пысячами факеловъ.

Съ ужасомъ разсказываютъ о ночномъ покушеніи: объ оскверненіи церкви Святыя Маріи, о плѣненіи или и смерти Первосвященника; ибо еще не знали, чего должно было опасаться. Священники бѣгаютъ изъ церкви въ церкву, обирая алтари и скрывая священныя ушвари. Казалось, спрашились всеобщаго оскверненія Святыни. Прочіе жишели принимаются за оружіе. Въ продолженіе оспашка ночи звучать трубы, раздаются крики спорожей; назначаються пѣслы, сперегупся градскіе выходы, изъ опасенія, чшобы Первосвященникъ, если онъ еще живъ, не былъ выведенъ изъ города своими похищателями (1).

---

(1) Totâ nocte, signis tubisque sonantibus, militibusque omnes aditus lustrantibus, ne aliquo portaretur extra urbem ingenio.

Въ самое это время толпа несется въ Капитолій, копорый, по какому-шо инстинкту воспоминанія, былъ еще во всѣхъ Государственныхъ кризисахъ сборнымъ пунктомъ народа и мѣстомъ его совѣщаній. Тамъ узнають наконецъ, опъ различныхъ свидѣтелей, что Папа живъ, и что онъ заключенъ въ одной изъ городскихъ башенъ.

При семъ извѣстїи народъ испускаетъ крики радости. День показался, и все сдѣлалось извѣстнѣе и удобнѣе. Идутъ въ вооруженїи къ назначенной крѣпости, копорую со всѣхъ сторонъ называютъ *притономъ антихриста*. Нѣкопорые изъ воиновъ Чинчи защищаютъ оную опъ первыхъ прислуповъ; но они апакованы, обращены въ бѣгство и опспускаютъ назадъ къ своимъ поварищамъ. Тогда народъ начинаетъ формальную осаду: приносятъ военныя машины; поражаютъ слѣны ужасными ударами; зажигаютъ огонь у дверей. Осаждающіе сражаются съ жаромъ; никпо не щадишь себя для пакаго священнаго дѣла. Внѣшняя ограда успукаетъ и разрушается, и народъ уже у самой башни (а).

(а) Ignis appositus est; allatisque machinis et arietibus, rumpitur murus. *Paul. Bern.*, стр. 123.

Въ продолженіе приступа, Григорій VII, брошенный сначала въ одну изъ комнатъ этой башни, въ одно и позже время получалъ въ ней и необыкновенныя угожденія и необыкновенныя оскорбленія. Одинъ житель города и женщина благороднаго происхожденія прошли сюда съ похитителями, и трупъ, забытый въ безпорядкѣ сраженія, эпопъ челоуѣкъ мѣхомъ прикрывалъ Первосвященника, спрдавашаго отъ ночнаго холода и на своей груди согрѣвалъ оледенѣвшія ноги спарца (1).

Женщина, еще съ нѣжнѣйшею ревностію, промывала и перевязывала его рану, проклиная враговъ Божіихъ, святопапшвенныхъ убійць, копорыми она была окружена: попомъ, проливая слезы, она съ благоговѣніемъ любызала грудь, волосы и одежды Первосвященника. Эпо зрѣлище напоминало воображенію Магдалину у ногъ Спасителя (2). Но въ позже самое мѣсто и

(1) Vir ille, taedio detractionis et algore hibernalis noctis afflictum allatis calefecit pellibus; pedesque ejus in sinu suo composuit. *Ibid.*

(2) Matrōna vero ipsa, fomento medicaminis sui, Patris nostri plagam, nimio sanguinis rosei proflusio tabidam, deplorando mulcebat... Altera nimirum Maria effecta, caput pectusque deosculans lacrymis rigabat. *Ibid.*

въ попъ же: самый часть, другая жѣнщина, сеспра Чинчи, приходила обременяль Первосвященника проклятіями и ругательспвами (1).

Самъ Чинчи, съ ужасными угрозами, хопъль испоргнушь у Папы повельніе — выдасть ему опобранныя имъ у него сокровища и замки; но Григорій пребываль непреклоннымъ (2). Одинъ изъ служипелей Чинчи, подражая своему господину, клялся съ богохульспвомъ, чпо опрубипъ Папъ голуу прежде захожденія солнечнаго. Случай, во время бипвы, вскоръ наказаль оспервененіе сего челоувѣка: показавшись на зубцахъ спѣны, онъ упаль, смерпельно раненный въ горло дропикомъ, брошеннымъ извнѣ. Его смерть, даже въ глазахъ его поварищей, казалась знакомъ небснаго гнѣва.

Чинчи, приведенный въ замѣшательство опъ своего дѣла, и спрашась, чпобы крѣпоспъ не была попчасъ взяпа приспу-

(1) Traditoris soror Patri maledicere non formidabat.
Ibid, стр. 124.

(2) Ibi diu, gladlo super collum illius furialiter stricto, torvus, minax et omnifuriam terrificus, thesaurum et firmissimi S. Petri castella in beneficia sibi extorquere non cessavit ab eo; sed omnino non potuit. *Berthold. Constant. Chron.*, стр. 29.

помъ разъяреннаго народа, спѣшишь бросишь-ся къ ногамъ Папы, (1) и, съ сокрушеніемъ злодѣя, споль легкимъ и споль общимъ въ суевѣрныхъ и варварскихъ нравахъ, онъ умоляетъ Папу — сняшь съ него грѣхъ и дашь ему разрѣшеніе: „Я опщубійца, святишатець! говоришь онъ. Я наругался надъ святилицемъ Божіей Матери и яслями Спасителя: я оппоргнулъ опъ нихъ шебя, мой опецъ и господинъ апостолическій. . . Защиши меня; окажи мнѣ милосердіе, наложи на меня какое нибудь наказаніе и усмири; какъ умѣешь, народъ, воздвигшійся прошивъ меня по справедливому суду Божію. Совершенно оскверненнаго, каковъ я шеперь, прими меня въ свои святшыя руки, и нынѣшній же день наложи на меня покаяніе!“ Говоря сіи слова, эшопъ человекъ лежалъ распроспертый у ногъ Папы.

Тогда Григорій съ спрогоспію напомнилъ ему, сколько совѣшовъ подавалъ онъ ему нѣкогда черезъ людей благочеспивыхъ, и сколько упрековъ обращалъ къ нему самъ съ такимъ долговременнымъ перпѣніемъ. „Однокожь, сказалъ онъ ему, врапа вѣчной

---

(1) Procidit ad pedes beatissimi papae. *Paul. Bernried.*

жизни еще могушь для себя опворипься , если ты раскаешься чиспосердечно.“

Тогда Чинчи снова бросаея на землю, исповѣдуясь, что онъ былъ виновенъ и несчастенъ , и обѣщая безъ оплагашельспва исполнить наказаніе, которое будетъ на него наложено. (1).

Тогда Григорій сказалъ ему : „какъ отецъ, я прощаю тебѣ оскорбленіе, которое ты нанесъ мнѣ лично; но то, что учинилъ ты прошивъ Бога , Божіей Матери и Апостоловъ, или, лучше сказаць, прошивъ цѣлой Церкви, ты долженъ такъ загладить, какъ я велю тебѣ. Впервыхъ , ты пойдешь въ Іерусалимъ; а потомъ, ежели будешь живъ и возврапишья опшуда, ты подчинишья моему руководспву и моимъ совѣпамъ , дабы снова обрѣспи такимъ образомъ милоспъ всемогущаго Бога , и , бывши доселѣ примѣромъ погибели для всѣхъ сыновъ Церкви, съ этого времени быть примѣромъ раскаянія.,,

Этотъ челѣвкъ , все еще распросперпый у ногъ Папы, обѣцалъ ему выполнитьъ все роды наказанія. Тогда Григорій , приближась къ одному изъ оконъ башни , по-

---

(1) *Mox ad terram corruens, verum se reum miserumque confessus est. Ibid.*

казался глазамъ осаждающихъ , и , съ рас-
просперпыми руками , сдѣлалъ имъ знакъ
успокоиться и прислалъ къ нему нѣкоторыхъ
изъ своихъ предводителей.

Воспорженныя три эдемъ видѣ , почти
всѣ подумали , что Первосвященникъ при-
зываетъ ихъ къ себѣ на помощь. Они удвоя-
ютъ усилія , чтобы дойти до него ; смѣ-
лѣйшіе изъ нихъ влезаютъ на окошки ,
оставленныя оробѣвшими разбойниками ;
впоргаются къ Первосвященнику — и онъ
на рукахъ своихъ избавителей , представ-
ляея народу , проливающему слезы радо-
сти. Но когда всѣ увидѣли на немъ зна-
ки насилія (1) , кровавыя пятна , то при-
шли въ новую ярость и испустили тысячи
плачевныхъ воплей.

Въ семь смущеніи , въ семь волненіи
чувствъ , происшедшихъ отъ опасности и
освобожденія , у Папы была одна мысль , одно
желаніе — прежде всего идти въ церковь Св.
Маріи , изъ которой онъ былъ изпоргнутъ , и
снова начать службу , прерванную покушені-
емъ Чинчи. Безчисленное множество народа

---

(1) *Cernebatur enim totus cruoris magnitudine respersus
Paul. Bernr. apud. Act. Sanct.*

слѣдуетъ за нимъ къ алтарю, и онъ оканчиваетъ шпуть , уже къ вечеру , эту шорже-спвенную службу, начашую имъ прежде пер-ваго часу дня , оканчиваетъ ее испомлен-ный голодомъ , раненный , но поддерживаемый вѣрою. Попомъ онъ произнесъ благо-дарспвенный молебень , благословиль свяшую побѣду народа , и пошелъ успокоипсья въ Ляпранскій дворець.

Народъ , овладѣвшій башнею , пощадилъ сначала шѣлохранишелей Чинчи , по прика-занію Папы. Но попчасъ были сдѣланы спрогіе розыски касашельно соучаспни-ковъ сего покушенія. Многіе изъ нихъ были лишены носовъ и изгнаны изъ Рима ; пс-помъ оконфисковали ихъ имѣнія : новое доказашельспво , чшо въ эпомъ заговорѣ учапвовали неодни шолько шапашущіеся бандипы , но также и нѣкопорые изъ Рим-скихъ дворянъ , эшихъ соперниковъ Перво-священнической власпи.

Чинчи , защищенный въ первую минупу могущеспвомъ апосшолического прощепія , ускользнулъ съ своею женою , сеспрою , дѣшми и брашьями въ шо самое время ,

когда Папа служилъ молебень. (1) Дѣкредомъ сенапа, укрѣпленные дома, копорыми онъ владѣлъ въ Римѣ , были разрушены , а его имѣніе конфисковано.

Папа вскорѣ попотребовалъ , чшобы онъ явился для принятія наказанія , копорое было на него возложено. Но онъ , удалившись въ одинъ замокъ около Рима , производилъ набѣги на Римскія владѣнія и жилъ грабежемъ и разбойничествомъ. Папа преимущественно предъ всѣми оплучилъ его опъ церкви чрезъ Пренеспскаго Епископа , въ Эпархіи копорого было его новое логовище. Но эпопъ человекъ , копорому уже нечего было бояться яроспи всего Римскаго народа, продолжалъ свои набѣги до того самаго времени, когда присоединился къ Германскому Королю.

Тогда какъ Чинчи , изъ заговорщика сдѣлавшійся главою разбойниковъ , производилъ нѣкопорые грабежи въ окрестностяхъ , въ Римѣ было возстановлено спокойствіе , и власть Первосвященника казалась памъ утвержденною лучше , нежели когда либо ,

---

1) Ipso vix interventu papae , cui se reum dederat , inde vivo propulsato. *Berthold Chronicon* , снр. 29.

чрезъ народную преданность. Однакожь изъ сего происшествія увидѣли, какъ слабо было это могущество, споль высокое и споль ужасное внѣ Рима. И пакъ можно было оскорблять, даже въ самомъ его святилищѣ, это господство почти божественное и возвышавшееся надъ всѣми престолами! Покушеніе Чинчи, возбуждая даже негодованіе, могло издалика ослабить въ умахъ мысль о священной неприкосновенности Первосвященника. Этимъ-то, безъ сомнѣнія, должно объяснять молчаніе, которое Григорій VII сохранялъ о семъ спраннымъ приключеніи. Онъ не велѣлъ распроспрашивать въ христіанствѣ на сей счетъ никакихъ жалобъ, никакихъ анаемъ. Онъ никого не обвинялъ въ наущеніи или соучастничествѣ съ Чинчи.

Это намѣреніе особенно замѣтно въ письмѣ, которое Григорій VII писалъ къ Генриху, 8 Генваря, 1076 года, чрезъ принадлежавшій дней послѣ этой роковой ночи на Рождество Христово, и когда еще раны его не могли быть залѣчены. Ни одно слово въ семъ письмѣ не обнаруживаетъ, чпобы въ Римѣ произошелъ хотя малѣйшій безпорядокъ. Первосвященникъ продолжалъ увѣщавать Короля съ по-

велипельною важностію, и собираль на него новые громы; но для него было пріятнѣе совсѣмъ молчашъ объ оскорбленіи, нанесенномъ ему Чинчи, нежели обвиняшъ въ ономъ Генриха.

Съ Франц. — скій.

III.

ФАКЕЛЬ.

МОРСКАЯ СЦЕНА.

„Господинъ Шшурманъ, видите ли вы эпошь приближающійся валь?”

— Тысяча громовъ! Да, я вижу его.

— Береги корму! „

Едва онъ сказалъ эпо, едва успѣли ему опвѣчашъ, какъ капящаяся и зыблющаяся гора, исполински низвергнувшись на корму, залила корабль. Надобно было видѣшъ, какъ развергнулась эша зеленая, прозрачная, спруиспая масса, какъ она завыла, разхлынулась и все наполнила своимъ влажнымъ сполбомъ, какъ увлекала и опбрасывала вмѣспѣ людей, живошныхъ, мореходные инспируменшы, канашы, весла и снаспи.

Я вспаль, вповолину задушенный поржеспвующею волною. Одиень изъ эпихъ желъзныхъ флагшпоковъ, копорые служашь къ ошварпыванію шлюбокъ, полкнууый съ яроспію водянымъ валомъ и успремленный имъ на меня, долженъ былъ попасшь въ лъвый глазъ; я опвелъ ударъ рукою, чрезъ чпо ранилъ ее слегка. Шлюбки, сорванныя попокомъ, сами собою пуспились въ море. Было видно, какъ мѣшалась и полкалась безъ проводника эша эскадра, какъ бились онѣ своими боками подлѣ корабля и какъ дюжина барановъ, раздѣлившихъ учаспъ шлюбокъ, жалобнымъ и продолжипельнымъ блеяніемъ свидѣспельспвовала о запруднипельности своего положенія. Когда эпи бѣдныя живошныя увлеклись волною и когда ихъ уплыя ладьи очупились на самой вершинѣ оной, до насъ доходили ихъ спенанія, смѣшанныя съ глухимъ воемъ волнъ и бури.

„Знаешь ли ты, чпо говорашь намъ эпи бѣдныя живошныя? “Вскричалъ Шшурманъ одному мапросу.

Мапросъ покачалъ головою.

— Не видашь намъ больше бараньихъ коплешъ, дѣши мои! Вопъ чпо повпоряюшь они намъ на своемъ языкѣ.

Покуда достигали до моего слуха шупки мапроса, море вздулось. Приготовили насосы; руки всѣхъ попчасъ принялись за дѣло, и ведра, безпреспанно наполняемые и опорожняемые, освободили корабль отъ воды, копорая обременяла его. — Опасность была очевидна; но наша увѣренность въ прочности *Факела* подерживала въ насъ надежду. Тщешно въшеръ дуль съ бѣльшею жестокоспїю: мапросы съ обнаженными руками, смѣялись и перекидывались веселыми эпиграммами. Эпа беззабопность, эпа дѣяпельность, эпо презрѣніе погибели, эпа бодрость, произходящая отъ всегдашней веселости, неизмѣнно смѣющеися надъ опасностями и смерпїю, — какое любопытное зрѣлище! Какой предметъ для наблюденїя!

Но небо и океанъ попчасъ перемѣнили свой видъ; самые безспрашные запрепешали; ихъ дыханіе не споль уже легкое, ихъ слова, уже болѣе коропкіе, ихъ мрачное молчаніе, пророчеспвовали о великой опасности. Все пошемнѣло; горизонтъ, поспешенно сѣуживавшїйся, окружилъ насъ собою, какъ бы шемницею; море почернѣло; вѣтеръ упалъ; всѣ было пихо. Казалось, смерпъ парила надъ нашими головами, ок-

ружала и пѣснила насѣ. Облака, поспешенно увеличиваясь, опускались, громоздились, наполняли своими огромными массами небесный сводъ, и наконецъ коснулись своими пухлыми оконечностями верхушки нашихъ мачтъ. Безмолвіе, глубокое безмолвіе! Ни малѣйшаго проблеска молніи, ни малѣйшаго шума, ни одной капли дождя, лишь одинъ какой-то шорохъ!

Пока продолжалось это ужасное молчаніе, во сто разъ ужаснѣйшее самой бури, малѣйшій шумъ, производимый снастями корабля, колеблемаго маневромъ, давалъ) себя слышать яснымъ, спраннымъ образомъ, дѣйствіе котораго было бы трудно выразить. Скрипъ сходней и голось мачтросовъ прерывали могильное молчаніе, царствовавшее вокругъ насѣ. Однакоже нашъ бригъ, котораго парусовъ не надувало ни малѣйшее дуновеніе вѣтра, съ трудомъ бродилъ высокія, густыя, зыбкія волны.

„Капитанъ, сказалъ Лейтенантъ Три-наль, посмотрите!

— Я ничего не вижу, кромѣ ужасныхъ пучь.

— Сюдъ — Сюдъ — Веспъ!„

Лица всѣхъ обратились къ этой споронѣ горизонта. Составляя контрастъ съ мрачною глубиной остальной части перспективы, предъставлявшейся нашимъ взорамъ, пѣна рисовалась и блестѣла на краю горизонта бѣловатая линія. Она растягивалась, увеличивалась, развертывалась, между тѣмъ какъ глухой вой, копорый начиналъ дѣлаться слышимъ и слышимъ, удвоилъ и безъ того сильную дѣйствительность. Влажная пыль, густой шумъ, выходя изъ той же самой спороны, разразился надъ нами; его мѣлкія и пронзительныя капли проникали пѣло, какъ будто бы безчисленное множество иголокъ.

„Это дождь? Спросилъ Штурманъ.

— Это морская вода, возразилъ Лейтенантъ, это авангардъ бури! Да сохранишь васъ Богъ, мои дѣти!

И она въ самомъ дѣлѣ пришла, эта буря, она пришла одна, безъ грома, безъ молній и тѣмъ еще ужаснѣйшая. Верхушка бѣловатыхъ волнъ, разносимая, взбрасываемая, разрываемая въпрямь, копорый пробѣгалъ по нимъ, какъ разъяренный конь, сравнивалась подъ этою ужасною силою. Бы сказали бы, что колесница съ бронзовыми колесами, сокрушая эти бразды, на-

полняя собою всё эпи бездны , перемѣняя ихъ поверхность , покрываешь бѣлою пѣною эпи водяныя горы. Наши веревочныя и желѣзныя укрѣпленія лопались или гнулись какъ проволока между пальцами работника. Канаты , райны , снасти , веревки уступали ярости урагана , и разсѣвались въ воздухъ подобно легкимъ облакамъ , копорыхъ пкань образуютъ лѣпніе пары и копорыхъ длинныя покровы разсѣваешь упреній въперъ. Чшо же касаешь до нашихъ мачтъ , связка сухаго проспника ломаешь не съ большею легкостію. Менье, нежели черезъ минупу карабль очутился безъ мачты.

Самый слабѣйшій парусъ , если бы мы попробовали поднять его , былъ бы унесенъ въ одно мгновеніе. И шакъ не для чего было помогать эшому великому несчастію ; чшобы привести въ дѣйствіе насосы , поправишь поврежденія , управляешь рулемъ , — пребовались попеченія всего экипажа. Всѣ были на своихъ мѣстахъ. Никто изъ насъ не потерялъ бодрости , когда старый десятникъ , морякъ , посѣдѣвшій въ службѣ , храбрѣйшій и опынѣйшій между нами , вышелъ на палубу. Его лице было блѣдно ; его долгиє сѣдые волосы , воздымаемыя въпромя ,

развѣрались въ одномъ направленіи, напряженные и влажные. Онъ ничего не сказалъ намъ и пошелъ прямо къ Капипану, копорый былъ, по своему приказанію, привязанъ поясомъ къ кабеспану. „Вода запопляяетъ насъ, сказалъ онъ. Нѣтъ возможности оспановить ее. Обломокъ нашей мачпы ударился прямо о корму; мы упоаемъ.“

— Скорѣе парусовъ, смолы! Законопапшишь дыру. Кельсонъ, не пугайте мапросовъ!,,

Но при первомъ валѣ, поднявшимъ насъ, карабль, шапаясь подобно пьяному человѣку, погрузился въ бездну. Всѣ его сходни задрожали и запрещали. При видѣ его неправильнаго движенія и ужаснаго преска, вы почли бы себя за осужденнаго, идущаго на казнь. Въ самомъ дѣлѣ приговоръ былъ произнесенъ; казнь предъ нашими глазами, и часъ наспалъ.

„Бросайте пушки въ море.

— Слишкомъ поздно! Сказалъ спарый десяпкинь — Ахъ!,,

Это предолжипельное *ахъ!* эптопъ крикъ цѣлаго экипажа — кто бы могъ забыть его?

Я упонулъ, я задохнулся, я не видѣлъ ничего, кромѣ хаоса, облаковъ, воды, мерп-

выхъ , умирающихъ , кругомъ себя , подлѣ , вверхъ , внизу ; кромѣ посинѣлыхъ лицъ , взоромъ блистающихъ въ нестерпимой поскѣ , пальцевъ , сисящихся схватились какой нибудь обломкомъ , рукъ сжапыхъ и сжимающихъ какой нибудь опломкомъ опъ судна. Эпо была сцена ужасная , сцена адская ; самъ Даншь не воображалъ ничего ужаснѣйшаго. Какіе - то крики опчаянія взывали , просили о помощи , какъ будто бы кто нибудь могъ намъ подапъ ее. Я умиралъ , я болѣе ни о чемъ не думалъ , какъ вдругъ почувспвовалъ угрызеніе какихъ - то сильныхъ зубовъ , перзавшихъ мою шею сзади ; я пришелъ въ себя. *Снизерьъ* , моя собака изъ Новой Земли , схватила меня за шею , и оппащила опъ обломковъ погибшаго корабля.

Что пыпались сохранить усилія господина и его собаки , обоихъ въ половину задушенныхъ волнами ? Жизнь , жизнь всегда драгоцѣнную ! Наконецъ мы доспигли одной изъ шлюбокъ опорвавшихся опъ нашего корабля и носимыхъ бурей.

Я оставался въ продолженіи прехъ дней , почпи нагой , съ опкрыпою головою , безъ пищи , безъ воды для уполенія жажды , безъ защиты опъ солнечнаго жара , въ ушлой ладѣ . При видѣ эпого свѣшила , копо-

рое блиспало и горѣло въ небѣ какъ щипъ, скованный изъ пылающаго желѣза, умирая опъ голода и жажды, я сложилъ руки въ умоляющемъ положеніи, и поднявъ ихъ къ небесной пверди, вскричалъ въ испуленіи: „Боже! Боже! не дай мнѣ болѣе видѣть восхожденія эшого солнца, которое пожираетъ меня!“, Благородное живописное, спасшее меня, спонало и умирало, распроспершись на днѣ лодки. Прошелъ еще день; мною овладѣло бѣшеное безуміе. Я схватилъ своими убійспвенными зубами шею собаки. Уже пекла ея кровь; я увидѣлъ, какъ оспановились на мнѣ ея сѣрые и пусклые глаза; я не могъ продолжатъ, я снова упалъ въ безпамятспствѣ, и не знаю, чпѣ послѣ происходило, чпѣ сдѣлалось съ лодкою и какъ я былъ изпоргнутъ изъ челюспей смерти.

Я увидѣлъ себя въ низкомъ шалашѣ; постель изъ свѣжихъ лиспьевъ поддерживала меня. Моя собака лизала мнѣ руки. На полспыхъ брусьяхъ пополка висѣлъ индѣйскій челнокъ съ веслами. На спнѣ были прицѣплены сѣпи и прочія рыболовныя орудія и испанское ружье, которое такъ легко узнать по его пушечнымъ размѣрамъ.

Возлѣ меня лежалъ прутъ, обернувшій парусиною и щипательно связанный веревкою. На зло плохому правописанію и неправильнымъ буквамъ, я разобралъ эпю наивную эпипафію: „здѣсь пѣло ивана *Дидейя*, начальника брига ево брипанскаго величества, *фанела*.“

На землѣ посреди жижины были навалены дрова; чешверть барана жарилась на эпмомъ очагѣ, огонь копораго поддерживалъ Индіецъ, сидѣвшій на подогнутыхъ колѣнкахъ, въ положеніи лягушки, находящейся въ покоѣ. Пропивъ него споялъ лейтенантъ Сплинперъ, въ одной рубашкѣ, съ босыми ногами, до крайности изнеможенный. Полуотворенная дверь позволяла мнѣ видѣть голубое небо, блѣдную луну, копорая отражала на волнахъ длинный слѣдъ своихъ палевыхъ лучей, и водяные валы, копорыхъ меланхолическій ропотъ поразилъ мой слухъ и напомнилъ всѣ мои бѣдспвія.

„А! вы очнулись! вскричалъ Сплинперъ, увидѣвъ, что я открылъ глаза. Товарищъ! мы съ вами соспавляемъ весь экипажъ. Исключая эпихъ господъ, присовокупилъ онъ, указывая на барановъ, копорые жались въ углу шалаша, всѣ наши погибли.

Прощай, *Факель*! онъ уже погасъ. Я захватилъ капишана и принесъ его сюда, при помощи моего человѣка, или моего бронзоваго живошнаго, копораго вы видите сидящимъ у огня . . . . Завтра, если вамъ будетъ лучше, мы опдадимъ послѣдную почестъ нашему храброму Капишану.“

Я еще не имѣлъ силы говорить. Въ то время какъ Сплинперъ опносился ко мнѣ съ сими словами, Снизеръ, измученный голодомъ, не могъ побѣдипъ искушенія, которое предспавлялось ему; онъ бросился на кусокъ мяса, копораго пріятный запахъ, возбуждая аппепитъ, приглашалъ его позавпракапъ, и, схвативши его, не смопря на сопропивленіе Индйца, со всѣхъ ногъ ударился бѣжашъ.

“Снизеръ, вскричалъ Лейпенанпъ, подай эпо, подай скорѣе!„

И покорное живошное, не смопря на свой ужасный голодъ, положило кусокъ баранины на золу очага.

. . . . .

Я заснулъ глубокимъ сномъ, и проснулся уже на разсвѣпъ. Снизеръ тихо ворчалъ, и по временамъ лаялъ; крикъ кошки-пигра и сопѣніе жабы упихали, *береговой* въшеръ, дующій по упру, спо-

наль, попадая въ кустарникъ, а широкія
листья кокосоваго дерева, сопрясаи съ
себя росу, копорая съ шумомъ упадала на
землю. Вскорѣ сцена еще болѣе оживилась.
Изъ лѣсу доходили до насъ крикъ *макива*
а), продолжительный и пріятный свистъ
горнаго павлина, мѣрный спукъ зеленаго
дьябла, долбившаго своимъ носомъ дуплистое
дерево. Дикая курица или *gallinosa* опи-
сывала вокругъ шалаша быспрые круги; гви-
нейскій пѣпухъ начиналъ свое чириканье;
попугаи болтали вдалекѣ; *красный гусь*
прогуливался у берега болоша, гдѣ опды-
халъ американскій крокодилъ. Толпа пели-
кановъ, садясь на оспашки нашихъ шлю-
бокъ, занимались своимъ шуалепомъ, намѣ-
реваясь лепѣть; лазурь неба поспепенно
воспламенялась, звѣзды умирали, одна Ве-
нера блеспѣла; нѣсколько пурпуровыхъ лу-
чей, предвѣспниковъ солнца, копорое на-
чинало показываться, пересѣкали дождливыя
облака своими длинными огниспыми поло-
сами, облипыми серебромъ. Амбра и ка-
минъ, копорыми горитъ пропическая заря,
перемѣнились въ шарлахъ и макъ; наконецъ
свѣпило показалось.

а) Родъ обезьяны.

Ружейный выстрѣлъ!“ Вскричала Лейпенапль.

— *Los Espanoles!*, Прошепталъ тихо Индіецъ. Сказавши это, онъ подползъ къ двери, упкнулся подбородкомъ въ землю и закрылъ ладонями свои уши. Послышались многіе выстрѣлы; за ними послѣдовалъ погребальный звукъ паспущескаго рожка. Сплинперъ хопѣлъ выйдти. Индіецъ схватилъ его за ногу и повпорилъ:

“*Los Espanoles!*,

Въ эту самую минуу спремипельно вбѣжала въ палашъ молодая Индіянка, почти нагая и съ ребенкомъ на рукахъ. Это сине-багровое пятно, видимое на ея груди, было слѣдствіемъ ружейнаго выстрѣла, наспигшаго ее: двѣ или три капли черной крови сверкали на немъ; пска была написана на ея обезображенномъ лицѣ; она съ ужасомъ посмошрѣла вокругъ себя, и вскричала:

“Есара, Орееке, есара: пага му, соу тнерту уа. Бѣги, Орееке, бѣги: что же касается до меня, я уже мертва!”,

Свиспипѣ въпорая пуля, поражаешъ дипя и сквозь его маленькое пѣло проходипѣ во внутренность мапери. Мнѣ показалось, что я еще услышалъ пронзитель-

ный крикъ младенца , смѣшанный съ смерпнымъ хрипѣніемъ мапери. Они оба упали.

Уже Испанскіе солдапы окружають шалашъ. Одинъ изъ нихъ, спавши на колѣно , прицѣливаепся своимъ корабиномъ въ Индйца , который только что увидѣлъ , какъ упали къ его ногамъ жена и сынъ. Индеецъ продолжалъ сидѣть на землѣ подобно лягушкѣ. Онъ плакалъ.

„*Maldito!* Вскричалъ онъ. Проклятый!“

Онъ выспрѣлилъ въ солдапа изъ дугообразнаго пистолеша и повергъ его мерпвымъ къ ногамъ своимъ. Попомъ оставилъ свое любимое положеніе , выпрямился , обнаружилъ ростъ въ шесъ фуповъ , поднялъ къ небу свои дрожащія руки и произнесъ , или , лучше сказать , провылъ эти слова , которыя были его послѣдними словами :

„*Venga la muerte ; ya soy listo!* Приди смерпъ ! Я совсѣмъ гошовъ.“

Онъ снова съежился. Двѣнадцать пулъ пробили шалашъ ; но ни одна изъ нихъ не попала въ насъ. Сплинперъ изъ всѣхъ силъ кричалъ на Испанскомъ языкѣ : „Мы Англійскіе морскіе офицеры , прѣперпѣвшіе кореблекрушеніе.

— *Mentira* , опвѣчали Испанцы , *piratus son ustedes*. Ложь : вы пираты ; заж-

жемъ ѡпу берлогу; пусть они сторяшь
пушь!“

Я бросился и, вспомоществуемый Сплинперомъ, пытался пробиться сквозь вражескую полпу. Насъ опбили назадъ ружейными прикладами; мы упали опчаянные, убитые.

“Ежели вы Англійскіе моряки, сказали намъ предводитель, по гдѣ же вашъ видъ?

— Въ моръ, вмѣстѣ съ нашимъ кораблемъ.

— А вашъ мундиръ?

— Мы люди, претерпѣвшіе кораблекрушеніе.

— Неси сухихъ сучьевъ, и пусть они жарятся съ Индійцемъ.,,

Въ одну минушу куча смолистыхъ дровъ возвысилась вокругъ жилища; огонь запрещалъ, дымъ окружилъ насъ густымъ облакомъ. Орееке продолжалъ лежать на землѣ скорчившись. Намъ оставалась одна надежда: разрушить шалашъ и вырваться. Сплинперъ мнѣ помогъ; послѣ двухъ или трехъ минушъ ужасныхъ усилій крышка обрушилась; я бросился. Сплинперъ, котораго длинныя волосы были въ огонь, бросился на шею первому попавшемуся ему солдапу, зажегъ его папиронную сумку и задушилъ его. Я не зналъ, что сдѣлалось съ Сплинперомъ. Вскорѣ я увидѣлъ его вышедшимъ изъ шалаша; онъ шащилъ за собою прупъ капитана.

„Выслушайте меня, кричалъ онъ, выслушайте меня: вошь свидѣтель.“

Онъ развернулъ парусину, копорою было обвернуто пѣло; загнившій прутьъ показался наружу, въ мундирѣ англійскаго моряка. Одинъ молодой Испанскій сержантъ, пораженный ужасомъ при семь видѣ, упалъ безъ памяти.

„Эпо былъ нашъ капибанъ. Вы можете убить меня; но я клянусь его душою, что говорю правду; а ежели лгу, пуспъ его пѣло вспанепъ и уличипъ меня во лжи.“

— *Es verded*, вскричали испанцы; *son de la marina inglesa*. Эпо правда: они Англійскіе моряки.

Тогда эпи дикіе Испанцы сдѣлались услужливыми и вѣжливыми. Насъ окружили, и, неизвиняясь въ помъ, что хотѣли подвергнушь такому импровизованному авподафе, снова положили съ спарашельноспію въ парусину прутьъ, который распроспранялъ вокругъ себя ужасный запахъ.

„Не прое ли васъ было въ эпомъ шалашѣ? спросилъ начальникъ.“

— Да, съ нами былъ Индіецъ.“

Попробовали разрышь пепель, куча копораго была единспвеннымъ признакамъ, оспавшимся опъ бывшаго жилища. Все было,

пожрано огнемъ. Усиливаясь разгресць эту кучу сѣрой пыли, принудили показашься несчастнаго Орееке. Рука, почернѣвшая отъ пламени, попомъ голова, попомъ плечо показались нашимъ глазамъ. Бока Индѣйца были обнажены и окровавлены. Вся кожа на его пѣль была взорвана и обожжена. Съ самага черепа до ногъ, вы назвали бы его деревяною шапуюю, копорая, будучи брошена въ огонь, почернѣла, не загорѣвшись. Ореека находился въ спячемъ положеніи; надобно было видѣшь, какъ онъ вспалъ посреди бѣлаго пепла, какъ геній, или, лучше сказашь, какъ демонъ пожара. Онъ не сдѣлалъ никакого усилія, чшобы вырвашься; но шапаясь, какъ пьяный, попчасть опяшь упалъ, и его паденіе подняло вихоръ искръ, пепла и дыма, въ копоромъ онъ и исчезъ.

Солнце своими лучами освѣпило эту разрушенную хижину, печальный гробъ Индѣйца, его жены и сына. На другой день Испанскіе солдапы опдали послѣднюю почешь нашему капитану; и они обходились съ нами съ вѣжливостію споль холодною, споль церемонною, споль равнодушною, акъ будшо бы между нами ничего не было.

(Blackwood's Magazine).

IV.

БОГАТЫЙ И БѢДНЫЙ.

изъ записокъ медика. а)

Богатые и бѣдные! Какой пѣгопѣющій уровень бросаешь на васъ смерть! какъ исчезаешь предъ болѣзнію всѣ ваши поддѣльныя опличія! Какое ужасное равенство возспановляется погда въ первый разъ! Никогда не наблюдалъ я съ бѣльшимъ любопытствомъ и удивленіемъ эпого контраста и эпого сходства, какъ въ одинъ день 1819 года, въ Февраль мѣсяць. Эпопъ день занимаешь важное мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ. Бѣдствие на связкѣ соломы и бѣдствие, пьющее нектаръ изъ золотыхъ чашъ, попеременно поражаело мои взоры въ продолженіи двадцати чѣтырехъ часовъ. Здѣсь — умирающій, кошораго послѣдній смертный вздохъ былъ ускоренъ излишествомъ роскоши; шамъ — бѣднякъ, выпускающій дыханіе опъ недоспапка въ кускѣ хлѣба; и эпи два существа, рожденныя съ одинаковыми способностями

а) Мы нѣсколько разъ имѣли случай предспавлять нашимъ чинапелямъ спашы изъ *Записокъ Медика*, постоянно помѣщаемыя въ *Blacktovd's Magazine*; записки сін не такъ давно изданы особенными книжками на Англійскомъ языкѣ; мы слышали, что одинъ молодой липператоръ переводилъ ихъ на Русской языкъ съ *подлинника*. *Изд.*

и одинаковыми правами, идущь въ одинь и попь же день опдашь опчепь своему Создапелю въ споль несходной жизни и въ споль общихъ обоимъ имь спраданіяхъ!

Эпи двѣ карпины не будупь имѣль ни перипепіи, ни развязки; ихъ поспепенное развипіе возвышаепь ихъ цѣну, главное достоинство которой состоипь въ дѣйствительности нимало не украшенной. Къ тому же эпо супь пакого рода сцены, копорья на каждомъ шагу попадаюпся въ эпихъ большихъ городахъ, въ копорыхъ крайнее изнеможеніе и крайнее полнокрое, крайность въ наслажденіяхъ и крайность убожества, безпреспанно другъ съ другомъ спалкиваюпся.

Давнишній палачъ знаменипаго Герцога ***, бичь богатыхъ, казнъ счастливыхъ, эпиа болѣзнь, копорая проникаепь даже въ мозгъ нашихъ костей и грызепь ихъ — подагра, въ первой половинѣ зимы 1819 года, изсущала скелепъ и пожирала кровь шого, о коемъ я намекнулъ вначалѣ, и кпо въ продолженіе своей юности велъ веселую жизнь. Напряженность и продолжительность припадковъ ослабили весь его организмъ: его характеръ сдѣлался раздражительнымъ; чрезвычайная вспыльчивость

и несносная злость соспавляла мученіе всего окружающаго его. Какъ человекъ, преданный удовольствіямъ и принадлежавшій къ парпії, онъ вмѣшался недавно въ какое-то полигическое преніе, копорого пеапромъ была Палапа Перовъ, и копорого слѣдспвіе его инпересовало. Эпо неблагоразуміе было наказано усугубленіемъ спраданій. Онъ возврапился домой едва живъ: вліяніе сѣвернаго вѣпра, опъ копорого не лъзя защипись въ время переѣзда, усугубило его боль, и эпопъ бѣдный Лордъ, возврапившись въ свое великолѣпное жилище и на свою шелковую поспель, не могъ ни говоришь, ни двигапьяся.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ того, ему вздумалось возложиль всю вину на своего докпора, и посему онъ уволил его опъ себя. Я былъ позванъ къ нему.

Герцогъ * * * жилъ въ Индіи, и обширными счастливыми спекуляціями умножилъ безмѣрное богатство, перешедшее ему опъ предковъ. Онъ привезъ съ собою съ Воспока склонность къ великолѣнію и блеску, съ копорыми могли равняпьяся полько его эгоизмъ и гордость. Сказапъ по правдѣ, эпо былъ образчикъ сей мало уважаемой часпи нашей аристократіи, пишъ богатства безъ благопворительности, гордости безъ щедрости,

взыскапельности безъ доброты. Своенравный, угрюмый, помъшанный на своей личности, неспособный не только жертвовать собою для другаго, но даже и выходить изъ пѣсныхъ границъ своего эгоизма, онъ дошелъ до того, что всѣхъ заставилъ себя ненавидѣть, даже и людей обязанныхъ имъ, не смотря на его богатство и могущество. Самымъ свѣжимъ примѣромъ этого сердитаго и сварливаго характера былъ грубый отказъ его послѣдному медику: по сему я не безъ нѣкоторой боязни явился на его приглашеніе.

Это было въ Февраль. Зима продолжалась; дуть сѣверный вѣтеръ; снѣгъ покрывалъ землю: но печальнѣе всего этого былъ видъ его дома, споявшаго на одной изъ самыхъ уединенныхъ улицъ Лондона. Мостовая была тщательнѣе услана соломой, что бы ничто не дѣлало на улицѣ спуку. Опъ мѣся до мѣся служители, споявшіе для охраненія спокойствія своего господина, предупреждали проходящихъ, пребуя у нихъ молчанія. Молошокъ у двери былъ обшитъ сукномъ; всѣ колоколчики были сняты; и двери безъ скрипа и безъ шума отворялись на смазанныхъ масломъ петляхъ. Словомъ, всѣ предосторожности были взяты, чтобы спокойствіе благороднаго боль-

наго ни на минушу не было возмущено. Моя коляска двигалось медленно и глухо. Воропа опворились какъ бы посредспвомъ какого нибудь чародѣйспва; служипели получили приказаніе спояпъ на порогъ и не давапъ поспиппелямъ времени поднималп молопка; двойные ковры покрывали полъ и лѣспницы, съ часовъ были сняпы боевые приборы, и вѣрная собака, копорой лай могъ бы докучапъ ея господину, была уведена на задній дворъ. Наконецъ, двери опворялись и запворялись не иначе, какъ на песемкахъ, чпобы не хлопались о приполки; замки были опъ нпхъ оппяпы и замѣнены деревянными задвижками, упадавшими на бархашъ. Болѣзнь! смерть! ужась! горести! не входите! богапспво запрещаепъ вамъ это! оно умножаепъ предоспорожностп, оно вооружаепся прошивъ васъ пысячью щиповъ.

Слуга, обушый въ фланелевые башмаки, спросилъ меня объ имени; его вопросъ былъ сдѣланъ шопопомъ, на копорый и я опвѣчалъ шопопомъ.

„Госпожа Герцогиня желаепъ имѣпъ честь поговорипъ съ вами, Милоспивый Государь, прежде нежели вы войдете къ Его Знапностп а).

— Доложи обо мнѣ.

---

a) His Lordslis.

Я прошелъ чрезъ галлерю , украшенную спашуями и вошелъ въ будуаръ , гдѣ Герцогоня пила кофе съ двумя своими дочерьми, изъ коихъ одной было лѣтъ шестнадцатъ , а другой лѣтъ восемнадцатъ. Было девятъ часовъ; выходили изъ за сполы. Какой - по молодой человекъ , блиспѣвшій краснымъ военнымъ мундиромъ , болпалъ съ дамами ; Герцогиня была блѣдна и , по видимому , спрадала.

„Господинъ докторъ , сказала она мнѣ послѣ первыхъ привѣспвйй, я боюсь, чпобы, пригласивши васъ пользоваться Его Знапностью, не дали вамъ таково пруда, копорый бы могъ вамъ ненравиться. Мы распочаемъ ему всѣ возможныя услуги, а онъ жалуется, чшо онъ немъ худо пекупся; ему все пропивно, ни чшо не можеть его удовольспвовапъ. Дурное расположепие духа, копорое имъ овладѣло, осприпъ и усугубляетъ его болѣзнъ. Повѣрипте ли вы, чшо единспвенною побудишельною причиною опказа вашему собрату, было то, чшо онъ приписывалъ плачевное соспояние своего болънаго послѣднему засѣданю въ Палатѣ Перовъ ?

— Я исполню мою обязанность , Герцогиня; и ежели не буду счастливѣе моего предшеспвенника, то, по крайнѣй мѣрѣ, по-

спараюсь поступать такъ , чтобы мнѣ не чѣмъ было упрекать себя.

— Его Знапность выходилъ изъ перепѣня , сказалъ тогда въ полголоса напудренный сухощавый и одѣтый въ черное плащье слуга , копорый , какъ показалось мнѣ , долженспвовалъ бытъ приближеннымъ комердинеромъ ; Господинъ Герцогъ пребуешъ Господина доктора.

— Ради Бога , постѣшите , прервала Герцогиня ; не говорите о помѣ , что я вамъ сказала : сдѣлайте милость , ни слова о докторѣ * * * и объ опказѣ ему . Можетъ бытъ я сама пойду за вами ; но , сударь , пожалуйста будьте оспорожнѣе : опъ эпого зависптъ спокойспвіе всѣхъ насъ .“

Такимъ - по образомъ болѣзнь одного человѣка наводила ужасъ на все семейспво : но не одной полько смерти его спрашились , но его характера , но пош пыпки , копорымъ онъ подвергалъ всѣхъ приближавшихся къ нему : умирая , онъ волновалъ ужасомъ пѣхъ , копорые зависѣли опъ него . Я дѣлалъ эти размышленія , болѣе философическія , нежели благоприяпныя для предрасудковъ рожденія и богатспва , идя за напудреннымъ лакеемъ копорый служилъ мнѣ проводникомъ . Молва , льспившая почпи , царскому великолѣпію , копорымъ окружалъ

себя Герцогъ * * *, ничего не увеличила. Лъспница изъ бронзы и золопа; яшма и аллебастръ, щедро разсыпаные и щцапельно обработанные; рѣдкія расшѣнія въ древнихъ урнахъ; повсюду блескъ, обнаруживающій изящный вкусъ; повсюду изысканность щегольства, соединенная съ блескомъ пышности. Самое щегольское шипье украшало эпу драпировку; феспоны играли вокругъ занавѣсовъ, украшенныхъ Мехельнскимъ и Брисельскимъ искусствомъ. Бѣдное человѣчество! сполько издержекъ для того, чпобы скрыть свою слабость! Сполько вычуръ для того, чпобы доказать этому сыну Лорда, чпо онъ не человѣкъ! Эпоть одръ спраданія былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ тройной волною апласа, копораго складки собиралъ и поддерживалъ золопой орель, парившій надъ поспелью. Самые сосуды, въ которыхъ содержались произведенія Фармаціи, и въ которыхъ спраданіе ищеть облегченія своимъ болѣзнямъ, были изъ драгоценнаго вещества. Каждое изъ кресель, распавленныхъ въ спальнѣ, приковывало къ себѣ взоръ чрезвычайною тонкостью рѣзбы, а прозрачность самыхъ дорогихъ и самыхъ ошборныхъ красокъ на спеклянной посудѣ заземняла блескъ ночной лампы. Никогда не видывалъ я, даже у Принцевъ, внушрен-

ности дома, которая была бы больше способна заставляя человека забывать о своей ничтожности, и осуществляя мечту о волшебных замках.

Какое существо скрывается на этом ложе, на котором должен бы опдыхать какойнибудь ангелъ съ золотыми крылами? Подойдемъ. Мой спудъ, сдѣланный изъ слоновой кости и тебена, допрогивается до богатаго одѣяла, вышитаго золотомъ, и я съ трудомъ могу открыть обладателя сполькихъ богатствъ; онъ упалъ въ пуховикъ; блестящія маперіи покрывали его съ ногъ до головы. Однакоже онъ сдѣлалъ движеніе, и сукно, поньше шолка, позволило мнѣ замѣнить желтую, покрывую морщинами фигуру, какую-то маленькую сухую голову, костлявые углы которой были обпечены и упонены, а впадины и всѣ морщины углублены вліяніемъ болѣзни и неперпѣливости; два сверкающіе и любопытные глаза, которые, повидимому, больше скользили по предметамъ, нежели наблюдали ихъ; руку, подобную рукѣ скелета, держащую плапокъ, вышитый à jour, и употребляемый ею по временамъ для спирания поща, которыми было покрыто это умирающее лице. Я говорю былъ опспунитъ назадъ; — пакъ

ужаснуло меня эпо привидѣніе своимъ контрастомъ съ обмѣблировкой комнапы.

Благородный Герцогъ испустилъ продолжительный крикъ; новая конвульсія его нервной системы, заставила хрустѣть его суставы, разломала его кости, лишенные пѣсоки, и его черпы, искаженные эпилептическимъ припадкомъ, сдѣлались еще опротивительнѣе. Безъ всякой ироніи и безъ всякаго преувеличенія я сравнилъ бы ихъ съ черпами старой обезьяны, копорую давятъ. Пароксизмъ и пронзительные вопли паціента продолжались нѣсколько минутъ. Наконецъ онъ обратился ко мнѣ; его голосъ былъ сухъ, грубъ и почти оскорбительнъ. Онъ говорилъ опривиспо, переводилъ духъ послѣ каждаго двухъ словъ и нахмуривалъ брови.

„Вы видѣли Герцогиню? Вы говорили съ нею? . . . докторъ! Вы пробывали внизу . . . по крайней мѣрѣ . . . по крайней мѣрѣ . . . пять минутъ . . .“

Я оповѣчалъ подтвердительнымъ знакомъ и почтипительнымъ поклономъ. Онъ опять началъ:

„Вѣдь я . . . по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется . . . я пригласилъ васъ прийдти къ

себѣ... докторъ... Герцогинѣ не должно было....

— Ваша Знапность, меня извините безъ сомнѣнія...

Онъ грубо прервалъ меня, и пономъ, исполненнымъ горечи, продолжалъ:

„Да... вамъ рассказали... испорію доктора, вашего предшеспвенника... Гмъ?... Вамъ все рассказали... Разказъ Герцогини долженъ бытъ любопытенъ... Будете ли вы пакъ снисходительны... Чшо перескажете мнѣ эту испорію?...“

— Милоспивый Государь, я узналъ полько, чшо мой собрапъ, докторъ * * *, переспалъ васъ пользовапъ.“..

Больной возразилъ съ насмѣшкою:

„Переспалъ меня пользовапъ!... А! въ самомъ дѣлѣ?“

Вся эта злоба, вся эта горечь приводила меня въ печаль: я спарался перемѣнить разговоръ и направилъ его къ предмету менѣ неприяшному.

„Осмѣлюсь ли я спросить у Вашей Знапности, сильно ли вы шеперь спражете?“

— Да... въ нижней часпи моего желудка какое-шо ужасное, холодное ощущение, какъ будто бы кусокъ льду“...

Я пощупалъ его пульсъ; результатомъ моихъ наблюдений, моихъ вопросовъ и его отвѣтовъ было то, что онъ находился въ величайшей опасности. Я попытался намекнуть ему искуснымъ, незамѣтнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ понятнымъ для него образомъ о положеніи, въ которомъ онъ находился. Онъ припворился, что не понимаетъ. Я зналъ, что онъ былъ не лишень нѣкоторыхъ медицинскихъ познаній, и потому надеялся, что назначеніе лекарствъ, которыя бы могли его поправить, дастъ ему знать о важной опасности, постигшей его. Онъ съ живостию ко мнѣ оборотился.

„А! сказалъ онъ мнѣ, не нужно вонючихъ медикаментовъ, какія прописывалъ мнѣ докторъ * * *

— Ваша Знаиность такъ благоразумны, что не пожертвуете своимъ здоровьемъ, а можете быть и самую жизнь пустою разборчивости.

— Пустой разборчивости! Я не дозволю оправить себя, какъ хотѣлъ это сдѣлать вашъ гнусный предшественникъ.

— Что же вамъ прописывалъ докторъ * * * ?

— Все, что только есть сквернѣйшаго въ мірѣ. Запахъ самого чеснока ничто

въ сравненіи съ эпимъ запахомъ . . . Онъ хопѣлъ меня убишь . . . онъ хопѣлъ меня убишь . . .

— Позвольте мнѣ . . .

— Онъ хопѣлъ меня убишь , говорю я вамъ . . . я принужденъ былъ провести два дня, закутавшись въ фланель, намоченную оде - колономъ и мускусомъ . . . Извергъ !

— Прикажете вашему слугѣ показать мнѣ медикаменты, которые прописывалъ мой собратъ.“

Мнѣ принесли соспавъ изъ *assa foetida* и мускуса. Я увидѣлъ, что докторъ *** думалъ о болѣзни герцога совершенно одинаковымъ со мною образомъ.

„Ваша Знапность будете удивлены моею дерзостью : но можете быть . . . .

— Можете быть? вскричалъ онъ, приподнимаясь съ усиліемъ.

— Можете быть я буду обязанъ продолжать лекарсва доктора * * * .

— Пусть я буду осужденъ на смерть, если позволю вамъ это . . . невѣжды . . . ослы ! . . . — бормоталъ любезный больной, на слова котораго я не обращалъ ни малѣйшаго вниманія — они не знаютъ даже своего кодекса . . . .

— Ваша Знапносць, неужели откажетесь такъ же и опъ упопробленія нашатырной соли, или камфоры?

— Дьявольскія снадобья...

— Но должно лечись... а эти медикаменты только одни....

— Я только одного изъ нихъ хочу. Мой племянникъ прислалъ мнѣ большую миску кабаньяго мяса, копорое говорять, превосходно; пусть мнѣ подадутъ ее!

— Я долженъ рѣшипельно воспронивись этому... Жирное мясо вамъ вредно.

— Сказки!

— Ваша Знапносць находитесь въ положеніи... очень крипическомъ... Я не долженъ скрывать опъ васъ этого...

— А! очень крипическомъ!... Вы такъ думаете!... Брр!... Докпоръ, вашъ собратъ тоже самое говорилъ мнѣ назадъ тому восемь дней...

— Я не могу опровергать этого, и прибавляю, что опасность увеличилась.

— Чортъ побери!... И такъ это не шупочное дѣло... Не угодно ли вамъ уведомить меня, какіе новые симпномы кажутся вамъ такъ ужасны?

— Самый худшій изъ всѣхъ... Это холодное, ледяное ощущение, копорое вы

сей часъ описывали. Подагра поднимается
жизненные органы скоро подвергнутся ея
вліянію: я вамъ совѣтую...

— Вздоръ... Эпо прошло; эпо кон-
чилось... Эпо было ничто иное какъ не-
рвическое ощущеніе... пусляки, почти ни-
чего... Я теперь такъ хорошо себя чув-
ствую! Только я слишкомъ много гово-
рилъ... Вы заставили меня говорить...
вы измучили меня...

— Ну такъ отдохните.

— Пепръ... спаканъ водки!"

Служитель взорами спрашивалъ моего
совѣта.

„Спаканъ водки, говорю я тебѣ!"

Я молчалъ: слуга принесъ спаканъ во-
дки. Больной проглотилъ его разомъ и по-
требовалъ другаго.

„Ради Бога не дѣлайте эпого!"

— Я хочу эпого, я хочу эпого!"

Холодной попь покрывалъ его лице;
ропь изказился; члены окоспенѣли.

„Пепръ! Пепръ! проклятый слуга!"

Благородный Герцогъ не сущесствовалъ
больше.

Такимъ - по образомъ надменный Гер-
цогъ, наслѣдникъ древнихъ феодальныхъ
шефовъ, испустилъ послѣдній вздохъ съ

спаканомъ водки въ рукахъ, съ проклятіемъ на успахъ, недовольный всѣми и всѣми ненавидимый. Я возвратился домой глубоко опечаленный и даже съ чувствомъ омерзения отъ зрѣлища, поразившаго мои взоры. Я нашелъ мою жену у камина и всю въ слезахъ. Спросивъ ее о причинѣ слезъ, я узналъ, что ея горничная сей часъ разказала ей объ одной печальной сценѣ, копорая распрогоала ее. Одна бѣдная женщина, упопробляемая на услуги въ домъ, сдѣлалась больна въ это суровое время года и першѣла во всѣмъ недоспапокъ.

Слупайте, мой другъ, сказала мнѣ Эмилиа, вы совсѣмъ одѣпы; подите къ эшимъ несчастнымъ: хопя они живутъ и довольно далеко, но я увѣрена, что ваше сердце согласо съ моимъ, и что вы не будете колебаться.“

Я распросилъ у горничной о почномъ адресѣ женщины Гюрдль; она жила въ кварпалѣ Сень Гиля (Saint-Gilles), эпомъ вмѣспилищѣ всей Лондонской нищепы. Холодъ былъ пакъ силенъ, что я, полько что вышедши на улицу, принужденъ былъ воропиться домой, что бы повязать шею и

уши двойною шелковою косынкою а). Эмилія воспользовалась эпимъ случаемъ , чпо бы высыпать въ мой кошелекъ всю мѣлкую монету, копорая была у ней.

„Другъ мой, сказала она мнѣ, я не имѣю нужды сказывать тебѣ, для какого употребленія назначаю я эпо.“

Я благословлялъ въ глубинѣ души моей судьбу , копорая свела меня съ сердцемъ споль благодѣтельнымъ и соспрадаптельнымъ , и копорая дала мнѣ его въ сопушника моей жизни. Краснорѣчіе соспрадапелъности такъ сладостно въ устахъ женщинъ !

Я пошелъ быспрыми шагами , и скоро дошелъ до лабиринпа темныхъ и узкихъ аллей , откуда испарелся вонючій запахъ , и гдѣ обипаюшь порокъ , бѣдность и горель. Улицы были пусты ; густой и холодный туманъ едва позволялъ различать пусклый свѣтъ фонарей ; воры бываюшь не рѣдки въ эпихъ паркахъ , и я былъ не совсемъ спокоень , когда ночной спорожъ прошелъ мимо меня, крича, или, лучше сказашь, воя: *девънацать часовъ съ половиною; холодно; ночь темна.* Я оспановиль его.

а) Эпа другая зимняя косынка поанглійски называется comfortable.

„Не знаете ли вы, гдѣ живетъ въ кварталѣ Сень-Гиля одна женщина, по имени Гюрдль?“

Ночной спорожь, въ половину пьяный, поставилъ свой фонарь на сполбикъ и началъ со вниманіемъ разсмапривалтъ меня. Когда убѣдившись, что я былъ человекъ порядочный, и что ему можно надѣяться опть меня какой нибудь подачки, онъ опвѣчалъ: „Ахъ! мой дженпельмень! Гюрдли? клянусь чеспью, проклятые плушы! у эшого народа нѣтъ ни шиллинга.

— Да, мнѣ извѣстно, что они очень бѣдны.

Такъ бѣдны, что иногда воруютъ доброе у другихъ. Я именно задержалъ вчера одного изъ эшихъ разбойниковъ, спаршаго сына, Томаса Гюрдля. Онъ будетъ опправленъ съ Botany - Bay; эша же учаспъ ождаешъ ихъ всѣхъ.“

Эшо неожиданное извѣстіе было мнѣ слишкомъ не по сердцу.

„Посмотримъ, сказалъ я ночному спорожу, но не въ помъ дѣло; покажи мнѣ ихъ жилище.

— Вопъ сюда, Милоспивый Государь, вопъ сюда, особенно берегите ваши кармань.

Я пошелъ за нимъ; фонарь его бросалъ слабый свѣтъ на неровную мостовую одной изъ эшихъ неопрятныхъ улицъ, копорыя дѣлають спыдъ всѣмъ богатымъ споліцамъ.

Домъ, передъ копорымъ мы опановились, былъ безъ воровъ; я перешелъ черезъ узкую и грязную аллею, и поднявшись на двѣ ступеньки изломанной лѣспницы, напнулся на грубую деревянную дверь, копорую ночной спорожъ съ силою попрясъ своею аллебардою.

„Гей, проснипесь же; васъ спрашивають; ну же! вѣдъ холодно, не заспавляйте птакъ долго ждапть васъ!“

Послѣ сего хриплый и грубый голосъ, опозпавшійся въ домъ, вдругъ смягчился, понизился и даже перешелъ въ самый покорный шопопъ, и я услышалъ слѣдующія слова, едва вняпные: а, мой добрый дженпельмень, я надѣюсь, что вы не оспавите меня; нынѣ времена спрудные, ночь холодна. Я выпью за ваше здоровье.“ Я далъ нѣсколько монепъ этому споль безкорыспному служипелю правосудія, и услышалъ, что мнѣ идупть опворишп.

Благодарю, ваша честь, сказала уходя ночной спорожъ, но, присовокупилъ

онъ въ пол-голоса, будъше оспорожнѣе; эпо мѣспо не безопасно.“

Признаюсь : услышавъ глухой попопъ его желѣзныхъ башмаковъ , я почувспво-валъ себя не очень спокойнымъ , и гоповъ былъ успуишь желанію воропишься на-задъ. Дверь въ половину опворилась , и женскій голосъ спросилъ меня грубымъ по-номъ на Ирландскомъ нарѣчїи: „Кпо шупъ?

— Медикъ. Нѣтъ ли у васъ шупъ ка-кого нибудь больнаго? Беспи Джонесъ, гор-ничная моей жены, говорила мнѣ объ васъ.“

Дверь опворилась совершенно , и меня впустили.

Тѣ , копорые чипаюпъ сочиненія ша-кого рода , ни мало не привыкли къ сце-намъ нищепы , къ зрѣлицамъ гореспи и ужаса , копорыя предспавилъ мнѣ эпопъ вечеръ. Свѣпскїе люди, упоая въ нѣдрахъ роскоши и удовольспвій, осудяпъ мои опи-санія, какъ невѣрояпныя и будупъ упрекапъ меня въ шомъ , что я упошребляю опвра-пительныя краски , въ справедливоспи ко-порыхъ ихъ ничпо не увѣряепъ, и испин-носпъ копорыхъ никогда не поражала ихъ ума. Такъ пуспъ же они узнаюпъ , что мои слова еще слишкомъ далеки опъ дѣй-спвишельноспи , пуспъ узнаюпъ, что бѣд

спвія, копорымъ подвергается человекъ въ большихъ городахъ, превосходящъ всѣ границы вѣроятности, всѣ вымыслы, самые преувеличенные.

„Подождите немножко, сказалъ мнѣ шопъ же самый голосъ. Я поищу вамъ свѣчки.“

Въ самомъ дѣлѣ показался слабый свѣтъ, и я увидѣлъ, при его помощи, высокую, косплявую и сухую женщину, съ бупылкою въ рукѣ, въ копорую была вопкнупа восковая свѣча. Едва успѣлъ я взглянуть на эпу опврапипельную фигуру, на эпи свирѣные глаза, на эпи ощепинившіеся волосы, на эпо рубище, распрепанное на скелетъ, какъ порывъ вѣпра, выбивши на середину комнапы осколки уже разбиныхъ спеколь въ окончинѣ, погасилъ свѣчку. Запахъ болѣзни, ощущение бѣдспвія и поношенія произлекали еще изъ эпой видимой шемнопы, въ которой сверкали два или три погасающіе угля.

„Милоспивый Государь, имѣйте снисхождение поспоящъ на одномъ мѣспѣ нѣсколько минуць, не двигаясь. Иначе вы задавите малюпокъ, копорыя шупъ спящъ.“

И шакъ я оспался на шопъ же мѣспѣ, боясь задавишь *малютокъ*. Женщина начала вздувать огонь на угляхъ очага, ко-

порый пщепно пыпалась она раздуть. Восковая свѣчка упала и не оспавила намъ никакой надежды увидѣшь опяшь свѣшь посреди эпихъ мраковъ.

„Проклятіе ! вопъ шебъ и огонь , а у насъ нѣтъ ни копѣйки, чпобы купилъ свѣчу.

— Вопъ на свѣчу , сказалъ я ей , ища въ шемнопѣ ея руки , чпобы податъ ей шиллингъ.

— Благодарю, ваша честь, Сали, Сали, вспавай ! скорѣе !“

Я услыпалъ шорохъ соломы, и хрипый голосъ, выходившій изъ угла комнапы, заспоналъ , подобно двери опворяющейся на заржавленныхъ пепляхъ.

„Что вамъ угодно опъ меня ?

— Вспаанъ и поди сыщи свѣчку : вопъ шиллингъ.

— Мапушка ! вы лучше бы сдѣлали , еслибы купили фунпъ хлѣба.

— Ежели Господину докпору это угодно, присовокупила мапъ, вѣдъ шиллингъ его.

— Охопно, охопно, возразилъ я, шиллингъ вашъ; манера и понъ эпой женщины пронула меня. Въ ея голосъ была какая-то перемѣна : она закричала гораздо громче и съ нѣкопорыхъ родомъ радости :

„Сали, ты сходишь также купишь и хлѣба: господинъ шебѣ позволяешъ это.

— Хлѣба! хлѣба!,, возразила несчастная дѣвушка; я увидѣлъ, какъ вспало, бросилось и перепрыгнуло черезъ порогъ что-то похожее на неопредѣленную пѣнь, рискуя сбить меня съ ногъ. Я услышалъ ея поспѣшные шаги, копорыхъ сильная быспропа довольно ясно говорила мнѣ, сколько важности и интересу придавала бѣдная дѣвушка покупкѣ, копорую гоповилась сдѣлать.

„Извините, сударь, сказала мапъ, у насъ нѣтъ спула. Вопъ какъ мы бѣдны! у насъ еспъ полько сундукъ, вонъ - памъ, подлѣ печки; если хопите, я доведу васъ до него, и вы посидите на немъ, пока Сали принесешъ свѣчу.

— Гдѣ хопите, моя милая.“

Въ самомъ дѣлѣ, я сѣлъ на сундукъ и предложилъ нѣсколько вопросовъ женщицѣ Гюрдлѣ; какъ вдругъ споны ребенка прервали меня.

„Ну же, ну молчи, малюпка! ты разбудишь опца, молчиже!

— Это опшого, что такъ холодно... такъ холодно, мапушка...“

Я взглянулъ на окошко, подѣ которымъ, казалось, лежало скорчившійся говорившее дитя. Въ комнапѣ было холоднѣе, чѣмъ на улицѣ. Въперъ впоргался въ опверспія разбишой окончины, и снѣжными вихрями входиль въ печальную канурѣ, служившую намъ убѣжищемъ. Бѣдная малюпка замолчала на голосъ своей мапери; но я слышалъ, какъ спучались другъ о друга ея зубы, и какъ дрожали ея руки.

„Вопъ, сударь, сказала мапѣ, съ самаго упра мы ничего не ѣли, совершенно ничего.

— Сколько васъ здѣсь?

— Ахъ! Боже мой! маленькій мальчикъ и его опецъ: вопъ и всѣ, попому чпо, какъ вамъ извѣспно, сударь, Сали пошла за свѣчею и хлѣбомъ. Боби собираетъ милоспшыню на улицѣ; Тимъ вчера былъ взяпъ полиціею, копорая хочетъ опсправиль его въ Вотану-Вау... Ахъ! Это очень несправедливый приговоръ. Но опецъ спипъ, не должно его будиль.

— Онъ болѣнь?

— Одышкою, сударь. Бѣдняжка! какъ онъ спрадаетъ! Сжался надъ нимъ, Господи! Вопъ уже цѣлый часъ онъ спипъ, чего давно уже съ нимъ не было. Однако

маленкій мальчикъ , котораго онъ держипъ въ своихъ рукахъ , что-то очень шумипъ ; онъ удивленъ , что его отецъ не просыпаепся. Это послѣдній, сударь, котораго я кормлю грудью : уже цѣлые восемь дней у меня нѣтъ молока ; несчастное пвореніе ! лучше бы ему было не родипся !“

Послышался шумъ шаговъ : Сали вошла, неся восковую свѣчу, которую она защищала одною рукою опъ вѣпра. Тогда эпа комнаша, копорой опврапипельный видъ я предугадывалъ заранѣ , показала мнѣ во всемъ ея ужасѣ. Какая сцена ! Какое жилище ! Невозможно было спояпъ прямо подъ эпимъ пополкомъ , копорый перестѣкался оспрымъ угломъ кровли. Пыпались запкнупъ спѣнные прещины и разбиыя окна пряпьемъ, лоскупьями и спарою бумагой. Не было ни одного цѣлаго стекла. Нѣтъ ни постели, ни стола, ни спула , ни подушки , ни шабуреша, ни маптраца : хозяйка все распродала.

Небольшая связка соломы , брошенная на землю , служила постелью убогому семейспву. Сѣверной вѣсперъ проходилъ чрезъ разбиное и изломанное окно. Я дрожалъ опъ холода и ужаса. Недавно я видѣлъ богатаго больнаго , копорый умиралъ на шолкѣ и по гордоспи опказывался опъ по-

мощи медицины — и вопшь я очутился на другомъ полюсѣ общеспвенной жизни. Вопшь скорбь, копорой прудно повѣришь, вопшь бѣдность, копорая превосходитъ всякую, идею.

Женщина, съ копорою я разговариваль, была покрыта грязными лохмопьями; она дрожала всѣмъ тѣломъ, голодь и гореспь выражались на ея лицѣ. Полунагой ребенокъ жался къ ея изсушенной груди. Ея дочь Сали, съ поникшею къ плечу головою, и какъ бы спыдясь того, чпо ея видяпть, соперничала съ своею матерью въ нечистотѣ и безобразіи. Надобно было видѣпть, какъ она сидѣла на соломѣ въ углу комнапы и съ жадноспію пожирала хлѣбъ, копорый полько чпо былъ ею купленъ, и копорый другое маленькое и совершенно нагое пвореньице пыпалась у ней вырвать. Несчастный опецъ бѣднаго семейспва сидѣлъ у печки, опершись спиною о спѣну, и проптянувши на полу ноги. Онъ, казалось, былъ въ глубокомъ снѣ; не слышно было даже дыханія, и дия, копорое переспали поддерживашъ его руки, повисло у него на шеѣ. Сѣрая блуза, копорую носиль опецъ, сдѣлала бы спыдъ послѣднему нищему, а вмѣспо шляпы — покрышка изъ спарой бумаги

покрывала его голову и скрывала волосы.

Всѣ чувства мои взволновались, обращеніе и состраданіе смѣшались во мнѣ. Женщина уведомила меня, что ея мужъ былъ каменщикъ, и что неимѣніе работы и сильная одышка довели его до этого несчастнаго состоянія. Старшій сынъ, Тимъ, обвиненный въ воровствѣ, въ копоромъ масть объявляла его невиннымъ, былъ посаженъ въ пюрьюму. Чшобы заплапипть адвокату, его бѣдные родители лишились хлѣба.

„О бѣдные мы, бѣдные! сказала женщина, это маленькое дитя, копорое обнимаетъ своего отца, спраждесть корью, и его брата, копорого пеперь нѣтъ съ нами, не замедлитъ также получить ее. Сказавши эти слова она заглушила свои рыданія, боясь разбудить мужа. Я замѣпилъ, что дитя, вися на шеѣ своего отца, необыкновенно качалась.

„Что такое съ вашимъ ребенкомъ?

— Что такое съ нимъ? Онъ голоденъ и иззябъ; ахъ! Я желала бы, чшобъ мы всѣ умерли.“ Въ самую эту минуту мы слышали попопъ обнаженныхъ ногъ, копорья бѣжали чрезъ корридоръ и всходили

на лѣспницу. Жалобныя спенанія смѣшивались съ эпимъ попомомъ.

„Ахъ! Боже мой, эпо возвращается Боби, копорого мы послали собирать милоспыню. Отчего онъ плачетъ?“

Она бросилась къ двери, опворила ее и впустила бѣднаго несчастливца, всего покрыпаго кровью и дрожавшаго опъ спужи. Одною рукою онъ поддерживалъ свои лохмопья, а другою прикрывалъ свою окрававленную щеку. Онъ оспановился, и, увидѣвъ меня, опспунилъ назадъ; попомъ вручилъ своей мапери при или чепыре мѣдныя монепы, и сказалъ ей, что одинъ господинъ, копорому онъ слишкомъ наскучилъ, прося у него подаянія, ранилъ его палкою. Въ самомъ дѣлѣ, кровь спруилась съ его щеки. Я желалъ бы позабышь печальное и раздрающее выраженіе, съ копорымъ мапъ, обнимая своего сына, и опирая своими губами его кровь, произнесла сіи слова: „Боби, мой бѣдный Боби!“

Попомъ она указала ему на брапа и сеспру, съ жадностію пожиравшихъ купленный имъ хлѣбъ; Боби бросился къ брапу, вырвалъ у него изъ рукъ часть хлѣба и съ жадностію съѣлъ ее.

„Но, моя милая, сказала я ей, вѣдь они вамъ ничего не оставяпть !

— О, чпо нужды, опвѣчала она, опирая слезу, я долѣе ихъ могу перпѣпть голодъ.

— Моя милая, я пришелъ сюда предложипть вамъ мои услуги въ качеспвѣ медика. И такъ васъ прое больныхъ ?

— Больныхъ ? Мы всѣ больны. Здѣсь цѣлая больница безъ жизненныхъ припасовъ и безъ медикаментовъ.

— Я постараюсь быпть вамъ полезнымъ. Сперва займемъ вашимъ мужемъ.“

Опець все еще спалъ; диня спаралось вложипть въ его полуопкрыпый ротъ кусочекъ своего хлѣба, и сильно хлопопюю, не будучи въ соспоянїи разбудипть своего опца.

„Посмотрипте какъ плупишка мучаетъ опца ! Переспанеш ли пы ?

— Мнѣ надобно поговорипть съ вашимъ мужемъ.“

Я подошелъ къ нему ; его голова склонилась на грудь. Жена сняла съ печки восковую свѣчу и спала передъ мужемъ на колѣна, спараясь разбудипть его.

„Фелимъ, другъ мой, вопъ медикъ, который желаетъ съ шобю поговорипть.“ Она толкала его локпями и колѣнкою ; но Фелимъ не двигался съ мѣспа ; ребенокъ

продолжалъ играть съ своимъ спящимъ опцемъ; лучъ ужасной испины проблеснулъ въ умъ моему.

„Поднеси свѣчу, сказала я женщинѣ. Мужъ твой умеръ.“

Прошло по крайней мѣрѣ съ полчаса, какъ онъ изпустилъ дыханіе. Его лице и руки совершенно охолодѣли. Слабый свѣтъ въ комнаѣ и положеніе мертваго скрыли опъ насъ это происшествіе. Ужасно было видѣть эту пруповую блѣдность, эти неподвижные глаза, эти распавшіяся челюсти, и сравнивать все это съ розовыми щеками ребенка, равнодушнаго къ жизни и смерти, игравшаго съ прупомъ своего опца!...

(BLACKWOOD'S MAGAZINE).

У.

О ВЛІЯНІИ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ ГРАНИЦЪ ГОСУДАРСТВЪ НА ПРОЧНОСТЬ И СУДЬБУ ОНЫХЪ.

Выраженіе — *естественныя границы* въ Политикѣ можетъ быть принимаемо различнымъ образомъ: и такъ намъ слѣдуетъ показать значеніе, какое мы даемъ этому выраженію.

Разумъ и природа всегда согласны между собою, такъ, что все, сообразное съ однимъ, не можетъ быть прошивно другой. Чѣмъ же касается до человѣка, то безъ опасенія можно сказать, что если постановленія его не доставляютъ ему счастья, то они прошивны разуму и вмѣстѣ природѣ. Высокія способности — даръ Творца роду человѣческому, — суть средства къ достиженію счастья, которыми онъ долженъ умѣть пользоваться: таково назначеніе человѣка на земли; но сіи способности ни гдѣ не могутъ быть изоцрѣнены и проявлены съ такою удобностію, какъ въ обществѣ, хорошо устроенномъ подъ благодѣтельнымъ правленіемъ. Инакъ нужно знать условія, которыя должны исполнять каждое государство, дабы имѣть хорошее управленіе.

Но мы еще не дожили до того времени, когда это предпріятіе будетъ по силамъ нашимъ, не можемъ даже предложить вопросовъ для рѣшенія; мы не приобрѣли достаточныхъ свѣдѣній, не совершили никакихъ дѣяній поучительныхъ; что же принадлежитъ до теоріи, то она не вну-

шаешь и сполько довѣренности, чпобы опва-
жисья слѣдовать подобному руководству. Ж.
Ж. Руссо поспуилъ не благородно: родившись
въ маленькой республикѣ, и провождая жизнь
въ большомъ Королевствѣ, коего правленіе не
могло служилъ образцемъ, онъ не былъ чуждъ
предубѣжденія въ пользу маленькихъ государствъ;
не внималъ гласу разума, говорившаго ему,
что это — неблагодарное опѣчество, и подпи-
сывался Гражданиномъ Женевскимъ, хотя пре-
жде опказался опъ сего шипла. Онъ не ви-
дѣлъ Америки; но великолѣпное зрѣлище освобо-
жденія Новаго Міра ласкало, воспламеняло его
геній; ни въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ не
уптверждалъ, что наука правленія можешъ дѣлать
опкрышія и усовершенствованія, подобно другимъ
изобрѣшеніямъ человѣческимъ. Если кто - нибудь
захочешъ изслѣдовать, какія границы были бы
приличнѣе для извѣснаго государства, и по-
совѣтуешся съ *Contrat Social*, то пусть лучше
закроешъ книгу, ибо магическій слогъ ея можешъ
увлечь съ прямого пути разсудка.

Почпи всѣ народы сохранили память сво-
ихъ переселеній, движеній, смотря по силамъ,
болѣе или менѣе быспрыхъ, сопровождавшихъ
нашествія, или борьбу ихъ. Между сими под-
вижными массами, копорія спалкивались между
собою, или слѣдовали одна за другою, видны
мѣста, гдѣ не чувствовали никакого безпокой-
ства, куда извилистый пошокъ переселеній не
могъ даже проникнуть, не только причинилъ
какія нибудь опустошенія. Сии мѣста, имѣ-
ющія споль выгодное положеніе, суть также

естественныя границы. Причины долговременнаго спокойствія, копорымъ они наслаждались, не должно искашь ни въ конституціи, ни въ законахъ, ни въ самомъ могущесствѣ нравовъ: горы, скалы, рѣки, болота, суровый климатъ — были единственною защипою ихъ опъ всѣхъ нападений. Жипели сихъ спранъ давали у себя убѣжище пришельцамъ, защищали ихъ, но никогда не были подъ игомъ чуждой власпи. Въ спаромъ свѣшѣ Кавказъ, и нѣкопорыя опрасли высокихъ Андоевъ въ Америкѣ, доказываюпъ существованіе сихъ неподвижныхъ націй, окруженныхъ народами, коихъ движенія не разъ были оспанавливаемы неприсупными ихъ границами.

Другіе народы оставляли въ большомъ числѣ свою родину, и покоря новыя спраны, шѣснили природныхъ жипелей до шѣхъ поръ, пока не были удержаны еспешвенными препоами. Вопъ прешій родъ *естественныхъ границъ*, который и ешь собспвенно предметъ нашего изслѣдованія. Разсмапривая, въ Испоріи, неизмѣримую каршину государшвенныхъ перевороповъ, ихъ возвышенія и упадка, едва можно замѣшпш нѣкошорыя причины, объясняющія сіи явленія. Большая часть государствъ, опъ коихъ не оспалось ничего, кромѣ воспоминанія и нѣкопорыхъ памяшниковъ, имѣли границы опкрышыи, доступныя со всѣхъ споронъ; пакъ что пупешеспвенникъ, не видя никакой перемѣны ни въ почвѣ, ни въ нравахъ, ни въ языкѣ, различалъ ихъ только по деревяннымъ столбамъ: природа не спаралась опдѣлишь сіи

государства отъ сосѣдей, съ коими они рано или поздно должны были соединиться, поддавшись имъ, раздробиться, пока наконецъ совершенно исчезли.

Итакъ границы дѣйствительно сохраняющіе индивидуальность государства и политическое раздѣленіе земнаго шара, которое способствуетъ къ поддержанію мира между народами и служишь залогомъ того прочнаго благоденствія, котораго можешь достигнуть общество, ничѣмъ не возмущаемое напуши своемъ къ совершенству. Природа положила сіи границы съ шѣмъ могуществомъ, которое видно во всѣхъ дѣлахъ ея: ни время, ни труды человѣческіе не могушь ихъ разрушить. Честнолюбіе, спарающееся достигнуть ихъ, достойно похвалы и вмѣстѣ имени патриотизма, а гордость, которая хочешь преодолѣшь ихъ, заслуживаетъ казнь, опредѣленную Европою знаменитѣйшимъ древнимъ завоевателемъ. Государственные люди должны знашь ихъ, не перья изъ виду не только главнаго устройства правленія и политики, но и всего того, что относится къ подраздѣленію страны: извѣстно, сколько зависишь благоденствіе отъ разграниченія, сообразнаго съ положеніемъ мѣстъ. Вотъ причина того, что со времени завоеванія Сициліи Римлянами, даже до сихъ поръ, раздѣленіе сего острова не измѣнилось, при всей переходчивости господства надъ нимъ. Итакъ, бросимъ взглядъ на сіи естественныя границы, изслѣдуемъ ихъ свойство и вліяніе, о которомъ говоришь Исторія.

Подъ границами не должно разумѣшь линіи, проведенныя между народами по договору, но предѣлы,

опдѣляющіе ихъ другъ отъ друга, какъ-то: горы, моря, озера, пустыни. Эпихъ преградъ доспапочно, чпобы произвести и сохранишь различіе въ нравахъ, языкѣ и народахъ. Но безъ сомнѣнія, народное единство не должно бышь спрогимъ условіемъ для государствъ, попому чшо они всегда будущъ имѣшь средства прротивоспояшь нападенію. Сначала, каждый народъ постановилъ у себя управление для сохранения внушрренняго порядка и для сопротивленія нашествіямъ непріятели онъ погда еще не думалъ налагать на своихъ сосѣдей иго своихъ постановленій и законовъ. Тогда люди со всею свободою разсѣлялись въ спрантъ, никѣмъ не заняпной, и были оспанавливаемы одною только невозможностию далье распроспранитьсь; ипакъ всѣ народы приближались къ своимъ еспешвеннымъ границамъ. Во время Юлія Цезаря Гельвеція занимала почти поже проспранство, какое занимаетъ нынѣшня Швейцарія: „сама природа положила предѣлы спрантъ, занимаемой Гельвешами: широкая и весьма глубокая рѣка Рейнь опдѣляетъ ее отъ Германіи; съ другой спороны великая цѣпь Юры лежишь между ею и Секванами, наконецъ озеро Леманъ составляетъ границу ея со спороны нашихъ провинцій.“ (Цезар. Ком.). Если взглянуть на каршу древней Географіи, то съ перваго разу можно замѣпшить, чшо въ главнѣйшемъ политическомъ раздѣленіи земли не произошло никакой перемены, по прршествіи болѣе тысячи лѣтъ.

Счастливь родъ человѣческой, чшо границы, взгроможденныя природою, воспретпашствовали деспотизму покоришь всю землю. Государи Евро-

пы ужасающа при одномъ имени Французскаго либерализма, и берутъ большія предосторожности, чшобы сей опасный врагъ не проникнулъ въ ихъ государства; но народы не раздѣляютъ съ ними этой боязни: они знаютъ, что сіи либералы, столько спрашные, не думаютъ о завоеваніяхъ, и даже не опредѣляютъ выгодъ своего ошечества опгъ пользы другихъ націй, и вообще опгъ всего челоѳчества. Опасно чшобы Франція, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, не ослѣпилась блескомъ побѣды и не сдѣлалась завоевательницею въ борьбѣ съ симъ философомъ и великими ихъ мирошворцами; сія мечта, хопя бы и продолжалась нѣкоторое время, но шѣмъ съ большею жестокостію исчезла бы: и безъ пронцапельности можно видѣть несчастливый конецъ сихъ воинспвенныхъ нашествій.

Въ самомъ дѣлѣ, если прочиташъ исторію славнѣйшихъ завоеваній, шо можно увѣришься, чшо они блиспали подобно метеорамъ, и разсыпались прежде, нежели образумились ослѣпленные народы; они похожи на шо вниманіе къ модной шкани, которое, будучи начертанно на лицѣ вмѣстѣ съ удивительной живостію, вдругъ изчезаетъ, оставляя послѣ нее впечатлѣніе блеска, который она распространяла. Войско Сезосприсово во многихъ мѣстахъ воздвигло памятники, свидѣтельспвующіе о шрудномъ его походѣ: „Двадцать разъ, говоритъ одинъ знаменитый Географъ, кочующія племена Средней Азии, покидая обширныя свои пастбища, нападали на земледѣльческіе народы, испровергали шроны, раззоряли въ нѣсколько минутъ просѣщенныя шраны, и между шѣмъ

политическое раздѣленіе оставалось въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ и теперь еще находится.“

Карль Простой уступилъ храброму Роллону Герцогство Нормандское; одинъ изъ потомковъ сего предводителя Дагчацъ сдѣлался завоевателемъ Англіи, но между двумя владѣніями сего Государя не возможно было утвердить искренно сии и продолжительнаго союза. Единственнымъ слѣдствіемъ долговременныхъ войнъ между Франціею и Англіею, причиненныхъ сею политическою ошибкою, было рѣшительное отреченіе послѣдней отъ всѣхъ притязаній на часть земли, занимаемой первою.

Исторія представляеть намъ въ Александрѣ завоевателя, изумляющаго и покоряющаго мысль, разумъ не обвиняеть его, но сожалѣеть объ немъ; когда геній его пересталъ управлять обширными своими предпріятіями; что тогда спалося съ государствомъ, пріобрѣтеннымъ побѣдами? Преемникъ его царствовалъ не болѣе двухъ лѣтъ, подвластные народы возспали, и послѣ войнъ, приносять лѣтъ продолжавшихся, возвратили себѣ прежнюю независимость. Карломанъ, завоеватель не столь славный, но превосходящій Александра мудросцію, позналъ, что естественныя границы всегда будутъ непреодолимою преградою къ соединенію народовъ, а потому не желалъ, чтобы Французы, Испаліянцы и Нѣмцы соспавляли одинъ народъ! Онъ раздѣлилъ Имперію между своими сыновьями, назначивши каждому Государству предѣлы, копорыхъ время и до сихъ поръ почти не измѣнило. Честполю-

бывшій Наполеонъ покорился одному только закону границъ и повиновался ему, какъ полипической необходимости: подражая Карломану, онъ взялъ на себя обязанность блюстителя преновъ, воздвигалъ новые и раздавалъ ихъ своимъ родственникамъ и друзьямъ, между шѣмъ, какъ Франція получила самую малую часть изъ его завосваній. Когда воинственнѣйшій Монархъ соединилъ подъ своею властію многіе народы; по смерти его всегда бываешь знакомъ къ раздробленію Государства.

Въ покоренной странѣ оставляютъ гарнизонъ: онъ пошчасъ смѣшивается съ народомъ, копорый онъ долженъ содержать въ повиновеніи; вліяніе климата дѣлаетъ его болѣе и болѣе похожимъ на туземцовъ; все способствуетъ къ разлученію его съ опечесствомъ, и великій законъ границъ исполняется въ точности и оснаетъ во всей своей силѣ.

Спросяшь, можетъ быть: величина Государствъ, и слѣдовательно положеніе ихъ границъ, не имѣетъ ли какого-нибудь необходимаго отношенія къ образу правленія? Сей вопросъ требуетъ самаго внимательнаго изслѣдованія, копорого нельзя сдѣлать безъ помощи Исторіи. Известно, что между Монархіями и Республиками не рѣдко случались войны, и что побѣда часто раздѣлялась на знаменахъ республиканскихъ: но если царства были покоряемы, если Цари, взяшы на полѣ сраженія, или на прони, дѣлались плѣнниками республики, если богатства ихъ были раздѣляемы между побѣдителями; то и нравы республиканскіе скоро поршились, и государство рано или поздно измѣняло

прежнюю свою форму на другую, болѣе сообразную съ новыми обычаями народа. Но сіи перевороты не имѣють никакого вліянія на границы, коими народы раздѣляются другъ отъ друга. Граждане, или подданные — они сохраняють свое народное единство, и не смѣшиваются ни съ кѣмъ изъ сосѣдей. Ишакъ, формамъ почвы, образующимъ сіи границы, нельзя не приписать того постояннаго вліянія, которое сохраняетъ отличительный характеръ каждаго народа. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности о нѣкихъ формахъ почвы, которыя особенно нужно знать.

Рѣки. Два сопредѣльные Государства — по общепринятому мнѣнію — должны избирать для своихъ границъ большія линіи, проведенныя природою; шомчасъ представляются рѣки, какъ болѣе замѣшныя на землѣ и на картахъ. Онѣ могутъ бытъ хорошею военною границею — чего нельзя не брать съ разсчета, при стратегическихъ соображеніяхъ — и всегда бывають полезны въ войнахъ оборонительныхъ. Пусть же онѣ всегда останутся границами, какъ и прежде. Но должно замѣшить, что посредствомъ рѣкъ народы не раздѣляются другъ отъ друга, напротивъ рѣки способствуютъ къ ихъ соединенію, дружественнымъ сношеніямъ и договорамъ, взаимно полезнымъ. — Безъ помощи плаванія по рѣкамъ два народа, живущіе въ одной странѣ, но далеко одинъ отъ другаго, весьма поздно познакомились бы между собою, и, можетъ бытъ, мѣспомъ перваго ихъ свиданія было бы поле сраженія. Предлагая удобныя, вѣрныя и обширныя средства

къ сношеніямъ, плаваніе по рѣкамъ способствуетъ къ распространенію торговли и просвѣщенія.

Рѣки въ мирное время могутъ приносить пользу государству тогда только, когда начало ихъ и конецъ заключающія въ его предѣлахъ. Область Новаго Йорка процвѣпаетъ отъ исключительнаго владѣнія Гудзономъ; Коннектикутъ доставляетъ также большія выгоды провинціи, извѣстной подъ его именемъ; напроливъ область Новаго Жерсея, прилежащая съ одной стороны къ Гудзону, а съ другой къ Делавару, находится въ самомъ худомъ состояніи; жители ея, раздѣленные торговыми интересами, рѣдко бываютъ согласны между собою въ политическихъ отношеніяхъ; ходъ правленія ея часто бываетъ запущанъ, сомнительенъ и шруденъ.

Рѣка, въ теченіи своемъ образующая многіе рукава, не можетъ составить опредѣленной границы: раздѣлъ слѣдуетъ за раздѣломъ такъ, что рѣка, проходя всѣ сіи политическія раздѣленія, сохраняетъ миръ между народами, и способствуетъ обмѣну, выгодному для всѣхъ. Если же разсматривать рѣку, какъ военную границу, то польза ея зависитъ отъ успѣховъ въ военномъ искусствѣ; впрочемъ нужно замѣтить, что успѣхи сіи полезны болѣе при нападеніи, нежели при оборонѣ. Ипакъ наступаетъ время, когда рѣки потеряютъ сіе свойство, принадлежащее имъ даже до сихъ поръ. Довольно о споспѣшествованіи ихъ защитѣ государству, коихъ границу онѣ составляютъ.

Моря. Если есть народы, кошорые спрашаша опасностей мореплаванія, то море есть

самая лучшая преграда ихъ нападенію ; но покушеніямъ народа, упражняющагося въ мореплаваніи, должно пропивополагать другія средства. Народъ - мореплаватель распространяетъ свое владычество съ удивительною быстротою ; но падаетъ также скоро, какъ и возвысился. Венеціанъ уже нѣтъ. Владѣнія Португальцевъ въ Индіи были на высшей степеніи славы: армія, исполненная мужества, подъ предводительствомъ искусныхъ Генераловъ, обладающая превосходными крѣпостями, имѣющая вѣрныхъ союзниковъ, казалось, положила прочное основаніе могуществу Португалліи въ сей части свѣта ; но явились Голландцы — и все измѣнилось. Судьба Брипанскихъ владѣній въ сей же самой странѣ сокрыта въ будущемъ : мы видимъ ихъ теперь во всемъ блескѣ ; 10,000 Англійскихъ солдатъ и 100,000 Ципаевъ содержатъ въ повиновеніи 110,000 тысячъ подвластныхъ Индійцевъ. Этой силы было бы слишкомъ мало, если бы нѣкоторое нравственное вліяніе не вознаграждало сего недостатка; но всегда ли сіе вліяніе будетъ также полезно, какъ теперь? Уже начинается волненіе, угрожающее прочности сихъ владѣній; извѣстно, что духъ не покорности распространился въ шеземныхъ войскахъ компаніи. Придетъ время. Индопанъ будетъ свободенъ ; ибо нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ самомъ себѣ найдетъ средства къ освобожденію, и воспользуется помощію, которую можетъ получить изъ какой-нибудь Азіатской страны, или даже изъ Европы.

Нѣкоторыя публицисты утверждаютъ, что мѣстное положеніе острововъ препятствуетъ

гражданскому ихъ усовершенствованію ; что народъ , живущій среди океана, отдѣльно отъ другихъ, поздно и по не совсѣмъ узнаеть благодѣтельныя дѣйствія просвѣщенія ; что варварское государство его можетъ существовать здѣсь гораздо долѣе , нежели на швердой землѣ. Рейналь говоритъ , что одинъ внимательный наблюдатель нашелъ нѣкоторыя слѣды варварства даже въ самой Великобританіи. Сему мнѣнію противорѣчатъ исторія. Древнѣйшіе памятники, существующіе въ Ирландіи , доказываютъ , что сей островъ никогда не отспавалъ въ просвѣщеніи отъ прочихъ странъ Сѣверной Европы: при самомъ открытіи Мадагаскара нашли въ немъ владѣніе , совершенно подобное владѣніямъ швердой земли Африки. Чтоже касается до спрововъ Средиземнаго моря , то извѣстно , что они занимають почетное мѣсто въ исторіи рода человѣческаго. Ипакъ моря не могутъ назваться преградой къ общенію между народами; они предохраняють государства сильныя отъ нападеній непріятельскихъ ; но тѣмъ народамъ , которые ищуть безопасности въ неприступныхъ оградахъ , не даютъ никакой защиты.

Горы. Сей родъ естественнымъ границъ , для занимающихся Политической Економіею , есть предметъ , требующій основательнаго изученія ; но и военный человекъ не долженъ пренебрегать знаніемъ тѣхъ пособій , которыя могутъ онѣ доставить при оборонѣ , и препятствій , которыя могутъ противоположить нападенію. Горы раздѣляютъ народы и государства , отпавляющъ духъ національный шакже легко , какъ

и законная власть правительсва. Если бы можно было воздвигнуть подобныя укрѣпленія между всѣми спранами земнаго шара, то войны были бы очень рѣдки. Сколько разъ Французскія войска были въ Нидерландахъ и на берегахъ Рейна, за Альпами и Перенеями! Вѣрхнія Анды всегда будутъ препяшествовать Восточной и Западной Африкѣ соединиться подъ однимъ владычествомъ, сославшись одно государство; и потому-то предпріятіе Гонзаго Пизарро было несчастнѣйшее изъ всѣхъ, коихъ память сохранилась въ Исторіи.

Жишели равнинъ иногда изъ любопытсва посѣщаютъ горы, но никогда не переселяются туда. Между великимъ числомъ Американскихъ земледѣльцевъ, у копорыхъ безпрестанно находясь предъ глазами вершины самихъ горъ, едвали найдется изъ тысячи одинъ, копорый бы достигъ оныхъ. Между Новою Англіею и Канадою тянется цѣпь горъ, коихъ посредственная высота сославляетъ границу, весьма способную къ тому, что бы сохранишь раздѣленіе сихъ двухъ областей; его не можеть сдѣлать рѣка Св. Лавренція.

Весьма рѣдко случается, чтобы вокругъ вершины высокихъ горъ жили народы, коихъ характеръ, нравы, вкусъ и мнѣнія не представляли бы весьма замѣльныхъ противоположностей. Пусть, какъ хопяпъ, изъясняютъ сіе вліяніе мѣстоположеній, формы почвы, климата и проч., но оно необходимо и многими явленіями доказано столь ясно, что въ немъ уже нельзя сомнѣваться. Доказательсва сіи спарались собирать даже въ совѣтахъ нѣкоторыхъ областей нашего

союза. „Я зналъ одного члена законодательнаго сословія Пенсилваніи — говоришь Г. Фаншъ — члена, которъй, при множествѣ вопросовъ, назначенныхъ къ разсмотрѣнію, вналъ напередъ, какое подадутъ мнѣніе депутаты восточныхъ или западныхъ горъ.“ Въ Виргиніи дѣлали такое жъ наблюденіе надъ жителями двухъ противоположныхъ покатошпей Синихъ горъ. Раздоры между *Старою и Новою* Виргиніею часто угрожаютъ внутреннему спокойствію. Вообще между всѣми почти областями союза царствуетъ скучное соперничество Воспока съ Западомъ: и такъ какъ послѣдній занимаетъ всю внутренность страны, то онъ весьма обширенъ, плодоносенъ, силенъ числомъ жителей, и потому старается сосредоточить въ себѣ правленіе, съ ущербомъ для восточной части. Въ области новаго Жерсея есть маленькій округъ, которъй ясно доказываетъ, что вліяніе горъ и рѣкъ, какъ границъ государствъ, весьма различно. Сей округъ, имѣющій тридцать миль длины и три мили ширины, лежитъ между Долаваромъ и Синими горами. Нѣкоторыя политическія происшествія соединили его съ тою областію, отъ которой онъ былъ отдѣленъ чертою, имѣющею болѣе тысячи футовъ высоты. Онъ былъ бы совершенно забытъ, если бы жители его не прислали просьбы законодательное сословіе объ открытіи сообщенія между областію и своими согражданами. Такимъ образомъ завелись между ними торговля сношенія, болѣе и болѣе отдѣляющія жителей округа отъ области, къ которой они принадлежатъ;

они переправляютъ свои произведенія чрезъ Дела-варъ и выгружаютъ ихъ въ Пенсилванію.

Нѣкоторыя горы, лежащія близко однѣхъ отъ другихъ, образуя плодоносныя долины, или груды, доставляютъ пропитаніе многочисленному народу, и сущь пространныя крѣпости, жилища коихъ составляютъ гарнизонъ. Инженерное искусство ничего не въ состояніи предпринять противъ сихъ оградъ, воздвигнувшихъ природою. Горцы, пользуясь выгодами мѣстнаго своего положенія, всегда будутъ сосѣдями опасными и самыми безпокойными. Швейцарцы сдѣлали вокругъ себя нѣкоторыя завоеванія, но Испанскими своими уѣздами управляли шоль же худо, какъ австрійскіе губернаторы Швейцаріею. Извѣстно, что жилища Кавказа и до сихъ поръ не оставили своего обычая нападать на жилища равнины и грабить тамъ все встрѣчающееся имъ. Было время, когда предводители Горцевъ присвоивали себѣ власть надъ землями, простирающимися миль на двадцать вокругъ скалъ ихъ; со всѣхъ тамошнихъ жилищъ брали подать, отъ платежа которой не льзя было отказать: часто избѣгали отъ налоговъ, опредѣленныхъ законнымъ Государемъ, но никогда не осмѣливались отказать отъ тѣхъ, коихъ пребывали Nighlanders.

Степи. Изъ всѣхъ преградъ къ взаимному сообщенію между народами — какова бы ни была цѣль сего сообщенія — ни одна не можетъ достигнуть своего назначенія такъ удобно, какъ обширныя степи. Египетъ представляеть намъ самый разительный примѣръ сего отдѣленія, предписаннаго природою. Не разъ Цари его покоряли Іудею,

и Государи Еврейскіе, взяшы въ плѣнъ, были профетями сихъ побѣдъ; но Палестина никогда не была Египетскою провинціею. Египеть не могъ овладѣть сосѣдними странами, но въ замѣну того былъ богатъ оборонительными средствами, копорыя находилъ въ мѣспномъ своемъ положеніи. Ошь того-то и исторія его независимости продолжались сполько вѣковъ. Онъ покорился однимъ Паспырямъ и Камбизу; но когда Гуссейнъ, сынъ Магомеша-Али-Паши, подражая симъ завоевателемъ, вспунилъ въ него съ войскомъ, по осажденные имъ нѣкопорые города погреблись подъ своими развалинами.

Спеша раздѣляли двѣ Имперіи, коихъ столицами были Константинополь и Персеполь. Одинъ изъ преемниковъ Константина приучилъ своихъ солдатъ нападать на Персію. Сія нападенія были счастливы: Римскіе орлы были перенесены на другую сторону Тигра, многіе города непріятельскіе взяты, и казалось, что вся страна была покорена; но между тѣмъ побѣдоносная армія могла держаться тамъ сполько одинъ годъ; и съ тѣхъ поръ часшыя предпріятія противъ Персіи со стороны малой Азіи совершенно прекрашились.

Людовикъ XIV покорилъ Лотарингію и Францъ-Конте: нравственность осуждаетъ сія завоеванія, а полишка оправдываетъ. Чрезъ присоединеніе сихъ провинцій Франція пріобрѣла границу, весьма удобную для защиты, и съ тѣхъ поръ не спрашнлся войнъ наступительныхъ.

Природа положила спешь Анашамскую между Хили и Перу, спешь, длиною въ шысячу двѣ-

сти миль, составляетъ западную границу соединенныхъ Штатовъ. Сии мѣстные положенія по необходимости имѣютъ вліяніе на судьбу народовъ, живущихъ въ сихъ странахъ. Можемъ ли спастись, чтобы Американцы, рожденные на берегу Тихаго моря и привязанные къ своему опечесству всѣмъ, что для нихъ драгоцѣнно, согласились во всякое время перейти представляющія имъ горы, высокою въ десять тысячъ футовъ, степи, пространствомъ въ пять сотъ миль, всего пройди три тысячи миль для того, чтобы вдали отъ родины изучить правила правленія и узнать, что для нихъ выгоднѣе въ отношеніяхъ внѣшнихъ, миръ или война?

Повспоримъ вкратцѣ сии разсужденія для того, чтобы видѣть слѣдствія, изъ нихъ вытекающія.

На земляхъ есть страны, коимъ границы положила сама природа. Если страны сии не довольно обширны и окружены сильными соседями, то они не могутъ сохранить своей независимости. Опъ того-то Франція заключила въ своихъ предѣлахъ Лотарингію, опъ того Данія владѣетъ соседними островами; опъ того-то Англія покорила Шотландію и Ирландію, и проч.

Флорида представляетъ примѣръ, доказывающій, что такія приращенія государствъ предписываетъ природа. Во время переговоровъ касательно уступки сей Испанской колоніи, посланникъ Соединенныхъ Штатовъ сказалъ Испанскому Королю: „Невозможно, чтобы Флорида не была частію союзныхъ Штатовъ: нѣтъ нужды, будете ли вы смотрѣть на нее, какъ на колонію, или

составише изъ нее особое государство: въ томъ и другомъ случаѣ судьба ея не раздѣльна съ нашею.“

Изъ двухъ острововъ, составляющихъ область Нью-Йоркскую, одному приличнѣе было бы принадлежать къ области Новаго Жерсея, къ коей онъ гораздо ближе, а другому, жителямъ коего не производятъ никакой торговли и ведущъ жизнь совершенно патриархальную, лучше бы составлять независимое владѣнiе.

Физическая Географiя опредѣляетъ естественныя границы государствъ, не только по формѣ почвы, но даже по внутреннему ея составу. При первомъ взглядѣ можно подумашъ, что природа употребила всѣ старанiя для того, чтобы соединить Италiанскiя провинцiи въ одно государство; между тѣмъ, чтобы сiе соединенiе было возможно и продолжительно, по кромѣ власти, внушающей почтенiе, нужно еще, чтобы южной конецъ полуострова перемѣнилъ свое положенiе, и занялъ мѣсто между Римомъ и Генуею. Житель Оспранта столько оплеченъ отъ жителя Турина или Венецiи, что опдаленныя сiи страны никогда не назовешъ своимъ опечесшвомъ.

Между Атласомъ и Средиземнымъ моремъ, отъ океана до самаго Египта, весь Сѣверъ Африки назначенъ природою къ тому, чтобы составлять опдѣльныя государства, которые будутъ независимы до тѣхъ поръ, пока сильная морская держава не соединитъ ихъ подъ своею властiю. Это совершили въ древности Карфагеняне: мѣсто ихъ заступили Римляне, и еще

позже Сарацины основали здѣсь свое владычество. Нынѣшнее господство надъ сею страню не могло бы продолжаться, еслибы ложная полишика нѣкоторыхъ Европейскихъ государствъ не поддерживала его. Западные берега Южной Америки, по положенію морей и горъ, могутъ быть сравнены съ стверными берегами Африки. Утвердительно можно сказать, что весь гений Боливара не въ состояніи образовать республики, копорая заключала бы въ себѣ Перу и Колумбію.

Пространство земли, среди коего протекаютъ большія рѣки — каковы напр. Дунай въ Европѣ и Нигеръ въ Африкѣ — имѣетъ нѣкоторое сходство съ странами, заключенными между моремъ и длиною цѣпью горъ. Что касается до Нигера, то единственнѣйшій плодъ многихъ опасныхъ путешествій, коихъ онъ былъ цѣлью, есть свѣдѣніе, что рѣка сія протекаетъ многія независимыя владѣнія, между Конгскими горами и великою степью. Въ Европѣ Дунай также разделенъ между Баварією, Австрією и Турцією, и никакіе перевороты, ни счастливыя войны, ни союзы, ни договоры, ничто не можетъ привести его во владѣніе одной Монархіи.

Маленькія Пѣмецкія государства не имѣютъ и не могутъ имѣть естественныхъ границъ; и потому-то у нихъ безпрестанно возобновляются разграниченія. Однако должно замѣтить, что рѣки рѣдко здѣсь бываютъ общею границею, и что каждый маленькій государь владеетъ обоими берегами той части рѣки, копорая проходитъ чрезъ его владѣнія.

Труды человѣческіе не могутъ измѣнить естественныхъ границъ Государствъ. Такъ какъ сіе положеніе проповѣдно общепринятымъ мнѣніямъ, то нужно разсмотрѣть его подробно, съ большимъ стараніемъ, и подтвердить доказательствами сильными, убѣдительными. Вопрь что мы можемъ предложить въ пользу его.

Трудами, имѣющими вліяніе на границы государствъ, называются тѣ, которые покрываютъ новыя сообщенія между народами, ш. е. дороги и каналы, пересѣкающіе естественныя предѣлы. Но пять дорогъ между Франціею и Испаніею не ослабили преграды, положенной природою между сими двумя Королевствами. Великолѣпная дорога Симпленская не произвела ощутительнаго сближенія между Французами и Италіянами. Вліяніе почвы, мѣстоположеній, климата, гораздо сильнѣе вліянія дорогъ, купеческихъ оборотовъ и сношеній между народами; первое постоянно дѣйствуетъ на все; второе не имѣетъ опредѣленнаго круга, прерывисто, и не власно измѣняетъ народнаго характера. Напрасно умножаются пакетботы между Франціею и Англіею: двѣ эти державы никогда не могутъ быти въ союзѣ.

Г. Мадиссонъ, хорошо изучившій науку управленія большимъ государствомъ — что доказалъ онъ отличными исполненіемъ высокой обязанности Президента Союзныхъ Штатовъ — Г. Мадиссонъ явно проповѣдывалъ ученіе, которое мы стараемся доказать, и изложилъ его въ письмѣ къ Г. Фаншу, Маія 1828. „Забывая прошедшее для того, чтобы заниматься будущимъ, я думаю, что всѣ

открытія въ полипическихъ наукахъ, и особенно совокупленіе представительнаго правленія съ федеральными союзами, могутъ чрезвычайно распространить свободныя государсва; что республики, имѣющія такое полипическое образованіе, всегда будутъ обширнѣе монархій. Свободные народы имѣютъ ту неоцѣненную выгоду, что древнія искусства находятъ у нихъ средство преодолѣть горы, укрощить рѣки и господствовать надъ сильнымъ океаномъ. Телеграфъ для нихъ былъ бы совершенно бесполезенъ, ибо они имѣли бы столько способовъ къ сообщенію съ другими народами, что при недоспашкѣ оныхъ принуждены были бы перенестись въ другое мѣсто.⁶⁴

Если государства не имѣютъ естественныхъ предѣловъ, то распространеніе ихъ можетъ ли принести имъ пользу? Сей вопросъ долго останешся безъ отвѣта. Его можно разрѣшить въ частныхъ случаяхъ, кошорыхъ ни къ чему иному нельзя приспособить.

Республика Санъ-Марино заслуживала похвалу, когда, будучи приглашена Наполеономъ назначить транспортъ земли, копорую онъ хотѣлъ къ ней присоединить, она имѣла благоразуміе отказатьсь отъ вступленія въ новые предѣлы; но сей поступокъ, прославленный въ современныхъ бюллетеняхъ, такъ какъ опытъ, сплюющій довѣренности въ полипическомъ разбирательствѣ, должно было лучше узнать прежде, нежели онъ былъ произведенъ въ дѣйствіе.

Окончимъ нѣсколькими размышленіями о предметѣ, кошорый не можетъ прекратитъ несогласія

между полишикою и философіею. Показавши выгоды, какими пользуется государство, имѣющее естественныя границы, нужно доказать, что народъ, еще недоспигшій своихъ предѣловъ, не заслуживаетъ порицанія, если старается силою оружія овладѣть пространствомъ, опъ нихъ его отдѣляющимъ. Мы уже изложили сіе мнѣніе, говоря о завоеваніяхъ Людовика XIV, такъ много способствовавшихъ къ утверженію силы и безопасности Франціи; однако, въ той же самой Франціи старались распространить сіе, болѣе благородное, нежели мудрое, правило; *не должно щазе предпринимать войны, какъ только для защищенія своей свободы.* Наполеонъ не такъ думалъ. Исторія есть источникъ, ихъ коего мы должны почерпнуть наставленія. Кто станеть утверждать, что войны, слѣдствіемъ коихъ было соединеніе маленькихъ Королевствъ Великобританіи и отпрововъ ея въ одно большое государство, кто, говорю, станеть утверждать, что сіи войны были полезны для человѣчества? когда Государство уже достигло предѣловъ, назначенныхъ ему природою, то ничто не можеть препящствовать ему наслаждаться тишиною, благоденствіемъ и славою; ибо оно хорошо знаетъ выгоды мѣстнаго своего положенія, истинныя свои нужды; печется о своей чести, не обольщаясь ложнымъ блескомъ побѣды, не дѣлаетъ завоеваній, развѣ только защищая себя; и всегда уважаетъ свободу въ тѣхъ мѣстахъ, откуда она еще не изгнана.

REVUE BRITANNIQUE.

VI.

КОРЕСПОНДЕНЦІЯ.

ПИСЬМО ИЗЪ БЕССАРАВІИ.

Въ No 8 издаваемого Вами *Телескопа* за 1833 годъ напечатаны Румунскія народныя пѣсни, присланныя къ вамъ изъ Харькова опъ Г. Хиждеу. Но дѣло не о пѣсняхъ. Онѣ переведены на Русскій языкъ вольными спихами и, по признанію самаго Хиждеу - *не - поэта, непостижимы въ переводѣ*. Дѣло о письмѣ, при копоромъ сіи пѣсни присланы. Въ немъ помѣщены нѣкошорыя слова, или *намекы*, неудачно избранныя Г. переводчикомъ изъ своихъ записокъ къ своду Румунскихъ лѣтописей, по счастью еще не напечатанныхъ. Если и всѣ записки шакъ вѣрны, какъ сіи опборныя слова; шо изданіемъ оныхъ Г. Сочинитель окажетъ не очень важную услугу Русской словесности, для копорой онъ познаніе Румунскаго языка почитаетъ весьма важнымъ.

Бунда. Сіе слово въ Бессарабіи, въ опечесствѣ Г. Хиждеу, вовсе не употребляется. Пепкрышая шуба, шипая чрезъ верхъ, или лучше мѣхъ для шубы, называется: *блана*; а кожухъ и по Румынски: *кожокъ*, опъ слова *коже* — пора, у Ипаліянцовъ *кожа*. (?) Въ семъ послѣднемъ значеніи въ простонародіи употребляется слово *бонда*, (а не *бунда*), въ Трансилваніи и на Западной сторонѣ Молдавіи и Валахіи.

Лойва. Не *лойба*, а *лѣдба* у Ромыновъ значить опшолокъ опъ толстаго бревна, (напр.

буковаго) · или плаха въ длину не менѣе прехъ аршинъ ; иначе называется : *деспикатура*. Лодка же однодеревка по Ромынски : *лунтри*.

Мътельникъ. *Мита* собственно значить взяпка ; но слово *мительникъ* въ Бессарабii не употребляется. Пошлина по Молдавски : *вама*, ошкуда *ваменъ* — собирашель пошлыны.

Навь или *Навье*. Въ Молдавокомъ языкѣ *найба* значить вообще зло ; ошчего выраженiе : *дуте ла найба* — поиди къ злону , нечиспому духу.

Обежъ. Слово *обежъ* и *обжу* вовсе нѣтъ въ Молдавскомъ языкѣ , и даже нѣтъ въ лексиконѣ , изданномъ въ Будѣ 1625 года , на копорый Г. Хиждеу осылаешся.

Погонъ. Симъ словомъ означаешся проспранство земли , занимаемое 400 кустовъ виноградныхъ лозъ. Погонъ содержптъ въ себѣ 44 пражины , а каждая пражина имѣешъ 3 спинженя или сажени ширины и 12 длины ; олъд. въ погонѣ 1584 кв. спинженей , или почти столько же Россiйскихъ саженей ; поштому что Молдавокiй спинжень 2½ дюймами болѣе Россiйской прехъаршинной сажени. Другихъ же значенiй слово *погонъ* не имѣешъ.

Покладникъ. Въ Бессарабii употребляется слово *поклѣзъ* , чпд значить попникъ изъ войлока , подъ сѣдло верховой лошади подкладываемый ; а слово *покладъ* памъ не извѣшно.

Пустю значить по Молдавски : пуспопорожное мѣшпо ; но въ семъ значенiи оно въ Бессарабii не употребляется , а вмѣшпо его обыкновенно говорятъ : *локъ стѣрнъ*, *параситъ*, *параженици* — мѣшпо незассленное , брошеное , за-

росшее. Слово же *пустіе* говорится только о пущыняхъ, въ копорыхъ спасались древніе подвижники, каковы: Фивейская, Дивійская ипр.

Пробози по Ромынски значить: дѣлашь кому спрогій выговоръ, спрогое замѣчаніе; но какое сходство сего слова съ словомъ *рогозитися*, кромѣ созвучія?

Скутъ. Въ Молдавскомъ языкѣ есть слово *скутикъ*, что значить дѣшское шерстяное покрывало; но *окутѣльникъ* не отсюда происходитъ. *Скóате* собственно значить освобождать, откуда *скóсъ* — освобожденный; а отъ сего *скутѣльникъ*, п. е. человекъ освобожденный отъ плашежа общеспвенныхъ повинностей и поступившій въ услуженіе частнымъ мѣшамъ и лицамъ.

Смердъ. Слово *смырдъ* въ Трансилваніи и въ западной Молдавіи и Валахіи употребляется въ значеніи: негодный — *pequam*; а смрадный по Молдавски: *путурóсъ* — *putridus*. *Смредуйтъ* по Ромынски значить: зараженный чумою или другою какою либо прилипчивою болѣзнію; но вмѣсто сего слова въ общемъ употребленіи: *моливситъ*. Слово же *смырдულъ* вовсе не употребительно.

Ушъ. Въ Молдавскомъ языкѣ *уша* значить дверь; а распѣніе *colchicum autumnale* называется: *брындуша*, какъ по значится и въ лексиконѣ, изданномъ въ Будѣ 1825 года.

Число. Молдавское слово *числа* значить не сборъ, а раскладку подашей, откуда выраженіе: *хай ла числа* — спускайте, сдѣлаемъ раскладку на казенныя подаши.

Замѣчательно, что Г. переводчикъ Румынскихъ народныхъ пѣсень избралъ свои *намекы* изъ словаря Румынско-Латинско-Венгерско-Нѣмецкаго, изданнаго Обществомъ ученыхъ въ Будѣ, 1825 года; а между пѣмъ *понятіе о Латинскомъ элементъ языка Румынскаго* почитаетъ ложнымъ. Въ семъ лексиконѣ именно говорится: *Valachica lingua est vetus lingua Latina popularis.* Въ семъ лексиконѣ Румынскія слова писаны Латинскими буквами и почти все произведены отъ Латинскаго или отъ Греческаго языка. Но дабы яснѣе видѣшь слѣпое приспращіе издашей сего лексикона въ производивъ словъ, и я на удачу выписываю изъ него слѣдующее:

Бáни — деньги, а Lat. *pecunia*, per syncopen.

Бирурѣскъ — побѣждаю, а Lat. *vinco*, mutato *v* in *b* et *n* in *r*; vel a Lat. *vir*, nam qui vincit viriliter se gerit; vel a *vires* — силы.

Брынза — сыръ, а Lat. *prandium*, id enim est pauperum prandium cum polenta (въ Бессарабіи — Мамалыга).

Бръу — поясъ, а Граесе. *Βράβειον* — procerium certaminis; vel a Lat. *brachio*.

Букуріе — веселіе, а Lat. *vigore*; vel Ital. *bon cuore*, i. e. animus bonus, serenus.

Гáдина — нечисное животное, а Gr. *κτῆνος* — iumentum, pecus.

Дрѳждій — дрожжи, а Lat. *de et restat*, quia fex est id, quod restat a vino.

Длѣъ — гора, а Lat. *tellus*, *t* mutato in *d*; vel a Gr. *δῖλος* — manifestus, quia mons est maxime conspicuus.

Испитѣскѣ — испытываю, a Lat. *ex et tento*.

Корабіе — корабль, a Lat. *arca*, per metathesim et figuram auctionis, qui producitur syllabis *bie*.

Коса — коса, a Lat. *seco*, per metathesim, unde in campania falces dicuntur seculae.

Лопата — лопата, a Gr. *λέπας* — patina; vel a Lat. *pala*, per metathesim et paragogen, quasi *palata*, et per transmutationem *lapata*.

Москаль — москаль, a Lat. *musca*; et *Моссвѣа*, quasi terra muscatica.

Пемьнтѣ — земля, a Lat. *pavimentum*.

Слава — слава, a Lat. *salve*! formula salutandi; vel a Lat. *ex*, quod apud Valachos mutari solet in *s*, et Graeco: *ἐυλαβεία* — religio, reverentia.

Хайна — одежда, a Lat. *trahitus*, *b* exmisso et *t* in *n* converso.

Чисѣ — часть, a Lat. *caedo*, *caesum caesura*; quia dies in 24 partes quasi caesuras est divisa.

Чинсте — честь, Hispanis: *chiste*. Valachi Hispanico: *chiste* interponunt *n*, more solito, et fit: *cinste*.

Вошѣ, Милосшивый Государь, истинно обидное пристрастие Гг. издапелей лексикона въ Будѣ! Они не пощадили ни *чести*, ни *славы* нашей. Они даже назвали насъ *мухами*. И съ сими-то издапелями Г. Хиждеу соглашается въ значеніи Ромынскихъ словъ, не соглашаясь впрочемъ съ ними въ происхожденіи Ромынского языка опшѣ древняго Римскаго или Лашинскаго. А мнѣ кажется, скорѣе можно согласишься съ ними въ послѣднемъ, нежели въ первомъ; спшбшшъ полько прочишашъ нѣсколько словъ на Ромынскомъ языкѣ, — и охотно можно приписатьъ оному Лашинское происхожденіе. Вошѣ напр. сло-

ва Спасителя, Матѣ. гл. 5 стр. 16., который такъ читаются по Ромынски: ашѣ се луминязе луміна вѣспре ыннайнпе оаменилоръ, ка вѣ вѣндѣ фашпеле вѣспре чяле бѣне, се мѣряскѣ пре шѣпѣль вѣопру чѣль дѣнѣ чѣрюрь.“ Кто вѣдѣсь не видипѣ сей основы Лашинской?

Для любопытства прилагается при семъ цѣлый разговоръ племянника съ дядею о началѣ Ромынскаго или Молдавскаго языка а).

Кишиневъ

2 Марта 1834 года.

а) Разговоръ сей оплагается до слѣдующей книжки Телескопа. Изд.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Сентября 17го дня, 1854 года.

Ценсоръ Алексѣй Болдыревъ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

РЪЧЬ.

О ДРЕВНЕЙ СКАНДИНАВСКОЙ ЛИТТЕРАТУРЬ.

(СОЧИНЕНІЕ АМПЕРА ^а).

Мм. Гг! Всѣ памятники Литтературы, къ копорой мы приспупаемъ, писаны на языкѣ, нигдѣ шеперь неупопреляемомъ, кро-

-
- а) Предлагаемая Рѣчь о Древней Скандинавской Литтературѣ, любопытная во многихъ опношеніяхъ — можесть бытъ иногда и въ смыслѣ *отрицательномъ* — естъ ничпо иное, какъ вступительная лекція, читанная въ Парижскомъ Университетѣ *Амперомъ*, занявшимъ на время мѣсто *Форіелла*, на кафедрѣ Иностранной Литтературы. Амперъ, еще молодой человекъ, посвятившій себя изученію *сравнительной Исторіи Литтературъ*, много путешествовалъ по Европѣ, собирая матеріялы для составленія зданія, построенію копорого, какъ говоритъ онъ, *будеть посвящена вся жизнь его*. Недавно издалъ онъ два тома своихъ сочиненій, подъ названіемъ: *Litterature et Voyage*; въ энихъ томахъ, посвященныхъ преимую-
- ТЕЛЕСК. Ч. XVIII. 18

мѣ одного острова, почти совершенно неизвѣснаго Европа, почти совершенно опчужденнаго отъ свѣта. На этомъ-то, едва обитаемомъ островѣ, сохранилась большая часть сихъ памятниковъ. Въ нихъ заключающагося ученіе религіи, уже восемь столѣтій не существующей, героическія преданія, совершенно чуждыя нашему младенчеству, рассказы изъ Испоріи, копорая, по видимому, едва имѣетъ какую либо связь съ извѣстными намъ Испоріями. Какую же занимательность можетъ имѣть эта Литтература? Чтò намъ въ эпохѣ мрачной древности, въ эпохѣ кровавой религіи, въ эпохѣ варварскихъ языкахъ и пѣсняхъ? Зачѣмъ испоргать ихъ изъ среды сѣверныхъ шумановъ, изъ мрака полярной ночи?

щественно Сѣверу — Германіи и Скандинавіи — содержится много любопытныхъ спавей для испоріи литтературы Даніи, Швеціи и Норвегіи, нѣсколько превосходныхъ очерковъ Сѣвера, нѣсколько біографій и пр. Амперъ общается въ непродолжительномъ времени издашь еще помъ, въ коемъ будупъ содержаться: *Воспоминанія о Сициліи и изслѣдованія о нѣкоторыхъ частяхъ Италіанской и Испанской Литтературы*. Первые два тома почти окончены переводомъ на Русокій языкъ: образчикъ эпого перевода предлагается на судъ читателей. *Перев.*

Но, Мм. Гг. если эпопѣя оспровѣ, бѣднѣй и далекой, былѣ, въ продолженіи чепырехъ вѣковъ, мѣспопробываніемъ независимой республики, копорая имѣла свою Липперашуру, сполько же оригинальную, какъ и ея цивилизація; если глубокое изученіе языка, миеологіи, преданій Скандинавскихъ, имѣ сохранныхъ, бросящѣ драгоцѣнный лучъ свѣта на происхождение большѣй часпи эпихъ варварскихъ народовъ, возобновившихъ Европу; если онѣ соединитѣ Съверъ съ Воспокомъ, времена новыя съ вѣками древними; если онѣ приподниметѣ завѣсу съ существенныхъ отношеній германскихъ народовъ къ Греціи и Ипаліи съ одной, и къ Персіи и Индіи съ другой стороны; если эта Одинова религія, при первомъ взглядѣ кажущаяся такою нелѣпою и чудовищною, заключаешѣ, съ довольно правильною космогоническою и философическою системою, слѣды своей исторіи и исторіи племенъ, въ нѣдрахъ коихъ она поспешенно образовалась; если героическія пѣсни *Эдды* супѣ остатки большаго эпического цѣлаго, большаго цикла, общаго наслѣдія германскихъ націй; если слѣды раздробленія эпого цикла найдутся почти во всей Европѣ; если сравненіе эпихъ разсѣ-

янныхъ оспашковъ съ собраніемъ . Скандинавскимъ прояснить вопросъ о первобытной поэзіи сближеніями съ образованіемъ эпохи Гомеровой , сближеніями пѣвъ болѣе разительными, что они почерпнуты гораздо далѣе ея ; если памятники особаго рода, подъ именемъ *Sagb*, представлятъ самое богатое развитіе изустнаго разсказа , любопытный переходъ отъ басни къ исторіи; если чтеніе ихъ , важное по другимъ отношеніямъ, покажетъ лучше, съ какой точки зрѣнія должно изучать Музы Геродотовы и первыя книги Тита Ливія; если лирическая поэзія, въ коей необузданное одушевленіе при видѣ биввы и смерти блеснуло подлѣ манерной изысканности и кропотливаго педантизма, заключило кругъ эпои дивной Липперашуры ; если наконецъ, какъ восходя къ ея источникамъ , мы были приведены во глубину Востока и въ нѣдра самой отдаленной древности, такъ изслѣдывая вліяніе ея на времена послѣдующія, мы увидимъ, какъ разливалась она въ среднихъ вѣкахъ , даже переходила, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уцѣлѣла до нашихъ временъ ; однимъ словомъ , если эпоа забытая почка въ Исторіи Липперашуры будетъ имѣть связь съ спольскими мѣстами , эпоа минула съ спольскими

вѣками, по, можетъ быть, я буду правъ въ глазахъ вашихъ, что избралъ эту Липпературу предметомъ долговременнаго изученія, цѣлю далекихъ спранствованій, и содержаніемъ курса, который открываю теперь передъ вами.

Скандинавская Липпература мало извѣсна у насъ, Мм. Гг! Не приспужая къ подробностямъ, я считаю обязанностію кратко изложитъ передъ вами главнѣйшіе факты и результаты, которые должны спвують быть предспавлены и развиты въ этихъ чпеніяхъ.

Для совершеннаго уразумѣнія Липпературы, и въ особенності Липпературы первобытной, необходимо войти въ нѣскольго глубокія рязысканія о народѣ, ее произведшемъ, о происхожденіи, языкѣ, религіи этого народа. Съ этого и мы начнемъ, Милоспивые Государи! Когда узнаемъ Скандинавскіе народы сами по себѣ и въ отношеніи ихъ къ другимъ народамъ; когда ихъ частное развитіе свяжимъ съ общимъ развитіемъ человѣческа, тогда только ихъ липпературные памятники будутъ имѣть для насъ надлежащее значеніе и важность.

Скандинавія, по еспъ земли, соспавляющія нынѣ при Государства — Данію,

Швецію и Норвегію, Скандинавія почти вся покрыва народами Германскаго племени. Однакожь другіе народы, чуждые сему племени, нѣкогда занимали бѣольшую часть, обитавшю еще и теперь въ нѣкопрыхъ мѣспахъ и спранспвуютъ на рубежахъ земли Скандинавской. Эпи народы соспавляли часть большаго семейспва Финскихъ націй, копорья, разсѣявшись на Воспокъ и на Западъ опъ Уральскихъ горъ, по видимому, занимали въ опдаленныя эпохи спакое большое проспранспво и играли спакую важную роль въ Сѣверныхъ спранахъ Европы и Азіи. Мы сначала спановимъ вниманіе наше на эпихъ народахъ, копорыхъ можно назватъ Кельпами. Сѣвера, коего владѣніе долго споривали они у племенъ Германскихъ; эпихъ мнипельныхъ и мрачныхъ народахъ, кои, опъ особеннаго расположения къ прозрѣнію, рано приобрѣли славу волхвовъ и гадапелей, копорую, во многихъ мѣспахъ, они сохранили и по сіе время; племя, нынѣ исчезнувшее между другими племенами или порабопченное ими, но копорое распроспранилась по обоимъ берегамъ Балпійскаго моря, покорило Венгрію, какъ свидѣпельспвуетъ языкъ эпной спраны, основало на ледяныхъ спра-

нахъ Бѣлаго моря Государство, которое производило порговлю съ Воспокомъ, когда повары Индіи опправлялись по Двинѣ, въ мѣспа, гдѣ нынѣ Архангельскъ; когда Арабскія монеты обращались въ конторахъ Балтійскихъ; а) и, если вѣришь новѣйшимъ мнѣніямъ оріенталистовъ, племя, къ которому принадлежали многочисленныя народы Сѣверной Азіи, между прочими Гунны, эписпашные мспашели за своихъ брашьевъ — Финновъ, угнѣшенныхъ или порабощенныхъ германскими націями.

Переходя опъ Финновъ, первыхъ обшашелей Скандинавіи, къ Германскимъ завоевашелямъ, мы увидимъ, что сіи послѣдніе предспашяпъ намъ два опдѣленія, два зародыша, пакъ сказанъ, въ нѣдрахъ одно-

а) Кажется, что сіи и нѣкоторыя другія мысли Амперъ почерпнулъ изъ спашьи Профессора Копенгагенскаго Уншверситета Н. Л. Расмуссена — о торговлѣ и сношеніяхъ Арабовъ и Персовъ съ Россією и Скандинавією въ среднемъ вѣкѣ; объ этомъ разсужденіи находилса нѣсколько замѣчаній въ сочиненіи Френа: *Sohn Sozlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit*. СПб. 1823. Сильвестръ де Саси перевелъ его съ Англійскаго изъ *Edinburgh Magazine* на Французскій, присовокупивъ къ нему нѣсколько своихъ замѣчаній. Потомъ уже съ сего языка сдѣланъ переводъ на Русскій и напечатанъ въ 7 и 8 Но *Русскаго Зрителя*, изд. покойнымъ К. Ѡ. Калайдовичемъ. Опсылаемъ читашелей нашихъ къ этой любопытной спашь. *Перев.*

го племени. Поселившіеся въ самыя опдаленныя времена въ Южной Швеціи и въ Даніи, носили имя Готевъ, имя, которое гремѣло во всей Европѣ, которое совершало печеніе свое вмѣстѣ съ солнцемъ оцѣ береговъ моря Каспійскаго до устья Тага. После Готевъ другая вѣщъ Германская вшорглась на полуостровъ Скандинавскій.

Эти новыя пришельцы назывались Азами, т. е. *сильные, боги*. Предводителъ ихъ назывался *Одиномъ*, именемъ одного изъ главнѣйшихъ божествъ въ системѣ религіи, общей Азамъ и Готамъ, и вѣроятно также большому числу германскихъ націй. Азы, которые, какъ кажется, зашли далѣе на Сѣверъ нежели Готы, Азы утвердили на берегахъ озера Меллара, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ послѣдствіи времени былъ основанъ Спокгольмъ, центръ еокрапической и воинственной власти. Готы оспались владѣтелями Южной Швеціи; Азы сильно напирали на Финскія націи и выпѣснили ихъ частію на Сѣверъ въ Лапонію, частію на Сѣверо-Воспокъ въ Финляндію. Опуспошительныя войны, которые Азы вели съ Финнами, наполняютъ Скандинавскія преданія: Со всѣмъ другое происходило у нихъ съ Готами, съ которыми имѣли они общую религію

и происхожденіе. Но Азы, копорые шакже приняли названіе Шведовъ, (svi thiod) кажется, присвоили себя въ отношеніи къ Готтамъ нѣкоторую степень религіознаго и политическаго преимущеслва, коего слѣды открываюцца въ средніе вѣка, и, можетъ быть, не исчезли еще и теперь совершенно.

Теперь, откуда пришли эти Готты и Азы? Это значить спрашивать, откуда пришли народы Готтскіе и даже всѣ племена Германскіе. Здѣсь вопросъ о происхожденіи народовъ Скандинавскихъ спановипся обширнымъ, ибо онъ соприкасается съ вопросомъ о переселеніи варваровъ. Мы должны будемъ, Мм. Гг., заняться этимъ гигантскимъ событіемъ, мы переплывемъ, шакъ сказать, этотъ пошокъ народовъ, слѣдуя по стопамъ Скандинавскихъ націй. Онъ поведуть насъ на Воспокъ: сперва къ берегамъ Чернаго моря, потомъ въ ущелія Кавказа, врапа, черезъ копорыя прошли племена Азіатскія, родъ каравансерая на большой дорогѣ рода человѣческаго, гдѣ оспанавливались хворые всѣхъ племень, и гдѣ еще находяцца какъ бы оспашки каждаго изъ нихъ; наконецъ драгоцѣнныя указанія завлекутъ насъ еще далѣе: руководимые ими, мы увидимъ въ срединѣ и вверху Азіи, на

Сѣверѣ Индіи и Персіи, яточку, опкуда опсправились пѣ, коихъ мы нашли разселившимися на берегахъ Балпійскаго моря и Бопническаго залива.

Я надѣюсь, Мм. Гг., собратъ передъ вами доказательсва эпого продолжипельнаго спранспвованія Скандинавскихъ племень по свѣпу, доказательсва, копорыя не оставяптъ никакого сомнѣнія въ умѣ вашемъ. Но я щедерь же долженъ предупредиптъ ваше удивленіе, копорое могло бы родипся при пакомъ положеніи. Какъ, скажете вы вмѣспѣ съ Таципомъ, неужели спали бы они переселяпся изъ болѣе счаспливой спраны въ печальную Германію? Я предспвляю различные исполкованія эпого факпа, и на нынѣшній разъ ограничусь слѣдующимъ опвѣщомъ: знаемъ ли мы всѣ древніе переворопшы, волновавшіе эпи массы людей, полпившіяся въ ценпрѣ Азіи или перявшіяся по краямъ ея? Изъ среды сего-шо океана народовъ долженспвовали возникнуптъ эпи великія бури, коихъ послѣднія опгулы едва замѣпили мы въ нашемъ опдаленномъ углу свѣпа; спалкиваясь, разбиваясь другъ о друга, подобно волнамъ, народы сіи въ безпорядкѣ успремлялись всюду, гдѣ полько находили мѣспо, незабопясь о шомъ, на Югъ или

на Сѣверъ, на Воспокъ или на Западъ шли они, не имѣя опредѣленнаго пупи, опредѣленной земли, направляя свой пупъ шуда, куда были гнѣпомы поспороннею силою, занимая все, что оспавалось незанятымъ, какъ иногда въ полпѣ народа вы повинуетесь эпой безмѣрной и слипой силѣ, которая влечетъ васъ въ шу или въ другую спорону. Такимъ образомъ и народы, волнуемые неопредѣленно изъ спороны въ спорону, не избирали свободнымъ образомъ жилищъ своихъ; они подвигались по всемъ направлениямъ, смопрятя попому, какъ заспавляла и гнала ихъ необходимоспѣ.

Возвратившись изъ глубины Воспока на полуоспроевъ Скандинавскій, мы не на долго оспановимся шамъ, ибо ни на эпомъ полуоспроевъ Скандинавскомъ, занимаемомъ Швеціею и Норвегіею, ни на оспроевахъ, или Данскомъ Херсонесѣ, развилась во всей полнопѣ своей національноспѣ Скандинавская; не въ эпахъ спранахъ должны были сохранисся самымъ вѣрнымъ образомъ языкъ, религія, поэпическія преданія племенъ, ихъ населявшихъ; Скандинавія должна была вся перенесспсѣ, пакъ сказапѣ, на одинъ оспроевъ; эпомъ оспроевъ долженспво-валъ бысѣ убѣжищемъ и какъ бы ковчегомъ

генія народовъ Германскихъ, и передашь намъ нѣкогда всѣ письменные памятники, гдѣ онъ сохранился во всей чистотѣ своей. Объ эпохѣ-по замѣчательной странѣ я долженъ говорить вамъ.

Подъ полярнымъ кругомъ, между сѣвѣрною оконечностію Европы и восточнымъ берегомъ Америки, на рубежѣ живаго свѣта, лежить одна изъ самыхъ давнихъ странъ, на которахъ люди когда нибудь обитали: — это Исландія. Представляете себѣ огромный островъ, почти весь состоящій изъ вулканическихъ произведеній, прорѣзанный въ разныхъ направленіяхъ лавою, покрытый краперами и льдомъ. Все въ этой сѣвѣрной странѣ показывается, что вы идете надъ горящею бездною; вы перешли снѣжную скаперть и нога понептъ въ жидкой сѣрѣ. Здѣсь перемежные водометы извергають на сто футовъ вышины кипящую воду, шамъ, столпы теплыхъ паровъ выходятъ изъ нѣдръ земли, и образують резервуары теплаго воздуха въ лонѣ ледяной атмосферы. Исландія есть вулканъ со многими опверстїями; безъ сомнѣнія она нѣкогда вышла изъ моря, ее окружающаго; сила, которая испоргла ее, продолжаетъ работу свою, и теперь кажется, что посреди этихъ льдовъ, въ

своемъ долекомъ уединеніи, Исландіи медленно оканчиваешь пожирать самое себя.

Ничто не можетъ быть угрюмѣе, пустыннѣе внутренности такой страны, какъ можно себѣ представишь. Только одни берега обитаемы, середина же есть ничто иное какъ спепень лавы, гдѣ не встрѣишь ни одного дерева, ни одного живаго существа. Лишь въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ Исландіи можетъ сообщаться съ оспальнымъ свѣтомъ. Въ печеніи долгой зимы своей, она опдѣлена бурями, и опчаспи заграждена льдами, взгромождаемыми силою воды на берегахъ ея. Часто встрѣчаютъ бѣлыхъ медвѣдей, которые приплываютъ на эшихъ льдинахъ, бѣгущихъ съ невѣроятною быспрошою, и если вдругъ наспигаешь тогда буря, поднимающая и колеблющая эси плывучія громады, они спалкиваются другъ о друга и разбиваются съ ужаснѣйшимъ грохотомъ. Освѣпипе подобную сцену крововымъ свѣтомъ сѣверной зари, смѣшанной съ опблескомъ волкановъ, и опражающейся на снѣгу; къ эсимъ бурямъ сѣвернаго океана присоединипе еще движенія подземныхъ буръ, волнообразно поднимающихъ группы полуоспывшей лавы, и вы будипе имѣть по-

няпіе о помъ, чпо можешъ предспавипъ са-
маго ужаснѣйшаго и самаго величеспвеннаго
сѣверная природа : такова Исландія, и лю-
бовъ къ опечеспву такъ слѣпа у всѣхъ наро-
довъ, чпо національная пословица говоритъ :
„нѣшъ подъ солнцемъ спраны краше Ис-
ландіи.“

Исландія была населена въ ІХ столѣ-
тіи, въ слѣдспвіе переворопа, копорый почпи
въ одно время совершился въ Даніи, Швеціи и
Норвегіи. Въ то время были основаны эпи
Государспва ; нѣсколько ловкихъ предводи-
телей покорили другихъ власпи своей. Тѣ,
копорымъ эпа перемѣна не нравилась , шѣ ,
копорые сожалѣли о прежней независимспи,
покинули опечеспво и бѣольшая часть спала
искапъ убѣжища въ Исландіи. Такимъ обра-
зомъ Исландія сдѣлалась прибѣжищемъ всѣхъ
шѣхъ, кои сильнѣе были привязаны къ народ-
нымъ преданіямъ. Сіи бѣглецы унесли съ
собою древнюю Религію Сѣвера , успроили
родъ папріархальной республики , управ-
емой президенпомъ, называвшимся *мужемъ*
закона. Такое положеніе вещей продол-
жалось чепыре столѣтія. Исландецъ , въ
молодоспи былъ купцемъ или морскимъ
разбойникомъ, иногда шѣмъ и другимъ вмѣ-
спѣ ; попомъ онъ возвращался на оспровъ ,

жилъ въ своемъ деревянномъ домѣ, своими спадами, опчаспи земледѣліемъ, шамъ, гдѣ оно было возможно, и дѣлилъ время между домашними хлопотами, мѣспными собраніями каждой области, и общимъ собраніемъ, которе бывало одинъ разъ въ годъ, на волканической пѣской возвышенности Тингъ Валла (Thing - Valla), называвшейся также *горой закона*. Присоединиле къ эпому нѣсколько рукопашныхъ дракъ, къ копорымъ подавали случай ссоры разныхъ семействъ, попомъ процессъ, и вы будеше имѣшь довольно полное понятіе объ образѣ жизни Исландца. Въ досуги, оспававшіяся у него опъ эпой мало занятой жизни, онъ или сочинялъ, или слушалъ рассказы и пѣсни. Благодаря различнымъ обспояшельствамъ, благопріятствовавшимъ эпой природной склонности, Исландія вскорѣ сдѣлалась главнымъ мѣспопребываніемъ Скандинавской Литпературы, и вопъ опчего Литпература и языкъ, на копоромъ она сохранилась, безразлично были называемы Скандинавскими и Исландскими.

Эпопъ языкъ принадлежишь къ фамиліи языковъ Германскихъ. Мы опредѣлимъ мѣспо, копорое онъ занимаетъ между ни-

ми, и мѣсто, которое занимаетъ въ общей системѣ языковъ фамилія, коей часпъ составляетъ онъ.

Здѣсь мы должны будемъ положить нѣкоторыя основныя начала эпимологической науки, чптобы не увлекались ложными мнѣніями а).

Мы разсмотримъ правила, которыми должна руководствоваться спрогая криптика въ сближеніяхъ словъ или граммапическихкихъ формъ, которыя она сравниваетъ.

Благодаря новѣйшимъ прудамъ, предпринятымъ въ Германіи и на Сѣверѣ, и съ успѣхомъ продолжающимся во Франціи, эпимологическая наука, которой слишкомъ далекія попыпки придали нѣчто смѣшное, сдѣлалось нынѣ наукою философическою и вмѣстѣ положишельною. Драгоценный и нерѣдко единственпый свѣпильникъ, она часпю озаряетъ по, чпто Исторія оставляетъ иногда въ тѣни — родство и колыбель народовъ. Припомъ, взяпая сама по себѣ, она представляетъ занимательность,

---

а) Въ книгѣ Ампера помѣщена спашья, на которую онъ ссылается въ этомъ мѣстѣ, именно: *Нѣсколь-ко нагалъ для сравнительной исторіи языковъ*. Надѣмся познакомитъ съ нею читателей въ слѣдующей книжкѣ Телескопа. *Перев.*

независимую опть эпого рода услугъ, Испорія языковъ можеть назваться Анапомією, или, лучше сказаць, сравнительною Физиологією; ибо языкъ естъ какъ бы живое существо, коего организмъ развивается по непремѣннымъ законамъ. Мы будемъ изучаць эпотъ организмъ, установимъ нѣкопорые изъ его законовъ, прежде нежели приспупимъ къ сравненію идіомовъ германскихъ съ другими идіомами, на нихъ похожими. Тогда, занявшись эпимъ сравненіемъ, мы будемъ въ соспоянїи придаць ему какую нибудь методу и основанїи. Результаты, копорыхъ достигнемъ мы, будутъ любопытны и вмѣстѣ огромны, и слѣдовательно будутъ спопить того, чшобы приближались къ нимъ шихо, шагъ за шагомъ, съ благоразуміемъ и оспорожноспїю. Не разительный ли фактъ, напримѣръ, представляеть аналогія, существующая между Германскими языками и языками Греческимъ и Латинскимъ. Боже мой! Чшобы подумала древность, сполько презиравшая, пакъ мало знакомая со всѣмъ, принадлежавшимъ варварамъ? Чшобы спали говориць Римляне, если бы сказали имъ, чшо эпи Готы, эпи Франки, копорыхъ они почпи не считали за челоуковъ, говорили языкомъ, коихъ главнѣйшіе корни находи-

лись въ ихъ собспвенномъ языкѣ, коего неизвѣспная Граммапика была ничпо иное какъ довольно вѣрная передѣлка Граммапики Софокла и Демосеена, Цицерона и Виргилія?

Для опкрыпїя эпой испины нужно было, чпобы послѣ многихъ вѣковъ попомки эпихъ варваровъ завели библіотеки и академіи въ Херсонесъ Кимврическомъ и въ спранѣ Капповъ.

Это еще не все, и другія аналогіи, не менѣе вѣрныя, соединяптъ языки Германскіе съ древними идіомами Персіи и Индіи, въ поже время пакъ пѣсно соединенными съ идіомами Греціи и Ипалїи; и, вопъ во впорой разъ мы коснемся опдаленныхъ спранѣ Воспока, отпраляясь изъ Исландїи.

Наконецъ, послѣ изслѣдованій о племенахъ и языкахъ, преспій предметъ изслѣдованія довершипъ предварительное пригповленіе наше къ Липпсерапурѣ Скандинавскихъ народовъ. Я говорю объ религіи.

Въ наше время, Мм. Гг., не позволено уже видѣпъ въ мїеологіи одну полько игру фанпазіи поэповъ; это значило бы вводипъ въ испорїю ума человѣческаго заблужденіе, которое господспивало нъкогда въ изученїи мїра физическаго, когда приписывали игрѣ природы то, чего не могли подвеспи подѣ

законы ея: равнымъ образомъ по общимъ законамъ образуется и эта блестящая кристаллизація, спранныя по наружности, правильная въ основаніи, которую называемъ мифологіей.

Но, чтобы доспичь эпихъ общихъ законовъ, надобно тщательнымъ образомъ опредѣлить частныя факты, изъ которыхъ должны происпекать они, и здѣсь представляются важныя затрудненія. Ничего нѣтъ сложнѣе и различнѣе мифологій, ибо онѣ образуются въ ту эпоху мысли человѣческой, когда неопредѣленность ея равняется ея смѣлости. Въ нихъ находятся все — и понятія, которыхъ люди, въ невѣжествѣ своемъ, спараются создать себѣ о началѣ и концѣ вещей, о естествѣ Бога и спроектіи вселенной, и событія, коихъ память любопытна для нихъ, ихъ собственная исторія, которая смѣшивается въ умѣ съ исторіей ихъ религіи и боговъ. Спремленіе къ истинѣ, безумное суевѣріе, правдоподобныя преданія, баснословныя легенды, предчувствіе добра и зла, живописныя побужденія, созерцаніе безконечнаго и грубыя заблужденія — изъ всего этого и тысячи другихъ вещей образуется хаосъ, освѣщаемый ослѣпительными проблесками. Въ эпоху-то

хаосъ должно будетъ спуститься намъ, чпобы найпи въ немъ различные элементы, копорые совершаюпъ смѣшанное броженіе въ нѣдрахъ его.

Чпобы пролипъ нѣкопорый свѣпъ на миеологію Скандинавскую, прежде всего я предспавлю вамъ полную карпину ея. Я поспрою передъ вами эпопъ міръ, или лучше сказапъ, эпи міры, коихъ симметрическое *надъ-положеніе* (*super-positio*) или *со-положеніе* (*juxta-positio*) образуюпъ, по поняпіямъ Скандинавскимъ, зданіе вселенной. Я разовью передъ вашими взорами эпо великую космогоническую драму, копорая опкрываеапся рожденіемъ міра и оканчиваеапся капаспрофою, въ коей земля, небо и всѣ боги погибаюпъ для возрожденія; плачевная драма, надъ коей носяпся съ одного конца на другой воинспвенная шоска и роковое предчувспвіе. Эпо жизнь, выпекающая изъ мраковъ и льдовъ бездны, эпо вселенная, поспроенная изъ оспалковъ пруппа, кровавый попопъ, боги, спрадающіе и борющіеся, боги, копорые знаюпъ, чпо они должны умереть; эпо Балдеръ, погибающій опъ руки брапа; эпо Одинъ, коего пожираетъ волкъ: наконецъ эпо всеобщее разрушеніе сущеспвъ. Созерцая эпи грозныя явленія,

переносилъся въ средину фантомовъ Сѣвера какъ бы чувствуюешь его душу, гнѣпомую хладомъ и мракомъ, исчезаешь съ эпою пуманною вселенною. Если при концѣ проблеснешь передъ вами заря новой жизни, жизни болѣе тихой и ясной, эта заря — похожа на нѣ сѣверныя сіянія, копорыя пылають яркой пучиной свѣша среди продолжительной зимы, не разсѣвая однакожь мрака ея.

Разсмопрѣвши сіи великіе и мрачные символы, мы попытаемся проңикнуть смыслъ ихъ, не мѣлочнымъ исполкованіемъ, копорое въ произвольныхъ подробностяхъ преслѣдуешь химеру полного изъясненія; но придерживаясь какихъ нибудь основныхъ идей, мы сравнимъ главныя миѡы эпоы религіи съ нѣми, копорыя дѣйствительнымъ образомъ могутъ имъ соопвѣтствовать въ религіяхъ Воспока и Древности; наконецъ мы вопросимъ у миѡологии скандинавской ея собственную исторію, мы опшщемъ въ нѣдрахъ ея слѣды перевороповъ, коимъ она подвергалась. Мы постараемся опредѣлить ея почку опшравленія и предѣлы ея объема. Здѣсь совпаденіе результатовъ, къ коимъ приведетъ насъ эпо разысканіе съ результатами, копорыя доставитъ намъ подобная же работа касательно племень и

языковъ Скандинавскихъ, позволилъ намъ съ увѣренностію дойти до заключеній, копорыя, можетъ быть, несовсѣмъ маловажны для изученія происхожденій и переселеній народовъ, и для исторіи рода человѣческаго,

Приготовившись такимъ образомъ къ изученію памятниковъ Литтературы Скандинавской, мы приступимъ къ самимъ памятникамъ.

Мы сначала будемъ говорить о самыхъ знаменитыхъ — объ *Эддахъ*.

Есть два собранія, совершенно различныя по свойству и по сочиненію, и копорыя оба носятъ названіе *Эдды*. Менѣе древнее есть сочиненіе послѣдняго великаго человѣка Исландіи — Снорри Спурлезона, умершаго въ половинѣ XIII столѣтія (1241). Сія *Эдда* состоить изъ многихъ пракпатовъ въ прозѣ о мифологіи и фигурномъ языкѣ, употребляемыхъ Скальдами или скандинавскими поэтами. Первая часть, въ формѣ разговорной, содержишь ученое изложеніе скандинавской мифологіи, сдѣланное гораздо послѣ того времени, когда въ нее не вѣрили уже болѣе; и съ цѣлію чисто литтературною. Эта часть *Эдды* Снорри Спурлезона есть твореніе мифографа: это нѣкоторымъ образомъ мифо-

логическій словарь. Въ другой часпи заключаеся собраніе поэпическихъ выраженій, изобрѣпленныхъ Скальдами, перифразовъ, освященныхъ между ними, и, можно смѣло сказать, *классическихъ*, довольно сходныхъ съ шѣмъ, что находимъ мы въ какомъ нибудь *Gradus ad Parnassum*. Это собраніе имѣло цѣлю облегчить для тѣхъ, копорые любяпъ читапъ произведенія народной поэзіи на чудесномъ языкѣ древнихъ Скандинавовъ, облегчить для нихъ уразумѣніе и употребленіе языка Скальдовъ.

Наконецъ къ ѡпимъ двумъ часпямъ авторъ присовокупилъ начерпаніе Грамматикки, Реторикки и Просодіи, копорая довольно педантически оканчивается странною поэмою, въ коей заключаюпся всѣ формы Скандинавскаго стихосложенія, родъ метрики въ примѣрахъ, и копорую авторъ назвалъ *Просодическимъ ключемъ*.

Такова *Эдда* Снорри, называемая также *Эддою* въ прозѣ, *новою Эддою*, единственная, изъ копорой часпъ переведена на Французскій языкъ Маллепомъ; сборникъ драгоценный по фактамъ, въ немъ заключающимся, но безъ занимательности, безъ достоинства поэпическаго, копорый столь же мало походипъ на другую *Эдду*, на *Эдду*

въ стихахъ, на древнюю и испинную *Эдду*, какъ библиотека Аполлодора на поэтическія произведенія Гомера.

Эта древняя *Эдда* есть собраніе поэмъ и опрывковъ изъ поэмъ миеологическихъ, гномическихъ, героическихъ, собранныхъ въ XI вѣкѣ однимъ Исландцемъ по имени Сеймундомъ (Semund). Сочинители ихъ неизвѣстны; время сочиненія опредѣлить трудно. Онѣ восходящъ, по крайней мѣрѣ нѣкопорыя изъ нихъ, за нѣсколько вѣковъ до времени ихъ собранія.

Миеологическія поэмы заключающъ въ себѣ догматы эпои мрачной и воинспвенной религіи, о копорой я говорилъ вамъ. Часпо онѣ запечашлѣны, подобно ей, угрюмымъ величіемъ, высокою грустію.

Такова *Волупса* (*Volupsa*), самая выжнѣйшая изъ миеологическихъ поэмъ *Эдды*, оспашпокъ попереянной космогоніи, начинающейся образованіемъ вселенной и оканчивающейся всесожженіемъ, въ коемъ она должна погибнуть; эпои шайнспвенное выраженіе мисперій и оракуловъ; эпои слипное видѣніе, величеспвенное и грозное; эпои въ одно время *Книга Бытія* и *Апокалipsisъ* Съвера,

Далеко опсюда, Мм. Гг., до эписхъ грубыхъ сапирическихъ поэмъ, копорыя также на-

ходяпся въ мифологической часпи *Эдды*, и гдѣ божества скандинавскіе предспавляюпся въ смѣшномъ видѣ, гдѣ лукавый Локи безжалоспно смѣется надъ геройспвомъ боговъ и цѣломудріемъ богинь, гдѣ обладапель громовъ дѣлается лицомъ глупымъ и прожорливымъ ; между эпими двумя родами поэзіи такоже разспояніи , какое находпся между *Теогонію* Гезіода и глумленіями *Лукиана*.

Одна нравочипельная поэма, *Гава-Маль*, (*Hava-Mal*) содержишь изрѣченія древней мудроспи Скандинавскихъ народовъ: эпо драгоцѣнный залогъ изуспной философіи, копорую собираетъ раждающаяся опытноспь первыхъ временъ, копорую послѣдующіе вѣка передаютъ другъ другу, копорая позднѣе такъ долго сохраняется, и спранспвуетъ такъ долго въ живой и народной формѣ пословицы: подлѣ эпой поэмы находпся ученіе магіи, эпой науки объ рунахъ, копорую можно назвалъ кабапспкою Сѣвера.

Другая поэма *Эдды* (пѣснь *Рига*) содержишь подъ покровомъ символическаго мифа, испорію происхожденія скандинавскаго общеспва и показываепъ въ ней рожденіе чиноположеній, опъ различія колѣнь,

что въ другихъ мѣстахъ называлось ка-спами.

Я оставляю безъ вниманія многія любопытныя часпи *Эдды*, между прочимъ эпю дивную *Пѣснь Солнцу*, единственную хрисціанскую піесу въ ней заключающуюся; эпо описаніе невидимаго міра, копорое, какъ говоряшь, произнесъ Сеймундъ, пробужденный на одну нинушу опъ смерпнаго сна; описаніе, гдѣ самыя грозныя догмапы каполицизма соспавляютъ спранное смѣшеніе съ мѣами одинизма; гдѣ видѣнь Исландецъ XII вѣка, можешъ бышь, вдохновенный эпимъ плачевными изображеніями вѣчныхъ мученій, копорыя занимали погда южное воображеніе, Исландецъ, копорый изображенія эпхи опщвѣчиваетъ мрачными красками своего неба, кровавымъ опблескомъ своихъ преданій, и заимствуюя у двухъ религій ихъ ужасы, созидаешъ адъ, гдѣ съ воспоминаніями *Волупсы* сливается вдохновеніе Данпа.

Перехожу къ самой любопытной часпи *Эдды*, къ часпи героической.

Всѣ поэмы, ее соспавляющія, за исключеніемъ одной, опносятся къ обширному кругу событій, въ коихъ во всѣхъ со-держатся исторія одной фамиліи, фами-

ліи Фольсунговъ, и преимущественно участь одного воина по имени Сигурда.

Сигурдъ — герой Сѣвера. Великая слава, плачевный и быспрый конецъ — такова участь его, равнымъ образомъ участь Ахиллеса, и, замѣчательно, что въ Скандинавіи, также какъ и въ Греціи, одна меланхолическая мысль неразлучна съ мыслию о храбрости и славѣ, что у обоихъ народовъ главнѣйшій герой погибаетъ во всемъ блескѣ молодости и поржеспва. Идеаль жизнь человѣческой равнымъ образомъ казался для нихъ блестящимъ и крапковременнымъ поприщемъ, безъ опцвѣта, безъ спарости, ославляющимъ послѣ себя долги скорби, долгую славу; на Сѣверѣ къ этому прибавили еще долгое мщеніе.

Сигурдъ есть центръ великаго эпического цикла, о которомъ я говорилъ вамъ при началѣ эпого чпенія. Исторія эпого цикла есть безъ сомнѣнія одна изъ самыхъ любопытнѣйшихъ страницъ въ лѣпописяхъ первобытной Литпературы. Не всегда бываетъ возможно въ такой полнощѣ разобрать различные элементы и съ такою точностию изслѣдовать всѣ пупи, черезъ копорыя переходила эпическая легенда. Свѣтъ, проливаемый подобнымъ разысканіемъ, отражаетъ

ся на всѣхъ разысканіяхъ такого рода. Посему мы со всею подробностію займемся эпою монархіею, изъ коей можно извлечь матеріалы, которые могутъ дополнить исторію образованія эпоеи Греческой и эпоей Среднихъ Вѣковъ и Воспока.

Мы разсмотримъ во первыхъ героическую судьбу Сигурда, руководствуясь преложениемъ Скандинавскимъ, заключающимся въ *Эддѣ*. Мы увидимъ Героя, на драконѣ завоевающаго роковое сокровище, опъ котораго зависяпъ его несчастія и смерть; потомъ герой эпопъ отправляется на гору, чпобы пробудить Валкирію въ ея замкѣ, окруженномъ пламенемъ; наконецъ онъ, жертва ревности и спрасни женщины, погибаетъ опъ руки одного измѣнника; и ша, чья любовь пребовала его смерти, убиваетъ себя, чпобы слѣдовать за нимъ. Въ эпо время начинающа новыя приключенія, и — странная вещь — здѣсь являюпся имена испорическія; величайшія имена варварства вмѣшиваюпся въ эпю исландскую легенду: вдова Сигурда спановится супругою Короля Гунновъ, по имени Апли, въ которомъ нельзя не признапъ ужаснаго Аппилы. Съ эпого времени ужасы слѣдуютъ за ужасами. Чпобы опмспитъ за братель

своихъ , преданныхъ смерти рукою Ашли , непримиримая Гудруна умерщвляетъ его , предложивши ему напередъ пиръ Апреи. Наконецъ лице Германика , этого могучаго властелина народовъ Готескихъ , коего царство простиралось отъ Чернаго моря до Балтійскаго , лице Германика заключаетъ рядъ эпихъ лицъ , переданныхъ поэзи опчаспи Миеологіею , опчаспи Испоріею.

Но не въ одной только Скандинавіи , не въ однѣхъ героическихъ пѣсняхъ *Эдды* сохранились эпи прагическія приключенія. Поэма Нибелунговъ , писанная въ Германіи въ XIII столѣтіи , слагается изъ ряда событій , коихъ аналогія съ вышеизложенными событіями никоимъ образомъ не можетъ быть опвергнута; это другое преложеніе того же разсказа , другое изданіе того же цикла. Какой фактъ можетъ быть любопытнѣе двухъ эпихъ воздѣльваній одной эпической почвы , у двухъ народовъ , на двухъ различныхъ языкахъ , на разстояніи многихъ вѣковъ ! Любопытно будетъ , Мм. Гр. , сравнить это преложеніе Нѣмецкое съ преложеніемъ Скандинавскимъ , показавъ , что въ нихъ общаго и различнаго , объяснивъ это сходство и различіе.

Вы можете напередъ уже предвидѣть, Мм. Гг., сколько пользы можете принести эпо изученіе для другихъ первобытныхъ поэзій. Такимъ образомъ, касательно произведеній гомерическихъ, мы имѣемъ только окончательный результатъ, мы не имѣемъ различныхъ степеней переработыванія, болѣе или менѣе продолжительнаго, болѣе или менѣе сложнаго, изъ котораго вышли они. Крипика обязана оплечить прежде всего различные элементы, сплавленные вмѣстѣ для того, чтобы образовалъ эпидивныя эпическія созданія, коимъ въ продолженіи прехъ тысящелѣтій не переспаетъ удивляться образованнѣйшая часть человеческого рода. Крипика спарается опкрыть въ эпомъ чудесномъ произведеніи героическихъ вѣковъ Греціи слѣды многихъ поспешенныхъ преобразованій; но эпого не иначе можете доспигнуть она, какъ посредствомъ наведенія; здѣсь существующи памятники эпихъ преобразованій, въ *Эддѣ* имѣемъ мы опдѣльныя расодіи, а расодіи соединенныя въ одно шѣло поэмы — въ *Набелунгахъ*.

Дошедши до эпой почки, мы узнаемъ испорію цикла и двухъ главнѣйшихъ его видоизмѣненій. Мы увидимъ, какъ на древ-

немъ скандинавскомъ миѣѣ, воспочнаго про-
изхожденія, привилось воспоминаніе объ
Аппилѣ и Германикѣ, какъ попомъ въ Гер-
маніи въ средніе вѣка на эпомъ варварскомъ,
идолопоклонникомъ фондѣ, въ половину раз-
лилась краска рыцарская и христіанская.

Распроспранивши погда кругъ нашихъ
изслѣдованій, мы будемъ въ другомъ мѣспѣ
искапъ оспашковъ пого же цикла, опзвуконъ
пой же легенды. Мы найдемъ ихъ почпи во
всей Европѣ, опъ подошвы Геклы до Аппе-
нинъ, опъ береговъ Балпійскаго моря до Лоа-
ры, опъ средины Польши до сердца Англии.

Такимъ образомъ будепъ возспановле-
но быпіе поэзіи, произведенной герман-
скими народами, поэзіи, копорая вспрѣ-
чаепся почпи вездѣ, гдѣ полько появля-
лись сіи народы. Эпо поэпическій возрастъ,
совершенно предшеспвующій эпохѣ рыцар-
ской Литпперашуры.

Вошъ, Мм. Гг., героическіе вѣка но-
выхъ народовъ; она имѣла пакже свою Илі-
аду, эпа варварская Европа, Иліаду, коей
испорію переписываепъ шеперь Тьерри,
съ швердоспію ровняющеюся его несчастпію
и шаланпу, Иліаду, красками коей величай-
шій писапель нашего времени оппѣнилъ

нѣсколько безсмертныхъ опреницъ *Мучениковъ* и *Изслѣдованій* (Etudes).

Мнѣ оспаеяся сказаць слова два о *Сагахъ* и *Скальдахъ*.

Саги опнюдь не поэмы, какъ многіе, кажешя, думали. Эпо прозаическіе рассказы, принадлежащіе къ роду сочиненій, который не бесполезно будетъ здѣсь обозначить.

Сага не естъ особенная принадлежность Исландіи; эпо всеобщій фактъ въ ходѣ ума человеческого. *Сага*, какъ показываесть самое слово, естъ то, что говорящъ, рассказываютъ; эпо просподушная исторія соопвѣпспвующая просподушной поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ, каждому видоизмѣненію эпой поэзіи соопвѣпспвуетъ какой нибудь видъ *саги*. Во всякое данное время, что поютъ одни, то другіе рассказываютъ. Рядомъ съ поэзіею миеологической, вездѣ самою древнею, вы найдете религіозныя *саги*, священныя преданія, копорыя передаются въ храмахъ; когда наступаетъ вѣкъ героической поэзіи, всегда воспѣваемый, наступаетъ пакже и вѣкъ героическихъ преданій рассказываемыхъ, если можно пакъ выразиться: пакы по большой части скандинавскія саги;

Это исторія безъ крипики, эпопея безъ формы, романъ безъ произвольнаго вымысла; это изустное преданіе, въ которое вѣряшь и рассказывающіе, и слушающіе. Въ Геродотѣ много сагъ Греческихъ; первыя книги Тита Ливія суть саги Римскія, рассказанныя историкомъ-архивомъ. Но если сага существовала вездѣ, гдѣ существовала первобытная поэзія, за то Исландія превосходитъ всѣ другія страны своимъ богатствомъ въ эпическомъ родѣ преданій. Мы сдѣлаемъ опись этого богатства; сдѣлаемъ классификацію эпическихъ многочисленныхъ памятниковъ, которые, не смотря на ихъ общее наименованіе, такъ рѣзко оплечаются предметомъ и качествомъ рассказа. Мы разсмотримъ въ различныхъ категоріяхъ — саги эпическія, которые воспроизводятъ въ своемъ прозаическомъ рассказѣ и во многихъ отношеніяхъ дополняютъ циклъ *Эдды* и циклъ *Нибелунговъ*; — саги героическія, которые рассказываютъ исполненную убійства и кровосмѣшенія жизнь нѣкоторыхъ семействъ, коихъ прагматическая знаменитость походитъ на ту, которая въ Греціи нераздѣльна съ именами Апридовъ и Лабдакидовъ; — саги историческія, которые содержатъ по занимательныя біографіи отдѣльныхъ лицъ, по

любопытныя фамильныя лѣпописи, иногда разсказъ о достопамятныхъ событіяхъ, какъ напр. о колонизаціи или переворопахъ Исландіи, объ открытіи Гренландіи или Америки, за четьре столѣтія до Колумба, и которыя всегда представляють живую и вѣрную картину древней германской жизни, древнихъ нравовъ; наконецъ — саги романическія и чудесныя, гдѣ самовольство фантазіи и причуды народнаго суевѣрія наводняють мало по малу и наконецъ совершенно запопляютъ величественныя преданія мѣлологіи и просподушные разсказы исторій.

Въ заключеніе я покажѹ вамъ нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ образцовъ поэзіи *Скальдовъ*. Эта поэзія вѣка, слѣдовавшаго уже послѣ *Эдды*, не имѣетъ величія и простоты сей послѣдней. Вы удивитесь, Мм. Гг., когда узнаете, что уже съ X вѣка наступила эпоха упадка и испорченнаго вкуса для Липперашуры Исландской. Спранная вещь! Эпи разбойники Геклы проспирали далеко ненависть къ собственнымъ словамъ и любовь къ перифразамъ гораздо иначе, нежели Мольеровы *précieuses ridicules*. Это служить доказательствомъ, что испорченность липперашурная не всегда идетъ на

ровнѣ съ упонченностію цивилизаціи, и что варварство не предохраняетъ отъ изысканности.

Въ самомъ дѣлѣ, поэты сіи, которые такъ щцщательно округляли свои мысли и выраженія, поэты сіи были по большей части неукротимые, нерѣдко свирѣпые воины; и сквозь эпическую искусственную ткань не въ одномъ мѣстѣ проглядываютъ воинскій энтузіазмъ, радости при видѣ спаданія и смерти, кровожадность и какъ бы запахъ крови, къ которому не приближается ни одна поэзія! Такая противоположность запечатлѣваетъ поэзію сію особымъ характеромъ, котораго достаточно уже для того, чтобы возбудить наше любопытство, если бы она и не представляла часто высокихъ мѣстъ, какъ могутъ подтвердить эпосы, которые читали знаменитую пѣснь Реннера.

Намъ не доспаетъ времени, М. Г., идти далѣе. Намъ нельзя будетъ подвигнуться впередъ сквозь среднія вѣка, чтобы въ нихъ прислушиваться къ болѣе и болѣе слабѣющему, но все еще замѣтному эху древнихъ преданій Сѣвера; намъ нельзя будетъ включить въ слишкомъ широкое пространство этого курса на-

родныхъ пѣсенъ Скандинавіи новой. Мы останемся на поляхъ древней Скандинавіи.

Вы могли видѣть, что эпа Липшерапура, какъ бы започенная въ спрахахъ опдаленныхъ и неизвѣстныхъ, заключаетъ въ себѣ цѣлый міръ, который имѣетъ свою мифологію, свою поэзію, свою исторію, и что эпопъ опдѣльный міръ не безъ опношеній къ происшвенному міру Воспока, Древности и времяъ Новыхъ. Какъ ни быспръ, какъ ни неполонъ эпопъ очеркъ, онъ можетъ однакожь дать вамъ понятіе о помъ, что въспрѣпися намъ на эпомъ поприщъ, на которое вы удоспоиваете меня своимъ сопущивіемъ. Милоспивые Государи! Да поможетъ ваша благосклонность, на которую я не приношу другихъ правъ, кромъ постоянныхъ заняшій и усердія, да поможетъ она пройши мнѣ эпо поприще!

В. Межевичъ.

II.

Б Е А Т А .

1780.

I.

Было не болѣе двухъ часовъ, какъ больные въ городѣ Спа, водопійцы, лѣнивицы и игроки, полпились въ залъ госпиницы при ваннахъ, вдругъ дверь распахнулась на обѣ половинки. Сначала хлынулъ изъ нея гуспой паръ опъ чрезмѣрнаго жару, раздались грубые звуки голосовъ, показался блескъ пысячи восковыхъ свѣчь, попомъ вышелъ синій фракъ съ длинными фалдами и опложнымъ воропникомъ, шпаны изъ желпой кожи, запяшнанные виномъ и пуншемъ, запыленные со шпорами сапоги, руки въ понкихъ кружевныхъ манжесахъ; лице, сіяющее удовольствіемъ, чело сверкающее пѣпомъ, щетки, пабагровѣвшія опъ хмѣлю, двадцатиплпняя голова, покрывающая снѣгомъ пудры, однимъ словомъ, молодой человекъ, копорый, не оглядываясь ни на право ни на лѣво, полкалъ, и напыкался на все вспрѣ-

чавшееся ему и прыгалъ по ступенькамъ лѣспницы, подобно влюбленному кошу.

— Сударь! Сударь! вы уронили ваши перчатки и деньги! —

Безполезные крики, напрасные пруды; онъ уже далеко, очень далеко, онъ уже за дверью; онъ перепрыгнулъ черезъ лѣспницу, черезъ периспиль, перебѣжалъ дворъ и аллеи сада, перескочилъ черезъ рѣшетку ваннъ и уже опдыхаесть въ доброй почповой коляскѣ, совершенно заложеной и гопповой принявъ въ себя какого нибудь пупешеспвенника, подько конечно не эпого. Но чпю нужды? Баспа! погоняй! ѣдемъ!

— Кудаже прикажете ѣхавъ, сударь?

— Куда хочешь.

— Но, сударь!...

— Спупай, куда глаза глядяпть! вопъ пяпъ флориновъ — зашвори дверцы и пошелъ! —

Колеса лобызають землю, лошади бьютъ ее, бичъ свиспипть въ воздухъ, почпальонъ курипть шрубку, и коляска капишся въ прекрасную лѣшнюю ночь, подъ прекраснымъ звѣзднымъ небомъ, по дорогъ, совершенно прошивоположной шой, по копо-

рой бы ей должно было слѣдовать... Послѣ продолжительнаго получасу, человекъ на поненькихъ ножкахъ, сходящъ съ лошади, оставляетъ повозку медленно взбираясь на гору, выпрягаетъ изъ прубки золу, набиваетъ ее снова пабакомъ, и по проекрапной запряжкѣ, еще въ первый разъ открываетъ свой ротъ, и бормочетъ про себя со всею нѣмецкою живостию: „мнѣ кажется, что эшошь молодой человекъ сошелъ съ ума... Да, онъ сошелъ съ ума опять радости, пакъ сошелъ съ ума, что его надобно бы связать, онъ пьянъ, во спо разъ пьянѣ человека, проводшаго воскресный день у заспавы, пьянѣ Англійской каюпъ-юнгы, ѣдущей изъ Индіи, пьянѣ бабы, возвращающейся съ Гревской площади. — Онъ игралъ, онъ выигралъ... , 15,000 флориновъ скачуть съ нимъ, у него вездѣ золото, въ фалдахъ, въ корманахъ, въ головѣ, въ ушахъ... ,

— Красный прошелъ, нечепъ выигралъ, ворчалъ онъ, сидя въ коляскѣ, не смотря на ужасный скрипъ колесъ и качку экипажа, опять копорой онъ могъ прикусить языкъ.

— Красный прошелъ, нечепъ выигралъ... Мое!—Извольте играть, господа.—

Красный прошелъ, нечепъ выигралъ... Опячь мое! — Красный прошелъ, нечепъ выигралъ... И золопо горой громоздился передъ нимъ, и при блескъ свѣчь горипъ, какъ пылающій Везувій.... Эпа пуча головъ, вогромоздившихся и нависшихъ надъ сполами, эпо множесво рукъ, опъ зеленого сукна переходящихъ къ карману, эпа шолпа игроковъ, зришелей — все изчезло; онъ видипъ толькo одну вещь — зеленое поле; одного человѣка — банкира; онъ слышипъ толькo спукъ капающихъ шаровъ, онъ понимаепъ толькo то, чпо красный прошелъ, нечепъ выигралъ; у него руки толькo для того, чпо бы загребапъ ими золопо, копорое ему мечупъ, у него чувства толькo для того, чпо бы выигрывапъ... Онъ въ забыпши.

— Пуспые пѣ люди, копорые бѣгаюпъ игры, какъ бѣшеной сабаки! вскричалъ онъ... Пуспые пѣ люди, копорые, живя на свѣпѣ, толькo и знаюпъ, чпо ѣспъ, спашъ и волочипсья!... Эпо скопы!.. О, пысячекрапно благодарю васъ, милые друзья! вы сказали мнѣ: играй, и будешъ человѣковъ . . . благодарю, ибо первый мой флоринъ доспавиль мнѣ кучу золопа и наслажденій... а чпо всего важнѣе, я спалъ

жишь полною жизнью; благодаря вамъ, я
понялъ цѣль жизни; мнѣ извѣсны пеперь
ощущенія, скрывающіяся подъ чепырьмя
буквами слова: *игра!* О волшебное, очарова-
тельное *красный* или *черный!* *выигрышъ*
или проигрышъ! здѣсь нѣтъ середины! здѣсь
какъ будто бы висишь въ воздухѣ, безъ го-
лоса, безъ дыханія, гофовый или возне-
спись къ небесамъ, или низвергнувшись въ
бездну; пупъ кажется тебѣ, что своя
голова лежишь на плахѣ, ты видишь
надъ нею попоръ, и говоришь про себя:
упадетъ она или нѣтъ? и это не случай-
но и не однажды, а шестьдесятъ разъ
сряду въ продолженіе каждаго часа, и все
это изъ какого нибудь флорина, какъ будто
бы изъ милліона, изъ какого нибудь лярда,
какъ будто бы изъ королевства! О игра!...
божественное раздраженіе нервовъ, распа-
ляющее кровь; огненная горячка, копо-
рую сильныя умѣють скрывать, хотя и
чувствуютъ ее даже до окончанія сво-
ихъ волосъ; спрашь, копорая овладеваетъ
всѣмъ существомъ челоѣка, и попрысаетъ
его даже до испощенія силы и самой жиз-
ни; энергическій синапизмъ, опъ копо-
раго пробуждающа мерпвые, опъ копо-
раго шѣло челоѣческое, до послѣдней

слепени изсушенное болѣзнями и годами, пѣло, изрытое морщинами, жолтое, каждую минупу гоповое обращайся въ прахъ, снова возвращается къ жизни при видѣ колоды карпъ, прыгаетъ подъ гальваническомъ шшемпедемъ (pile) золотой кучи!... Нѣтъ, поцѣлуй дѣвы, спраспныя лобзанія женщины, сценическое упоеніе, попанье парпера, — все эпо, въ сравненіи съ игрою, полько слабое щекочаніе, едва замѣльное прикосновеіе мухи. Ничего, ничего нѣтъ выше эпого *красный прошелъ, нечетъ выигралъ*... О, для чего нѣтъ у меня довольно силы!... Я помнилъ себя; я бы сорвалъ банкъ, игралъ бы день и ночь, всегда, всю жизнь мою, спалъ бы играпъ на землю, если бы полько могла она умѣспишься на споль; я бы спалъ играпъ съ самимъ черпомъ и выигралъ бы... Но счастье разслабило мои нервы въ какіе нибудь при часа, и я вышелъ... Ахъ, бѣднякъ... я ни чпо иное, какъ баба, кошорой бы играпъ полько въ погременуцки съ своими дѣшыми! Ахъ! *красный прошелъ, нечетъ выигралъ!* пы повиновалось мнѣ цѣлые при часа какъ собака; кпо знаешь пеперь, найду ли я когда нибудь?... я задыхаюсь...

И вопль онъ высовываетъ свою пылающую голову въ окно коляски, и съ наслажденіемъ впиваетъ въ себя освѣжительное дыханіе вѣтра...

Его сердце облегчается, его артеріи бьются не такъ скоро, онъ опдыхаетъ; подобно дышящи, развершывающему сверпוךъ рисунковъ, онъ любитъся, смотря на то, какъ гоняцца за его коляскою мрачныя и фантаспическія формы придорожныхъ деревьевъ, какъ бѣгутъ дома, долины, горы; водяные пошки, серебряные луною, сверкаютъ и браздяцца въ глазахъ его, какъ молнія; сама луна, какъ исперпая золотая монета, обращаетъ на него свое блѣдно-жолтое лице; допомъ въ дѣвспвенной пучинѣ небесныхъ свѣшилъ онъ спараецца узнать свою звѣзду; наконецъ забиваетъ въ уголь повозки, пропягиваетъ ноги, шаритъ рукою въ жилетъ и закрываетъ глаза, ...

Гремушки, висяція на ушахъ лошадей, глухое и непрерывное движеніе колесъ, однообразный скрытъ ресоръ, попчасть усыпили его. Но мысль бодрспвуетъ и блуждаетъ въ спранномъ видѣніи: онъ медикъ . . . и вопль за нимъ приходящъ и зовущъ его пущипъ кровь какой-то женщины *in extremis*: это

въ одной кривой улицѣ, въ спаромъ домѣ съ вѣпхою лѣспницею, въ пяпомъ эшажѣ, у какой - то преспарѣлой дѣвицы; памъ, при слабомъ свѣпѣ опекшей свѣчи, онъ вынимаепъ свой ланцепъ, и выпускаепъ изъ больной жилы чашку крови. Попомъ спарая сосѣдка хочепъ принести ему чѣмъ обмыпъ руки, ибо въ комнапѣ нѣпъ ни капли воды, ни лоскушка полошна, чпобы ушерепъся; онъ вынимаепъ свой плапокъ, копорый служипъ ему полопенцемъ; попомъ берепся за шляпу, но спарая дѣвица приподнимаепся, подзываетъ его къ себѣ, и даепъ ему, въ знакъ благодарности за его спаранія, маленькій ящичекъ въ при дюйма величиною, обвязанный розовою полинялою ленточкою. Онъ открываетъ ящичекъ и въ маленькомъ чехолкѣ изъ желшой и испершой кисеи находипъ большаго чернаго паука, лежащаго на спинѣ и двигающаго своими длинными ногами маленькіе лоскупки бумаги, на копорыхъ написаны номера, а на задней споронѣ ящичка онъ чипаепъ слѣдующія косыя липеры: *вѣрное средство выигрывать въ лотерею*; попомъ преспарѣлая дѣвица снова ложипся, плюепъ и умираепъ. . . Въ эпу минупу коляска оспанавливаетъся и нашъ мечпапель пробуждаеп-

ся, покрытый холоднымъ пономъ, прелещущій, какъ чловѣкъ, къ горлу копораго приспавленъ писполепъ; имъ овладѣваепъ ужасная мысль, что онъ, въ пакихъ юныхъ лѣпахъ, будучи покрытъ съ ногъ до головы золопомъ, можепъ бытъ убитъ или обокраденъ на дорогѣ, въ эпой, совершенно незнакомой ему споронѣ. Онъ наклоняепся къ окну повозки и примѣчаепъ гору, деревья и вѣздъ въ деревню... Въ при скачка онъ выпрыгиваепъ изъ коляски и вопъ онъ подъ носомъ почпаліона, копорый высѣкаепъ огонь, и повидимому, очень удивился, увидѣвъ шакъ близко подлѣ себя пушешеспвенника.

— Гдѣ мы?

— Въ Соверніерѣ, сударь.

— Знаепшь ли шы здѣсь кого нибудь?

— Да, сударь, къ вашимъ услугамъ.

— Хочепшь ли получишь пяшь флориновъ?

— Хочу, сударь.

— Ну шакъ назови мнѣ какого нибудь чеспнаго чловѣка?

— Чеспнаго чловѣка? повторишь почпаліонъ, удивленный его вопросомъ.

— Да, самаго чеспнаго чловѣка...

— Ну такъ Францъ Разманъ Венгерець; я бы повѣрилъ ему свою пубку и лошадь.

— Возьми, воптъ десяпть флориновъ за имя пвоего чеспинаго челоувка, будь здѣсь и дождидайся меня. —

Онъ исчезъ. Удивленный почпаліонъ повзвѣлъ золопыми монешами, и поднялъ руку, чшобы сунушь ихъ въ карманъ жилеша... но его пубка упала на землю и расшибласъ въ мѣлкіе куски объ камни.

Бѣда! бѣда! вскричалъ онъ съ гореспію, качая головою, моя пубка разбиласъ.

— Я продалъ имя чешпинаго челоувка глупцу... *Jesus mein Gott*, сжался надо мною!.. Кто знаешъ, чшдъ изъ эпого выйдешъ? —

II.

Если вы войдете въ хорошенькую деревеньку на берегахъ Рейна, по пу спорону Швейцаріи, въ лѣпній вечеръ, когда небо покрываешся по мѣсшамъ красными пшанами, подобно разгорѣвшемуся лицу молодой

дѣвушки, по у каждаыхъ дверей услышите пѣсни.

Тамъ на всякомъ порогѣ собираются, какъ пшцы на вѣскѣ, группы всякихъ голосовъ, и очаровываютъ васъ мимоходомъ упоительной гармоніей. . . Правда, все это только одни вальсы, круговыя напѣвы, пѣсенки, много что въ при или чепыре нопы, проспѣйшія аріи въ мірѣ; но вы промѣняли бы на эту мелодію прекраснѣйшія парпиціи Беепховена и Моцарта и лучшую примадонну театра Saint-Charles и Scala: такъ много въ аккордахъ этихъ молодыхъ пѣвицъ численны и согласія въ голосахъ, которые восхищаютъ и прогаютъ васъ. . . Это значить, что вы въ Германіи, въ этой землѣ, гдѣ самыя грубыя уста одарены музыкальнымъ инстинктомъ, и гдѣ природа вѣрояшно хотѣла вознаградишь жишелей за суровость климата, одаривъ ихъ этой божественною способностію. Музыка, языкъ поэпическихъ душъ, которые не могутъ выражать своихъ мыслей словами; глаголъ живой, обильный, безмѣрный, безконечный, какъ душа, игривый какъ радуга, музыка есть роза Германіи, цвѣпокъ, разливающей сполько поэзіи въ пшжеломъ и хлад-

номъ воздухъ Сѣвера ; и съ ея-по благово-
ніемъ бѣдный Нѣмецъ, мрачный и задумчи-
вый , создаешъ себѣ солнечный лучъ посре-
ди своихъ шумановъ, и придаетъ нѣсколько
небесной лазури своему сѣрому небу.

Mein Schatz ist ein Reiter, У меня любезный — всадникъ,
Ein Reiter muß er seyn ; Всадникъ , всадникъ долженъ
быть онъ ;

Das Ross ist dem Kaiser , Пустьъ король возьмешъ коня,
Der Reiter ist mein , Всадникъ будешъ у меня,
Der Reiter. . . Всадникъ. . .

— Господи Иисусе !

Пѣвица , прерванная въ своемъ при-
пѣвъ , вскрикнула , и опскачила назадъ . . .
Но ея рука находилась въ рукъ молодого
человѣка , копорый сжалъ ее.

— Прекрасная моя ппичка , не здѣсь
ли живешъ Францъ Разманнъ ?

— Точно пакъ сударь , здѣсь , войдите.
Молодая дѣвушка , оправившись опъ
спраха , прыгнула какъ козочка , и пол-
кнувшись въ дверь , снова принялась пѣшь
ппичьимъ голосомъ :

Mein Schatz ist ein Reiter ,
Ein Reiter muß er seyn ;

Das Ross ist dem Kaiser,
 Der Reiter ist mein.
 Der Reiter ist mein.

III.

Низкая, закопченная комнапа, старыя рамы, старыя поршрешы, огромныя занавѣски изъ красной парчи, окно, не много опкрытое, и совершенно окруженное вьющимися расплѣніями, виноградными лозами и душиспымъ горохомъ, споль, накрыпый грубымъ сукномъ, спулья, печка въ одномъ углу, деревянные часы въ другомъ; на споль зажженная лампа, раскрытая Библия, очки, лежащія посреди книги, кучи разсыпаннаго золопа; подлѣ спола молодая дѣвушка счишаепъ, возлѣ нея молодой человекъ смоприпъ... Часы бьюпъ девяпъ.

„Бапюшка возложилъ на меня все дѣло, пакъ я спану счишапъ флорины. Одинъ, два, при, чепыре, пяпъ, шеспъ, семь, восемь, девяпъ, десяпъ, одиннадцапъ... Нѣпъ, не пакъ; дай-ко перечпу. Одинъ, два, при, чепыре, пяпъ, шеспъ... Ей, ей, я не могу продолжапъ!

— Почему же, сударыня?

„Попому чпо вы сбиваете меня съ полку своими глазами.

— Какъ ?

„Вы слишкомъ приспально на меня смотрите.

— Эту бѣду легко можно поправить ; вы не будете меня видѣть.

„Вы хотите уйти ?

— Нѣтъ, я сяду позади васъ; не угодно ли вамъ : моя колѣнка будетъ служить вамъ вмѣсто стула, а рука вмѣсто спинки.

„Очень рада, но только съ условіемъ.

— Все, что вамъ угодно.

„Чуть не допрогиваешься до меня, а то я очень щекоплива и смѣшлива.

— Будь по вашему.

„Одинъ, два, три, чепыре, пяць, щестъ... Какъ блестятъ ваши прекрасные флорины !

— Это правда; но они замараютъ ваши прекрасные пальчики.

„Я пойду надѣну перчатки.

— Не беспокойтесь, вотъ вамъ мои.

„Онѣ мнѣ не въ пору.

— Неужели ?

„Ахъ, какая маленькая рука ! Неужели это точно ваша ?

— Посмотрите и смѣряйте сами.

„О, нѣтъ : мнѣ спѣшно.

— Плутовка, у меня рука такая слабая, что дитя можете раздавить ее.

„Въ самомъ дѣлѣ, сударь ?

— Попробуйте, вложите свои пальцы между моими.

„О! еслибы я могла заспавить кричать мушину!

— Вы считаете это за большое счастье, но правда ли? вы злы!

„Немного.

— Какое же зло сдѣлали вамъ эти бѣдные мушину, что вы такъ ненавидите ихъ?

„Никакого; это по инстинкту или по предчувствію.

— Любили ли вы когда нибудь ?

„И очень. Развѣ это удивляетъ васъ ?

— Вы еще совершенное дитя!

„Женщинамъ никогда любить не рано.

— Вы очаровательны.

„Нѣтъ, я глупа.

— Глупа, чтобы изъ другихъ дѣлать дураковъ, а въ помѣ числѣ и изъ меня.

„Вольно вамъ говорить.

— Нѣтъ, я шакъ думаю.

„Возможно ли эпо? Вы не знаете даже моего имени!

— Какая нужда до имени, когда я васъ вижу.

„Имя много значить въ любви.

— Имя! ровно ничего.

„Именно попому-то оно и важно, что ничего не значить.

— Я не понимаю.

„Безъ сомнѣнiя, вѣдь вы не женщина.

— Ахъ, насмѣшница, да вы подшучиваете надъ мною.

„Можетъ спаться, только мы не считаемъ флориновъ. Знаете ли сударь, что если наши дѣла пойдуть какимъ образомъ... шакъ я не кончу до завтра...

— Дай, Богъ! моя красавица.

„Совсѣмъ нѣтъ, сударь, я хочу идти спать; ну дайте же мнѣ дочесать.

— Все, что вамъ угодно; но прежде мнѣ нужно другой счетъ сдѣлать съ вами.

„Я не понимаю.

— Я еще и не подумалъ объ эпомъ: вѣдь вы Нѣмка?

„Сударь извините, Венгерка.

— Все равно ; это пусшая игра словъ, я хошѣлъ вамъ сказаць . . .

„Я васъ слушаю.

— Я хошѣлъ сказаць , что я васъ люблю.

„Въ самомъ дѣлѣ ? но вы меня видѣли только ночью.

— Какая же до этого нужда ?

„Какъ , какая ? но если у меня черная кожа ?

— Не можешъ бышь , вы блондинка.

„Но если я какая нибудь калека ?

— Моя рука увѣряешъ меня въ пропивномъ.

„Но если у меня сѣрыя глаза ?

— Если бы это была правда, шакъ вы не сказали бы мнѣ этого, шакже какъ и того, что вы меня любите.

„Это-то васъ и обманываешъ.

— Ну хорошо ; если вы шакъ опкровенны, то скажите мнѣ, любите ли вы меня ?

„Нѣтъ !

— А почему ?

„Попому что . . . много важныхъ причинъ.

— Однакоже ?

„Попому чпо, во первыхъ, вы Графъ, а я ничпо иное какъ бѣдная поселянка.

— Если полько эпо, по я опдалъ бы цѣлый мѣръ флориновъ и пышныхъ пипль за одинъ аромапъ вашихъ волосъ ! Чпо жъ долъше ?

„Попому чпо у меня еспъ чпо-по ша-кое, чпо препяпспивуепъ мнѣ любипъ васъ.

— Сердце ?

„О, совсѣмъ нѣпъ ; но одна небольшая бумажка.

— Какой нибудъ шалисманъ, можепъ быпъ ?

„Нѣпъ, сударь, маленькая бумажка, въ кошорой я намарала мой идеаль, идеаль шого, о кошоромъ я мечшала.

— Какая глупоспъ.

„Смѣйшесь, сколько вамъ угодно ; вамъ вольно смѣяпъся, но полько мой идеаль—не вы.

— Не я ; даже ничего похожаго на меня ?

„Ни волоска: онъ брюнеспъ, а вы совершенно бѣлы и напудрены ; его имя Гейнрихъ, а ваше Опшо. — Гадкое имя !

— О, плуповка ! Но если бы случилось, чпо я назывался Гейнрихомъ, если бы у меня

были черные волосы и темные глаза, по полюбилили бы вы меня?

„Тогда, тогда бы я еще больше осперегалась этого.

— Да опять чего же?

„Все опять чего, да опять чего! Ну, да опять того, что вы спали бы тогда играя со мною, как кошка с мышью.

— Ей, ей, я бы съел вас! (Обнимает ее.)

„О, бабюшка, бабюшка!

— Милое дитя. . . . .—

Глубокое молчаніе . . . Лампа погасла, луна брасаетъ на стекло окошка при блѣдные луча; попомъ часы бьютъ полночь. Молодая дѣвушка давно уже спитъ или только дремлетъ. Что же касается до молодого глупца, онъ скачетъ въ почтовой коляскѣ по дорогѣ въ Спа, и въ два часа упря входитъ въ гостиницу безъ денегъ и даже безъ расписки, которую приготовилъ ему старый Венгерець, но довольный, но неперпѣливый возвратился на завтра въ Совеньеръ. На другой день онъ пустился по дорогѣ въ Парижъ; онъ получилъ изъ Франціи письмо: опецъ его былъ при смерти.

IV.

Въ 1780 году Парижъ былъ по же, что и теперь — Содомъ Европы, горнило сильныхъ и новыхъ умовъ, въ непрерывномъ кипѣнїи, пандемоніумъ философовъ, экономисповъ, болшуновъ и бумагомарашелей, бездна, въ копорую вербовалась черная шайка разрушителей проновъ и олпарей: короче, Парижъ былъ Типанъ, лежавшій въ грязи, раздавленный подъ каменною горою, но гошовый попрыска миръ малѣйшимъ своимъ движеніемъ... И однакоже шамъ панцовали съ такимъ же усердіемъ какъ и нынѣ, полько панцовали въ шпанахъ и фикмахъ, съ мушками и съ пудрою, что впрочемъ ничушь не мѣшало mademoiselle Арнульдъ бытъ самымъ умнымъ, самымъ любезнымъ, самымъ дерзкимъ лицомъ своего вѣка; господину Мирабо краснорѣчивѣйшимъ негодяемъ изъ шѣхъ, которые наносятъ вредъ женщинѣ и манархіи, а прекрасной, цвѣшущей Ламбалль самымъ бѣлымъ цвѣшкомъ какой полько распускался когда либо въ цвѣшникѣ, цвѣшкомъ, копорого когда либо сѣмена санкюлопа изъ бѣлаго дѣлали въ послѣдствїи краснымъ....

И такъ были панцы въ Парижѣ, въ предмѣстїи Сень-Жерменя, въ улицѣ Вареннь, у одной знашной вдовы, копорая выдавала за мужь дочь свою: эпо былъ свадебный балъ, — великолѣпный пиръ, буфеты, наваленные въ при эшажа, огромныя комнаты, живописныя изображенія à la Boucher, куча маркизовъ, толпа Графовъ, лѣсъ шпагъ, дождь синихъ кордоновъ, градъ красныхъ коблуковъ, шаконны (1) минуэшы, бириби (2) фараонъ, бездна серебра, бездна ума, бездна неблагоприспойности. Малюпка, чудо красопы, однимъ словомъ новобрачная, была бѣдная молодая дѣвушка, очень неловкая, очень невинная, еще не забывшая своего апостольника, дѣвочка копорую выпацили изъ монастыря, чпо бы нарумянить, какъ спаруху и поспавить, какъ жемчужину на длинный корпусъ, и впряпавъ въ фижмы въ восемь или десять локшей ширины. Со всѣмъ шѣмъ она была прекрасна, немного блѣдновата, не смопря на свои румяны и свои восемнадцать лѣшь, и происходила изъ хорошей фамиліи. Она носила *d'or à la vivre*

---

(1) Спаринный панецъ.

(2) Родъ Италїанской каршежной игры.

d'azur, mise en bande par aucuns d'or à la bande vivrée d'azur... все, что только есть самого бесполезного и самого бесполезного в блазониической маперии (en matière blazonique), все это при Графской коронѣ и двухъ спяхъ пысячахъ ливровъ приданаго: это была, мнѣ кажется, Лабонь-Мореверь. Что же касается до жениха, про него говорили, что у него было больше предковъ, нежели ефимковъ, и что онъ для того только женился, что бы поправить балансъ, ибо въ женщинахъ онъ любилъ одну только кожу, которая непременно должна бытъ нѣжна и бѣла. Что касается до сердца, онъ объ немъ забопился не болѣе, какъ о корѣ померанца или объ орѣховой скорлупѣ. Онъ обыкновенно говаривалъ, что польза, получаемая отъ женщинъ, не равняется вреду, который онъ намъ причиняютъ, и что, сверхъ того, съ ними всегда что нибудь да перьяшь: или свое время, если онъ любящъ насъ изъ щесловія, или деньги, когда онъ выходитъ за насъ по расчепу, или здоровье, когда онъ приковываютъ насъ къ себѣ любовію. Это не значить, чтобы онъ зналъ пысячи женщинъ, но одна или двѣ, которыхъ онъ хорошо изучилъ и раз-

смопрѣлъ , дали ему объ эпомъ предметъ лучшее понятіе, нежели какое могло бы доспавить обладаніе цѣлымъ гаремомъ.

Впрочемъ эпо былъ очень любезный, ловкой малой, и большой оригиналь; человекъ, который гоповъ былъ опдашь двадцать Парижанокъ за одну Англійскую лошадь, и всю липературу осьмнадцатаго сполѣпія за при неизвѣспныхъ спишка какого нибудь приапеля Гг. Панжей. Въ эпошъ вечеръ онъ панцоваль мало, а играль много, и между шѣмъ какъ его жена переходила изъ рукъ въ руки, бѣгала сломя голову, полкалась, верпѣлась и прыгала до шого, чпо задохнулась и расперяла свои подвязки, онъ сысаль полными горшями золопо на игорный споликъ.

Наконецъ, къ полночи, новобрачная удалилась въ свою комнапу съ маперью и женщинами. Когда она ушла, мѣспо ея долго оспавалось еще за дюжиною взбѣсившихся маркизь, которыя панцовали до упаду; но успалось наконецъ прогнала панцоровъ и панцорокъ. Все исчезло, и оркеспрь и свѣчи. Даже игроки, обыкновенно соспавляющіе собою самое упорное и упрямое племя, мало по малу удаляясь изъ рядовъ, уходили одинъ

за однимъ и наконецъ всѣ оставили залу , всѣ . . . кромѣ двухъ , и эши два . . . играли не въ карпы , но въ коспи , и находились въ самомъ пылу игры , и попому хошѣли скоро выйдпи.

„Чорпѣ возми , пропадай Графиня , и все приданое. Тысячу луидоровъ , Маркизь ?

— Очень хорошо , бросай коспи ; — при , пяпѣ ; проиграно.

„Двѣ пысячи луидоровъ ?

— Два , шеспѣ ; проиграно ,

„Десяпѣ пысячѣ , маркизь ?

— Одинѣ , пяпѣ ; проиграно. Вошѣ двѣспѣ пысячѣ ливровѣ.

„Двѣспѣ пысячѣ ливровѣ !“

— У шебя нѣпѣ ничего больше !

„Нѣпѣ !“

— Такѣ прощай !

„Послушай , Маркизь , вопѣ вещь , кошорая споипѣ пяпнадцатѣ пысячѣ фло-ринонѣ. (Онѣ вынимаепѣ изѣ за галспука локонѣ бѣлокурыхѣ волосѣ , связанныхѣ си-нею леншочкою , и бросаепѣ ее на споль.)

— Не съ ума ли пы сошелъ? локонъ волосъ!

„Я говорю тебѣ, что это спойтъ пятнадцати пысячь флориновъ; даю тебѣ въ помъ честное слово; это лучше нежели иная хорошая аренда.

— Ну, очень хорошо. — Чепыре, шесць; проиграно.

„Опяпъ . . . чорпъ побери!

— Больше ничего нѣтъ? —

Ничего. . .

— Такъ и бытъ; пы играешь несчапливо, но я не хочу пвоей новой монепы, я дарю тебѣ ее. — До свиданія, Оппо.

— Спокойной ночи.

Графъ оспался въ своихъ креслахъ, какъ пораженный громомъ, съ глазами успремленными на локонъ волосъ, копорый сей часъ упаль къ нему, и съ руками пригвожденными ко лбу.

Маркизь поправиль свой измяпый галспукъ, выпустиль манжепы, и поглаживая рукою волосы, сдѣлалъ пируэпъ на каблукъ; попомъ скрылся, напѣвая сквозь

зубы одну рождественскую пѣсню послѣд-
няго царствованія :

У.

Лишь только каблуки Маркиза оставили дверь залы, какъ спарая фигура, покрытая полстымъ слоемъ румянъ и закупанная огромнымъ капюганомъ, повисла на плечахъ погибающаго, и нашептывая ему на ухо разныя глупости, напомнила ему, что уже очень поздно, и что онъ супругъ... Это напоминаніе живо вывело его изъ перпѣнія; онъ вспаль и позволилъ себя вести туда, куда другіе бросающся съ воспоргомъ и лихорадочною дрожью опъ радости. Онъ вошелъ къ своей женѣ, блѣдный и холодный какъ мраморъ, какъ спашуя командора у Дона Джіованни. — Онъ очутился въ богатѣйшемъ будуарѣ, усманномъ прекраснымъ персидскимъ ковромъ, убраннымъ цвѣтами, кипайскимъ фарфоромъ, погруженномъ въ молчаніе, освѣщенномъ слабымъ и нѣжнымъ свѣтомъ; и по всѣмъ угламъ будуара разливался пріятный женскій ароматъ; апласное платье съ синими цвѣтами, газъ и кружева висѣли въ безпорядкѣ на спинкѣ софы; полуопкрытая по-

спель была еще дѣвственна . . . новобрачная спала около нея въ креслахъ.

Это была одна изъ пѣхъ очаровательныхъ фигуръ, копорья часпо выходили изъ подѣ пріятной и роскошной киспи Ваппо , одно изъ пѣхъ пысячи одного женскихъ одушевленій, копорья принадлежали полько ему одному, и копорыхъ онъ умѣлъ съ пакою прелеспію изображапъ спящими въ пріятной бѣсѣдкѣ , или прогуливающимися съ пакою легкостію по террасѣ прекраснаго сада ; милое , очаровательное личико , роза съ молокомъ, съ улыбною тонкою и порхающею , какъ пчела, съ бѣлокурыми подвязанными волосами, съ черною лентою на шеѣ, съ плѣнительными формами, и , какъ паръ , плавающее въ большой волнующейся купальнѣ; дия , спавшее опъ всего добраго сердца и со всею пишиною заповорницы. Сколько ни говорили ей мапъ и толпа опытныхъ и услужливыхъ пріятельницъ: „пы находишься на границахъ новаго быпія, пы узнаешь испочникъ доселѣ невѣдомыхъ тебѣ ощущеній: смопри же хорошенко.“ Не смопря на любовьспство свойспвенное молодой дѣвушкѣ, и свое неперпѣніе жены , не смопря на шо ,

что сердце ея билось отъ желанія , усталость послѣ бала и панцевъ перемогла въ ней всѣ другія ощущенія. Она склонила свою головку и предалась сну. Ея щека, подпертая рукою , придавала ей видъ нѣсколько суровый, что чудеснымъ образомъ было ей въ лицу; другая опустившаяся рука мяла еще по временамъ лепестки розы, упавшей съ головы ея; а одна изъ ея прелестныхъ ножекъ, высвободившись изъ спальнаго башмака, пихо удара по креслу , какъ будто бы повпоря въ сонъ мѣру и кадансъ гавоша или сарабанды.

Оно не могъ ничего дѣлать , какъ только смотрѣть на нее : такъ была она прелестна и мила. Долго , очень долго разсмапривалъ онъ ее , сначала какъ прекрасную вещь , которая привлекаетъ и пленяетъ взоры , потомъ какъ кропкій свѣтъ , который освѣпилъ на минушу мракъ его мыслей , какъ ангела , который пролетѣлъ по аду его души ; послѣ того , насмотрѣвшись на нее и надумавшись о такой юности , о такомъ блаженствѣ , о такой красотѣ , онъ почувствовалъ въ своемъ сердцѣ что-то такое , чего никогда еще не испытывалъ , какой-то ледя-

ной холодъ , заспавившій спучасть его зубы ; родъ угрызенія совѣспи , чпо показалось ему очень шуповскимъ и заспавило смѣяшься . Но лице его очень скоро приняло опяшь свой сурьезный видъ ; погда , подобно дикому звѣрю въ своемъ логовищѣ , онъ , съ поникшею головою и свирѣпымъ взоромъ , началъ измѣрять комнапу большими шагами взадъ и впередъ ; и всякій разъ , когда мимоходомъ задѣвалъ ногою за кресло , на которомъ спала жена его , какое-то внезапное ощущение , какой - то магическій ознобъ пробѣгалъ по его пѣлу .

Послѣ проигрыша оспаепся полько или упопиться или лечь спать ; выборъ пого или другаго зависить опъ пемпераментпа и важности проигранной суммы ; иногда , если не прибѣгають къ первому средспву , по второе бываетъ чрезвычайно хорошо для успокоенія чувспвъ и освѣженія головы .

О ! какъ сладко , какъ приятно , съ полнымъ сердцемъ и пуспымъ карманомъ , навосприпть лыжи , и при вѣспрѣ , въ морозъ , въ ночь и бурю , вбѣжашь на свой пяпый эпажъ , закупашься въ одѣяло , и шамъ въ безмолвіи и мракѣ , наединѣ съ своимъ позоромъ , попашь ногами , скрежешашь зубами , кляспься , называшь себя подлецомъ и негодяемъ , жа-

ловаться на самого себя, проклиная самого себя, пережевывая свою желчь и злобу до пѣхъ поръ, пока сонъ и успалость не овладѣють вами и не перенесуть васъ въ другой мѣръ! Но изъ за буйльота или рулетки очутились среди своего семейства, прикинувшись головою на грудь жены, слышать, какъ бьется опть безпокойства подлѣ шебя другое сердце, видѣть усуремленные на шебя глаза, слышать уста, копорья шебя вопрошають, подавлять въ себѣ яросць и немочь, извергнуць ее изъ себя всѣми порами своего пѣла... о! эпто значипть переходипть изъ одного ада въ другой, изъ одной пышки въ другую, съ раскаленного желѣза бросацься въ расшопленное олово... Эпто значипть испытываць казнѣ Опшо. Бѣднякъ выбился изъ силы: „Ни одного су! восклицалъ онѣ пихимѣ голосомѣ; ни одного су! раззоренѣ, огложенѣ до коспей, всего лишенѣ... и бѣдноспѣ, бѣдноспѣ для двоихѣ, проихѣ, чепырежѣ... попому чпто бѣдноспѣ дѣявольски плодородна... бѣдноспѣ... невозможно!...“

На печкѣ споялъ графинѣ съ водою; Опшо снялъ его, и съ силою впягивая въ себя воду, опорожнилъ его, не переводя духу — шакѣ хопѣлось ему пипѣ... По-

помъ снова началъ онъ ходишь большими шагами, и кружишься по комнаѣ, безпре-
спанно повпоряя глухимъ голосомъ, подоб-
но Гамлету: „Бѣдноспъ... бррръ!...“
О! нѣтъ ничего хуже, какъ кружишься;
волкъ кружишься, колдунья кружишься, орель
кружишься; круженіе призываетъ зло; адъ
ходишь кругомъ. Чѣмъ болѣе Графъ удвои-
валъ шага и описывалъ круги, тѣмъ болѣе раз-
горячалась и кружилась его голова; онъ хо-
дилъ, какъ молодая дѣвушка, дозволившая
увлечь себя въ вихоръ вальса, какъ дѣпя,
копоре идешь въ шуманъ или копоре
спраждешъ головою болью..... Его гла-
за и губы были бѣлы, а щеки пламенѣли;
онъ изрыгалъ изъ успъ пысячу глухихъ и
невнятныхъ словъ, и дрожалъ всѣмъ
тѣломъ. То мялъ обоими руками локонъ
волосъ, вынупый имъ изъ - за пазухи, по
обверпывалъ его вокругъ шеи, по игралъ
имъ въ бѣщенспвѣ, какъ будпо бы гор-
спью золопа; по схвапывалъ шпагу, и
вынималъ ее до половины изъ ноженъ; ка-
залось, онъ хотѣлъ исполнишь какое - то
горестное намѣреніе; открывалъ окошко и
сморѣлъ внизъ; казалось онъ былъ въ
нерѣшимоспи и колебался въ выборѣ;
разсчипывая, какая смершь короче, и

скорѣе; попомъ снова принимался ходишь, но смерть все была въ его взорахъ, въ его костяхъ, въ его мысляхъ. Наконецъ, задыхаясь и выбившись изъ силъ, онъ оспановился посмопрѣшь на пихія и ясныя черпты своей юной супруги. Бѣдная дѣвушка могла бы умереть въ эту минушу, если бы сонъ оспавиль ее и она увидѣла это обезображенное и выпянувшееся опъ опчальнiя лицо; но она не проснулась, и мужъ, схвативши ее на руки, подбѣжалъ на край окна, и свѣсилъ ее надъ бездною въ придцашъ фузовъ. Окошко выдавалось на улицу. Все было пусто; виднѣлись одни камни мостовой. Онъ занесъ ногу на балконъ, посмопрѣлъ на спящую, и вскричалъ: „Ну, однимъ камнемъ два удара!“ Но въ эту минушу часы Мисси пробили чепыре. Тогда было еще лѣто, и солнце проводило по небу бѣлыя и желтыя полосы. Свѣжій воздухъ и впечатлѣнiе въпра пробудили малюшку; она опкрыла свой большiе голубые глаза, будпо цѣпью обвила руками шею мужа, и пакъ близко, пакъ близко приложила свою щеку къ губамъ Опшо, чпо... негодяй предпочель жизнь, и бракъ былъ совершенъ.....

(*Окончанiе слѣдуетъ*)

III.

ОТЪ ЧЕГО ВЪ РИМЪ НЕ БЫЛО ТРАГЕДІИ.

(соч. Низара).

Римская трагедія существовала только по имени. Квинтилианъ говоритъ намъ о нѣкопрыхъ образцовыхъ произведеніяхъ, копорыя еще читались въ его время, и копорыя равнялись съ трагедіей Греческой. Это мнѣніе Квинтилиана было, можетъ спашься, ничто иное, какъ дань народной гордоспи: все равно, если бы кпо нибудь вздумалъ, напрімѣръ, всѣми силами изъ *Ганриадъ* выпянушь эпопею, чшобы не говорили, будто Франція не имѣла своей эпопеи. Признаюсь, я мало вѣрю въ образцовыя произведенія, уже исчезнувшія, и еще менѣе въ прекрасныя кабинетныя трагедіи. По моему убѣжденію, и по убѣжденію всѣхъ кришиковъ, въ Римъ, говоря собственно, не было трагедіи. По чему же это?

Если на трагедію не будемъ смопрѣшь какъ на совокупный плодь извѣснаго темперамента и извѣсныхъ внушреннихъ расположеній, чшдъ уже не позволено въ наше время ни кришкѣ, ни даже догадкѣ, копорой все позволено, шю не иначе можно объяснить опсущствіе какого нибудь искусства въ просвѣщенной спранѣ, какъ опсущствіемъ нѣкопорыхъ мѣстныхъ условій религиозныхъ ли, политическихъ или нравственныхъ, копорыя, въ другой спранѣ, въ равной степени образованной, если не произвели этого искусства, шю, по крайней мѣрѣ, сполько споспѣшество-

вали ему и такъ тѣсно съ нимъ соединены, что нельзя предположить существованія искусства безъ этихъ условій, ни существованія этихъ условій безъ искусства. И, поелику мы видимъ, съ одной стороны, трагическое искусство процвѣтающимъ въ образованныхъ Аѳинахъ, какъ плодъ почвы столько же ей свойственный, какъ плоть Акарнани и виманъ Гимешта, и, напротивъ, это искусство прозябающимъ въ образованномъ Римѣ, принимающимъ шамъ съ робостью, пребывающимъ покровительству и подпоры сильныхъ людей, спарающимся войши въ Римъ черезъ папронство политическихъ и военныхъ именъ, попомъ, послѣ безполезныхъ попытокъ и смѣшныхъ сдѣлокъ съ публикою, которая не хотѣла его, оставающимъ воѣ свои приязнанія на сценическую публичность, чтобы ограничиться извѣстностью въ чтеніи, послѣ всего этого ничего нельзя сказать полезнаго и дѣльнаго объ этомъ вопросѣ, какъ только ограничиться утвержденіемъ — въ Аѳинахъ существованія мѣстныхъ условій, благоприятныхъ трагическому искусству, а въ Римѣ отсутствія этихъ самыхъ условій. Такое сравненіе, тѣмъ болѣе важное, что оно должно относиться только къ положительнымъ фактамъ, такое сравненіе не лишено ни занимательности, ни Философіи, что я постараюсь доказать на дѣлѣ.

Какія были мѣстныя условія, коимъ Аѳины обязаны своимъ трагическимъ шеатромъ, своимъ Эсхиломъ, Софокломъ, Эврипидомъ ?

Главныхъ условій было три рода :

Были условія литературныя ;

Были условія политическія и религіозныя ;

Были условія общественыя.

I. УСЛОВІЯ ЛИТТЕРАТУРНЫЯ.

Греческой трагедіи предшествовала Греческая эпопея. Трагедія нашла для себя въ эпопеѣ предметы и первыя правила. Троя пала, исполнились слова оракула, люди Гомеровы возвратились домой въ *Эстію*, послѣ разрушенія великой пеласгической конфедерации. Они снова перенесли кости свои въ опщизну. По смерти ихъ, сыновья понесли мзду за славу своихъ опцевъ; боги, которые поклялись, что ненависть ихъ не переживешъ паденія Трои, обременяли ихъ всѣми бѣдсшвіями. Произошли ужаснѣйшія капасшпрофы въ царскихъ домахъ; древніе оракулы, которые предвѣщали побѣжденной Азіи кровавыя возмездія, исполнились на дѣлѣ; за эпопеей настала драма. Драма воспріяла людей такими, какими оспавиль ихъ Гомеръ, ш. е. лишенными своего эпического величія, и приведенными въ соразмѣрность оцены, но все еще Царями или сыновьями Царей, все еще потомками знаменишаго племени, ибо, если опцы — дѣши боговъ, то сыновья — внуки ихъ. Трагедія — это продолженіе эпопеи. Гомеръ обнялъ въ твореніи своемъ всю героическую Грецію; прагики раздѣляютъ ее между собою: Гомеръ воспѣлъ великую федеральную націю, прагики воспѣвають мѣстныхъ Царей; это уже не цѣлый міръ, это семейство: но это еще ничего. Все происпекаетъ опъ Гомера; великая брань Иліады, просширающаяся даже въ потомство Царей, все служишь единственною основою трагедій; прагикамъ не нужно было вымышлять ни людей, ни нравовъ; они собирали ихъ въ Гомеръ. Эсхиль

одинъ изъ прехъ Греческихъ прагиковъ, можешь бышь, менѣ всѣхъ ему обязанный, говоришь о піесахъ своихъ, что онъ сущъ ничто иное, какъ рельефы пировъ Гомеровыхъ.

Вопъ что можно сказаць о предметахъ. Чшоже касается до правилъ, главнѣйшія изъ нихъ находящяся въ Гомерѣ. Подъ именемъ правилъ разумѣю я не законы приведенные въ форму и собранные въ одинъ кодексъ риторями, копорые были послѣ поэшовъ, но искусство въ самой философической, въ самой глубокой часпи своей; напримѣръ, шайна развивашъ спраспъ и приводишь въ дѣйствіе характеры; я разумѣю еще порядокъ и мѣру, и эшопъ вкусъ, копорый состоишь въ выборѣ самыхъ правдоподобныхъ черщъ въ изображеніи характеровъ, и копорыя приличны наибольшему числу умовъ. Но всѣ сіи шайны находящяся уже въ Гомерѣ. Пріамъ и Гекуба имѣли языкъ скорби прежде Эдипа и Иокаста. Андромаха старше Аншигоны. Всѣ страши, подробно развитыя въ трагедіи, были сокращенно указаны въ Эпопеѣ. Гомеръ прошелъ всѣ пути, ведущіе къ сердцу, и, если въ швореніи его смотришь только на успройство и поспавку на сценѣ, шо можно было бы выкроишь превосходныя драмы изъ его эпопей.

Въ эпихъ двухъ отношеніяхъ, какъ неизчерпаемый источникъ драматическихъ сюжетовъ, какъ первоначальное преданіе искусства, эпопея Гомерова избавляла прагическихъ писателей, съ одной шсороны, ошъ самыхъ шягостныхъ затрудненій изобрѣшенія, съ другой — ошъ всѣхъ излишесствъ, ошъ всѣхъ попышокъ искусства,

которое не имѣешь прошедшаго, которое выходитъ изъ земли, такъ сказать, и въ хаотической силѣ своей не руководствуется никакимъ преданіемъ, никакимъ образцомъ. Въ Греціи было общепризнаннымъ фактомъ, фактомъ народнымъ которымъ такъ мало оскорблялось самолюбіе поэтовъ, фактъ, что одинъ Египетскій Царь, одинъ изъ наслѣдниковъ Александра, не помню который, получилъ всеобщее одобреніе за то, что построилъ въ честь Гомера храмъ, въ которомъ эпошъ великій поэтъ возсѣдалъ на золотомъ тронѣ, окруженный спашуями городовъ, оспориавшихъ другъ у друга честь его рожденія; изъ устъ его вытекалъ источникъ, къ которому приходили почерпать всѣ поэмы. Почесъ очень смѣшная и напьянушая, согласенъ, но смыслъ ея былъ очень значительный.

ДРУГІЯ ЛИТТЕРАТУРНЫЯ УСЛОВІЯ. — ЛЮБОВЬ КЪ ИСКУССТВУ. — ВАЖНОСТЬ ПОЭТОВЪ ВЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Только были два эти литературныя условія. Надобно взять еще при эпошъ любовь къ искусству, которая была безпредѣльна, и важность поэтовъ въ государствѣ: двѣ вещи, всегда служащія въ пользу искусства.

До насъ дошли любопытныя свидѣтельства этой любви къ искусству, какова она была во время прагиковъ. Эсхиль, побѣжденный Софокломъ въ поэтическомъ состязаніи, по приговору Кимона и его девяти главныхъ сотоварищей, вышелъ изъ Аѣинъ, и рѣшился въ добровольномъ изгнаніи скрыть свою сшарость, помраченную литературною неудачею. Цѣлыя Аѣины были

раздѣлены между Софокломъ и Еврипидомъ. Спорныя спороны возражали другъ другу и взаимно другъ друга опровергали пшешральными пшесами, а не изложеніями сисшемы. Еврипидъ, побѣжденный, подобно Эсхилу, пшѣмъ же Софокломъ, равнымъ образомъ удаляешся изъ опешечсшва и умираешъ при дворѣ Архелая, Царя Македонскаго. Гибельныя соперничесшва, но опшъ копорыхъ много выигрывало искуссшво ; они дѣлаюшъ сполько же чеспи поэпамъ, пострадавшимъ опшъ нихъ, сколько и народу, копорый высшавляешъ шакимъ образомъ славу на сосшязаніе.

Аѳиняне вручали управленіе и военачальсшво поэпамъ своимъ. Есхиль, просшой воинъ на поляхъ Мараѳонскихъ, былъ бы полководцемъ, еслибъ его нешперпѣливый и зависшливый характеръ на опшялъ бы у него опспорожности и духа послѣдовашельности, приличныхъ дѣламъ. Софокль, первосвященникъ и полководецъ, сподвижникъ Перикла и Фукидида, защищаль опшечесшво свое въ войнѣ, управлялъ имъ въ мирѣ, успроилъ его, какъ глава религій, прославиль, какъ поэпшъ : человекъ, сшасшливѣйшій изъ всѣхъ, надѣленный красошою, здоровьемъ, богашсшвомъ, гениемъ, человекъ, копорый угасъ, а не умеръ, безъ агоніи, безъ спраданія, наканунѣ шого дня, когда свобода Аѳинянь гошова была пасшъ опшъ руки чужеземцевъ. Еврипидъ былъ одаренъ краснорѣчіемъ, воображеніемъ, гибкосшю ума ; онъ былъ чесшлюбивъ, онъ жаждаль власпи и почесшей ; но эша гибкосшъ ума, копорая помогала ему принимашъ на себя всякой понъ, и даже сшасшливо разыгрывашъ чувсшвшельность, копорой

въ немъ вовсе не было, эща гибкость ума погубила его въ приязнаніи на дѣла. Онъ нѣсколько разъ оскорблялъ Аѳинянь, народъ хищрый и самолюбивый, що въ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, що въ ихъ липшперашурныхъ мнѣніяхъ. Поэщъ, коему заградили дорогу къ почесшямъ, мспилъ за эшо насмѣшливыми намеками на орапоровъ, на демокрацію, на всѣ поспановленія своего опечесшва; ему предосшавили въ полную свободу насмѣщки, но держали въ опдаленіи опъ власци, и ему необходимо было довольсшвоваться только шипломъ поэша въ спранѣ, гдѣ Софокль, соперникъ его, былъ первымъ начальникомъ.

И поэщъ не только могъ бышь первымъ гсударсшвеннымъ мужемъ въ спранѣ своей, но пощъ самый человекъ, кошорый доискивался милоспей у своихъ согражданъ, могъ являшься на шеапръ въ какой нибудь роли въ трагедіи Софокла или Эврипида. Эсхинъ сначала былъ актеромъ, и еслибы Демосеень могъ бы только эшимъ укорить его, шо Эсхинъ могъ бы оппоривать у него управление республикою. Искусшво сливалось со всѣми учрежденіями, или, лучше сказашь, искусшво было однимъ изъ учреждений; никшо не могъ бышь въ немъ первымъ безъ генія, но кшо былъ въ немъ первымъ, пощъ могъ бышь начальникомъ спраны своей. Эпо опъ того, что искусшво не было опдѣльною химерою одного поэша, или особенною системою другаго, но заняшіемъ всего народа. Способность къ искусству не исключала никакой другой способности, пошому что одинъ духъ управлялъ го-

сударствомъ и давалъ направлѣніе искусству, и одни судьи давали одобреніе государственному человеку и поэту. Дивная гармонія, коей смѣшную пародію представилъ намъ эпоха упадка Лапинской Словесности; ибо въ Римской Имперіи поэты также будутъ консулами; но это пошому что не болѣе пошребно способности бытъ консуломъ по милости Цесаря, какъ бытъ поэтомъ по милости друзей слушателей.

II. УСЛОВІЯ РЕЛИГІОЗНЫЯ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ.

Греческая трагедія находилъ національную религію и эпа религія — ояпшь религія Гомера. Боги, присущствовавшіе при осадѣ Трои, боги зависпливые и неукротимые, которые вмѣшивались въ бой, эпи боги, кошорые показывали себя землѣ, снова вознеслись на Олимпъ, чшобы уже никогда не сходишь општуда. Съ эшихъ поръ они не иначе будутъ сообщаться съ людьми, какъ чрезъ посредство оракуловъ. По это все пошъ же Олимпъ, все пѣже боги — спраспные и зависпливые; шолько нравственныя идеи и философія смягчили ихъ нравы, споль свирѣпые въ Гомерѣ; но они не дерзали прикоснушь къ ихъ божественности. Эврипидъ, кошорый былъ невѣрующимъ, оппускаетъ въ одной изъ своихъ трагедій нѣсколько ироническихъ сомнѣній на счетъ Юпитера; народъ Аѣинскій заглушаетъ это мѣсто и заспавляетъ поэта при слѣдующемъ представленіи громогласно исповѣдываетъ Юпитера. Религія есть также національное учрежденіе; всѣ пѣ, кошорые вѣряпъ въ нее, вѣряпъ однимъ образомъ; есть или вѣрующіе или невѣрующіе, но

нѣтъ схилаптиковъ. Это замѣчаніе будетъ имѣть нѣкоторую вѣрность по сравненію съ состояніемъ религіозныхъ вѣрованій въ Римѣ.

Трагикамъ нечего вымышлять относительно предметовъ, искусства, религіи; Греція снабдила ихъ всѣми своими героями, своими богами, своею гомерическою эпопеею; она доставитъ имъ еще всю всю свою полишическую Исторію. Капашпрофы въ царскихъ домахъ — это мѣстные происшествія Греціи; Эдипъ, Оезей, Менелай, это имена государей, царствовавшихъ въ Греціи. Демосѣенъ въ жаркомъ воззваніи напоминалъ Оиванцамъ, что Аѳины нѣкогда оказали гостеприимство царю Эдипу. Софокль нашелъ въ маленькомъ Колонискомъ селеніи, гдѣ онъ родился, народныя преданія о дивной смерти этого Царя, взятаго богами на небо во время бури. Исторія баснословная и Исторія положительная сливались вмѣстѣ и никто не дерзалъ рѣзвлять ихъ; испорики были легковѣрными для того, чтобы быть народными: посему трагедія въ Греціи есть ничто иное какъ религіозная и полишическая исторія страны и мужей ея.

III. Условія нравовъ.

Подъ условіями нравовъ разумѣю я тѣ условія, которыя наиболѣе относяща къ нравамъ шештра, привычкамъ, которыя приносятъ въ него съ собою народъ, способности, съ какою судилъ онъ о піесахъ, не только какъ драмахъ, но и какъ произведеніяхъ поэзіи и языка. Въ этомъ отношеніи ни одинъ народъ не былъ такъ мышленъ, такъ понокъ, такъ справедливъ, какъ

народъ Аѳинскій ; ни одинъ народъ не улаживалъ такъ хорошо дѣла искусства, увы ! даже тогда, какъ онъ самымъ дурнымъ образомъ опправлялъ дѣла своей свободы и независимости : это опъ того, что народъ опотъ былъ воспѣванъ Гомеромъ ; дочери Аѳинскія воспѣвали въ *вѳоріяхъ* его прекрасныя первобысныя произведенія поэпическія. Не казенный поэтъ, опотъ наемный гаеръ для всякаго произволящаго, содержимый на счетъ государства, не опотъ поэтъ воспѣвалъ побѣды Аѳинянъ, но поэтъ, получившій опъ народа награду за стихи свои. Софокль, еще юноша, всенародно читалъ стихи въ честь Саламинской битвы. Опотъ-то народъ долженъ былъ погибнуть опъ любви къ уму и краснорѣчію ; онъ всегда умѣлъ хорошо оградить себя опъ честолюбивыхъ замысловъ войны, но никогда опъ очарованія прекраснаго органа, опъ ума, опъ блеска орапорскаго. Въ то время, когда онъ внималъ на поэпическихъ состязаніяхъ стихамъ соперниковъ, или на площади — рѣчамъ двухъ явныхъ политическихъ противниковъ, когда онъ сосредоточивалъ всю душу, весь слухъ на вѳихъ поприщахъ ума и превосходнаго языка, въ это-то время варвары Спарпанскіе или Македонскіе налагали руку на опотъ народъ, очарованный повзіею и краснорѣчіемъ. Ему были оставлены его стихи и состязанія, но ни стихи, ни состязанія не возвратили ему искусства Софокла и Гомера ; ибо во всякой странѣ, гдѣ искусство есть дѣшя свободы — рабство убиваетъ его, такъ точно, какъ вы можете видѣть, по спранныму противорѣчію, искусство гибнущимъ опъ свободы тамъ, гдѣ оно родилось

опъ политическаго бездѣйствія и опъ пенсій княжескихъ.

Народъ Аѳинскій въпренъ; въ дѣлахъ политическихъ — такъ, хошя извѣстно, что и здѣсь имѣлъ онъ блестящія минушы; но въ дѣлахъ искусства онъ никогда не въпренъ. Посмотрите, колеблется ли онъ между Эсхиломъ и Софокломъ, между Софокломъ и Эврипидомъ. И однакожь у Эсхила было болѣе блеска и помпы, нежели у Софокла; явленіе Фурій въ одной изъ піесъ его приводило беременныхъ жещинъ въ спрадальческое положеніе на шеатрѣ; его яростная, гиганшская драма сильнѣе дѣйствовали на воображеніе, нежели на вкусъ, а вы знаете, что у народа воображеніе есть источникъ большихъ сужденій и предпочтеній, нежели вкусъ; съ своей стороны Эврипидъ своими насмѣшками, такъ занимательными для народа, къ нимъ склоннаго, своими намеками, нѣсколько вольнодумными, своимъ дурнымъ расположеніемъ духа, своими эпиграммами на людей въ силѣ, всей эпохой философическою независимостию, копорую такъ остроумно сравнивали съ Вольтеровскою, всѣмъ эпимъ особенно льстивилъ шѣмъ спрашямъ народнымъ, копорыя порождаютъ быстрые успѣхи, но вмѣстѣ успѣхи скоропреходящіе. Но всѣ эпи уловки немогли обмануть народа Аѳинскаго; когда должно было рукоплескать Эсхилу — онъ рукоплескалъ; Эврипиду — онъ рукоплескалъ; но когда надобно было рѣшить, копорый изъ трехъ его прагиковъ въ грядущихъ вѣкахъ принесетъ болѣе чести граду Минервы, — Аѳинскій народъ провозгласилъ Софокла! Эпопъ же самый народъ, не желая, чтобы отвращительныя нелѣпости

Эсхила зашемнили сильныя красопы его, уполномочилъ попомсшвенныхъ поэповъ исправить піесы его, и, послѣ такого очищенія, онъ доуопилъ ихъ въ соспязаніе съ произведеніями поэповъ живыхъ, и эпо заспавило сказаць объ Эсхинѣ, что онъ болѣе получилъ награду по смерти, нежели при жизни. Эпо бы оскорбило насъ, и я понимаю ошъ чего: ошъ шого что у насъ искусство не ешть общее достояніе, у всякаго свое, всякой презираешъ другимъ; но въ Аѳинахъ народъ располагалъ искусствомъ, какъ собственностію, ему принадлежащею; онъ дѣлалъ въ немъ перемѣны, какъ и въ какомъ нибудь ихъ другихъ своихъ поспановленій; онъ исправлялъ его, какъ народный законъ.

Народъ Аѳинскій имѣлъ спрасшь къ шеатру, особенно къ прагедіи; онъ видѣлъ въ ней картину своего блестящаго происхожденія, свою религію, своей національной ненависти, своихъ великихъ мужей, своихъ полубоговъ, Тезея въ особенности, героя Аѳинскаго народа, коего имя сливалъ онъ со всѣми блестящими своими воспоминаніями, со всѣмъ своими праздниками, шакъ что Полигношъ въ своей картинѣ, представляющей Мараѳонскую битву, долженъ былъ изобразить Тезея присушствующимъ на эпой битвѣ. Аѳиняне видѣли на шеатрѣ религіозное изображеніе своей ашпипашіи къ Спартѣ, и Менелай, напримѣръ, царь Спаршанскій, Менелай, шполь важный, шполь мудрый, шполь храбрый въ Гомерѣ, представляется во всѣхъ Аѳинскихъ прагедіяхъ низкимъ и жестокимъ челошѣкомъ, и въ безпрестанномъ поруганіи, посреди презришель-

ныхъ намековъ на Лакедемонскія обычаи. Такимъ образомъ драма выражала древнія славныя дѣла Аѳинянъ и новыя : народъ жилъ въ ней наспо-ящею и прошедшею жизнію ; не могло быть зрѣлица болѣе привлекательнаго для народа остроумнѣйшаго въ свѣтѣ, какъ драма, рожденная подъ роднымъ небомъ, имѣвшая всю сладость плода шуземнаго, и копорая вмѣстѣ удовлетворяла всѣмъ пошребностямъ ума эшого народа — его гордоспи противъ чужеземцевъ, его домашнему шщеславію, капризамъ, его неоцѣненному чувству къ поезіи, его важноспи, всѣмъ его степеннымъ качествамъ, какъ и всѣмъ его недоспапкамъ, всѣмъ кошраспамъ вмѣстѣ : за шо не въ Аѳинахъ народъ пошребоваль изгнать прагедію изъ шеатра, чшобы учредишь шамъ львинья и медвѣжьи шравли.

Чшо касается до прелеспи, копорсю дышалъ языкъ въ устахъ эшого народа, до удивительной упонченноспи слуха Аѳинянъ, мы приведемъ въ примѣръ эшу шорговку шравами, копорая узнаеть, чшо Теофрастѣ чуждѣ не знаю какой шо прелеспи Аѳинской, копорой нѣшь у него, хошя онъ около двадцаши пяши лѣшь жилъ въ Аѳинахъ. И шакъ мало шого, чшобы родишься Грекомъ, чшобы двадцашь пяшь лѣшь пробышь въ Аѳинахъ, бышь лишшерашоромъ и ученымъ ; надобно еще бышь сыномъ града Минервина, чшобы не оскорбишь слуха шорговки шравами.

Эша дивная упонченность вкуса народа Аѳинскаго можешь особенно бышь объяснена происхожденіемъ эшого народа: эшо была чиспая

Аѳинская кровь, безъ примѣси чужеземныхъ смѣшеній. Народъ, десятою долей испреобленный въ войнѣ, самъ собою возобновлялся въ мирѣ. Припомъ Аѳины сохраняли кровь дѣшей своихъ; только въ важныхъ случаяхъ они смѣшивали ее съ чужеземною; обыкновенныя войны производились болѣе союзниками, нежели гражданами: такимъ образомъ племя сохранялось, а въ этомъ племени, всегда одинаковомъ, хотя болѣе или менѣе опустошенномъ войнами — преданія религіи, исторіи, народнаго происхожденія всегда сохранялись неприкосновенными, и особенно языкъ, недопускавшій чужеземныхъ идіомовъ, какъ народъ не допускалъ смѣшенія племенъ. Не только всѣ понимали эпопъ языкъ, но всѣ знали его въ превосходствѣ. Не было особенныхъ хранилищъ языка шамъ или сямъ, не было академій, которыя произносили бы сужденія о хорошемъ или о дурномъ языкѣ во всеобщее свѣдѣніе: языку учились на публичной площади, въ театрѣ, въ религиозныхъ праздникахъ; ибо эпо былъ общій языкъ орашора, поэта и первосвященника, языкъ, на которомъ выражались и положительная польза и благороднѣйшія способности ума, которому внимали и боги и люди. Посредствомъ эпойпо общеупотребительности между однимъ народомъ сохранялся онъ чистымъ, яснымъ, народнымъ; языкъ былъ всеобщимъ, а не индивидуальнымъ; идея о языкѣ индивидуальномъ рождается только въ шѣхъ спранахъ, гдѣ національный языкъ погибъ или близокъ къ гибели.

Я съ намѣреніемъ оспанавливаюсь на этомъ фактѣ происхожденія Аѳинскаго народа; ибо

эпошъ факшъ имѣлъ почти неограниченное вліяніе на драму Греческую. Другія искусства могутъ въ нѣкоторой степени обойтись безъ власти и вѣдома народнаго, и есть примѣръ аристократическихъ лишперашуръ, гдѣ не совѣшывались и не могли совѣшываться съ народомъ; но въ дѣлахъ театра участіе народа почти необходимо, и власть его здѣсь неограниченна. Отсюда я вывожу заключеніе, что только тамъ, гдѣ народъ имѣетъ вкусъ и образованіе, тамъ, гдѣ онъ своееземенъ, безъ измѣненія, безъ смѣшенія; (а первое изъ эшихъ условій есть слѣдствіе впо-раго); тамъ только можетъ процвѣтать драматическое искусство. Напрощивъ, тамъ, гдѣ нѣтъ такого народа, какой я разумѣю — искренниго и пуземнаго — никакая сила аристократіи, повелѣвающей всемъ, никакое вліяніе самыхъ великихъ именъ эпои аристократіи не будутъ въ состояніи породить самой бѣдной драмы. И эшо увидимъ мы въ Римлянахъ.

(окончаніе слѣдуетъ.)

IV.

ПРОВНЫЕ ЛИСТКИ ДЛѢ ИСТОРИИ РУССКИХЪ СКАЗОКЪ.

Л И С Т О К Ъ XIX.

Сказки Монголо-Татарскія, или періодъ Русскихъ сказокъ послѣ 1224 года.

Новѣйшими изъ всѣхъ Азіатскихъ сказокъ, вплывшихъ, или вошедшихъ въ Россію съ чуж-

бины, опредѣлимъ сказки Монголо-Татарскія; онѣ сначала были извѣстны намъ только издали, можетъ быть чрезъ Половцевъ, или чрезъ посредство другихъ народовъ, прежде насъ знакомыхъ съ Татарами 1); но съ 1224 года, по есть со времени нашествія Татаръ на Россію, эти же сказки начали перерождаться совершенно въ *наши* сказки. Впрочемъ ихъ шакъ не много, что я не знаю, кошорыя, или какія изъ нихъ поименовашъ здѣсь Татарскими. При гостяхъ Татарахъ, кажешся, намъ было не до ихъ сказокъ; да еслибъ Татары и сами ихъ рассказывали, то кто бы ихъ спалъ слушашъ, а болѣе того — переписывашъ, или удерживашъ въ памяти то, что принадлежало къ чести, къ славъ, или къ хвасловству самыхъ ненавистныхъ намъ злодѣевъ? *Врагъ въ полѣ и въ сѣмъ горѣ!*

---

1) Только вѣроятно не оны *Западныхъ*, ибо одни Азіатскіе переселенцы, переплывая и переходя къ Западу, своими свѣжими Азіатскими обычаями легко могли касаться Южныхъ степей и кочевья Русси и шущъ оспавляшъ намъ все свое Азіатское. Но въ возвратѣ ихъ на Сѣверъ съ *Запада* (кошорой тогда едва ли существовалъ Азіатскимъ людствомъ), чтобы могло ихъ возбуждашъ къ *переливамъ* намъ своего?.. Припомъ Русскіе народы, кажешся, самые позднѣйшіе изъ всѣхъ выходцевъ Азіатскихъ въ Европу. Вошь, оны чего намъ принадлежишъ только Сѣверный край Европы, и вошь что также доказывашъ крѣпость нашихъ силъ противъ всѣхъ другихъ предшествовавшихъ намъ выходцевъ въ Европу, которые вѣроятно на *свой пай* получали въ Азіи оны Славено-Руссовъ полчки самые сильнѣйшіе, или, въ противномъ случаѣ, они бы удержали свой перевѣсъ на коренныхъ гнѣздахъ!

Сказки: о *Борей Королевичъ*, *Устинь* и проч. пому подобныя, если и пахнутъ какою-то Ташарщиной, но онѣ уже должны были у насъ появиться въ послѣдующее время, а не въ бытность Ташаръ въ Россіи, т. е. онѣ составляютъ одно только дальнѣйшее, или, если вамъ угодно, то и *ближайшее* воспоминаніе о Романшическихъ проказахъ Ташарскихъ. Русская боярышня Устинья (въ имѣвшемся у меня подлинникѣ сказки о *Борей Королевичъ*) почти того докащца. Прекрасная боярышня Устинья изъ-подъ неволи, какъ бѣдная, несчастная данница, жертвуешь собою Ташарину; но и Ташаринъ, довольный своею участью, думаетъ (гордясь собою), что онъ, сочинивъ законныя связи съ именимымъ Русскимъ Бояриномъ, удружилъ тѣмъ цѣлой Россіи, всему народу Русскому и, вошь вся Русь (будто бы) радуется счастью своего соотечественника, и что даже (будто бы) всѣ люди Русскіе не надвигаясь пому, какъ это и опъ чего это пришло въ Ташаро-царственную башку могучаго *Борга* осчастливить брачнымъ ложемъ рабу-плѣнницу Россіянку и проч. Дѣлать было нечего: тогда *людъ Русской* былъ долженъ играть в молчанку и, кажешся, никакъ не воображалъ, что тѣ же грозные Ташары, копорые нѣкогда шакъ вишповали надъ *нимъ* и надъ его женами, чрезъ нѣсколько шолъпій впередъ будущъ шолько обманывать ихъ же женъ однѣми шаями, или шашашся ушромъ по ихъ приходимъ за недоплаченными деньгами за плашки или шали. Вошь какъ переходчиво время!

Монгольская повѣсть о славномъ, спрашнѣишемъ великанѣ *Гарганшугасъ* намъ извѣстна съ 1790 года, въ невѣрныхъ разсказахъ Новикова и Чулкова, перепорченныхъ (какъ мы прежде намекнули по догадкѣ) изъ подлинниковъ древнихъ стиховореній, или народныхъ преданій; мы же можемъ шолько почестъ Монголо-Татарскими сказками: *Баламира* (Бул-Эмира), Царя Гунновъ; *Тарбелса* (Тян-Бюльсу), и *Лювару* (Ли-Бару) и нѣкоторыя другія. Все эшо чрезвычайно бѣдно! Ау Татаръ, по прежнимъ связямъ съ нами, еспъ свои весьма любопытныя сказки и пѣсни; шѣ и другія повѣствуютъ о *прежней* ихъ славѣ и силѣ, о *связяхъ* ихъ съ цѣлымъ міромъ, кошорый они предположили наказашъ за кровинельство, оказанное, въ особеннѣости Русскими, слугамъ ихъ Половцамъ, за пошворство Европейцевъ хипрымъ Грекамъ, издавна разрушавшимъ ихъ Азіятскія логовища. — Теперь послѣдствія завязали самымъ крѣпкимъ *Кафимскимъ* узломъ всю Татарскую повѣсть съ нашею Русскою сказкою; жизнь Татаръ въ Россіи уже слилась съ нами неразрывно; и шакъ для поясненій эшой же слишней *пошлости-жизни* намъ не слѣдуетъ пренебрегать и самыми преданіями народовъ Татарскихъ: въ ихъ оспальныхъ древнихъ сказкахъ и пѣсняхъ еспъ еще важная польза для пополненій многихъ промежушковъ въ Русской родимой Исторіи.

Л и с т о к ъ ХХ.

Еще кое-что о прибытіяхъ разныхъ повѣстей и сказокъ въ Русь.

Я, кажешся, пересказалъ моимъ слушателямъ, чшо, можешъ бышь, въ одно и шожже вре-

мя, какъ съ полудня собирались въ Руси сказки племень Азіяшскихъ, опъ Сѣвера шли къ намъ же на Русь также пѣсни и сказки Нормандскія и, вѣроятно, ходъ ихъ почно также былъ періодическимъ, какъ и у первыхъ, по еспъ у полуденныхъ сказокъ. Угадывать эпи періоды шрудно; но, *догадожно*, иногда возможно...

До 862 года, или до извѣстныхъ намъ *первоначалъ* нашей Исторіи, всѣ вообще наши были и небылицы переселялись вмѣстѣ съ Словенами изъ колыбели ихъ — Азіи, почти опредѣлительно изъ самыхъ лучшихъ странъ спараго свѣта, изъ — Индіи. Со Словенами, на пупи ихъ, смѣшивались, постепенно, рассказы Аравіянъ, Персовъ, Хивинцевъ и другихъ многихъ Азіяшцевъ, соспавлявшихъ оспашки развалинъ древнѣйшаго человѣческаго рода. Въ такомъ почно видѣ всѣ эпи *расскази* должны были явиться на берегахъ Дуная и Днѣпра, Буга и Днѣстра; далѣе: онѣ же показались на Вислѣ, Савѣ, Виришѣ, Дравѣ, Эльбѣ, Молдавѣ и проч.; словомъ: почти все проспранство опъ горъ Кавказскихъ до границъ Ипаліи, наконецъ въ нѣкоторыхъ частяхъ самой Ипаліи, даже въ улицахъ ея великаго Рима, въ иныхъ обласпяхъ Галльскихъ (нынѣшней Франціи) и до половины земель Нѣмецкихъ — все усялось *Словеію - Нордманали*. Послѣдніе, ш. е. Нордманы, какъ древнѣйшіе (до — Словенъ) выходцы изъ Азіи, по сродству еще, можеспъ бышъ, незабышаго ими языка въ Нѣмцахъ, потчасъ опокровишельспвовали слабѣйшихъ своихъ братій и очищали имъ и себѣ дорогу повсюду. Нѣмецкій народъ началъ бояшся сихъ пришлецевъ, частію

началъ самъ соединяпсья съ ними и присоединилъ имъ еще къ имени Нордмановъ — имя Франковъ (вольныхъ людей); но это имя уже большею частію пало на Галловъ.

Къ Сѣверу у Словянъ - Нордмановъ, съ непамятныхъ временъ, существовали поселенія Новгородскія, Изборскія, Ладогскія и многія другія. Кажется, это были Словянскія заспавы а) опъ имѣвшихъ бытъ впослѣдствіи варварскихъ нашествій и опъ удалыхъ набѣговъ разнаго сброда народовъ, занявшихъ, по малосилію, не весьма выгодныя мѣста на Сѣверъ опъ Словянъ. Упомянутыми дикарями также руководствовали начально опдѣльные удалцы Словяно-Нордмандскіе, называвшіеся уже *Руссами*, или русыми, можетъ бытъ, въ опличіе опъ черноволосыхъ племенъ Азіятскихъ.

Въ Новгородъ, Изборскъ и Ладогу предпочтительнѣе опъ Варяго - Русскихъ мореходцевъ и опъ многихъ другихъ сѣверныхъ жишелей приходили рассказы сѣверные. Но сіи, встрѣпясь съ южными, постепенно и, особенно по крещеніи Словянъ Кіевскихъ (866 г.), слѣдовательно уже по нѣкопоромъ ихъ образованіи, начали смѣшиваться и смѣшались съ выдумками другихъ споронъ Европы; а такимъ образомъ появились къ намъ чрезъ посредство Генуезцевъ и Словянъ-южныхъ Италіано-Германскій *Витязь Бова*, Греко-Нѣмецкіе *Седль - Симіоновъ*, родныхъ брашневъ, Испано-Мавританскій *Принцъ Адольфъ Лампадійскій*, неподмѣшенный Голландо - Германецъ *Королевичъ Бренсвикъ*; да и Французы тогда ша-

---

а) Называвшіеся ворошамд.

же передавали намъ свои рассказы: о *Петръ, Героѣ златыхъ ключей*, о *Сластолюбивой Гражданкѣ* (сказка о нѣкоемъ прикащикѣ и о *Купцевой женѣ*), *Одю Рене Шарине* (La Reine Cherié), о *Катеринѣ глупенькой Царевнѣ*, ш. е. о *Катеринѣ Сотеринѣ* (La Sote Reine Catherine), о *Королевѣ Трудѣ* (Prince de Souci) и проч.

Съ симъ же вмѣстѣ и, въ одно и поже время, не доходя еще до Словянъ Кіевскихъ и Новгородскихъ, изъ упомянутыхъ же пришлыхъ сказокъ, или въ подраженіе имъ, въ смѣси народовъ Польско-Славянскихъ образовались: *Суды Шемлякъ*, *Климки*, *Королевици Заиграи*, *Дурачки Емельяны*, *Баишагники и слуги ихъ Притычки* и проч. — Но и въ сихъ сказкахъ, за исключеніемъ *Шемяки* и другихъ весьма немногихъ, вся шкань совершенно южная.

Л и с т о к ъ ХХІ.

ЕЩЕ ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНѢЙШИХЪ РУССКИХЪ СКАЗОКЪ И СКАЗКИ ПОДРАЖАТЕЛЬНЫЯ.

Спранно, что сказки и повѣсти, равныя по своей древности, или собственно по своей формѣ, съ вышеупомянутыми мною сказками средней и южной Европы, а можетъ быть еще и древнѣйшія оныхъ, каковы на примѣръ: *Витязь Юрсланъ Лазаревичъ*, да и многіе подобныя же *Юрсланы* а) по своему окончательному *Лан*, или

а) Которыхъ имя чпшашель встрѣшишь также и въ особливо приложенномъ къ симъ листкамъ каталогѣ Русскихъ сказокъ.

Land, весьма близки къ чему-то совершенно Нордмандскому; но и эпи *Land* къ намъ являющся, или являлись, большею частію съ Юга черезъ Сербію, Молдавію, Венгрію и проч., а нѣкошорыя пришли къ намъ прямо изъ Италіи...

Здѣсь опяшь невольню (говорю о себѣ) соглашаешся съ опредѣленіями Эверса, по еспь съ его предложеніями о Нордмандскихъ порогахъ на моряхъ южныхъ, — вѣрное доказательство тому, что всѣ Нордманы родились чадами Юга; да и какъ сомнѣвашся въ томъ: ибо и Нордманамъ, какъ и всякимъ народамъ, одно шолько бѣдствіе опредѣлило приняшь на себя спрашное имя урожденцевъ спраны Льдовъ, земли непокорной благопворнымъ лучамъ солнца; но попомъ — шѣ же бѣдствія ихъ укрѣпили и содѣлали побѣдишелями почши цѣлаго міра!

„Неравны бываютъ вѣки, неравны и челувѣки.“ говаривали наши предки; пакъ и случилось: *не по нашему хотѣнью, а по Божьему соизволенью*, малосильный народъ, выпѣсненный на Сѣверъ Европы изъ первобышнихъ своихъ мѣстъ сильнѣйшими, оспался не знамо, не вѣдомо какъ побѣдишелемъ, а гонилели побѣжденными: Нордманы — Русь своимъ (последнимъ) именемъ поглотила Словянъ; Нордманы другіе поработили почши весь свѣшъ. Самый Римъ, едва ли не ошъ Словено-Руси, ускорилъ свое паденіе. Тогда изнѣженность ослабила силы Рима, и Сѣверные варвары, какъ швердыня неразрушимая, нагрянули, и успѣли въ самомъ основаніи попряспи все могущество Римлянъ.

Изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ мною сказочныхъ источниковъ, въ Россіи еще и понынѣ соспавляющіяся сказки подражательныя, таковы на примѣръ: сказка о *Сынъ Яруслана Лазаревича*, о *Внукъ Королевича Бовы*, *Новый конь золотокрыль*, *конь поновленный самостыкъ* и проч. Польза сказокъ та, что въ нихъ повторяется многое позабытое древнее, всегда столь любезное для каждаго изъ любителей хитрости и мудростей, оставленныхъ намъ вѣкомъ неразгаданнымъ. Но при умноженіи новѣйшихъ сказочныхъ подражаній должно опасаться и того, что если изданія позднихъ выдумокъ продолжались, а мы между тѣмъ не успѣемъ сохранить ихъ древнихъ подлинниковъ, въ ихъ наспоющемъ видѣ; тогда уже *позднія* выдумки и заземляющъ и заполяющъ всю нашу древнюю драгоценность въ совершенствѣ; онѣ, такъ сказать, убьютъ собою всю *Исторію* нашихъ первобытныхъ романовъ, столь важной фактъ и между фактами древнѣйшей Исторіи нашей и въ древней же Исторіи общей лиширатуры, по есть не только Русской, но въ общей Исторіи Европейской, едва ли еще непуце нашего съ возвышеніемъ въ своемъ просвѣщеніи, расперявшея всѣ начала своихъ древнѣйшихъ романовъ.

На примѣръ намъ Русскимъ, мнѣ кажется, что вопреки многихъ старовѣрческихъ словопрений, известная Сага *Беймундова* довольно хорошо засвѣшила. Нѣтъ спору, что никакой простой рассказъ (безъ повѣрокъ) не лзя вносить въ мнѣе спексомъ ни въ какую Исторію; но какъ не имѣть вѣроятія къ такимъ современнымъ рассказикамъ, которыхъ рассказъ или весьма мало, или

почпи ничѣмъ не разнишя опъ признанныхъ нами факшовъ: задумчивость Скепшиковъ — факшъ не всегда *дѣльной*, а ихъ шушки о *Бандуристахъ* ни къ селу, ни къ городу! Историческій кришикъ важенъ и любопышенъ въ своихъ сравнительныхъ факшахъ, въ вѣрояшныхъ догадкахъ, сличеніяхъ, знаніяхъ не шолько одной буквально Лѣтописной Исторіи, но и самыхъ ея мѣстностей. Эша мѣстность имѣетъ свой иншересъ: въ повѣряхъ, въ одеждѣ, въ нѣкоторыхъ словахъ языка, въ сохраненіи именъ древнихъ урочищъ, въ сравнительномъ ихъ сличеніи съ другими шакнами же урочищами, если онъ гдѣ нибудь еще существуютъ, въ оспашкахъ баснословія, въ характерѣ народа занимающаго мѣстность и проч. и проч. Въ прошивномъ случаѣ наша Историческая кришика никакими монашпырекими выписками не будетъ въ силахъ подкрѣплять себя. Даже нѣкоторымъ сомнѣніямъ Шлецера, до селѣ одного изъ лучшихъ оцѣншиковъ нашихъ лѣтописей, въ семь случаевъ не лзя давань вѣры; онъ былъ цѣновшикомъ однѣхъ лѣтописей и — шолько. У самаго Нестора, нѣкоторые приніяшые нами факшпы шощасъ буденъ должно почестъ Сагами. . . .

Заклучаю все эшо словами одного ученаго нашего кришика: „Нѣшь басни, которая бы не имѣла основаніемъ истины.“ Еймундъ могъ перемѣшанъ обстоятельствѣ своихъ рассказовъ; но эшопъ же Еймундъ могъ бышь одно и шже лице съ упоминаемымъ нашими лѣтописцами лицомъ Асмуда; разница произшествій опъ Свяшослава, при которомъ былъ Асмудъ *кормилицомъ*, до гласныхъ дѣяній Ярослава, имѣетъ между собою шолько

сорокъ два года. Ипакъ если кормилецъ при Свя-
тославѣ былъ и шридцати лѣтъ, то онъ же
при Ярославѣ, съ крѣпосью здоровья прежнихъ
людей, могъ служить на семдесятъ впоромъ го-
ду, и даже бытъ свидѣтелемъ войны Ярослава съ
Брячиславомъ, вѣроятно названнаго опъ Эйму-
нда Буреслейфомъ — шущъ разницы только семь
лѣтъ. Нормандское произхожденіе Еймунда опнюдь
не доказательство нашего Нормандскаго рожде-
нія; но Еймундъ, какъ *Нѣмецъ*, могъ называшъ
даже и въ наше время нашего *Суворова* Суваро,
а себя вмѣсто *кормильца* конунгомъ. . . . Сказ-
ки и Саги наши важны; но однакожъ вся важ-
ность ихъ должна подкрѣплятъ себя доказатель-
ствами криптиковъ не-Дкаршовой школы. —

Листокъ ХХІІ.

Ожиданія ученыхъ иностранцевъ послѣдствій опъ
собраній Русскихъ сказокъ, отъ критическаго
обзора оныхъ и проч. — костюмъ сихъ сказокъ
въ наше время.

Ученые, и во всякомъ случаѣ трудолюби-
вые Нѣмцы, жаднѣе всѣхъ другихъ ученыхъ, если
я не ошибаюсь, ждущъ опъ Русскихъ изданія ихъ
первобышнихъ сказочныхъ памятниковъ, важна-
го матеріала для Исторіи общаго Европейскаго
романтизма. „Русскія сказки, какъ думаютъ нѣ-
которые изъ Нѣмцевъ, своими волшебными непо-
спшижимостями весьма много способствовали къ
возвышенію героическаго духа въ рыцарспивѣ мно-
гихъ Европейскихъ народовъ; вѣруя въ чудеса
непоспшижимые, всѣ тогда храбрецы бывали не-
поспшижими; но за то въ послѣдствіи, при

крайнемъ усиленіи изнѣженностей, по измѣненіи въ рыцарствѣ спонческаго благоговѣнія ко святымъ достоинствамъ *вѣры* и *вѣрности* (первыхъ заветныхъ символовъ рыцарства), родилось Дон-Кихотство. Это почто также случилось, какъ и нынче сбывается, что-то другое, но *что-то* Дон-Кихотству же подобное, именно въ наше время мы не рѣдко видимъ, что самыя возвышенныя чувства самыхъ великихъ нашихъ Липшерашоровъ, чувства такъ сказать вдохновенныя въ нихъ, вмѣстѣ съ душою, въ послѣдствіи, унижаясь до какой-то *буфонской* плаксивости, вдругъ раждають пародіи на Стерна и Морица, на Расина и даже на Шиллера, на Шекспира и Гете — ихъ теперь одѣвають въ плащи и чуйки!...

Нынче весьма трудно и читать и слышать Русскія сказки въ ихъ первобышнемъ видѣ. Даже сами лубочные издатели сихъ сказокъ, печатавши ихъ по прежнему (по лубочному же), не всегда сохраняють въ нихъ почность древняго разсказа, и лубочныя наши сказки, въ наше время, замѣтно начали уже съ своими прибавками и убавками пренебрегать положительною почностію древности, и, вопъ уже въ нихъ теперь, при ихъ древнихъ *костюмахъ*, иногда, появляются модныя и пышныя дамскіе рукава, или по крайней мѣрѣ, весьма нерѣдко, на нихъ же увидишь сѣренькой сюршучекъ à la Napoléon!...

Мы не объявляемъ себя врагами лѣтописей, грамотъ и особливо кришки; но никакъ не можемъ заспавишь себя не жалѣшь о чувствительныхъ ранахъ наносимой *новизною* педантиз-

ма всякой нашей древности. Эпи-шо самыя раны и производящъ нашихъ Лунашико-Гиперборейскихъ же сказочниковъ и Декаршо-скепшическихъ Испориковъ; они однакожъ говорящъ безпрестанно о крипикѣ, но въ шо же время и паящяся ошъ нее ракомъ.

Л и с т о к ъ ХХІІІ.

Древнія сказки, существующія еще въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ книгохранилищъ.

Въ нашихъ Русскихъ книгохранилищахъ, включая однакожъ Библиотеку Россійской Академіи, кошорая мнѣ не извѣстна (ибо я знаю только изъ Песербургскихъ Библиотекъ одну — принадлежавшую Графу *Θ. А. Толстому*), въ сихъ книгохранилищахъ, повшорю я, сущесствующъ еще, въ особенно (прошивъ другихъ) старомъ видѣ: *Королевичъ Бова*, *Аполлонъ Король Турскій* и *Королевна Тарса*, *Славный Судъ Шемлякинъ*, *Θома Поплюхантъ* (панцмейстеръ) и *Ерема Музыкантъ*, *Князь Ерусланъ Лазаревичъ*, *Царь Мелентей* (Миленшесъ) и *Гріяна* (Аріяна), *Паламидъ* (Пламидъ) и *Епихариса* (Эвхариста), *Несчастный Старый мужъ*, сказка болѣе извѣстная подъ именемъ: *Бабуихъ Увертокъ* (И. И. Дмитриева: *Модная Жена*); припчи *Езона*: *Дщерь Иверскаго Царя дъвица Динара* (Діонарія) *Царица* (не Царевна ли?), *Селимъ* или *Зелимъ* и *Дамазина* (Дамаскина) и проч. и проч. Рукописи всѣхъ сихъ повѣстей стары; изъ нихъ нѣтъ не одной моложе XVIII вѣка, впрочемъ не одной нѣтъ и старѣе XVI столѣтія.

Въ сихъ сказкахъ не опшвергнушы Калабрійскими лѣшописями Рыцарство Князя Бовы, Греческимъ историческимъ баснословіемъ: Тирскій владѣшель Апполонъ, Царь Менелай (перейначенный у насъ *Мелентесомъ*), *Ариадна*, *Евхариса*, *Мудрецъ Езонъ* и проч. За такія имена Испорія споришь съ баснословіемъ и, если бы Греція не подпадала игу варваровъ, тогда бы ея Испорія, разгадавъ факшы баснословные, совершенно бы обыграла свою басню. — Нашей Испоріи ешь еще шеперь время и большіе способы обыгрывашь все для нее нужное и у нашихъ сказокъ и у нашихъ басень. Примишесь только вначалѣ за Рюрика съ брашьями, привяжите его повѣрояшнѣшого, какъ мы знаемъ, къ Словянскому *Святославу*, или опдѣлите совсѣмъ Сагу о Рюрикахъ ошь Князей Словянскихъ; дайше другихъ родоначальниковъ Игорю, или Свяшославу — тогда увидите, какой оборотъ примешъ наша Испорія въ опношеніи къ Нордмапамъ. Замѣчашельно, чшо въ числѣ позднѣйшихъ нашихъ Князей уже не было ни Труворовъ, ни Синавовъ, а Игори, Владиміры, Ярославы — все еще сущеспвовали.

Л и с т о к ъ ХХІV.

Русскія сказки въ началѣ ХVІІІ столѣтія. Окончательная испорченность Русскихъ сказокъ.

Въ началѣ ХVІІІ вѣка жизнь нашихъ сказокъ (скорописныхъ) еще сущеспвовала въ своемъ первоначальномъ бышу: шогдашніе Русскіе писцы, какъ еще народъ *непридумчивый*, спарались толь-ко хранишь всевозможную шочность во всѣхъ

довыхъ сказкахъ и почишаль не только *прибавку чего либо къ чему нибудь*, но даже и *убавленіе* безсмыслицы, нечаянно закравшейся въ разсказъ, грѣхомъ безсмерпнымъ. Всякое писаніе освѣщалось какимъ-шо особымъ закономъ, ибо все шо, чшо написано было перомъ, того нельзя уже было *вырубить топоромъ*. Словомъ, спаринные наши писцы въ полной ихъ силѣ могли называшь себя ремесленниками; они могли по всей справедливоспи пользоваься именемъ *точныхъ Копіистовъ*. Однакожь эти Копіиспы никакъ не означали одного рода съ Копіиспами дѣловыми, шо была со всемъ *особъ-статья*.

Въ наше время замѣчательнѣйшія измѣненія въ Русскихъ сказкахъ начали совершашься въ началѣ послѣдней шрети XVIII столѣтія. Въ 1778 году нѣкто *Друковцевъ*, замѣчательный Сапирическій прозаикъ своего періода и, большой проказникъ, издалъ съ нѣкошорыми измѣненіями собраніе сказомъ подь именемъ *Бабушкиныхъ*. Извѣспный въ свое время М. В. Поповъ и, можешъ бышь убѣжденные его же примѣрами, Н. П. Повиковъ и М. В. Чулковъ, издали собраніе Русскихъ сказокъ. Первый ш. е. *Поповъ* напечаталъ въ 1768, а въ 1778 шпорымъ изданіемъ *Старинныя диковинки, или приключенія Славянскихъ Князей*. Новымъ изданіемъ эша же книга была напечатана 1793 года въ двухъ часпяхъ. Издашель, какъ знашокъ Славянскаго баснословія и, если вѣришь преданію, имѣвшій хорошее поняшіе о Нормандскихъ Сагахъ, сохранилъ въ своихъ древноспяхъ весьма много любопытнаго. Чулковъ издалъ свои *Русскія Сказки* 1780 и 1783 года; онъ содержашъ древнѣйшія

повѣствованія о славныхъ Богатыряхъ, сказки народныя и прогія оставшіяся грезъ пересказыванія въ памяти приключенія. Все изданіе соспавляло 10 томовъ; но шипографъ Селивановскій 1820, при 3 изданіи, сократилъ эти сказки въ 6 часшей и шѣмъ испортилъ все дѣло. Г. Диприхъ перевелъ это изданіе на Нѣмецкій языкъ, и вошъ, къ сожалѣнію, ученые Нѣмцы не будутъ еще имѣть полнаго понятія о шрудолубіи Чулкова. Здѣсь виновашъ во всемъ нашъ сократитель! Чшо принадлежитъ до Г. Новикова, шо собранныя имъ въ 1787 и въ 1788 годахъ древнія сказки Славянъ Древлянскихъ, размѣщенныя въ 6 часпяхъ, менѣе всѣхъ другихъ принадлежатъ Русской старинѣ. — Н. Н. Новиковъ, спараясь только объ улучшеніи опечеспвенной прозы и, какъ бы вдохновенный наблюдашъ для сего, пригоповленіемъ Карамзина, исправлялъ все лишперашурное и, шакимъ образомъ не пощадилъ своими исправленіями и Древлянскихъ сказокъ, по преданію, имѣвшихъ прежде характерное достоинство Исландскихъ Сагъ. Чшо принадлежитъ до лучшихъ въ то время изданій сказокъ о дурачкахъ и Царевичахъ, шо одно изъ шаковыхъ было напечатано почти въ шѣхъ же годахъ, а вторымъ шисненіемъ 1791 года подъ названіемъ: *Веселой Старушки, забавницы дѣтей*, съ каршинкою, изображавшею спарушку, сидящую за круглымъ столомъ и ушѣшающую дѣшей сказками. Въ сей книжкѣ наши древнѣйшія сказки взяшы были тогнымъ ихъ разговоромъ, и пошому гораздо менѣе другихъ испорчены.

М. МАКАРОВЪ.

О началъ Ромынскаго или Молдавскаго языка.

Разговоръ племянника съ дядею.

Племянникъ. Имя, свойство и всѣ естественныя склонности Ромыновъ или Молдованъ, показываютъ, что они — опрасль древнихъ Римлянъ, нѣкогда цѣлымъ свѣпомъ владѣвшихъ; сіе ясно подтверждаетъ исторія — о началѣ Ромыновъ въ Дакіи, и въ семъ я нимало не сомнѣваюсь. Но опкуда ведешь начало языкъ, на кошоромъ нынѣ говорашъ и пишущъ Ромыны, недоумѣваю. Радуюсь, дядюшка, что нашель васъ свободнымъ опъ множества дѣлъ, сопряженныхъ съ должностію, кошорую вы неупомимо проходите; ибо я увѣренъ, что вы разрѣшите мое недоумѣніе. Прошу вразумить меня.

Дядя. Такъ какъ шы любопытствуешь о прекраснѣйшемъ и для меня приятнѣйшемъ предметѣ; шо я шѣмъ охотнѣе соглашаюсь удовлетворить твоему желанію, что почти никого не знаю, кшо бы доспашочно раскрыль сію истину.

Племянникъ. Я о семъ говорилъ со многими; но никшо не опвѣчалъ мнѣ удовлетворительно.

Дядя. Два мнѣнія ученыхъ, кошорые безпристрастно говорашъ о семъ предметѣ: одни утверждающъ, что Ромынскій языкъ есть языкъ Латинскій — испорченный, и потерявшій красоту Латинскаго языка; а другіе думашъ, что у Римлянъ издревле было два языка: одинъ, кошорымъ говорилъ просшой народъ, и кошорый дѣши, такъ

сказаць , всасывали вмѣспѣ съ матернимъ молокомъ , шо еспѣ , перенимали по наслышкѣ , а другою , копорому изучались въ школѣ съ помощію Грамматики. Послѣдній назывался языкомъ ученымъ , пошому чшо его могли знашь одни полько ученые. На семъ языкѣ Лапыняне или Римляне писали свои книги , изъ коихъ многія до насъ дошли и мы чипаемъ ихъ.

Племянникъ. Копораго же изъ сихъ двухъ мнѣній должно держашься ?

Дядя. Мнѣніе первыхъ родилось опъ шого , чшо они , находя многія Лапинскія слова въ языкѣ Ромынскомъ , копорого внушреннее образованіе оплично опъ свойспва книжнаго Лапинскаго языка , спшали вѣрншъ , чшо сіе произошло опъ упадка красопы Лапинскаго языка и опъ порчи его. Но если спросишь ихъ : когда , гдѣ , почему и какъ произошелъ сей упадокъ и порча ? шо они замолчають , или опяшь будущъ шоже говорншь безъ всякихъ доказательспвъ.

Племянникъ. Можно думашь , чшо сія порча произошла въ Дакіи опъ смѣшенія и продолжительнаго обращенія Ромыновъ съ варварскими народами.

Дядя. И сіе мнѣніе не имѣетъ никакого твердаго основанія ; ибо мы усматриваемъ , чшо Ромынскій языкъ не полько по многимъ словамъ , копорыхъ или вовсе не находимъ въ Лапинскомъ языкѣ , или находимъ оныя совершенно въ другомъ видѣ , но и по своему внушреннему соспаву сблизашься съ языками — Испанскимъ , Французскимъ и

преимущественно съ Италіанскимъ. И шакъ, если сказанные языки какъ съ Ромынскимъ, шакъ и между собою во многомъ сходствуюшъ, а при шомъ различествуюшъ опъ Лашинскаго; шо предполагаемый упадокъ или порча не въ Дакіи послѣдовала. Причины несходства съ Лашинскимъ плѣхъ языковъ, копорые мы нынѣ называемъ Ромынскимъ, Италіанскимъ, Испанскимъ и Французскимъ, должно искашь памъ, опкуда произошли оныя, шо есть, въ Римѣ, въ Италіи.

Племянникъ. Но шакимъ образомъ должно будешъ сказать, что Лашинскій языкъ испорченъ въ Римѣ и въ Италіи, и что опкуда перешель уже испорченнымъ во Францію, въ Испанію и въ Дакію; и вопъ причина, почему сіи языки сходствуюшъ между собою, шогда какъ они вмѣспѣ съ Ромынскимъ уклонились опъ книжнаго Лашинскаго языка.

Дядя. Смѣшное сужденіе! Лашинскій языкъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи и въ шакъ называемый Золошой Вѣкъ, посредствомъ Римскихъ колоній, введенъ во Францію или Галлію и въ Испанію, а вскорѣ послѣ шого и въ Дакію. Кшо же послѣ сего можешь думать, чшобъ Лашинскій языкъ испорченнымъ перешель въ Галлію, въ Испанію и въ Дакію? Книги, копорыя въ шомъ вѣкѣ были писаны и копорыя мы нынѣ читаемъ, доказываюшъ, что Лашинскій языкъ никогда не былъ въ шакомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ въ шо время.

Племянникъ. Я увѣренъ, что Ромынскій языкъ не испорченъ опъ языка Лашинскаго; но мнѣ бы хошѣлось продолжишь сію бесѣду и убѣдишься

въ помѣ, что у древнихъ Римлянъ дѣйствитель-
но было два языка — одинъ Грамматическій
или языкъ ученый, а другой просонародный.

Дядя. Латинскій языкъ Грамматическій или
языкъ ученый, которъй нынѣ находимъ въ Ла-
тинскихъ книгахъ, очевидно языкъ не природ-
ный, но искусственный, кошорому можно изу-
читься не иначе, какъ съ помощію Грамматики.
Ибо онъ шакъ составленъ, что какъ бы кто
часпо ни слышалъ оный, не можетъ научиться
сему языку шакъ совершенно, чтобъ не дѣлалъ
на немъ частыхъ и грубыхъ ошибокъ прошивъ
Граматики; тогда какъ природному языку, или
шакъ называемому живому, можно хорошо на-
учиться по одной наслышкѣ. Я зналъ въ Блажѣ,
въ Трансильваніи, одного мальчика, кошорый
учился Ромынской грамошѣ, а по Лапыни и чи-
пашѣ не умѣлъ; не смошря на шо, обращаясь съ
клириками, кошорые учились въ Латинской
школѣ и пошому всегда говорили между собою
по Лапыни, онъ, по одной наслышкѣ, шакъ успѣлъ
въ Латинскомъ языкѣ, что обо всемъ свободно
на немъ объяснялся; но всѣ слова его были
наполнены грубыми ошибками прошивъ Грам-
матики, и приводили въ смѣхъ клириковъ. Тоже
испытаетъ и всякій, кто шанешъ обучаться
Латинскому языку по наслышкѣ, а не по Грам-
матикѣ: онъ будетъ дѣлать безчисленныя по-
грѣшности въ своихъ словахъ. Сіе случается и
съ шѣми, кошорые учатся въ Латинскихъ шко-
лахъ, но не приобретаютъ совершеннаго познанія
Грамматическихъ правилъ.

Тому же подвергались и древніе молодые Римляне. Почему ихъ родилели и всѣ благоразумные люди всячески старались заводить школы, въ копорыя прилежно ходили бы Римскіе опроки, а ихъ наставники получали бы хорошую плату. Имена многихъ шаковыхъ наставниковъ, называвшихся Граммамиками, доселѣ славятся въ Латинскихъ книгахъ. Древніе молодые Римляне, шакъ какъ и нынѣшніе Ромынскіе юноши, до пѣхъ поръ не оставляли Латинскихъ школъ, пока совершенно не научались искусственному или Грамматическому языку. Сіе видно изъ словъ Квинтилиана въ правилахъ Орапоріи кн. I. гл. 12. *А нашимъ ученикамъ сколько лѣтъ противится Латинскій языкъ?* (At novitiis nostris per quot annos serino Latinus repugnat?) Топъ же Квинтилианъ въ 6 й главѣ показанной книги пишетъ, что *иное дѣло говоритъ по Латини, а иное по правиламъ Грамматики.* (Aliud est Latine, aliud Grammaticae loqui). Здѣсь Квинтилианъ дѣлаешъ явное различіе между языкомъ Латинскимъ, копорый Римскіе опроки всасывають вмѣстѣ съ матернимъ молокомъ, и копорый называется простонароднымъ, и между Латинскимъ языкомъ искусственнымъ, копорому въ продолженіе многихъ лѣтъ учашся по Грамматику.

Также и Цицеронъ въ 5й книгѣ объ Орапорѣ пишетъ, что для того, чтобъ говорить по Латини, наука преподаешъ дѣшямъ правила (praescripta latine loquendi puerilis doctrina tradit). Слѣдовательно языкъ, копорымъ говорили молодые Римляне до своего вступленія въ Латинскія школы, копорый они перенимали опъ своихъ матерей, и

копорымъ вообще говорилъ простой неученый народъ, былъ отличный опъ языка искусственнаго. Сей проспонародный языкъ, какъ природный, не пребовалъ школьнаго Грамматическаго изученія. Такъ равно нѣтъ надобности и Ромынскимъ юношамъ обучаться въ школъ по Грамматику Ромынскому языку, какъ природному и общему всѣмъ Ромынамъ, пошому что и философъ Ромынскій и пасхухъ въ своихъ рѣчахъ не станушь дѣлать ошибокъ прошивъ главныхъ правилъ Грамматики своего языка.

Племянникъ. Но если Латинскій языкъ, копорый нынѣ находимъ въ Латинскихъ книгахъ, понимали полько учившіеся оному многіе годы въ школъ, при помощи Грамматики; то скажите пожалуйста, какъ могли войны понимашь Юлія Кесаря и другихъ полководцевъ, когда они говорили къ своему войску? Уже-ли всѣ Римскіе войны, не выключая и нисшихъ, знали языкъ ученый?

Дядя. Хошя весьма многіе изъ Римлянъ знали ученый Латинскій языкъ, и особливо жившіе въ Римѣ и въ другихъ знашнѣйшихъ городахъ; но большая изъ нихъ часть знали одинъ полько проспонародный языкъ, копорому изучались опъ своихъ маперей. Сей языкъ разумѣли съ младенческа и знаменитые полководцы, и на немъ - то говорили они къ войску; почему всѣ Римскіе войны удобно понимали ихъ.

Племянникъ. Но рѣчи, копорыя произносили полководцы къ войску, мы находимъ писанными на ученомъ Латинскомъ языкѣ. Слѣдовашельно и полководцы говорили ихъ на семъ языкѣ къ войнамъ, а не на другомъ.

Дядя. Я уже выше упомянулъ о семъ, и дѣло извѣстное, что древніе Римляне всѣ свои книги писали на ученомъ Латинскомъ языкѣ, и что никто изъ нихъ не писалъ на общенародномъ. Сіе обыкновеніе было соблюдаемо въ теченіе многихъ вѣковъ и по разрушеніи древней Римской Имперіи. Да и другіе народы, какъ-то: Галлы, Нѣмцы и проч. не иначе писали свои книги, какъ на Латинскомъ ученомъ языкѣ. И какъ Исторіи были писаны на ученомъ Латинскомъ языкѣ; такъ и рѣчи, которыя упомянутые полководцы приносили къ войнамъ на проспонародномъ нарѣчій, были писаны на томъ же ученомъ Латинскомъ языкѣ. Иное дѣло говорить, а иное дѣло писать. Если бы какой либо Турецкій Паша говорилъ къ Турецкимъ войнамъ на Турецкомъ языкѣ, а Историкъ написалъ бы его рѣчь на Нѣмецкомъ языкѣ; то кто бы сказалъ, что Паша говорилъ къ Туркамъ по Нѣмецки?

Племянникъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что древніе Римляне имѣли два языка, одинъ ученый, а другой проспонародный. Но скажише мнѣ, куда дѣвался Римскій языкъ? Уже ли затерянъ?

Дядя. Народный Римскій языкъ съ давнихъ временъ до нынѣ находился въ устахъ нашихъ Ромыновъ. Съ симъ языкомъ пришли предки Ромыновъ изъ Рима, въ царствованіе Императора Траяна, который, побѣдивъ Дакійскаго владѣльца Децебала, и истребивъ коренныхъ жишелей въ Дакіи, какъ о томъ говорится въ Исторіи о *началѣ Ромыновъ въ Дакіи*, и такимъ образомъ

очистивъ сію землю отъ ея древнихъ обитателей, поселилъ на ней многихъ Римлянъ, копорыхъ привелъ изъ всей Римской Имперіи, шо естъ изъ всей Италіи въ Дакію, и копорые заняли всѣ Дакійскіе города и селенія и сдѣлались владѣльцами оныхъ.

Племянникъ. Но если Ромынскій языкъ отъ проспонародный языкъ естъ проспонародный языкъ древнихъ Римлянъ, шо почему Ромыны мало могутъ понимать слова Французскія, Испанскія и даже Италіянскія, между шѣмъ какъ безъ всякаго, по моему мнѣнію, сомнѣнія въ Галлію и въ Испанію Римляне переселились шакже съ своимъ проспонароднымъ языкомъ ?

Дядя. Когда Римляне перешли на жипельство въ Испанію и въ Галлію или Францію, шо нашли оныя населенными древними жипелями шѣхъ спранъ; почему Римскій или Лашинскій проспонародный языкъ въ короткое время смѣшался съ языкомъ шѣхъ жипелей и измѣнился въ своихъ прежнихъ свойствахъ. И когда послѣ того возшли Нѣмецкіе народы въ Испанію и въ Галлію или Францію и шамъ поселились, шо Римскій языкъ еще болѣе повредился отъ смѣшенія съ Нѣмецкимъ. Также и языкъ Италіянскій смѣшался съ языкомъ Лонгобардовъ, когда сіи завладѣли Италіею и поселились въ оной, гдѣ и нынѣ обитающъ подъ именемъ Италіянцевъ; но при всемъ шомъ сей языкъ не шакъ сильно испорченъ. Уже въ послѣдшвиіи времени измѣнили оный Италіянскіе ученые, и особенно спихошворцы, копорые, можно сказашъ, образовали новый Италіянскій

языкъ. Да и доселѣ продолжаютъ измѣнять оный, особенно Тосканцы.

Когда предки Ромыновъ, Римляне, пришли въ Дакію, то нашли сію спрану совсѣмъ безлюдною, и попому Римскій языкъ удобно могъ оспаваться здѣсь безъ поврежденія, пѣмъ болѣе, что праопцы Ромыновъ переселились шуда не въ маломъ числѣ, какъ обыкновенно переселялись другія Римскія колоніи, но въ безчисленномъ множествѣ; а во множествѣ народа языкъ прудно измѣняется. Правда, по переселеніи Римлянъ въ Дакію, многіе варварскіе народы переходили чрезъ оную, и даже нѣкопорые въ продолженіи большаго или меньшаго времени пошоянно тамъ жили, какъ то: Готы и Гениды — народы Нѣмецкаго племени, Гунны и Авары, опрасли Скивовъ; но большее число Ромыновъ, по благородству своей души, чрезъ бракосочетаніе не смѣшивались съ иноспранками, изъ предоспорожности, чшобъ Римскій языкъ не испорчился опъ языка варварскаго. Ромыны никогда и не помышляли о томъ, чшобъ испорчить древній языкъ, съ копорымъ ихъ предки - Римляне пришли въ Дакію, подобно нынѣшнимъ Италіянцамъ, но и доселѣ сохранили оный въ прежнемъ видѣ.

Лавреншій Топелшинъ, Саксонецъ изъ Транвилваніи, въ 9 й главѣ книги подъ заглавіемъ: *Origines et occasus Transylvanorum*, сравнивая Италіанскій языкъ съ Ромынскимъ, шакъ говоритъ: „я думаю, что прежде шого, какъ Даншъ, Боккачіо и Пешрарка изъ Лонгобардскихъ и Гальскихъ барбаризмовъ и изъ оспашковъ проспонародныхъ Латинскихъ словъ образовали нынѣшній новый,

прекрасный и почти Божественный Ипаліянскій языкъ, — Ромынскій языкъ во всемъ былъ сходенъ съ Ипаліянскимъ.“ (Existimo, antequam Dantes, Vocacius et Petrarca ex barbarismis Longobardorum, Gallogumve, et familiaris Latini sermonis reliquiis, novam, hanc Italogum, elegantem et pene divinam, composuissent, Walachicam Italicae lingue per omnia similem fuisse). Видишь ли, какъ нынѣшній языкъ Ипаліянцевъ чрезъ ихъ же самихъ измѣненъ въ своей прежней сущности. Также Топелсинъ приводитъ и мнѣніе Ковачія въ такомъ видѣ: и Ковачій замѣтилъ, что нынѣшній Ромынскій языкъ гораздо болѣе сдержанъ въ себѣ Римскихъ и Лапинскихъ словъ, нежели нынѣшній Ипаліянскій. (Covatus quoque in Dial. de administr. Regni Transylv. observavit, vernaculum istorum Walachorum sermonem — plus fere in se habere Romani et Latini sermonis, quam presens istorum lingua.)

Племянникъ. Калкокондила, одинъ изъ Византійскихъ Писателей, во второй книгѣ говоритъ, что языкъ Ромынскій сходенъ съ Ипаліянскимъ, но такъ поврежденъ и испорченъ, что Ипаліянцы съ ипрудомъ могутъ понимать оный. А изъ сего слѣдуетъ, что не Ипаліянскій, а Ромынскій языкъ уклонился отъ древняго общенароднаго Римскаго языка.

Дядя. Калкокондила писалъ сіе въ 1500 году по Рождествѣ Хрисповѣ, а измѣненіе Ипаліянскаго языка, о которомъ я выше упомянулъ, послѣдовало гораздо прежде; а пошому Калкокондила справедливо говоритъ, что Ипаліянцы не могутъ понимать языка Ромыновъ. Впрочемъ Грекъ Калкокондила не зналъ, что вышесказанное измѣ-

неніе произошло со стороны Ипаліянцевъ, а не со стороны Ромыновъ, почему онъ и опнесъ неразуміе Ипаліянцами словъ Ромынскихъ къ порчѣ Ромынскаго языка; но въ семъ Грекъ погрѣшилъ. Ибо, какъ я уже сказалъ, не Ромынскій, но Ипаліянскій языкъ посредствомъ Ломбардовъ и своихъ ученыхъ уклонился опъ древняго общенароднаго Римскаго языка.

Племянникъ. Но мнѣ кажется, что въ языкахъ Ипаліянскомъ, Гальскомъ или Французскомъ и въ Испанскомъ болѣе Лапинскихъ словъ, нежели въ языкѣ Ромынскомъ. Слѣдовательно языкъ Ромынскій испорченъ, и по причинѣ сей-шо порчи Ипаліянцы съ трудомъ могутъ понимать слова Ромыновъ.

Дядя. Дѣйствительно въ языкѣ Ипаліянскомъ и въ другихъ находятся такія слова, которыя не употребляются у Ромыновъ. Но ты долженъ помнишь, что Ипаліянцы, Испанцы и Французы, съ того самаго времени, какъ приняли Христіанскую Вѣру, всегда находились подъ владычествомъ Римскаго Пашріарха; что въ ихъ храмахъ всегда былъ въ употребленіи Лапинскій языкъ; и что при ихъ богослуженіи не слышно было другаго языка, кромѣ ученаго Лапинскаго. Сіи народы вездѣ имѣли Лапинскія школы, въ которыхъ юношество приобрѣтало совершенное познаніе ученаго Лапинскаго языка; на семъ языкѣ обучали Риторикѣ, Философіи, Богословію, Законовѣдѣнію и другимъ наукамъ. Болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ у сихъ народовъ писали книги не иначе, какъ на одномъ ученомъ Лапинскомъ языкѣ. Послѣ сего не должно удивляться, что въ

упомянутыя языки такимъ образомъ вошли многія Латинскія слова, копорыхъ мы не находимъ въ языкѣ Ромынскомъ. При такихъ обстоятель-ствахъ и не возможно было не вкрасься многимъ Латинскимъ словамъ въ означенные языки. И очевидно, что всѣ тѣ Латинскія слова сихъ языковъ, копорыя не употребляются въ языкѣ Ромынскомъ, заимствованы опъ Латинскаго ученаго языка, вышеупомянутымъ образомъ.

Что же касается до Ромыновъ, то они съ самыхъ древнихъ вѣковъ не имѣли никакого сообщенія съ Римлянами, не обучались ученому Латинскому языку почти до нашихъ временъ; да и нынѣ обучающа оному только въ областяхъ, подвластныхъ Австрійскому Императору. (Примѣч. Авшору безъ сомнѣнiя не было извѣстно, что въ Кишиневскихъ Духовныхъ училищахъ съ самага открытiя оныхъ, т. е. съ 1813 года, обучающъ Ромыновъ или Молдованъ въ числѣ прочихъ наукъ и Латинскому языку). Почему въ ихъ языкѣ сохранились тѣ только Латинскія слова, съ копорыми ихъ предки пришли изъ Рима въ Дакiю, то есть, копорыя издревле употреблялись въ Римскомъ общенародномъ языкѣ. Ромынскiй языкъ — весь Римскiй, соспавленный изъ простонароднаго Латинскаго и изъ другихъ отдѣльныхъ нарѣчiй Италiанскихъ народовъ, копорые, бывъ покорены Римлянами, соспавили съ ними одну нацiю. И сiе-то причиною, что въ Италiи Римскiй языкъ всегда былъ раздѣляемъ на многiе диалекты: ибо по смѣшенiи новыхъ Римлянъ, то есть, покоренныхъ народовъ, и по соединенiи въ одну нацiю съ Римлянами - побѣдителями, не

могло спастись, чшобъ первые не удержали нѣкоторыхъ словъ и видоизмѣненій своихъ и прежнихъ нарѣчій; откуда произошло, что Римскій языкъ въ Италійскихъ провинціяхъ заимствоваль новыя слова, новое произношеніе и тому подобное, смотря по свойству сего народа. Нѣкоторыя слова въ одной Италіанской провинціи не были въ употребленіи, а въ другихъ требовались новыя, по свойству языковъ, на которыхъ прежде говорили сіи народы. Таковая разность діалектовъ и нынѣ сущесивуетъ въ Италіи, такъ что находящіеся въ дальномъ между собою разстояніи жители съ трудомъ могутъ понимать другъ друга. Изъ Италіи же перешли и въ Дакію многіе отдѣльные діалекты словъ; и въ однихъ только церковныхъ книгахъ діалектъ осался въ цѣлости.

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что не Ромыскій языкъ, но Италіанскій и другіе поперѣли измѣненіе; и потому-то нынѣ Италіанцы, Испанцы и Французы мало могутъ понимать Ромыновъ. Равно и по не менѣе достоверно, что шотъ, кто хочетъ правильно судить о древнемъ Римскомъ просонародномъ языкѣ, долженъ принять въ пособіе языкъ Ромыновъ. Многіе ученые мужи, разсуждая о семъ измѣненіи, но не зная Ромынскаго языка, соспалили неправильное понятіе о древнемъ Римскомъ просонародномъ языкѣ.

Племянникъ. Немногія Латинскія слова, какъ мнѣ кажется, находящяся въ Ромынскомъ языкѣ; но ббольшая часть изъ нихъ заимствована изъ на-

рѣчій Ипаліянскихъ народовъ, покоренныхъ Римлянами и съ ними соединившихся въ одну націю.

Дядя. Правда, въ Ромынскомъ языкѣ есть много словъ и означенныхъ Ипаліянскихъ народовъ, но бѣльшая часпъ изъ нихъ заимспвована изъ языка Лапинскаго. Для шѣхъ полько кажется, что немногія Лапинскія слова находящяся въ языкѣ Ромынскомъ, копорые сравниваюпъ Ромынскій языкъ съ Лапинскимъ ученымъ языкомъ, не обращаю вниманія на проспонародный Лапинскій языкъ; ибо многія слова Лапинскаго проспонароднаго языка, находящіяся въ языкѣ Ромынскомъ, Лапинскій ученый языкъ преобразилъ, и далъ имъ другой видъ; посему - по они съ перваго взгляда и кажутся не Лапинскими. Но если вникнешь, при руководствѣ мною принятаго правописанія, въ сокровенное начало или корень ихъ; то увидишь, что онѣ Лапинскія, равно какъ и шѣ, копорыя мы находимъ въ книгахъ, писанныхъ на Лапинскомъ ученомъ языкѣ. И дѣйствительнo, пока Ромыны будутъ писать Кириловскими буквами, копорыя въ употребленіи у Сербовъ и Русскихъ, и копорыя съ тою хитростію введены у Ромыновъ, чтобъ совершенно уничтожить ихъ языкъ, до шѣхъ поръ Лапинскія слова не будутъ примѣшны въ Ромынскомъ языкѣ. Въ такомъ - то дыму скрываютъ ихъ благородное лице, и содержатъ ихъ какъ бы въ нѣкоей мрачной темницѣ горько заключенными, безъ всякой надежды освобожденія! Часто мнѣ случалось недоумѣвать о какомъ - либо словѣ, Лапинское ли оно? но какъ скоро я писалъ его Лапинскими буквами; то оно съ блескомъ

являло мнѣ свое Латинское лице, и какъ будто улыбалось ко мнѣ опъ радости, что я избавилъ его опъ неволи и опъ нищенскихъ Кирилловскихъ рублищъ. а).

Племянникъ. Въ Ромынскомъ языкѣ еспъ такія слова, копорыхъ нынѣ не находимъ ни въ Латинскомъ ученомъ, ни въ Италіанскомъ, ни въ Испанскомъ, ни во Французскомъ, ни въ другихъ намъ извѣстныхъ языкахъ: сіи слова ясно показываютъ, что предки Ромыновъ заимствовали оныя опъ варварскихъ народовъ, которые въ древнія времена переходили чрезъ Дакію, и которые нынѣ болѣе уже не существуютъ.

Дядя. Пустыя и ничего несущія догадки — искашь Ромынскихъ словъ въ языкахъ сихъ изчезнувшихъ народовъ, о копорыхъ не извѣстно, какой они и языкъ употребляли. Я выше сказалъ, что въ Италіи были и нынѣ существуютъ многіе діалекты; почему должно думать, что помянутыя слова принесены въ Дакію предками Ромыновъ изъ какой-либо Италіанской области; что онѣ въ послѣдствіи времени, какъ по обыкновенно случается, въ Италіи преданы забвенію, а у Ромыновъ и доселѣ сохранились. Не слу-

---

а) Надолио знать, что какъ лексиконъ, изъ копорыхъ заимствованъ сей разговоръ, такъ и самый разговоръ писанъ Латинскими буквами, и потому непривыкшему къ правописанію дяди странно видѣшь Молдавскія слова такъ изуродованными. Напр. Ачестн-сей, aquest; ашез-располагаю, asedu; ашѣ-такъ, asiè; ашз-слухъ, andi. И къ лицу ли сіе ильное Римское одѣліе бѣдному Молдавскому языку? *Примѣч. Перев.*

чалось ли подобное сему и съ здѣшними Ромынами? Нѣкоторыя Латинскія слова у Ромыновъ изъ Дакии Авреліановой и донинѣ въ употребленіи, между тѣмъ какъ у Ромыновъ изъ Дакии Траяновой ихъ вовсе не слышно; равнымъ образомъ и нѣкоторыхъ словъ, извѣстныхъ въ Дакии Траяновой, напрасно будемъ искать въ Дакии Авреліановой. Скажу болѣе, въ Дакии Траяновой, въ одной извѣстной обласпи, или въ одномъ діалектѣ, употребляются такія Латинскія слова, которыхъ не находимъ въ другомъ діалектѣ той же Дакии; подобное замѣчаемъ и въ Дакии Авреліановой. Да и у Словянъ въ одномъ діалектѣ употребляются такія слова, которыхъ въ другомъ діалектѣ совсѣмъ неизвѣстны. Сіе случилось не съ одними словами Римскаго, но и вообще со всѣми другими ученаго Латинскаго языка. Напр. на древнѣйшихъ двѣнадцати Римскихъ таблицахъ стоить въ прешьемъ лицѣ глаголь: *escit, escint* вмѣсто *sit, sint*. Вторыхъ и первыхъ лицъ сего глагола нигдѣ не находимъ въ Латинскихъ книгахъ: онѣ зашерыны въ ученомъ Латинскомъ языкѣ; но у Ромыновъ Дакии Траяновой употребляется второе лице: *esci* (эщѣ) — *es*, а у Ромыновъ Дакии Авреліановой въ употребленіи и первое лице: *esci* (эску) — *sum*. Инакъ если нѣкоторыя и книжныя слова, по естѣ слова ученаго Латинскаго языка, на кошоромъ писаны книги, не уцѣлѣли, но зашерыны; по тѣмъ болѣе у брагій нашихъ Италіянцевъ, съ кошорыми, по пришествіи сюда нашихъ предковъ, случились многія перемѣны, нѣкоторыя слова мо-

гли бытъ попереяны безвозвратно, между шѣмъ какъ у Ромыновъ сохранились оныя и понынѣ.

Племянникъ. Все сіе такъ сильно, обстоятельно и ясно доказано, что шопъ только можеть въ семъ сомнѣваться, кпо при солнечномъ свѣтѣ привыкъ слѣпошествовать. Я увѣренъ, что Ромынкій языкъ еспъ древній просонародный языкъ Римскій; но мнѣ хошѣлось бы знать: когда получилъ начало сей просонародный Римскій или Лашинскій языкъ, на кошоромъ говорилъ народъ?

Дядя. Древность Лашинскаго общенароднаго языка споль глубока, что мы не можемъ знать его происхожденія; извѣстно только, что Лашинскій общенародный языкъ задолго до основанія Рима существовалъ въ странѣ такъ называемой Лаціумъ, въ кошорой и Римъ построень. Но когда Римляне, по построеніи Рима, мало помалу покорили всѣ Италіанскіе народы, по многія слова и свойства нарѣчій сихъ народовъ введены въ языкъ Лашинскій; и такимъ образомъ соспавился Римскій общенародный языкъ, какъ выше сего сказано, кошорый послѣ и оспался уже въ употребленіи у всѣхъ Италіанскихъ народовъ. Сей языкъ распространился по всей Италіи, и назывался Лашинскимъ, Римскимъ и въ послѣдствіи Италіанскимъ.

Племянникъ. Я не сомнѣваюсь, что Лашинскій книжный языкъ древнѣе общенароднаго Лашинскаго языка.

Дядя. Совсѣмъ нѣшъ. Книжный Лашинскій языкъ, искусственный, ученый, а не природный, подобно Лашинскому общенародному языку; а

извѣстно, что природа древнѣ искусства. Ла-шинскій книжный языкъ образовался изъ Лашинскаго проспонароднаго языка, но еслѣ былъ передѣланъ съ языка народнаго; такъ и всякой образованный языкъ ведешъ свое начало отъ языка народнаго. Посему - то онъ мало помалу былъ обогащаемъ, украшаемъ и усовершенствуемъ до временъ великаго Римскаго Орапора Цицерона. Сіи времена названы золопымъ вѣкомъ Лашинскаго ученаго языка; но съ сего вѣка не сдѣлано уже въ немъ никакого значительнаго приращенія.

Племянникъ. Когда же сославился Лашинскій книжный или ученый языкъ?

Дядя. Основателемъ сего языка былъ Лашинъ, Царь Лакійскій. О немъ Евпропій въ 1 й книгѣ такъ пишешъ: „Въ царствованіе Лашина (въ Лаціумѣ), копорый исправилъ Лашинскій языкъ и отъ копораго Лапиняне получили свое названіе, Троя взята Греками, въ лѣто отъ сошворенія міра 4018, а до основанія Рима за 304 года.“ (Regnante tamen Latino (in Latio) qui latinam linguam correxit, et Latinos de suo nomine appellavit, Troja a Graecis capta est expletis a mundi principio annis IV. m. XVIII, ante urbem conditam annis CCC et IV’).

Племянникъ. Но упомянутыя слова не Евпропьевы, а приведены изъ одного писателя 10 вѣка. Ихъ нѣтъ въ изданіи Евпропія, копорое мы имѣемъ.

Дядя. Сіи достопримѣчательныя слова я читалъ въ Венеціанскомъ изданіи Abg 1521 года.

Племянникъ. Но не можно вѣришь, чтобъ сіи слова были Евпропьевы, копорый жилъ нѣсколькими вѣками послѣ временъ Лашина.

Дядя. Было бы несправедливо не вѣришь ша-
 кому мужу, каковъ Евпропій, по шому только,
 что онъ жилъ нѣсколькими вѣками послѣ Лапи-
 на; припомъ не можно предполагашь, чшобъ онъ
 имѣлъ какой-либо интересъ безъ зазрѣнія совѣ-
 сти лгашь въ семъ случаѣ; а пошому остаешся
 вѣришь, чшо Евпропій не изъ своей головы вы-
 думалъ сіе мнѣніе, но начипалъ оное въ какомъ-
 либо древнемъ сочиненіи, которое, какъ и ты-
 сячи другихъ, заперяно и до насъ не дошло. Но
 слѣды сего мнѣнія находяшся и у Варона, о ко-
 торомъ пакъ свидѣтельспвуетъ Квинтилианъ
 въ I главѣ 10 книги Наспавленій Орапорскихъ:
 „Тереншій Варонъ ученѣйшій мужъ между Рим-
 лянами. Онъ сочинилъ очень много книгъ и при-
 помъ ученыхъ, былъ весьма знающъ въ Лашин-
 скомъ языкѣ и во всѣхъ древнихъ событіяхъ какъ
 Греческихъ, пакъ и нашихъ.“ (Terentius Varo vir
 Romanorum eruditissimus, plurimos hic libros et doctis-
 simos composuit, peritissimus linguae Latinae et omnis
 antiquitatis, et rerum Graecarum nostrarumque.) Ва-
 ронъ, какъ я уже сказалъ, въ своей книгѣ о Ла-
 шинскомъ языкѣ, которую онъ посвятилъ другу
 своему Цицерону, говоритъ: „Мнѣ показалось
 неприличнымъ не упомянуть о шомъ, что слово,
 изобрѣшенное Эніемъ, гораздо прежде шого было
 уже изобрѣшено Царемъ Лапиномъ.“ (Non enim
 videbatur consentaneum, me eo in verbo quod finxisset
 Enius, causam negligere, quod ante rex Latinus fin-
 xisset.)

Здѣсь Варонъ показываешъ, что нѣкоторое
 слово, о которомъ думали, чшо Эпій изобрѣлъ и
 ввелъ оное въ Лашинскій ученый языкъ, изобрѣ-

пено не Эніемъ, но Лапиномъ; а изъ сего ясно опшкрывается, что Лапинъ сдѣлалъ нѣкоторое измѣненіе въ языкѣ Лапинскомъ: слѣдовашельно вышепомянутыя слова, хопя бы онѣ были Евшпропїевы, хопя бы другаго писашеля, не сказаны безъ основанія. Если бы Варонъ при своихъ обширныхъ познаніяхъ о древнихъ происшесшвіяхъ Лапиновъ имѣлъ случай проопраннѣ говорншь о семъ предметѣ, то онъ со всею ячноспію показалъ бы, что Лапинъ былъ первымъ изобрѣшашелемъ Лапинскаго ученаго языка.

Племянникъ. Что побудило Лапина и его послѣдовашелей измѣнншь Лапинскій проспонародный языкъ и образовашь изъ него ученый?

Дядя. Когда Лапины тѣснѣ соединились съ Греками и замѣшили, что у нихъ многія науки написаны на ихъ Еллинскомъ языкѣ; по и сами, изъ подражанія Грекамъ, спали занимашься науками; а дабы сдѣлашь свой языкъ удобнымъ къ изложенію и распросшраненію наукъ, по они начали, по примѣру языка Еллинскаго или Греческаго, изъ кошораго заимстшвовали познанія, образовашь свой языкъ, и въ семъ они наиболѣе успѣли посредспвомъ переводовъ книгъ съ Греческаго языка на Лапинскій. Посему - по Лапинскій ученый языкъ во всемъ удержалъ свойспво языка Еллинскаго. Да и Квинпилианъ свидѣшшельспвуешь, что Лапинскій языкъ весьма сходенъ съ Греческимъ, а особенно съ Эолійскимъ діалектомъ. Вошъ слова его: „Continet (Etymologia) autem in se multam eruditionem, sive illa ex Graecis orta tractemus, quae sunt *diurima*, praecipueque *Aeolica* ratione

(cui est sermo noster *simillimus*) declinata : sive ex historiarum veterum notitia.“ Instit. Orat. lib. I. cap. 6.

Племянникъ. Но какъ Лапинскій ученый языкъ началъ образоваться изъ языка просонароднаго?

Дядя. Однимъ изъ первоначальныхъ измѣненій, какъ мнѣ кажется, была перемѣна окончаній словъ. Такъ какъ всѣ слова Лапинскаго просонароднаго языка оканчивались на гласныя буквы, по ученые Лапины, по примѣру Грековъ, начали прибавлять къ концу нѣкоторыхъ словъ согласныя; а что всѣ слова Лапинскаго языка въ древности оканчивались на гласныя буквы, сіе вывожу изъ того, что не только въ Испаліанскомъ, но и въ Ромынскомъ языкѣ, перенесенномъ изъ Испаліи въ началѣ 2 го столѣтія по Р. Христова, и нынѣ всѣ слова оканчиваются на гласныя буквы. Изъ сего не безъ основанія заключить можно, что и у древнихъ Лапинянъ, до соединенія ихъ съ Греками, всѣ слова оканчивались на гласныя буквы. А если кто захочетъ сіе отвергать, то пусть укажетъ на начало обыкновенія Испаліанцевъ и Ромыновъ не упошреблять на концѣ словъ согласныхъ буквъ; а какъ сего никто не можешь сдѣлать, то и слѣдуетъ заключить, что у древнихъ Лапинянъ было обыкновение всѣ слова оканчивашь на гласныя буквы.

У Ромыновъ изъ Дакіи Авреліановой и нынѣ всѣ слова оканчиваются на гласныя буквы, шакъ какъ и у Испаліанцевъ; но у Ромыновъ изъ Дакіи Траяновой по большей части на концѣ опускается гласныя ъ, отъ чего у нихъ многія слова оканчиваются на согласныя. Впрочемъ предки Ромыновъ въ такомъ случаѣ въ письмѣ прилагали къ

концу согласной Кириловское ъ, которое не имѣло никакого звука, а только показывало, что на семь мѣсѣхъ должна бы стоять гласная ѹ. Но если такое слово соединяется съ членомъ определеннымъ, или съ другою какою либо частицею, то тогда гласная буква снова занимаетъ свое мѣсто; напр. Ромянь-ромянѹл; Грекъ-Грекъѹл; дяндѹ (дая—дая намъ); ругяндѹ-ругяндѹше (прося—прося себя); лъсяндѹ лъсяндѹсе (оставляя—оставляя себя); Фак-Факѹл (дѣлаю—дѣлаю это) и проч. Смори примѣчанія на рецензію исторіи: О началѣ Ромыновъ въ Дакии.

Племянникъ. Сказанное вами объ окончаніи Италіянскихъ словъ на гласныя буквы справедливо въ отношеніи къ Италіянскому языку, образованному, исправленному учеными Италіянами, о чемъ и выше вы упомянули; но какъ Ломбарды и Фурланы сего обыкновенія не имѣютъ, то и вашъ доводъ разрушается.

Дядя. Если ты возьмешь вниманіе ихъ характеръ и сосѣдство ихъ жилищъ съ другими иностранными народами, то переспанешь удивляясь, что они уклонились отъ свойства древняго Италіянскаго языка. Уже ли ты не знаешь, (какъ я о томъ и выше говорилъ), что Ломбарды или Лонгобарды произвели великую перемѣну въ Италіянскомъ языкѣ, переселясь въ Италію? И такъ не удивительно, что Ломбарды удержали свойство своего Нѣмецкаго языка оканчивать слова на согласныя буквы. Но искашь свойства истиннаго Италіянскаго языка у Ломбардовъ и у Фурлановъ поже бы значило, какъ если бы что захопѣлъ найшій чистый Ромынскій языкъ у

Ромыновъ, обитающихъ на предѣлахъ Булгаріи и Россіи, или еслибъ кто хотѣлъ открыть свойство Словянскаго языка въ діалектѣ Карніоланъ, или въ діалектѣ Сербовъ, копорый естъ странная смѣсь многихъ различныхъ языковъ. И хотя нѣкопорые Италіянцы, и особенно Спихотворцы, для сокращенія часто отбрасываютъ гласную на концѣ слова, равно какъ и Ромыны изъ Дакіи Траяновъ, о чемъ уже и выше сказано; но симъ не опровергается упомянутый мною доводъ объ окончаніи словъ на гласную букву.

Племянникъ. Не взошли ли и въ книжный Латинскій языкъ слова Италіянскихъ народовъ, сославившихъ съ Римлянами одну націю, такъ какъ оныя взошли въ языкъ Римскій, названный послѣ Италіанскимъ?

Дядя. Безъ сомнѣнія взошли, и особенно изъ языка Сабинянъ.

Племянникъ. Но не въ сіи ли древнія времена взошло и изъ Словянскаго языка то множество Словянскихъ словъ, копорыя встрѣчаются въ Латинскомъ, Италіанскомъ и Ромынскомъ языкахъ?

Дядя. Не понимаю, что ты хочешь сказать.

Племянникъ. Весьма многія слова, какъ въ ихъ наслоящемъ видѣ, такъ и съ нѣкопорыми измѣненіями, находятся въ Латинскомъ ученомъ языкѣ, въ языкахъ Италіанскомъ и Ромынскомъ, копорыя употребляются также и въ языкѣ Словянскомъ или Сербскомъ; не заимствованы ли сіи слова въ древнія Римскія времена Латинянами, или Римлянами, или Италіанцами отъ ихъ сосѣдовъ — Сербовъ, или Словянъ?

Дядя. И за симъ еще не понимаю швоихъ рѣчей.

Племянникъ. Въ прошедшемъ (1824) году нѣкопорый мужъ изъ Кроаціи, по имени Павелъ Сѡларичъ, напечаталъ въ Будѣ Сербскую книгу, въ копорой пишешъ, что Словяне — самый древній народъ въ сей часши свѣша, и говоришъ, что шѣ слова, копорыя находящяся какъ въ Словянскомъ, такъ равно и въ Лашинскомъ языкѣ, заимшвованы Лашинами ошъ Словянѣ.

Дядя. Мнѣніе сіе самое смѣшное и нелѣпое, пошому что ни Словяне, ни ихъ языкъ не были извѣсны жипелямъ сихъ спранъ до начала шестаго вѣка по Р. Христовѣ. Въ сіе же время изъ-за Карпатскихъ горъ, опдѣляющихъ Венгрію ошъ Польши, или земли Лешской, и изъ-за рѣки Эльбы, гдѣ лежишъ Германія или земля Штецкая, нахлынуло безчисленное множество народовъ. Какъ же могли Лашиняне ошъ народа неизвѣснаго и ошъ языка невѣдомаго заимшвовашъ слова?

Племянникъ. Прошу извинишъ; ибо какъ шѣ, что говоришъ Сѡларичъ, вамъ кажещяся спраннымъ; такъ и ваша рѣчь мнѣ кажещяся голословною и никакими доводами неподшвержденною.

Дядя. Послушай! Юрнандъ, жившій въ то время, когда нѣкопорые Словяне изъ древняго своего опечешва въ великомъ множествѣ шпорглись въ сіи спраны, и писавшій Ишпорию о Гешскихъ происшешствіяхъ около половины 6 вѣка по Р. Христовѣ, въ 5 главѣ такъ описываешъ прежнее опечешво нашихъ Словянъ, копорыхъ всѣ древніе писашели называли Склавинами или Склавами.; Далѣе вшущи находишяся Дакія, на подо-

біе короны окруженная высокими горами; по лѣвую сторону оныхъ къ Сѣверу и опъ успья рѣки Вислы на неизмѣримомъ пространствѣ обитало многочисленное племя Винидовъ, коихъ имя хопя нынѣ по различію фамилій и мѣстъ не одинаково, но преимущественно они называются Склавинами и Аншамн. Склавинны обиташу опъ новаго города и Склавинно-Румуненца и опъ озера, называемаго Мусіанъ, до Днѣстра, и къ Сѣверу до рѣки Вислы. Въмѣсто городовъ они занимающу болота и лѣса. Аншы же, почиашуіеся между ними сильнѣйшими и прилегающіе къ Черному морю, просширающу опъ Днѣстра до Днѣпра, а сіи рѣки находяшя одна опъ другой въ дальномъ разстояніи.“ (Introrsus illi Dacia est ad coronae speciem arduis alpibus emunita, juxta quorum sinistrum latus, quod in aquilonem vergit et ab ortu Vistulae fluminis per immensa spatia venit — *Vinidarum natio populosa consedit*. Quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutantur, principaliter tamen Slavini et Antes nominantur. Slavini a civitate nova et Slavino-Rumunense et lacu, qui appellatur Musianus, usque ad Danastrium et in Barcam Viscla tenus commorantur. Hi paludes sylvasque pro civitatibus habent. Antes vero, qui sunt eorum fortissimi, qui ad Ponticum mare curvantur, a Danastro extenduntur usque ad Danaprium, quae flumina multis mansionibus abinvicem absunt.) Сіи мѣста, показанныя Иорнандомъ, находяшя, какъ самъ видишь, по шу сторону Карпатскихъ горъ и за Германскою рѣкою Эльбою. Тамъ обитали Сербы и всѣ древніе Словяне или Склавы до переселенія ихъ въ сіи страны; шамъ и нынѣ находяшя без-

численное множество Словянъ подъ именемъ Руссовъ или Москалей и Полоновъ или Ляховъ.

Послушаемъ шеперь Спрабона, жившаго во дни Августа и Тиберія, Римскихъ Императоровъ, и оставившаго намъ VII книги главы 2 въ § 4, своего землеописанія слѣдующія свѣдѣнія: „То, что находится за Эльбою къ океану, намъ совершенно неизвѣстно; ибо мы не знаемъ, кто изъ древнихъ совершилъ мореплаваніе по сему берегу къ Воспоку до устья Каспійскаго моря, да и Римляне не были въ справахъ, лежащихъ за Эльбою, и никто другой сухимъ путемъ туда не доходилъ; и кто живетъ за Германцами и ихъ сосѣдями, Баспарными, какъ многіе думаютъ, или иные поселенцы, или Языги, или Роксоланы, или другіе кочевые народы, — сіе трудно опредѣлить.“
(*Quae autem trans Albim ad oceanum sunt, nobis prorsus sunt incognita. Nam neque priorum quenquam compertum habemus istud litus proternavigasse versus orientem usque ad Caspii maris fauces: neque ultra Albim sita Romani adiverunt; sed ne terrestri quidem itinere quisquam illa perlustravit. Quid autem sit ultra Germanos, et alios iis confines, sive ii sunt Bastarnae, ut plerique putant, sive alii interjecti, sive Iazzges, sive Roxolani, sive alii in curribus domicilia habentes non est facile dictu*).

Изъ сего видно, что Словяне до временъ Спрабона вовсе не были извѣстны Римлянамъ, и ихъ языкъ не былъ вѣдомъ Римлянамъ или Италіянцамъ; ибо онъ былъ въ употребленіи только по ту сторону Германіи, тогда какъ Римляне и не знали, какой тамъ народъ обитаетъ. И слѣдовательно мнѣніе, что Лапіняне заимствовали

нѣкопорыя слова отъ Словянъ , есть нестерпимая ложь — плодъ головнаго круженія. Когда Словяне перешли сюда изъ - за Карпатскихъ горъ и по своему заговорили , то наши предки ужаснулись отъ сего неслыханнаго, страннаго и отвращительнаго языка. Посему-то Прокопій , писавшій въ одно время съ Иорнандомъ, въ 3 й книгѣ о Готской войнѣ въ 14 главѣ, подробно описывая Словянъ и Анповъ , гнушается ихъ языкомъ и называетъ оный варварскимъ. Вотъ его слова : „Сии народы , Склавинны говорю, и Анпы не одному челоуѣку подвластны; но у шѣхъ и у другихъ одинъ языкъ самый варварскій.“ (*Hi populi Sclaveni, inquam, et Antes, non uni parent viro; una est utriusque lingua admodum barbara*).

Племянникъ. И пакъ шѣ слова , копорыя находящяся какъ въ Словянскомъ , пакъ и въ Лапинскомъ языкѣ , заимствованы у Лапинянъ или Римлянъ ?

Дядя. Конечно ! Въ семъ нѣшъ никакого сомнѣнія.

Племянникъ. Когда же и какимъ образомъ Словяне приняли шѣ слова въ свой языкъ ?

Дядя. Словяне въ безчисленномъ множествѣ вышедъ изъ своей земли изъ-за Карпатскихъ горъ, и собравшись на лѣвой споронѣ Дуная , держась внизъ по теченію сей рѣки , перешли чрезъ оную въ предѣлы Римской Имперіи , грабили и умерщвляли безъ различія всѣхъ, имъ попадавшихся мужей , женъ , юношей , стариковъ и младенцевъ , какъ о семъ говоритъ Прокопій , того времени писатель , въ 3 книгѣ о войнѣ Готской. Въ царствованіе Иустиніана они множество Римлянъ

опвели въ рабство. Послушай, что пишетъ Прокопій въ 18 главѣ своей тайной Исторіи: „Прежде Италіанской войны Готское царство простиралось отъ Гальской обласпи до предѣловъ Дакии, гдѣ находишься городъ Сирмій. Впрочемъ, поелику Римское войско находилось въ Италіи, то большую часть Гальской и Венеціанской обласпи занимали Германцы; Сирмію же и сосѣднею обласпію владѣли Гепиды. Вся сія страна вовсе не имѣетъ жилищей, которые частью испреблены войною, а частью погибли отъ чумы и болѣзней, обыкновенно слѣдующихъ за войною. Илирикъ и вся Фракія, Греція, Херсонесъ и всѣ обласпи и народы, жившіе отъ устья Іонійскаго моря до сѣмага Конспаншинополя, сначала царствованія Іустиніана почти ежегодно жесточайшимъ образомъ были опустошаемы отъ Гунновъ, Склавиновъ и Анповъ. Полагаю, что при всякомъ нападеніи болѣе двухъ сотъ тысячъ были по умерщвляемы, по опводимы въ плѣнъ; такъ что сіи обласпи вскорѣ обращены въ Скиѣскія пущыни.“ (Ante bellum italicum Gotthorum Imperium ex Gallorum agro ad usque Daciae fines, ubi civitas Sirmium est, protendebatur. Caeterum cum Romanorum copiae erant in Italia Gallicani et Venetici agri magnam partem Germani occupabant; Sirmium vero, vicinamque regionem Gepedes habebant. Totus hic terrarum tractus prorsus est mortalibus destitutus, partim bello deletis, partim lue morbisve, quae consequi bella solent. Illiricum Thraciamque totam, Graeciam, Chersonesum et omnes, quae a faucibus Ionii maris ad Bizantios usque suburbanae interjectae regiones populique sunt, ex quo tempore rerum potitus est Iustinianus, Hun-

ni, Sclaveni, Antae pene quotannis incursionibus crudelissime depopulati sunt. Crederem Romanorum supra ducenta millia singulis irruptionibus, qua fusa, qua in servitutem abacta, ut in his provinciis Scythicas solitudines videre sit.) И Словяне, какъ говоришь Прокопій во многихъ мѣстахъ означенной книги, ходили по обласпямъ Римскимъ безпрепятственно; ибо никто не могъ имъ прошивиться, и селились въ оныхъ, гдѣ кому было угодно. Такимъ образомъ какъ многіе Римляне, находившіеся у Словянъ въ рабствѣ, шакъ и шѣ, у которыхъ Словяне поселились по ихъ покореніи, принуждены были обучаться варварскому Словянскому языку, и въ сіе время, какъ по обыкновенно случается, многія Римскія или Лашинскія слова привмѣшались къ языку Словянскому. Такъ и другіе Словяне, какъ по Хорваты, Сербы и Булгары, поселясь въ шѣхъ странахъ, гдѣ издревле обитали Ромыны, своимъ множествомъ принуждали ихъ (что и нынѣ дѣлають нѣкоторые Сербы) учиться Словянскому языку, и до того довели ихъ, что они забыли свой языкъ природный. Такъ поступали Словяне и съ другими народами, которые, изучась Словянскому языку и забывъ свой, послѣ были почитаемы за Словянъ; и сіе-то было причиною шакой многочисленности нынѣшняго Словянскаго племени. Но при шакомъ обшояпельствѣ, какъ я выше упомянулъ, и ошъ Римлянъ или Лашинянъ многія слова и выраженія внесены въ языкъ Словянскій. Сему много содѣйствовалъ и Констаншинъ, названный въ монашествѣ Кирилломъ, который, обративъ Словянъ въ Христіанскую вѣру, многія книги съ Грече-

скаго и Латинскаго языка перевелъ на Словянскій, при чемъ замѣшивъ, что Словянскій языкъ грубъ, скуденъ и неспособенъ къ изложенію на немъ какихъ-либо упонченныхъ предметовъ, не только все словосочиненіе, но и свойство Греческаго языка ввелъ въ Словянскій языкъ, и по сему свойству исправилъ Словянскія книги, которыя были въ общемъ употребленіи у всѣхъ Словянскихъ народовъ; онъ ввелъ также многія Греческія и Латинскія слова, изъ коихъ однѣ были уже въ употребленіи у Словянъ, заимствовавшихъ оныя (какъ выше сказано) отъ Ромыновъ, а другія, за недоспашкомъ Словянскихъ, нужно было вновь ввести въ употребленіе, въ прежнемъ ли, или въ другомъ особенномъ видѣ. Такимъ образомъ многія Латинскія слова вошли въ Словянскій языкъ, изъ которыхъ однѣ съ перваго взгляда можно признашь за Латинскія, другія шакъ измѣнены, что удержали только Латинскій корень, а въ нѣкоторыхъ всѣ Латинскія буквы, но переставлены; такъ напримѣръ въ словѣ *сваки* Это Латинское слово *quavis*: и въ Словянскомъ ни больше, ни меньше буквъ прошивъ Латинскаго. Такъ *qu* соотвѣтствуетъ буквѣ *k*; а если прибавимъ къ ней *a*, то составимся *qua*; прибавъ къ сему слову *v*, *i*, *s*, будетъ *vis*, а все вмѣстѣ составимъ *quavis*. (*Примѣч. перевод.*) Слово сіе употребляется въ Сербскомъ языкѣ. Такъ напр. Свакій дужанъ, естъ на свакомъ мѣсту и на сваки часъ славимъ и хвалимъ Бога, ш. е. всякій долженъ на всякомъ мѣстѣ и во всякій часъ славимъ и хвалимъ Бога. Но сіе слово очевидно естъ Словянское съ переложеніемъ буквъ: *всякій*; такъ какъ и слова:

все, всего, всль, всльхъ, посербски пишущся : све, свега, сви, свихъ и проч.). Съ книгами, копорыя, какъ выше сказано, перевелъ Кириллъ, введены въ употребленіе Лапинскія слова у всѣхъ самыхъ опдаленныхъ по мѣшопребыванію Словянскихъ народовъ.

Племянникъ. Сіе пакъ очевидно, что не подлежишь никакому сомнѣнію, и я не могу довольно надивисься, какъ могъ Соларичъ сказаць, что шѣ 700 словъ, копорыя онъ исчислилъ въ вышесказанной книгѣ, Лапиняне заняли опъ Словянь. По моему мнѣнію, эшо все равно, какъ если бы кто изъ Цыганъ, въ языкѣ коихъ находящся слова всѣхъ народовъ, у копорыхъ они поспоянно или временно кочевали, — поднялся, а за нимъ и весь цыганскій шаборъ — и началъ бы во весь рожъ кричаць, что всѣ сіи знаменитые народы опъ нихъ заимспвовали шѣ слова, копорыя находящся и въ ихъ языкѣ и въ языкѣ Цыганъ.

Дядя. О, гораздо болѣе 700 словъ находишься въ языкѣ Словянскомъ, заимспвованныхъ изъ языка Лапинскаго или Римскаго! Чшо же касаетъся до Соларича, шы долженъ знаць, что въ Кроаціи ешь многочисленное племя людей, называемыхъ Влахами или Власами, какое имя на Словянскомъ языкѣ означаешъ Римлянь; чшо сіи люди до XII го вѣка по Р. Х. извѣсны были подъ Лапинскимъ названіемъ: *Romani*, пакъ какъ и мы Ромыны, и чшо они шакже попомки Римлянь, копорыхъ Хорвашы нашли шамъ древними жипелями, да и въ Комипашѣ Посегскомъ до нынѣ сущешвуешъ имя малой Валахii (*Valachia parva*). Соларичъ изъ сего племени, а не Словянинъ; а попому мо-

жесть бышь онъ въ превращномъ смыслѣ сказалъ, что означенныя 700 словъ опъ Словянъ заимствованы Лапшннннми, но на самомъ дѣлѣ онъ хопѣлъ только показашъ Свѣшу, сколько словъ заимствованы Словяне опъ Лапшнннн.

Племянникъ. Не знаю, что мнѣ сказашъ на это; пошому что между Сербамн мало находншся такихъ, которые бы хорошо понимали книжный Словянскнй языкъ, не смощра на то, что они и сами Словяне.

Днн. Сн нмало не служншь безславнємъ для Сербовъ; пошому что Словянскнй языкъ, находящнйся въ церковныхъ Словянскихъ книгахъ, никогда не былъ въ общемъ употребленнн у Словянъ. Это языкъ новый, совершенно чуждый свойству Словянскаго языка, изобрѣшеннй уже въ вѣкѣ по Р. Х., и исправленнй, какъ вышо сказано, Грекомъ Кирилломъ по словосочиненню и свойству языка Греческаго. И пакъ, кпо не знаешъ Греческаго, пакъ называемаго Еллинскаго языка, на которомъ писаны церковныя книги и съ коего переведены Словянскнн, и кпо не сличашшь первыхъ съ послѣдннми, шощъ не можешъ понимашъ церковныхъ Словянскихъ книгъ надлежащнмъ образомъ; а изъ сего слѣдуешъ, что пока Сербн будушь пишашъ свои книги о полезныхъ предметахъ на вышесказанномъ Словянскомъ языкѣ, — до шого времени они ошпанушся въ прежнемъ невѣжествѣ: ибо не только другнн Сербн не могушь понимашъ написаннаго шакнмъ образомъ, но и многн изъ писателн шого не разумѣюшь; почему здравый смыслъ пребуешъ,

чтобъ они писали свои книги на природномъ языкѣ.

Племянникъ. Въ Исторіи о началѣ Ромыновъ въ Дакии, помнился, сказано, что Словяне въ IV вѣкѣ, и еще прежде находились въ шѣхъ спранахъ, то естъ между Дунаемъ и Тиссою, подъ именемъ Сарматовъ или Савроматовъ; а вы ясно показали, что Словяне въ древнія времена совсѣмъ не были извѣстны Римлянамъ. Что это значить?

Дядя. Очевидно, что сказанная Исторія написана Авшоромъ съ поспѣшностію; онъ былъ обманутъ именемъ *Сарматовъ* и почелъ ихъ, какъ нѣкошорые думаютъ, за Словянъ; но вскорѣ послѣ того примѣнилъ свою ошибку, когда узналъ, что Сарматы, кошорыхъ онъ почипалъ за Словянъ, были Нѣмецкаго происхожденія, о чемъ и Прокопій, одинъ изъ Византійскихъ Писателей, свидѣтельствуетъ въ 1 книгѣ о Вандальской войнѣ во 2 главѣ, гдѣ пишетъ такъ: „Въ царствованіе Онорія на Западѣ впоргнулись въ его владѣніе варвары. Кто они были и какимъ пушемъ доспигли, объясню немедленно. Много было въ прежнія времена, какъ и нынѣ, Готскихъ племенъ; но между ими Готы, Вандалы, Везиготы и Гепиды какъ по числу, такъ и по достоинству замѣчательнѣе. Издревле они назывались *Савроматами* и Меланкленами, а иные именовали ихъ Гепами. Кромѣ имени, какъ выше сказано, они ничѣмъ другимъ между собою не различествовали: у всѣхъ кожа на шѣлѣ бѣлая, волосы русые, ростъ высокій, лице красивое, шѣ же законы, ша же вѣра, то естъ Аріанская, и

наконецъ шопъ же языкъ , называемый Готскимъ; почему , какъ думаю , всѣ они некогда принадлежали къ одному поколѣнью , и уже въ послѣдшви времени раздѣлились по именамъ ихъ начальниковъ. Ихъ древнiя жилища по ту сторону Дуная. Отсюда Гепиды захватили Сингедонъ и Сирмию съ сосѣднею областью по обѣимъ сторонамъ Дуная, гдѣ и нынѣ обитающъ.“ (Imperium occidentale tenente Honorio, ditionem ejus invasere barbari; quinam ii fuerint, et qua via illud perfecerint, mox declarabo. Plurimae quidem superioribus fuere temporibus, hodieque sunt nationes Gothiae, sed inter illos Gotthi, Vandalii et Visigothi, et Gepedes cum numero, tum dignitate praestant. *Olim Savromatae dicebantur* ac Melanchleni: quidam etiam Getarum nomen illis tribuerunt. Vocabulis quidem omnes, ut dictum est, nulla vero re preterea inter se differunt. Cutis omnibus candida, flava caesaries, corpus procerum, facies liberalis, eadem leges, eadem sacra, Ariana scilicet, una demum lingua, quam Gothicam vocamus: ita ut ad unam universe gentem pertinuisse quondam ac suorum deinde ducum nominibus discretos fuisse, existimem. Antiqua eorum sedes trans flumen Istrum. Exiу Gepedes Singedonem ac Sirmium cum vicino tractu qua cis, qua ultra fluvium Istrum, ubi etiamnum habitant, occuparunt). — Изъ сего видно, что *Сарматы*, *Геты* и другiе подъ разными именами въ древности извѣстные народы, обитавшiе за Дунаемъ, по еспъ по лѣвую сторону Дуная, были происхожденiя Готскаго и говорили Готскимъ языкомъ; а извѣстно, что языкъ Гоповъ былъ весьма сходенъ съ языкомъ Нѣмецкимъ.

Племянникъ. Сказанное вами доселѣ и неоспоримо доказанное заспавляешъ молчашъ и шѣхъ ,

которыя говорятъ, что Дакійцы были Словяне; а отъ сего предположенія родилось много нелѣпости на счетъ Ромыновъ и ихъ языка.

Дядя. Сии нелѣпыя мнѣнія на счетъ Ромыновъ, въ головномъ круженіи выдуманныя, болѣе достойны осмѣянія, нежели опшѣша; ибо всѣ ученые мужи, любивши истины и крипики, даже самые Сербы свидѣтельствуютъ, что о Словянскомъ языкѣ въ сихъ спранахъ вовсе не слышно было до VI-го вѣка по Рождествѣ Христовѣ. Даниль Фарлашъ, писавшій Исторію о дѣлахъ Иллирійскихъ, въ 3 томѣ своего Священнаго Иллирика на 90 й спраницѣ шакъ говоритъ: „Тѣ, которыя думаютъ, что Библия и Литургія переведены Блаженнымъ Иеронимомъ на Словянскій языкъ, находясь въ великомъ заблужденіи и въ невѣдѣніи касательно древнихъ происшествій и время; ибо ни языкъ, ни имя Словянъ, какъ въ Далмаціи и Иллирикѣ, шакъ и въ другихъ Римскихъ областяхъ, до VI-го вѣка не были извѣстны.“ (Qui vero a divo Hieronimo sacra Biblia, itemque Liturgiam in sermonem Sclavonicum translata esse putant; ii summo in errore, et in antiquarum rerum ac temporum ignoratione versantur; nam neque linguam, neque nomen Sclavorum sive in Dalmatia et Illirico, sive in alijs Romanorum provincijs ante sextum seculum audiri cepit. Daniel Farlatus, in Illirico sacro. Tom. 3. pag. 90). И Даниль Папелброхій въ Пропилеѣ мѣсяца Маія на 236 й спраницѣ говоритъ: „Блаженный Иеронимъ хотя и въ Далмаціи родился около 356 года, но еще въ отрочествѣ былъ отправленъ въ Римъ для образованія, и опшуда уже болѣе не возвращался въ отечество; да еслибъ онъ возвратился

и захопѣлъ что-либо сдѣлать въ пользу своихъ согражданъ, по все не могъ бы занялся Словянскими переводами, которые здѣсь были бы совершенно бесполезны: ибо Словяне, во все время жизни Иеронимовой, скрывались внупри Скиѣи, и уже въ царствованіе Иустиніана старшаго въ первый разъ вышли опшуда и разсѣялись по Далмаціи, Иллирикѣ и Панноніи.“ (S. Hieronymus, licet in Dalmatia natus sub annum 356, puer tamen ad studia Romam missus, nunquam amplius in patriam rediit; atque ut rediisset, et in civium suorum gratiam facere aliquid voluisset, non potuisset Sclavonicam versionem condere isthic inutilem futuram. Siquidem Sclavi, quoad Hieronymus vixit, in intima latuerunt Scythia, primum inde egressi Dalmatioque, Ilirico et Pannoniis infusi sub imperio Justiniani senioris. Daniel Papebrachus in Propyleo Maji pag. 237). Подробнѣе о семъ можно видѣшь у Стефана Салагія: О соспоянїи церкви въ Панноніи (Stephanus Salaghius de statu ecclesiae Panonicae).

VI.

ЛѢТОПИСИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ.

⸘ ⸘ ⸘ ⸘ ⸘ ⸘

Guel и Bulbul (*Роза и Соловей*), *Поэма соч. Фазли, съ Турецкаго перевод. Гаммеромъ.*

Литшерашүра Воспока съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе ученыхъ; шеперь въ Европѣ довольно часто появляющіяся переводы съ языковъ Восточныхъ, издающ-

ся въ оригиналь произведенія Персидскихъ и Арабскихъ писателей; Россія, еще младшая сестра другихъ Европейскихъ державъ по образованію своему, принимаетъ однакожь не менѣе дѣятельное участіе въ изученіи Липшерашуры Востока: недавно получили мы прекрасныя пособія для изученія Персидскаго и Арабскаго языковъ въ книгахъ, изданныхъ Профессоромъ Болдыревымъ; видѣли ученый трудъ Профессора Эрманна, съ копорымъ, благодаря Г. Делибюрадеру, имѣли удовольствіе познакомить Русскихъ читателей въ 20 книжкѣ нашего Журнала за 1853 г. Много приятныхъ надеждъ впереди: давно обѣщанный переводъ съ подлинника *Тысячи одной ноги*, Профессора Сенковскаго; переводъ, также съ подлинника, Саадіева Гюлишана, Г. Коноплева а); не говоримъ уже о всѣхъ извѣстныхъ трудахъ почтеннаго нашего Хинолога, О. Іоакінеа. Принесемъ благодарность попечительному Правительству, ревностно заботящемуся о распространеніи въ нашемъ Отечествѣ знанія Восточныхъ языковъ: сколько блестящихъ надеждъ подаешь С. П.-бургскій Институтъ Восточныхъ языковъ! Сколько приятныхъ ожиданій для нашей Исторіи! Сколько новыхъ удовольствій для всякаго любителя Липшерашуры!..

Но, занимаясь Персидскою и Арабскою липшерашурами, знакомясь съ языками Санскрипскимъ, Ташарскимъ, Монгольскимъ, Кипайскимъ, по сіе время ни мы, ни другіе Европейцы не обратили

а) Отрывокъ изъ этого перевода былъ напечатанъ въ *Телескопѣ* за 1853 годъ.

должнаго вниманія на лишперашуру народа къ намъ близкаго по сосѣдству — лишперашуру Турецкую.

Вѣроятно, многихъ пугала и трудность языка и, сверхъ того, недоспашочность въ необходимыхъ пособіяхъ, опъ чего и по сіе время, когда мы оружіемъ проложили себѣ дорогу въ Конштаншинополь, и по сіе время однакожь весьма мало или почти ничего не знаемъ о лишперашурѣ Турецкой.

Но есть ли у Турокъ лишперашура? спросяшь нѣкоторые чипашели.

Не будучи записными Туркофилами, не можемъ сами дать удовлетворительнаго отвѣта на сей вопросъ; недавно изданная ученымъ Ориенталистомъ Гаммеромъ поэма, наименованная въ началѣ спашьи нашей, доказывающъ, что закаленная, изложенная спрашьями нашура Опшмановъ не чужда поэзіи, прекрасной, роскошной поэзіи Востока. Пользуясь извѣстіемъ одного иностраннаго журнала, сообщаемъ чипашелямъ нашимъ нѣсколько словъ объ этомъ новомъ явленіи въ ученое мѣръ; небольшая выписка изъ предисловія Гаммера можетъ служишь нѣкоторымъ образомъ отвѣтомъ на вышепредложенный вопросъ: есть ли у Турокъ лишперашура?

Вопъ что сказано въ помянутомъ журналѣ по случаю выхода поэмы Фазли, переведенной Гаммеромъ.

Трудъ Гаммера есть трудъ учености и вмѣстѣ высокаго безкорыстія. Въ 1832 году Берлинская Академія назначила Г. Гаммеру сто червонныхъ за его сочиненіе — *Объ областной адми-*

нистраціи у Арабовъ во времена Калифовъ а), и Г. Гаммеръ упошребилъ эши спо червонныхъ прибавивъ къ нимъ еще нѣкошорую сумму, на изданіе одного изъ пакихъ сочиненій, для которыхъ прудно найши издапелей между книгопродавцами. Знаменишый Оріенталистъ самъ, для пользы споль успѣшно воздѣльваемой имъ науки, завель необходимый шрифшъ, и смошрѣлъ за печашаніемъ эшого Турецкаго текста, пребующаго споль вѣрнаго глаза, каковъ глазъ Г. Гаммера, для шого чшобы достойно явишся между нами. Чшо же касается до побудишельныхъ причинъ, заспавившихъ Г. Гаммера издашъ эшу поѣму предпочшительсно передъ прочими, шо онъ самъ объяснишъ намъ эшо въ своемъ предисловіи :

„Англійскія, Французскія, Нѣмецкія, Голландскія типографіи „говоритъ онъ:“ ежегодно перепечашываютъ Персидскія и Арабскія сочиненія, но сочиненія Турецкія печашаются шолько въ одномъ Конспаншинополѣ. Не смошря на наши частыя сношенія съ Востокомъ, не смошря на непосредственное сосѣдство Россіи и Австріи съ Имперією Ошпоманскою, у насъ еще ничего не выходило, кромѣ Грамматикъ и Лексиконовъ Турецкихъ, развѣ изключая шолько Лѣшописи Фессаджи, напечатанной въ Вѣнѣ лѣшъ за пяшдесяшъ передъ эшимъ. Справедливостъ пребуешъ однакожъ замѣшишъ, чшо у насъ не было недоспашка въ Турецкихъ книгахъ, благодаря дѣятельно-

---

а) Эшо сочиненіе — прибавляетъ Журналистъ — достойное вниманія учешыхъ, какъ и все, послещее на себѣ имя Гаммера, уже печашается и въ непродолжительномъ времени выйдешъ въ Свѣшъ.

спи Конспаншинопольскихъ шипографій, которыя въ послѣдніе годы снабдили насъ довольномъ числомъ сочиненій по предметамъ Грамматики, Географіи, Юриспруденціи, Вѣроученія, Медицины, Военныхъ Наукъ, Математики и Исторіи.

„Но въ этомъ большомъ количествѣ изданій всякаго рода не счищаютъ произведеній поэзіи; ибо рифмованные Персидскіе и Арабскіе глоссаріи суть ни что иное, какъ формулы, вспомошествовающія памяти учащихся и учащихся; и за исключеніями *Весны*, соч. Месиги и *Дивана* — Баки, мы почти ничего не знаемъ изъ Турецкой поэзіи, между тѣмъ Ориенталисты наши не только щадательно изучаютъ Саади и Гафиза, но и древнія Персидскія книги, переводятъ, шолкуютъ, пишутъ комментаріи на семь поэмъ Кааба и другія Арабскія повѣсти.

„Въ числѣ пятидесяти романтическихъ поэмъ, которыя представлелъ лирическая Оштоманская, самыя замѣчательныя суть слѣдующія: *Хозревъ* и *Ширинъ*, подражаніе Шеиха Персидскому поэту Низани; *Юсуфъ* и *Сулейха*, также подражаніе Персидскому, Гамди; *Ламіи*, *Валикъ* и *Асра*; *Вейзе* и *Раминъ*, *Сельманъ* и *Абсаль*, переведенныя изъ древнихъ Персидскихъ Поэмовъ; наконецъ *Меджунъ*, *Любовь бабочки*, и еще другія повѣсти, частію подражанія, частію переводы древнихъ поэмъ Персидскихъ.

„Но ни одно изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ сочиненій не соединяетъ въ себѣ въ такой степени оригинальности, красоты и силы, какъ произведеніе Фазли. Кто не слыхалъ объ этомъ прекрасномъ Персидскомъ мифѣ — любовь *Розы* и *Соловья*?

Кшо изъ насъ не находилъ этой идеи почти во всякомъ произведеніи Воспока? Но кшо чиналъ когда нибудь полную испорію этой любви во всей ея полношѣ, со всѣми дѣйствующими въ ней лицами? За нѣсколько лѣтъ передъ эвимъ въ С.-Пеербургѣ было издано на Армянскомъ языкѣ слабое разсужденіе объ этой повѣ, переведенное попомъ въ Парижѣ Г. Вальяномъ де Флориванъ (M. Le Vaillant de Florival), Профессоромъ Армянскаго языка въ школъ Воспочныхъ языковъ; но ни С.-Пеербургскій издапель, ни Французскій переводчикъ, не знали перваго испочника этого произведенія.“

Г. Гаммеръ оканчиваешъ это большое и любопышное предисловіе, изъ коего заимспвованъ здѣсь полько небольшой отпрывокъ, біографією поэта Фазли, копорый началъ свое поэщическое поприще въ 1530 г., былъ Секретаремъ Дивана, и окончилъ въ 1560 г., за два года до смерти, апопую свою — *Роза и Соловей*.

Поэма начинаешъ прославленіемъ Бога и Магомета. Это — ода и алегія. Поэтъ каешся въ своихъ проспупкахъ, и молишъ Небо о прощеніи; онъ описываешъ заблужденія, копорья обманули его, свѣтъ, копорый развращилъ его, чшобы попомъ предашь его мученіямъ душевнымъ. Онъ испрашиваетъ помощи Пророка; попомъ начинаешся поэма, копорую онъ предпринимаешъ, и описаніе Розы, героини этой поэмы. Роза — это совершенная красота, крошосшь, очарованіе; прочіе цвѣпы съ почшеніемъ окружаютъ ее и гордятся честію — бышь ея подругами; ушро предспавляешъ ей розовое зеркало, въ коемъ она съ гордостію любуешся собою. Соловей слышинъ

объ этой дивной красотѣ и влюбляется въ нее. Тогда день и ночь шоскуешъ онъ, день и ночь призываешъ ее къ себѣ; онъ спранствуетъ по всѣмъ спранамъ и нигдѣ не находишь ее; грустный, возвращается онъ въ лѣса и наполняешъ ихъ гореспными спенаніями. Наконецъ рѣка показываешъ ему дорогу въ шопъ городъ, гдѣ живешъ эта прекрасная Роза. Соловей лешить шуда, и едва увидѣлъ шу, о которой шолько мечшалъ, любовь его удвоилась, жалобныя спенанія усилились еще болѣе. Беспрешанно порхаешъ онъ вокругъ нее, беспрешанно умоляешъ сжалишься надъ нимъ. Онъ обращается къ лѣсамъ, къ вѣпру, къ лунѣ; пошомъ видя, что ни луна, ни солнце не прогаются его спенаніями, онъ обращается къ Богу, умоляешъ его красошю своей возлюбленной, сіяніемъ звѣздъ и великолѣпиемъ дневнаго свѣпила, Адамомъ и Ноемъ, Исусомъ и Маріею, умоляешъ его сжалишься надъ нимъ и снова возвращишь ему спокойшіе.

Между шѣмъ Роза услыхала любовныя пѣсни Соловья, и хопя внушренно онъ польспили ея самолюбію, однакожъ она обходитъ съ нимъ со всею аристокрапическою надменностію знашной Принцессы и презришельною гордостію красавицы. Къ большему несчастію; Нарцисъ сдѣлался неприаелемъ бѣднаго Соловья. Онъ клеветешъ на него Тернію Розы; Терній пересказываешъ это Розѣ, а сія послѣдняя въ первомъ порывѣ гнѣва просишь Шаха весны о заключеніи этого дерзкаго любовника, и черезъ два дни Соловей заключенъ въ клѣшкъ, чтобы шамъ на свободѣ оплакивашъ свой жребій, изпывашъ и опчаявашъ.

Вскорѣ важныя происшествія заспаваютъ жищелей города забывъ эту исторію; загорѣлась война, и въ печеніи долгихъ бѣдствій, копорыя она влечетъ за собою, Роза предается важнымъ размышленіямъ: она думаетъ обо этой пламенной любви, о постоянствѣ Соловья, споль худо награжденномъ. Она освѣдомляется объ немъ и узнаетъ, что онъ опасно боленъ. Тотчасъ посылаетъ къ нему одного изъ друзей своихъ — Зефира, чтобы утѣшить его, и все, что рассказываетъ Зефиръ о долгихъ спраданіяхъ и шагоспной неволѣ Соловья, все это прогаешь ее до слезъ. Она хочетъ сама взглянуть на него, приходишь — и любовникъ едва не умираетъ отъ радости при видѣ ея. Наконецъ она любитъ его, шребуетъ его свободы и выходитъ за него замужъ. Свадьба самая роскошная: Кипарису поручено покрыть ложе зеленымъ ковромъ; Тюльпанъ долженъ доставить вино; Нарцисъ подноситъ чашу пирующимъ, между пѣмъ какъ Дилія, съ своею шпагою, спойтъ на часахъ у дверей замъ. Тогда насупаютъ игры и пляски, съ веселыми пѣснями и кашаньетами. Роза ловитъ каждое дыханіе Соловья; Соловей кладетъ голову на грудь своей возлюбленной; попомъ, послѣ этой ночи любви и счастья, Роза блѣднѣетъ, колеблется, шераетъ листья и умираетъ.

Такова эта эпопея разнообразная, живописная, занимательная, исполненная живыми красками, богатая каршинами, — эпопея, въ копорой много найдется пищи для ума шолкователей и комментаровъ, и копорую можно также прочесть какъ

романъ любви, перенесенной изъ обыкновенной пропы, между совершенно другими лицами.

Гаммеръ говоритъ намъ, что переводъ его — буквальный и вѣрный, и, какъ не опъ меня зависишь повѣришь это, шо я вѣрю на слово. Припомъ же ученый филологъ совершилъ на своемъ вѣку болѣе прудных и болѣе важныя предпрія, кошорыя ручающся за прекрасное исполненіе насшоящаго.

М.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ при экземплара. Москва, Нолбря 7го дня, 1854 года.

Ценсоръ Алексый Болдыревъ.

М О С К В А.

Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

П о п р а в к а.

На стр. 261, въ примѣч. вмѣсто : въ *Парижскомъ Университетѣ*, должно читать : въ *Collège de France*.

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ
ЯЗЫКОВЪ.

Сочиненіе Ампера а).

Сродство между языками можетъ быть двухъ родовъ, смотря по тому, спанемъ ли сравнивать реченія или формы, Словарь или Грамматику эгихъ языковъ.

Сродство реченій наиболее было употребляемо во зло, хотя на немъ менѣ всего можно основываться. Въ самомъ дѣлѣ, сочетанія звуковъ, образуемыхъ устами человѣческими, ограничены, и между возможными сочетаніями находятся много такихъ, которыхъ не шерпилъ слухъ нашъ.

а) См. Телескопъ 1833 № 25: *О древней Скандинавской Литтературѣ* (стр. 276).

Не удивительно, если между оспальными встрѣчается сходство, особенно когда сравнивается большое число реченій и языковъ; ибо изъ того, что въ какомъ-либо языкѣ находится извѣстное слово, не слѣдуетъ еще, чтобы ни въ какомъ другомъ языкѣ не было подобнаго. Но однакожь часно весьма легкомысленно заключа-ли о сродствѣ двухъ языковъ, основываясь на отдѣльныхъ и случайныхъ сближеніяхъ нѣкоторыхъ словъ въ эпихъ языкахъ. Въ иное время все производили опъ Еврейскаго, въ другое — опъ Цельпическаго.

Сравненіе цѣлаго ряда словъ (*des séries de mots*) доказываетъ болѣе, нежели сравненіе реченій отдѣльныхъ; но и здѣсь остаеися еще много мѣста случаю. Припомъ посредствомъ эпого сравненія нельзя еще въ точности опредѣлить степень сродства между двумя языками; можно только утвердительно показатъ, что они не всѣмъ чужды одинъ другому; и какъ эта метода съ успѣхомъ была прилагаема почти ко всѣмъ языкамъ, по эпопъ самый всеобщій успѣхъ уменьшаетъ достоинство ея. Основываясь на ней, можно заключить только, что сравниваемые языки имѣютъ общее происхожденіе, но не истинное родство.

Будетъ ли думать какой нибудь генеалогистъ, что онъ достаточно утвердилъ родство двухъ фамилій, доказавши, что онъ происходятъ по прямой линіи отъ Адама?

Кромѣ случайнаго сходства между словами, есть еще сходство другаго рода, протекающее отъ неизвѣстныхъ обстоятельствъ. Все доказываетъ, что народы долго спранныствовали по землѣ до того времени, пока утвердились они прочнымъ образомъ; многія слова могли спранныствовать вмѣстѣ съ ними. Потомъ торговыя сношенія необходимо вели за собою перенесеніе и какъ бы обмѣнъ множества выраженій. Слово *сac* (мѣшокъ), напримѣръ, которое почти вездѣ встрѣчается, переходило изъ рукъ въ руки, такъ сказать, съ одного конца земли на другой, вмѣстѣ съ полезною и ручною вещію, которую оно означаетъ.

Часто также названіе предметовъ входитъ въ какую нибудь спрану вмѣстѣ съ самыми предметами; такимъ образомъ на Французскомъ языкѣ техническихъ слова искусствъ изящныхъ сущь Италіянскія, а названія воинственныхъ и флотскія вообще происходятъ съ Сѣвера. Самая война производитъ между народами сноше-

нія кровавыя , но обильныя , оспавляющія по себѣ слѣды въ языкѣ.

Очень вѣрояпно , что за нѣсколько лѣтъ предъ симъ многія слова съ равнинъ Шампаніи и улицъ Парижа были занесены во глубину Крыма и на берега Волги: если бы между Козаками и Башкирами нашлись Эпимологиспы , имѣли ли бы они право заключить изъ эпюго о какомъ-либо сродствѣ между ихъ языкомъ и языкомъ Французскимъ ?

Есть однакожъ коренныя слова , копорыя не заимспвуются у другихъ народовъ. Таковы мѣспоименія , особенно мѣспоименія личныя. Никпо не спанетъ искапъ въ чужомъ языкѣ словъ для означенія самого себя , для означенія лица , копорому говорятъ и о копоромъ говорятъ. Таковъ глаголь *быть* , связь всякаго предложенія , основа всякаго языка ; таковы слова , упопреляемые или для означенія частей шѣла , или для названія самыхъ первыхъ предметовъ природы , или наконецъ выраженія чувспвованій и самыхъ проспыхъ и существенныхъ дѣйспвій.

Всѣ сіи первобытныя и необходимыя слова соспавляютъ собспвенную основу языка , и между ними-по преимущественно должно искапъ сходныхъ реченій.

Но если это сравненіе дѣлается на удачу, то часто наружное обманчивое сходство можетъ ввести въ заблужденіе, между тѣмъ какъ насоящее — ускользнуть изъ виду.

Сии-то произвольные толки Этимологіи такъ сильно уронили кредитъ ея. Осмѣяніе справедливо преслѣдовало эту ложную науку, копорую не оспанавливало никакое затрудненіе; копорая, безпреспанно по измѣняя, по выпуская буквы, совершенно искажала слово, чшобы свести его съ другимъ; копорая слово *лакей* производила отъ *Vernacula*,

Съ другой спороны, случается, что слова, коихъ фізіономія съ перваго взгляда кажется совершенно различною, имѣють между собою существенное опношеніе: нѣтъ сомнѣнія, что *jour*, происходитъ отъ *dies*, и что *lucus* есть корень слова *rossignol* a).

При эпохѣ двойкой прудности, извѣдавъ на опытъ, какъ сходство словъ разногласитъ иногда съ ихъ наружнымъ сходствомъ или несходствомъ, В. Джонесъ рѣ-

---

a) Dies, diurnus, giorno (пр. djorno) древ. Фран. *jour* *ильмъ* — *jour*; — Lucus, lucinia, luciniola, Итал. *ussignuolo*, Фр. *rossignol*.

ципельно сказалъ наконецъ , что нѣтъ никакихъ правилъ для этого , и что въ семъ случаѣ надобно полагаться на проникаемость Этимологовъ. Это приближище было пагубное и опчаянное.

Наконецъ многіе ученые въ Германіи и на Сѣверѣ , изъ коихъ главные суть Фр. Шлегель , Я. Гриммъ , Хр. Раске и Фр. Боппъ , трудами своими , исполненными удивительной учености и крѣпости , положили истинное основаніе Этимологической наукѣ. Такъ какъ труды сіи , большею частью неизвѣстные во Франціи , предпринятые независимо одинъ отъ другаго , не были еще приведены между собою въ порядокъ даже въ той странѣ , гдѣ они возымѣли свое начало , и какъ они имѣютъ предметомъ великое семейство языковъ , коихъ часть составляютъ языки Скандинавскіе , то я думаю , не бесполезно будетъ представить здѣсь въ систематическомъ порядкѣ главные ихъ выводы ,

Эти выводы относятся къ правиламъ , которыми можно руководствоваться при измѣреніи аналогіи между реченіями различныхъ языковъ , и къ средству болѣе важному для сравненія сихъ языковъ — средству ихъ грамматическихъ формъ.

Начну съ сходства между реченіями.

Я считаю необходимостію войти здѣсь въ нѣкоторыя разсмотрѣнія самыхъ элементовъ языка, ш. е. буквъ. Прошу читателей моихъ не думать объ учителѣ Грамматики Г. Журдана. Важность законовъ, которые хотимъ утвердить мы, огромные выводы отсюда происходящіе, сила историческихъ результатовъ, къ которымъ они могутъ привести насъ — все это предписываетъ самую строгую методу и испрашиваетъ снисхожденія къ неизбежной сухости въ подробностяхъ.

Вопервыхъ надобно принять за общее положеніе, что каждая согласная буква можетъ переходить во всякую другую согласную, и всякая гласная — въ другую гласную, или непосредственно, или пройдя рядъ посредственныхъ измѣненій.

Отсюда слѣдуетъ: I. что нѣтъ измѣненія невозможнаго и никакое измѣненіе не должно быть отвергаемо *a priori*; такимъ образомъ слова, съ перваго взгляда очень отдаленныя, могутъ происходить одно отъ другаго, и насмѣхаясь надъ производствами, по видимому, самыми напядушыми, мы подвергаемся опасности — не обратиться бы въ смѣхъ насмѣяющаго факта.

II. Чѣмъ нельзя вѣрнѣе измѣненію по тому только, что оно возможно; ибо всѣ измѣненія возможны, и что, слѣдовательно, нужны особенныя причины, которыя могли бы заставить насъ обратиться въ пользу какого нибудь этимологическаго производсва.

Эти причины суть двухъ родовъ:

Или извѣсны бываютъ постепенныя измѣненія, которыя принимало реченіе, переходя изъ одного языка въ другой, или извѣсны общіе и частныя законы, по которымъ происходятъ перемѣны буквъ въ эписхъ двухъ языкахъ. Тѣ изъ сихъ законовъ, которые я называю всеобщими, были всегда извѣсны, и я только напомню объ нихъ; они основываются на органической аналогіи буквъ. Нѣкоторыя буквы близки одна къ другой въ ряду звуковъ: онѣ производятся одинаковымъ расположеніемъ органовъ. Переходъ отъ одной къ другой болѣе естественъ, чаще встрѣчается и слѣдовательно его доказать можно скорѣе, нежели переходъ между буквами, болѣе одна отъ другой отличными. Изъ сего очевидно, что измѣненія очень легко могутъ быть производимы между буквами одного рода; ибо онѣ суть

пѣ же самыя буквы — мягкія, пверддыя или предыхапельныя (*aspire*).

Эпопѣ-по всеобщій законѣ , съ давняго времени упвержденный , законѣ — объ органическомъ сродствѣ нѣкоторыхъ буквѣ между собою, долженѣ служишь почкою опправленія при сравненіи словѣ.

Но еспѣ часпныя законы, управляющіе извѣспнымъ семейспвомъ языковѣ, законы, въ силу коихъ буквы одного органа мало пого, чпо замѣщающся, но ещѣ замѣщающся поспояннымъ образомъ, въ неизмѣнномъ порядкѣ и, пакъ сказапѣ, въ опредѣленномъ смыслѣ. Я. Гриммѣ, опкрывшій эпо правило, показалѣ для примѣра, чпо въ пѣхъ словахъ, гдѣ въ Исландскомъ языкѣ было *p* (*Verri*, оружіе), въ языкѣ Нѣмецкомъ было *f* (*Waffen*); но на оборопѣ эпо не подпверждавалось, п. е. шамѣ, гдѣ въ Исландскомъ языкѣ было *f* (*Yfas*, на), шамѣ въ Нѣмецкомъ языкѣ было не *p*, а *b* (*über*). Эпо болѣе, нежели мы знали, чпо буквы *p*, *f* и *b* сущѣ па же самая буква, различнымъ образомъ произносимая, и чпо, слѣдовапельно, эпи при звука легко одинѣ другимъ замѣняются. Мы сдѣлали шагѣ впередѣ, и шагѣ весьма важный, узнавши, чпо въ одномъ семейспвѣ языковѣ эпо замѣщеніе дѣлаепся не про

извольно, но всегда одинаковымъ образомъ, такъ чпо языки, въ копорыхъ оно производится, переходящъ одинъ къ другому въ правильной поспепенности.

Послѣ сего должно произойти, чпо тѣ слова, копорыя, при первомъ взглядѣ, въ различныхъ языкахъ кажутся довольно опдаленными другъ опъ друга, въ основаніи своемъ будупъ признаны пожеспвенными: только соспавляющіе ихъ звуки были различнымъ образомъ измѣняемы въ слѣдствіе необходимаго различія выговора, зависящаго опъ сущеспвеннаго различія органовъ.

Эпо — о сродствѣ реченій. Сродство грамматическихъ формъ имѣетъ совсѣмъ другую важность: очень легко можетъ бытъ, чпо случай или какія нибудь обспоятельствва произведупъ случайное сходство между словами; но если внупренній механизмъ въ двухъ языкахъ одинаковъ, если главныя раздѣленія грамматическія — склоненія и спряженія — въ нихъ соопвѣспвуютъ, и если сіи соопвѣспвующія склоненія и спряженія имѣютъ сходныя окончанія склоненія; если, приложивъ къ симъ послѣднимъ законъ опношенія буквъ, замѣченный между корнями словъ, или подобныя законы, найдемъ, чпо сіи оконча-

нiя пожеспвенны; погда какое еще можеть оспавапья сомнѣнiе опноспельно родспва сравннваемыхъ языковъ? Съ помощiю опношенiй, копорья мы до сего времени изучали, можно вѣрояпнымъ образомъ опредѣлпшь сродспво языковъ между собою. Чѣмъ многочисленнѣе, поспояннѣ эпш опношенiя, чѣмъ менѣ замѣпно выпущенiе звуковъ — во внупреннемъ ли соспавѣ слова, или въ грамматпческпхъ значенiяхъ — пѣмъ сравннваемые языкп ближе одинъ къ другому. Такимъ образомъ сущеспвопванiе спхъ опношенiй упверждаепь сродспво идiомовъ, ихъ поспоянспво, число, а опспупспвiе ихъ — уменьшаепь сiю спепень родспва.

Но чпобы опредѣлпшь порядокъ соединенiя, п. е. спепень опноспельной древности односпемейспвенныхъ языковъ, надобно прпбѣгнушь къ помощп другихъ законовъ.

Правпльнья измѣненiя, о копорыхъ я говорплъ, равно имѣюпть мѣспво, когда дѣло идепть объ языкахъ современныхъ, или послѣдовапельныхъ; но не онѣ могупть опкрыпть намъ, какъ прпзошла эпш послѣдовапельность, или указапъ — въ какомъ порядкѣ развилась она. Однимъ словомъ, мы знаемъ, когда одинъ языкъ за-

висипь опь другаго , можемь судипь , въ какой степени они сближаются ; оспаеися показатъ сродства , съ помощію копорыхъ можно опкрыпь , что одинъ языкъ предшеспивоваль другому.

Здѣсь , пѣ же мужи , копорые доставили намъ вышеизложенныя начала , доставяпъ намъ и пѣ , въ копорыхъ мы теперь нуждаеися . Знаменипое имя присоединипся къ нимъ , имя В. Гумбольдпа , копорый свое необьяпное знаніе языковъ и силу ума , изъ числа самыхъ замѣчательнѣйшихъ въ Европѣ , приложилъ къ изученію языка , разсматриваемаго въ особенности въ опношеніяхъ своихъ къ мыслямъ . Съ эпою новою опорю , давъ понятіе о томъ , что можетъ почнымъ образомъ показатъ опношеніе сродства между языками , я займусь изслѣдованіемъ того , что можетъ показатъ опношеніе ихъ послѣдовательности .

Языкъ естъ существо , имѣющее свою организацію , свою жизнь ; онъ претворяетъ въ свою собспвенность всѣ элементы для него необходимыя и , по особенному пластическому свойству , даетъ имъ свою форму . Онъ роспетъ , плодитъ , попомъ разлагаетъ и рушитъ , оставляя по себѣ другіе языки , изъ нѣдръ его происшедшіе .

И что же! Это постепенное развитіе, споль сходное съ развитіемъ жизни въ пѣлахъ органическихъ, совершается пакже по извѣстнымъ законамъ. Самый важнѣйшій, заключающій въ себѣ всѣ другіе, есть слѣдующій :

Восходя, сколько возможно, далѣе въ исторію развитія языковъ, мы находимъ слѣдующій замѣчательный законъ: существовавшее богатство ихъ, вмѣсто возрастанія, постепенно уменьшается.

Это всеобщее и основное стремленіе языковъ замѣчается и въ отношеніи къ словамъ и въ отношеніи къ своимъ грамматическимъ формамъ.

Возьмемъ слова. Извѣстно, чѣмъ далѣе восходимъ въ исторію языка или исторію семейства языковъ, тѣмъ болѣе находимъ словъ гармоническихъ, исполненныхъ звучными гласными; чѣмъ ниже спускаемся, тѣмъ болѣе буквы сіи спановящся укороченными, оскудѣвшими, пакъ сказашь; звучныя гласныя уступаютъ мѣсто слабымъ, слабыя переходятъ попомъ въ глухія, въ безгласныя, а наконецъ — и совершенно исчезаютъ; двогласныя сокращаются, пвердыя согласныя смягчаются, конечныя опдѣляются и исчезаютъ. Изо

всего этого выходить, что слова становящіяся менѣе полными, менѣе гармоническими; что они идуць все выцвѣпая и бѣднѣя; они болѣе и болѣе лишаются могущества — плѣняють слухъ, попрысають душу звуками; они ограничиваются только возбужденіемъ въ душѣ понятій; они болѣе уже не образы, а только знаки. Такимъ образомъ всякой языкъ при началѣ своемъ — музыка и живопись, а при концѣ — алгебра. Римляне говорили *elemosyna*; поспешенно слово это превратилось во Французское *almosne*, *aumône*; въ Англійскомъ языкѣ — *alms*, которое произносится *ams*. — Исторія этого слова есть общая исторія для всѣхъ.

Съ формами грамматическими бываетъ тоже, что и съ словами. Равнымъ образомъ, это законъ языка — идти поспешенно, теряя какуюнибудь грамматическую форму, какоенибудь богатство въ измѣненіи, какойнибудь источникъ сочепанія. Въ извѣстную эпоху большей части языковъ формы бываютъ изобильны, гибки; всѣ измѣненія понятія могутъ быть выражены измѣненіями корня; самые корни сливаются и черезъ сочепаніе свое образуютъ сложные слова, чтобы выразить сложные понятія; но на-

спаепть время — эта плодородность оспанавливаеця, эпопть испочникъ, повидимому, изсякаепть; прежняя гибкость исчезаетъ, отношенія не выражаются болѣе непосредственными сочетаніями корней; исчезаютъ признаки падежей, времянь, лицъ; являеця необходимость замѣнять ихъ членами, вспомогательными глаголами, мѣспоименіями; прямая зависимость понятія непременно должна бытъ выражена предлогами, спряженіями: и погда бываетъ нужно употреблять лишнее слово, чптобы грубымъ образомъ выразить по, чпто прежде весьма удобно изображалось простымъ измѣненіемъ окончанія. Такъ случилось, напримѣръ, съ Италіанскимъ языкомъ и Французскимъ: Римлянинъ однимъ словомъ говорилъ: *я буду любимъ* (amabo) а); попомокъ его долженъ, какъ мы (Французы) употреблять при слова вмѣсто трехъ буквъ. Чптобы выразить два слова: *Liber Petri* (книга Петра), мы (Французы) употребляемъ чепыре: *le livre de Pierre*; сложное выраженіе *suaviloquens* (сладкорѣчивый) спановицся цѣлою фразою: *celui qui parle agréablement*.

а) Изъ трехъ буквъ сего окончанія (*bor*) первая выражаетъ идею будущаго, вторая — перваго лица, третья — спраданія.

Эпо самое правило прилагается къ бѣльшей части извѣстныхъ намъ языковъ: сравните древній Греческій съ новымъ, языкъ Зороастра съ нынѣшнимъ Персидскимъ, Санскритскій съ пеперешними нарѣчїями Индостана, Англо-Саксонскій съ Англійскимъ, Фризскій съ Голландскимъ, древній Тевтонскій съ Нѣмецкимъ, наконецъ древній Скандинавскій языкъ, сохранившійся въ Исландїи, съ языкомъ, на коемъ говорятъ въ Норвегіи, Данїи, Швеціи, — вездѣ увидите вы, что обилїе формъ, полная словъ значительность уменьшаются, переходя изъ древняго языка въ новый.

Эпошь выводъ можетъ изумить съ перваго взгляда: онъ, по видимому, противорѣчитъ споль естественной мысли объ усовершенствованїи человѣческомъ; но эпо совершенствованїе надобно разсматривать въ цѣлости его, а не относить къ той или другой сторонѣ человѣческой природы; очень ясно — для того, что бы выиграть съ одной стороны, должно рѣшиться поперять съ другой: если выиграешь превышаетъ поперю — мы совершенствуемся. Такимъ образомъ человекъ, по мѣрѣ того, какъ умъ расшепъ и зрѣетъ въ немъ, лишается многихъ изъ плѣнительныхъ качествъ перваго возраста,

прекрасной эпохи вдохновенія и очарованія; но онъ подвигается впередъ: ибо приближается къ возрасту зрѣлому, къ достоинству мужа. Онъ выигрываетъ въ философіи то, что теряетъ въ поэзіи. Что происходитъ съ человѣкомъ, то и съ языкомъ: онъ долженъ опказаться опъ эпого обилія, опъ этой прелести юношества; по мѣрѣ уменьшенія матеріальной красоты своей, онъ становится болѣе почнымъ, менѣе быспрымъ, можетъ быть, но за то болѣе способнымъ для выраженія болѣе глубокихъ опвлеченій, болѣе разнообразныхъ сочетаній мысли. Грамматика менѣе богата, слова менѣе звучны, но высшее искусство помогаетъ этимъ недостаткамъ остроумными оборотами, нѣжными оппѣнками или искусными сочетаніями.

Надобно также признаться, что удивленіе къ этому первобытному богатству языковъ перешло даже въ парадоксъ; протспираясь слишкомъ далеко, оно приводитъ въ замѣшательство. Оно доставляетъ средство однимъ словомъ выражать вдругъ нѣсколько мыслей, но только извѣсныя мысли, или извѣстное соединеніе мыслей. Объясняюсь: въ Финскомъ языкѣ, напримѣръ, легкое измѣненіе окончанія въ названіи мѣ-

спа показываесть, говорятъ, чпо идущій къ этому мѣспу хочеть войпи въ него, или войпи и выйдпи, или полько проспо подойдпи, не входя въ него. Вопъ прекрасно! Но предспавимъ пеперь чело-вѣка, кошорый не рѣшилъ, чпѵ онъ хочеть дѣлашь; онъ знаесть полько, чпо идешь въ такое-то мѣспо, но не знаесть, оспано-випся ли, или нѣшь а). Легко можешь бышь, чпо эпи при дапельные падежа очень запруднятъ его, ибо всякой изъ нихъ говоришь болѣе, нежели сколько ему нужно, и въ слѣдспвіе эшого онъ скорѣе предпочпешеть языкъ менѣе обильный подобными формами, языкъ, гдѣ съ помощію предлоговъ всегда выражають по, чпѵ хо-пятъ, немного медленнѣе, правда, но по крайней мѣрѣ на такомъ языкѣ мы не будемъ принуждены говорить вмѣсто шого, чпо думаемъ, по, чпо вздумалъ за насъ языкъ.

И такъ испинное совершенспво языковъ соспоиптъ не въ чрезмѣрномъ богатспвѣ

- а) Не зная Финскаго языка, я не могу сказашь, еспь ли въ немъ какія либо средспва выйдпи изъ подобнаго замѣшательспва; очевидно, чпо я привожу здѣсь полько примѣръ для лучшаго объясненія своей мысли.

лексикологическомъ и грамматическомъ, часто очень неудобномъ, попому что лишаешъ насъ всякой поспоронней помощи, не всегда будучи въ соспоянїи совершенно замѣнишь ее, но въ поий спепенѣ умѣреннаго обилия, копорая не исключаетъ употребленія различныхъ вспомогапельныхъ глаголовъ, но вообще даешъ средство обходиться безъ нихъ, и легкостію, быспропою, движеніемъ періода допускаетъ свободу въ оборотахъ. Языки Греческій и Санскрипскій болѣ всѣхъ другихъ, можетъ бышь, представляють эпи выгоды.

Эпи два языка занимають высокую спепень древности въ ряду языковъ, коихъ соспавляютъ они часпъ. Не возможно историческимъ образомъ взойти далѣ ихъ. Можетъ бышь, еслибъ эпо было возможно, мы нашли бы прежде ихъ языки чрезмѣрно богатые, каковы вообще языки народовъ мало подвинувшихся въ образованїи — Лапонцевъ, Басковъ, Негровъ или Делаварскихъ Индѣйцевъ; можетъ бышь прежде сихъ языковъ, все болѣ и болѣ обильныхъ формами, по мѣрѣ бѣльшаго возвышенія, мы бы нашли языки, долженспвовавшие предшеспвовапъ имъ. Эпа эпоха силы и обилия не была ли эпохою возмужалоспи рода чело-

вѣческаго? Не предшествовала ли ей эпоха младенческаго? Не существовали ли, прежде многосложныхъ и гибкихъ языковъ, языки односложные, безъ гибкости, коихъ любопытнымъ памятникомъ оспался языкъ Китайскій, оспановленный слишкомъ раннимъ и несовершеннымъ изобрѣпеніемъ письма, и черезъ это самое незрѣлый и, шакъ сказать, задушенный?

В. МѢЖЕВИЧЬ.

II.

Б Е А Т А .

(О к о н ч а н і е .)

Печалень конецъ осени: природа, копорая пакъ радуешъ васъ весною, копорая просвѣшляешъ вашу душу какъ небо, и малѣйшею правкою возбуждаешъ на лицѣ вашемъ улыбку, природа опечаливаетъ и наводитъ на васъ поску въ Ноябрь: небо тогда пускло, лиспя желты, деревья мрачны; спановишся холодно, душа содрогаешся въ шѣлѣ, и мысли о смерпи ниспадаюшъ на васъ съ деревьевъ, вмѣспѣ съ лиспиями. Тогда чувспвуешъ какую-то попребность вспрѣчашся съ людьми, копорые ходяшъ, движущся, говоряшъ и наслаждаюшся совершеннымъ здоровьемъ; какую-то нужду въ движеніи, въ дѣяпельности, чнобы не разувѣришся въ жизни. Особенно въ гориспой и мало населенной споронѣ эпошъ закапъ времени производяшъ тяжелое впечатлѣніе; памъ все усиливаетъ грусть: и огромныя черныя массы, неподвижныя какъ гробы, и эпошъ день, копорый съ спрудомъ пробиваетъ сквозъ ихъ гладкія и оборванныя вершины; нигдѣ не вспрѣчаешъ никакого живаго существа, развѣ увидишъ корову, или козу, висящую на

склонъ косогора, Такимъ образомъ и пребываніе на водахъ, споль восхипипельное и прохладное въ горахъ, при началъ дурнаго времени года дѣлается пуспынею и ужаснымъ уединеніемъ. И пакъ въ концѣ эпой-по печальной осѣни вѣхала по дорогѣ изъ Спа въ Мальмеди ивовая одноколка, заложенная маленькою и худощавою лошадкою.

Внутренность одноколки была занята извощикомъ, ея владѣльцемъ и двумя пупешеспвенниками: младшій сидѣлъ въ самой глубинѣ экипажа, на дорожныхъ узлахъ, закупавшись въ плащъ и нахлобучивъ шляпу на носъ; старшій раздѣлялъ съ кучеромъ кóзлы. Послѣдній былъ полспый Нѣмецъ, свѣжій, молчаливый и спрашный трубокуръ. Опѣвхавши опѣ города небольшую милю, эпопѣ почпенный мужъ вынулъ кисепѣ, набилъ трубку и высѣкъ огня; тогда щеки его преврапились въ волканъ и выпускали изъ себя клубы дыма, копорые могли бы задушить цѣлый міръ. Его поварищѣ, сидѣвшій съ правой спороны, лишь только почувспвовалъ запахъ пабаку, попчасъ вынулъ изъ кармана полспый роговой чубукъ безъ трубки, и ни мало не безпокоясь, какъ буд-по бы онъ держалъ въ зубахъ прекраснѣйшую пенковую трубку, или лучшую Индійскую

гуку, принялся съ важностію сосать эпоть роговой кусокъ, надувашь свои щеки и харкашь по временамъ ; какъ будто настоящій курильщикъ. Велико было изумленіе путешественника; но какъ Нѣмецъ, онъ изъявилъ его не прежде, какъ по прошествіи нѣсколькихъ минушъ; онъ все еще ожидалъ шрубки, наконецъ чубука, табаку и огню, но ничего эпого не было. Тотъ продолжалъ погоняшъ кнупомъ свою сухую лошаденьку и курить изъ своего роговаго чубука. Наконецъ, выведенный изъ перпѣнія, видя челоуѣка, курящаго безъ шрубки, Нѣмецъ широко разинулъ свой ротъ и вскричалъ сердитымъ пономъ: „Sagemann! Эй, малой, или у тебя чорпъ сидишъ въ пѣль!“

— Какъ видипе, опвѣчалъ извощикъ. — Нѣмецъ, изумленный эпимъ опвѣпомъ, совершенно побагровѣлъ, и сдѣлалъ крестное знаменіе; ибо онъ былъ хорошій Христіанинъ, не смотря на то, что принадлежалъ къ Аугсбургскому исповѣданію и, слѣдовательно, былъ раскольникъ.

„Дьяволь! дьяволь!“ возразилъ онъ.

— Да, сударь, самъ дьяволь: одинъ разъ въ моей жизни я имѣлъ несчасіе бышъ его почпаліономъ; по его милоспи я расколомъ лучшую шрубку, которая была един-

спвенною въ своемъ родѣ, и съ того дня я сосу кусокъ рога, чпобы не поперяпшь привычки цѣлой моей жизни и не дапшь моимъ губамъ смыкапшья подобно пабаке-рочной крышкѣ... Эхъ! охъ! охъ!..

„Дьяволъ, дьяволъ!“ продолжалъ пол-спый Нѣмецъ.

— Да, mein Herr, онъ самый съ мя-сомъ и костями. Сказапшь по совѣспи, пре-красный молодой человекъ, завипый, рас-пудренный, облипый золопомъ, славный краснойбай и большой руки повѣса, словомъ, Французъ... Эпо былъ почно дьяволъ, пошому чпо укралъ у меня имя чеспнаго человекъ за шеспъ флориновъ, погубилъ молодую дѣвушку и раззорилъ чеспнаго служаку, спараго Рацмана Венгерца... Эшому ужь скоро будетъ два года... Охъ! я буду помнипшь эпо долго, долго, всю жизнь мою... да, я могу объ эпомъ шолько думапшь, пошому чпо у меня нѣпшь слезъ... Эхъ! охъ! охъ!

„Берегись, малой, пвоя лошадь оспу-пжлась; не вывали насъ...“

— Охъ! охъ! эпо ничего. Ну, Сак-сонъ, дружище, смѣлѣе: мы скоро при-вдемъ... Эшопшь бѣдный Рацманъ, раззорен-

ный, совершенно разоренный, принужденъ былъ жить въ бѣдной лачугѣ за деревнею, очень далеко за деревнею, бывши прежде богатымъ, довольнымъ, счастливымъ, и имѣвши такую краснопочку дочь!... И скажешь, что этому виною я... попому что одинъ разъ, только одинъ разъ везъ дьявола... О! это можешь разорвать на части сердце всякаго человѣка, у котораго есть хотя капля совѣсти... *Jesus, mein Gott!* помилуй меня!...

„Скажешь правду, молодецъ, если ты будешь продолжать, то и я заплачу съ побою... Но скажи же мнѣ, какимъ образомъ дьяволъ?...”

— Ахъ, сударь! это слишкомъ печальная и слишкомъ длинная исторія!... Съ этого роковаго дня, я поклялся не курить больше трубки и ни слова не говорить объ этомъ происшествіи... Къ тому же, вопль ужь мы и въ деревнѣ: мостовая спучилась подъ копытами лошади, и огни въ окнахъ сіяютъ, какъ звѣзды... Ну, ну, Саксонъ, дружище, остановись! Охъ! охъ! охъ! охъ! спой, здѣсь будешь овесъ. —

Лошадь остановилась; одноколка запрячала на своихъ ивовыхъ ребрахъ, и изъ нея вышли: извощикъ, Нѣмецъ и

молодой человекъ въ плащѣ. Оба путешественники расплавились въ молчаніи за провозъ и разошлись другъ съ другомъ. Первый направилъ свои шаги къ дурной корчмѣ, украшенной желпою и вполонину ободранною вывѣскою, съ изображеніемъ сосновой вѣтви; вполорой оспался подлѣ лошади, и между шѣмъ, какъ извощикъ развязывалъ у нея черезсѣдѣльникъ, онъ обратился къ нему съ слѣдующими словами, пщательнo закрываясь своимъ плащемъ :

„Вѣдь здѣсь Совеньеръ, добрый человекъ?“

— Здѣсь, сударь. —

„На долго ли ты здѣсь оспанешься?“

— До ушра, сударь. —

„Ну, хорошо! Если ты хочешь довести меня до Спа, то будь готовъ рано поушру.“

— Хорошо, сударь. —

„Вопшь шебъ на вино за мое здоровье!“

Молодой человекъ бросилъ въ руку извощику шалеръ.

„Вопшь все, чпо я могу.“

— Вы очень милоспивы, сударь! Заушра, у корчмы; прощайше, сѣдарь!

Молодой человекъ исчезъ, и старый извозчикъ долго смотрѣлъ въ слѣдъ ему, какъ будто бы пораженный какою знакомою мыслию, быспро промелькнувшею въ головѣ, какимъ-то возврапившимся воспоминаніемъ; ему казалось, что онъ слышалъ когда-то звукъ подобнаго голоса, что онъ видѣлъ гдѣ-то такую палію и два горячіе глаза, успремленные на него; онъ долго искалъ слѣдовъ этого воспоминанія въ хранилищахъ своей памяти; но, не будучи въ состояніи найсти ихъ, онъ посмотрѣлъ на палерь, спряпалъ чубукъ, и поспавиль лошадь на конюшню.

VII.

Оппо, ибо это онъ прибылъ въ Со-веньеръ въ негодной одноколкѣ, Оппо не долго искалъ хижину спараго Венгерца, и, на полвыспрѣла опъ деревни, нашель, посреди березовой кущи, на берегу быспра-го ручья, довольно обширное спроеіе, къ вершинѣ копораго была привѣшена, какъ гнѣздо ласпочки къ спѣнѣ, длинная пихповая крыша, спускавшаяся до самой земли. Эпа кровля скрывала или покрывала одно или два окна, сквозь копорыя проникаль слабый красноватый свѣпъ. Къ этому - по

сарая, къ этому-то дрянному домишку направиль Графъ шаги свои.

Дверь была опворена, и онъ вошелъ въ низкую и сырую комнапу. Сначала онъ ничего не могъ видѣпъ; но попчасъ глаза его, при помощи множеспва угольевъ, плѣвшихъ на очагѣ, и освоившись нѣсколь-ко съ темнопою, какъ будпо бы онъ находился въ погребѣ или пюръмѣ, проникли мало по малу густой мракъ, и наконецъ разглядѣли у печки спарика, вполовину погруженнаго въ большое дубовое кресло. Его чело, обнаженное и гладкое, какъ колено женщины, блестяло при свѣпѣ огня; его руки, колеблемыя правильнымъ движеніемъ, поднимались и опускались въ гармоніи съ ногою. Можно было бы подуматъ, что онъ игралъ на какомъ нибудъ инспрументѣ и выбивалъ шакпъ; но онъ проспо прятъ лень на пряткѣ, ни мало не замѣпивъ, что кто - то вошелъ. Женская работа въ рукахъ муцины почти всегда еспъ признакъ дряхлости или слабоумія. Оппо, не смопря на то, что былъ совершенно заняпъ своими мыслями, не могъ удержатъ-ся, чтобы не подуматъ объ этомъ двѣ или при минупы; онъ споялъ передъ эпимъ спарымъ прятщиномъ, съ сложенными ру-

ками, съ напряженнымъ взоромъ, какъ путешественникъ передъ развалиною, и думалъ о тяжелой рукѣ времени. Съ прудомъ вѣрилось ему, чѣмбы это было шло человека, нѣкогда споль крѣпкаго и здороваго, а шеperь колеблющагося, подобно спарой лампы безъ огня; чѣмбы эти сильныя колѣна, копорыя нѣкогда понуждали къ бѣгу лошадь посреди бипвы, были споль слабы и хилы; чѣмбы эта рука, копорая нѣкогда пакъ хорошо владѣла саблею, шеperь едва была въ соспоянїи держать верепено; наконецъ, чѣмбы всѣ мысли человека могли бытъ обращены полько на движеніе колеса.

О дряхлоспъ, о несчастная спароспъ! какъ хороша смерпъ въ шо время, когда душа еще крѣпка и шло прямо! Какъ прекрасно паспъ во цвѣпѣ лѣпъ и во всей своей силѣ!

Опшо подошелъ къ пряльщику, и, снявши свою шляпу, сказалъ: „Господинъ Рацманнъ, имѣю чеспъ свидѣшельспвожать вамъ мое почпеніе.“

Дряхлый спарикъ не опвѣчалъ, и продолжалъ вершпшь колесо.

„Не съ Господиномъ ли Францомъ Рацманномъ имѣю я чеспъ говорипъ?“ вскричалъ Опшо громче.

Наконецъ спарикъ оспановилъся и по-смопрѣлъ на него.

„Я не думаю, сударь, чпобы вы могли меня знашь, попому чпо уже очень давно вы не видали меня; но мое имя, можетъ бышь...“

Спарикъ вспаль, и кивнулъ слегка головою.

„Я Графъ Оппо.“

Спарикъ наморщилъ свой лобъ, приподнялъ голову и повпорилъ пропяжно: Графъ Оппо!... Попомъ ещѣ разъ по-смопрѣлъ на чужеспранца, и запрепепаль всѣми членами, какъ бы въ лихорадкѣ, и, опуспивъ руки, засверкавъ глазами, уронилъ на землю свое верешено. Вдругъ комнапа освѣпилась внезапнымъ свѣпомъ, и молодая женщина показала съ лампою въ рукъ между чужеспранцемъ и спарикомъ. — Бапюпка, да пойдете ли вы спать! — Эти слова, казалось, произвели на него магнеспическое дѣйспвіе. Повиновеніе собаки своему господину, копораго она вмѣспѣ и боипся и любипъ, не покорнѣе того, копорое эпомъ спарый опець оказываль своему дѣлпщю.

Онъ вспаль, не говоря ни слова, съ своего большаго кресла, оспавилъ работу,

и подобно марпышкѣ, повинующейся голосу своей мапери, вышель, запинаясь и шапаясь изъ спороны въ спорону, не думая ни разу оборопить назадъ головы. Онъ опворилъ дверь и исчезъ.

Молодая женщина оспалась въ помѣже споящемъ и неподвижномъ положеніи, опираясь руками на спинку кресель, и слѣдя глазами за уходящимъ опцомъ; спремипельное движеніе ея груди и колебаніе косынки обнаруживали ея смущеніе и волненіе.

Когда уже не слышно было никакого шума, она воскликнула слабымъ и прерывающимся голосомъ: такъ эпо вы, сударь?

Графъ не опвѣчалъ ни слова; онъ опряхнулъ свою шляпу, взмокшую опъ вечерней росы, оперъ свое чело, орошенное попомъ, и подошелъ къ огню.

Такъ эпо вы, сударь? О! вы слишкомъ поздно пришли!

Эпо правда, сударыня, я пришелъ очень поздно, можепъ быпъ, слишкомъ поздно.

— О, Господинъ Графъ! нѣпъ, нѣпъ, не думайте эпого! —

И попчасъ, опкрывши косынку, покрывавшую ея грудь, она вынула изъ нея лоскупъ сложенной бумаги и подала его Графу,

присовокупивъ съ нѣкопорымъ родомъ гордоспи :

Вопь росписка въ 15,000 флориновъ , копорую мой опецъ пригоповилъ вамъ ; вопь она въ такомъ почно видѣ , какъ вы оспавили ее . . . онъ никогда не оспавлялъ мнѣ ее — и завпра , сударь . . . завпра . . . —

Она не могла докончить : шакъ сильно препепалъ ея голосъ . Усиліе , копорое она сдѣлала , чпобы скрышь свое волненіе , понъ , копорымъ она удалила своего опца , эпи новыя слова , присупствіе Графа , сполько ударовъ , разомъ нанесенныхъ , — всего эшого было слишкомъ доспапочно , чпобы поколебашъ нервы молодой дѣвушки . Ея колѣна подогнулись и она упала въ кресло , споявшее у печки . Опшо видя , какъ она колеблешся , бросилъ къ ней , поддержалъ ее своими руками и сѣлъ подлѣ нея на дурномъ спулѣ . Какъ скоро пришла она въ чувспво , по начала смопрѣлшь на своего любовника съ совершенно небесною радоспію . Казалось , она не могла наглядѣпсья на него , не могла наслушашсья его . Онъ былъ прекрасень какъ звѣзда , сладкозвучень какъ лира . Не удовольспвовавшись эшимъ , она хвапала его руки , подносила къ своимъ успамъ и цѣловала ихъ , какъ безумная .

— О Генрихъ! вскричала она, для чего вы такъ медлили своимъ возвращеніемъ! Сколько часовъ мученія и нестерпимой поски провела я въ ваше отсутствіе! Какъ я считала всѣ минушы съ того дня, какъ вы меня оставили! Три года, при цѣлыхъ года прислушиваюсь къ вашимъ шагамъ — о, это слишкомъ тяжело, слишкомъ продолжительно для такой дѣвушки, какъ я, слабой и живущей уединенно съ спарикомъ посреди горъ! Ни одного раза не показывалась я въ Кермессахъ, не танцовала, не пѣла, какъ бывало прежде, — я все сидѣла у окна или у порога двери; я вязала чулокъ, и не могла сдѣлать ни одной пешли; я ожидала васъ, а вы не приходили. . . Мужчины жестоки, не правда ли? очень жестоки! . . . —

Опшо опнялъ свои руки опъ успъ Нѣмки, и смопрѣлъ на нее, не говоря ни слова.

— Вы на меня смоприше, о мой любезный! Увы! я теперь не больше какъ нищя. Горячка сожрала все мясо моихъ костей. Съверный въперъ помрачилъ прекрасный цвѣтъ моихъ ланищъ. Роза и лилія майская уже не будущъ мнѣ завидовашъ: я уже не румяна и не бѣла, подобно имъ; я уже не веселая пшичка, копорую вы заспали нѣкогда поющую подлѣ своего гнѣзда! Вы наполнили

любовію это бѣдное сердце; вы заповили его, какъ заповлается полевой цвѣтокъ первою каплею, упавшею съ неба... и оно сокрушилось! О! я теперь не больше, какъ пѣнь! Посмотрите на мои руки, какъ онѣ измощены! Посмотрите, какъ суха моя грудь! Теперь все это приводитъ въ ужасъ: вошь какъ я спрала!!

„Бѣдная дѣвушка!“

— О! такъ вы не ошиблись, называя меня бѣдною и жалкою! Нельзя быть бѣднѣе и доспойнѣе сожалѣнія меня и моего отца! Жесткою впасть въ бѣдность, проводя свое дѣтство въ изобиліи; ужасно проводить жизнь свою въ шитьѣ и пряденіи, изъ чего же? Чтобы добыть кусокъ хлѣба! Чпо вы хотите? Несчастіе вошло въ нашъ домъ, какъ солдатъ; оно все ограбило, все раззорило. Бапюшка два раза попадалъ въ тюрьму, и я не оставляла его, я раздѣляла его черный хлѣбъ. Когда мы опшуда вышли, со мною обошлись какъ съ сиротою, лишенною мапери, и хопѣли меня похипили изъ рукъ бапюшки; тогда онъ принужденъ былъ дать денегъ. И онъ сполько ихъ опдалъ, сколько было нужно, чтобы оставилъ нашъ домъ въ Совеньерѣ и переселился сюда, въ эту печальную разва-

лину, гдѣ мы и живемъ кое-какъ, и иногда перпимъ недоспагкокъ почпи во всемъ. —

„Возможно ли?“

— Эпо правда, возразила Беапа, эпо чиспая правда; споишь только окинуть глазами внушрренность эпой комнапы и посмошрѣшь на пуштопу ея спѣнь, чпобы увѣрипсья, чпо я не лгу. И однакожь, Генрихъ, я была рождена для счаспливѣйшей доли; я была рождена носипь, подобно вамъ, понкѣй муслинъ съ кружевами; я сошворена быпь большою дамою, попому чпо моя мапъ происходипъ опъ одной благородной Презбургской фамилии. Домъ въ Спа, въ копоромъ она жила въ шо время, какъ брала воды, и въ копоромъ я родилась на свѣпъ, еще и по сѣю пору имѣеть на воропахъ живописную карпину черныхъ и желпыхъ полосъ съ прекрасною золопою короною. Я никогда не видѣла моей мапери: она умерла, когда я была еще совершеннымъ ребенкомъ, Генрихъ, совершеннымъ ребенкомъ! . . .

Я едва помню эпо; только одного не забыла я — шого, чпо она называла меня Беапою, своею прекрасною Беапою; по лапынѣ эпо значипъ *счастливая*, попому чпо Венгерцы говоряпъ на эпомъ языкѣ

также какъ и на Нѣмецкомъ. Бапюшка выучилъ меня когда-то нѣсколькимъ словамъ эшого языка; но теперь я ничего не знаю. Особенно года съ при я не умѣю различить одной буквы отъ другой: я даже не открывала моей Библии, а эшо великій грѣхъ; за эшо Богъ долженъ жестоко наказать меня. Однако же я не жалуясь, о нѣшь, я не жалуясь; Богъ привелъ ко мнѣ того, котораго я любила и люблю больше своей жизни. —

И говоря такимъ образомъ, она бросилась на шею къ своему любовнику.

Въ головѣ эшой милой дѣвушки было какое-то помѣшательство; но сквозь эшотъ хаосъ идей пробивался жаръ души, который смягчилъ бы самое жестокое сердце. Сверхъ того, надобно было всего ожидать отъ эшого попока словъ, отъ эшого воспорга мыслей. Когда сердце бываетъ слишкомъ долго сжато, ему надобно расшириться. Для женщинъ особенно необходимо эшо изліяніе, и оно у нихъ всегда дѣлается или чрезъ уста, или чрезъ очи. Оно никогда не почивалъ важною побѣду надъ эшою молодою дѣвушкою; онъ смотрѣлъ на свою связь съ нею, какъ на дѣло чувствъ, какъ на горное приключеніе, какъ на сча-

спливый случай, который могъ бы встрѣпиться со всякимъ ловкимъ мужчиною, и которымъ, по его мнѣнiю, было бы глупо не воспользоваться, но не должно опiюдь считашь эпого важнымъ дѣломъ, налагающимъ какую нибудь обязанность. Очевидно, что онъ обманывался; пропиву всякаго ожиданiя, онъ встрѣпилъ нервы нѣжныя, организацію шонкую и превосходную. Тогда чувство, сообщенное имъ съ такою въпренностью, усилилось, а несчастiе, опсупствiе и множесиво другихъ обспояпельспвъ постоянно поддерживали и раздражали его; шеперь же новое происшествiе довело его до высочайшей степени силы.

Опшо понялъ зло, которое онъ сдѣлалъ, но еще не видѣлъ слѣдспвiй, которыя могли произойдти изъ эпого. По безопасности ли, по довѣренности ли къ своей звѣздѣ, только онъ совершенно предался миинушному впечатлѣнiю, не смолпря на видъ бѣдности, разлипой вокругъ него, не смолпря на слова извощика и все то, что онъ самъ слышалъ сей часъ. Любовь Беапы, жаръ ея чувства, столь истинный, что его нельзя было считашь пришворнымъ, ручались ему за честность спарика. Увѣренный въ помъ, что ему опять придется

нѣскольکو денегъ , онъ думалъ только о томъ , чпобы снова закрыть медомъ раны , которыя были имъ открыты ; чпобы предаться пламеннымъ ласкамъ доброй дѣвушки , и обѣщаніями и увѣреніями замѣнилъ ей будущность . Онъ поклялся ей , чпо всегда любилъ ее и никогда не забывалъ , и чпо только важныя и непредвидимыя обстоятельства могли отдалить его отъ нея .

Такъ мало нужно для того , чпобы упѣшить женщину , которая васъ любитъ : бездѣлка — взгляды , поцѣлуй въ лобъ . Беата ему повѣрила ; такъ какъ онъ былъ упомянутъ дорогою и имѣлъ нужду въ деньгахъ , то и разпянулся на креслахъ , закрылся плащомъ и заснулъ .

VIII.

Ночь приближалась ; природа была возмущена бурей . Слышно было , какъ стонали березы , и какъ сосны съ широкими вѣтвями трещали и выли подобно швартову корабля . Вѣтеръ , проходя въ скважины окошка и въ распворъ дверей , производилъ гамы пронзительнаго свиспа , и спускаясь внизъ по кровль , казалось , вертелъ шамъ огромными камнями и лавинами . Дождь хлесталъ въ стекла . Градины , упавая че-

резь прубу на очагъ печи, погасили послѣдній огонь, копорый еще горѣлъ; свѣтъ изчезъ. Единственнй свѣтъ, копорый иногда показывался, былъ блескъ луны, когда, пlying сквозь волны черныхъ облаковъ, она открывала свое лице и бросала блѣдное сiяние на землю.

Однако же внѣшнй шумъ не мѣшалъ путешественнику спать. Онъ ничего не слышалъ, даже Беапы, копорая, подобно легкокрылой ппичкѣ, кружилась около него. Сначала она зажгла въ очагѣ нѣсколько спелбелковъ виноградной лозы, чпобы согрѣть ему ноги; но такъ какъ вода продолжала падать въ печь, то она принуждена была отказаться опъ своей работы, и, подобно доброй Руфи, снова прилегла къ своему любовнику. Мало по малу руки ея открыли складки плаща, копорый покрывалъ его, и когда она приподняла ихъ на довольно разспояние и увѣрилась, чпо онъ не проснется, то нихо прильнула къ его сердцу. Любящее созданіе! Какъ она была счастлива! Поперянное и возвращенное добро такъ дорого! Ей хотѣлось бы умереть такимъ образомъ; она желала бы, чпобы ея объ руки преврапились въ мѣдныя цѣ-

ни, чтобы не разлучаться болѣе съ своимъ кумиромъ!

Однако же Оппо вдругъ зашевелился, поднялъ голову и открылъ глаза; онъ чувствуетъ, что холодная и косялая рука шаритъ по его лицу и останавливается на шеѣ; шрепешъ пробѣгаетъ по всѣмъ его членамъ. Онъ хочетъ высвободить свою руку изъ - подъ складокъ плаща; но прежде нежели успѣлъ онъ это сдѣлать, голосъ, по видимому, очень опдаленный опъ него, но которъй онъ пошчасъ узналъ, воскликнулъ: „Бапюшка, бапюшка, спупай-те спать!“

И при блескѣ луны, увидѣлъ онъ фигуру человека, которая рисовалась между окномъ и печью. Эта колеблющаяся тѣнь останавливается, и, по видимому, находится въ нерѣшимости, и попомъ безъ спона, безъ жалобъ, оборачивается и исчезаетъ въ темнотѣ. Ея появленіе произвело небольшой шумъ; ему показалось, что по полу что - то пацилось, и вдругъ все смолкло. Оппо, которъй еще сомнѣвался въ помъ, что видѣлъ и чувствовалъ, — шакъ быспро появилась и исчезла эта тѣнь, — не спалъ мучить себя догадками, чтобы

эпо такое могло быть ; для него довольно было спросить : „Беапа, вы эпо шумите?“

— Да , эпо я. —

„А для чего же , моя красавица?“

— Я не могу спать, такъ холодно опъ въпру. —

„Спало бытъ ночь очень дурна?“

— Да , очень дурна. —

И на эпомъ разговоръ окончился. Графъ снова склонилъ свою голову и заснулъ. Чпо же касается до молодой дѣвушки, она, еще препенца всѣмъ пѣломъ опъ волненія, опяпъ помѣспилась у ногъ своего любовника , но уже не спала. Прошедшая сцена была для нея ужаснымъ опкрыпиемъ : она узнала о безчестіи опца и спасла жизнь Графа.

IX.

Возьмите камень и бросьте его по произволу , на право или на лѣво ; опъ паденія эпого камня произойдетъ множество непрерывныхъ, неизбѣжныхъ и жестокихъ приключеній. Такимъ почно образомъ рокъ овладѣваетъ, къ добру или къ худу, дѣйспвіями и направлениемъ человѣческой свободы, и непременно влечетъ за эпимъ погибель или счаспіе; пакимъ почно образомъ вспав-

шій день былъ печалень для семейства Венгерца и для самого Графа.

„Проснулся ли вашъ бапюшка, Беата?“

— Не думаю; онъ не вспаепъ пакъ рано. —

„Развѣ вы больны? вы держишесь руками за голову.“

— Мнѣ дурно, у меня холодны ноги. —

„Для чего же не развести огня?“

— У насъ нѣтъ дровъ. —

„Можно взять у сосѣдей.“

— У насъ нѣтъ сосѣдей. —

„А это спроеіе, которое находилсь подлѣ васъ?“

— Это заводъ, который еще не доконченъ. —

„Вы очень несчастны!“

— Ахъ, да—очень несчастны! —

„Что я могу сдѣлать для васъ?“

— Все! — увезти меня опсюда. —

„А вашъ опецъ?“

— Что за нужды, если вы меня любите? —

„Увы! я не могу этого сдѣлать.“

— Въ такомъ случаѣ, сжался надо мною, милосердый Боже! —

Беата произнесла послѣднія слова такимъ спранно - печальнымъ пономъ, что Графъ почувствовалъ себя пронутымъ до

глубины души, и приспально посмопрѣлъ на нее; она сидѣла на своемъ стулѣ, неподвижная, съ оцѣпенѣлыми взорами и блѣднымъ лицомъ.

„Моя милая, вы вредите себѣ, оспаваясь въ такомъ положеніи; выйдемъ изъ комнапы.“

— Куда? —

„На гору, вдоль дороги, освѣжись на минушу воздухомъ.“

— Съ большою охопю. —

Опшо взявъ свой плащъ, накинупъ его на плеча Беапы, заспегнулъ фракъ, и они вышли, держа другъ друга подъ руки.

Они гоповились сойпи на дорогу, копорая вела къ деревнѣ Совеньеръ, какъ вдругъ увидѣли, что передъ ними идепъ какой-то человекъ; они воропились на прежнюю дорогу и стали подниматься по печенію большаго ручья, копорый пробѣгалъ около дома.

Солнце показалось немного; земля, обмытая дождемъ и оптвердѣвшая опъ въпра, звучала подъ ногами, и пысячи маленькихъ камешковъ всѣхъ видовъ и всѣхъ цвѣповъ блеспѣли, какъ мешаллическія бляшки. Темперапура воздуха была пеплѣ обыкновеннаго; что-то похожее на улыбку весны было въ эпомъ послѣднемъ

лучъ осени, и, смотря на Опто и Беату, можно было подумать, что двое любовниковъ идуць искаць пѣни и уединенія. Однако же они ничего не говорили. Пока ручей извивался по лугу, ихъ дорога была хороша; но сцена потчасъ перемѣнилась: показались скалы, и ручей превратился въ пошокъ. Это была яростная и мушная волна, которая по спремилась на скалы, по низвергалась въ видъ каскада; къ этому присоединялся оглушающій шумъ и непрерывный ревъ спада быковъ. Препяпспвія усугублялись передъ ними, и скоро они очутились въ настоящей пуспынѣ. Тамъ въперъ и буря послѣдней ночи награмоздили свои жерпвы: раздробленные скалы, огромныя деревья, согнутыя и низпроверженныя, попомъ громады сосенъ наваленныя другъ на друга, или смятыхъ, какъ права подъ ногами дпяпи. Казалось, что самъ геній зла и разрушенія лепаль на прспорѣ въ этомъ хаосѣ. Видно, что прогуливающіеся находили удовольспвіе при видѣ эпихъ гиганпскихъ развалинъ природы; ибо они не оспанавливались и продолжали свой пупъ. Куда они шли, одинъ Богъ это зналь. Они еще поднялись, добрались до скалы,

вокругъ копорой надобно было сдѣлать обходъ , и копорая имѣла чпо-по ужасное въ своемъ видѣ.

Однако же, достигнувши нѣкоторой высоты , Оппо почель благоразумнымъ воропиться назадъ ; было уже поздно, и спарикъ могъ проснупсья. Онъ взялъ молодую дѣвушку за руку и сошелъ съ нею внизъ. Они шли по пой же самой дорогѣ , по другъ за другомъ , по рядомъ , помогая другъ другу и взаимно поддерживая одинъ другаго.

Попокъ еще ревлѣлъ подъ ними.

Беапа , опуспивъ голову , сходила въ молчаніи , и пакже медленно какъ и всходила.

Вдругъ она оспановилась; надобно было переходить черезъ бревно , соединявшее двѣ скалы.

„Чего вы боипесь , Беапа ?“

— Ничего , но я не могу перейши. —

„Эпо ребячесиво , вы давича хорошо прошли.“

— Попокъ оглушилъ меня. —

„Дайте мнѣ руку.“

— Вопъ она. —

„Оспорожнѣ , мы падаемъ. . . .“

— Проспите меня, Генрихъ! . . . .

О, пусть кто хочеть презираеть сердце женщины. Но это есть чистѣйшее существо, какое только образовала десница Всемогущаго! Ничего нѣтъ выше, какъ видѣть ангеловъ, съ покорностию служащихъ человѣческой силѣ; видѣть женщинъ, спасающихъ свое блаженство въ спраданіи, и къ нимъ однимъ обращаеть горькій сосудъ, который переходить изъ успъ мужчинъ. Бѣдныя женщины! пусть кто хочеть презираеть ваши благородныя сердца. Ежели только есть рай, то ваше мѣсто въ немъ будетъ лучше нашего, и ежели есть правосудіе, то будетъ снисходительнѣе къ вашимъ преступленіямъ, нежели къ нашимъ просупкамъ.

съ Франц. В. Б.

III.

СЕНЬ - БЕРНАРЪ.

Отрывокъ изъ I части Путевыхъ Впечатлѣній А.
Дюма.

Только что я успѣлъ, въ свою очередь, вписать въ реэспрѣ свое имя, званіе и причины своего путешествія, какъ, оглянувшись назадъ, увидѣлъ спариннаго своего приятеля, пракпирщика, который поклонился мнѣ съ видомъ до такой степени комическимъ, что я подумалъ, что ему или мнѣ, а можетъ быть и обоимъ намъ, угрожаетъ какое нибудь несчастіе. Въ самомъ дѣлѣ, у бѣднаго малаго сполько набралось народу, что онъ не зналъ, куда меня помѣстить; самъ даже свою постелю уступилъ онъ одному путешественнику и располагался ночевать въ овинѣ. Онъ съ робостію пытался доказать мнѣ, что запахъ сѣна очень здоровъ, и что у него на солому для меня будетъ лучше, нежели у кого нибудь другаго на постель. Но я сполько что прошелъ двѣнадцать лѣтъ пѣшкомъ: это обстоятельство совершенно зашмило мой умъ для подобныхъ доводовъ, сколько бы ни казались они самому ему

логическими ; посему я приказалъ своему проводнику веспи меня въгоспинницу Башни.

Мой хозяинъ испыталъ послѣднее усиліе , чпобы удержатъ меня. У него оставалась одна большая комната , копорую онъ набилъ пяпью пупешеспвенниками ; одинъ лишній не могъ прибавить большей важности этому количеству. И такъ онъ спросилъ меня , не удовольспвуюсь ли я , подобно имъ и вмѣспъ съ ними , машрасомъ , посланнымъ на полу ? Получивъ упвердипельный опвѣспъ , онъ пошелъ со мною къ ихъ комнате , изъ копорой слышался шумъ , происходившій опъ ужасной возни. Наши пупешеспвенники дрались подушками , каждый желая выигратъ у другаго мѣспо въ при фуша ширины и въ шесть фушовъ длины ; ибо при первомъ взглядѣ величина комнаты , по видимому , предспавляла имъ проспранспво только въ пяпъ разъ большее этой геомеспрической мѣры. Я разсудилъ съ моей спороны , чпо мы выбрали время не совспмъ приличное для просьбы , копорую хотѣли сдѣлатъ ; мой хозяинъ вѣрояпно подумалъ поже , ибо онъ оборонился ко мнѣ съ видомъ замѣшательсшва споль замѣшнымъ , чпо я

рѣшилъ самъ собою исполнить свою коммиссію. Я тихо толкнулъ дверь и увидѣлъ, что бапалія происходила покуда въ темнотѣ; ибо свѣча погасла при этой вознѣ. Усвопрѣвши это, я поспѣшь смекнулъ дѣломъ.

Я задулъ свѣчу моего хозяина, опъ чего въ коридорѣ спало также темно, какъ и въ комнапѣ; попомъ сказалъ ему, чпобы онъ ни подъ какимъ предлогомъ не приискивалъ другаго ключа опъ комнапы и предоспавилъ бы одному мнѣ выпушпаться изъ этого дѣла; онъ только пого и желалъ.

Маленькая война все еще продолжалась и хохопъ сражавшихся производилъ пакой шумъ, чпо я вошелъ въ комнапу, заперъ дверный замокъ двумя поворопами ключа, положилъ ключъ въ карманъ, и никпо изъ нихъ не замѣпилъ, чпо въ ихъ крѣпость забрался человекъ, копорый умножилъ собою ихъ гарнизонъ.

Не успѣлъ я сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ голову мою огрѣлъ пакой ударъ маптрацомъ, опъ копораго шляпа моя надвинулась до самаго галспуха.

Всякій легко догадается, чпо я вошелъ сюда совсѣмъ не для того, чпобы оспапаться въ долгу у пѣхъ; копорые шупъ находились; мнѣ споио только на-

гнушья, чшобы подняшь оружіе, и я пустился колопишь въ свою очередь съ такою силою, копорая должна была доказашь моимъ пропивникамъ, чшо пришло подкрѣпленіе изъ свѣжихъ войскъ. Я попчасъ замѣпилъ, чшо меня защищаль уголь, и, слѣдовательно, какъ всякому извѣстно, я занималь, по правиламъ стратегій, позицію очень выгодную для опдѣльной защиты. Повидимому, моя защита оказала великія чудеса, ибо я кскорѣ догадался, по слабоспи наносимыхъ мнѣ ударовъ, чшо мои пропивники пошеряли надежду сбить меня съ мѣста, и чшо сраженіе перенеслось на другіе пункты. Я воспользовался эптою минутою, чшобы посплашь свой мапраць на полъ; плащъ, у котораго не было замѣшнаго хозяина, и который спущываль мои ноги, показался мнѣ такою вещью, копорая удивительно какъ хорошо могла замѣнить одѣяла, коихъ служанка еще не принесла, и копорыя, казалось мнѣ, прудно было ей доспавишь намъ, благодаря приняпой мною предоспорожноспи — заперешь дверь двойнымъ оборопомъ и положишь въ карманъ ключъ; ишакъ я закушался въ него какъ можно было лучше, бросился на свою лагерную поспель, и оборопившись носомъ къ спѣнѣ, ожидаль

бурю брани, копорая не замедлила появипись, когда одинъ изъ сражавшихся замѣпилъ, что одного мапраца недоставало.

Въ самомъ дѣлѣ, спокойствіе мало по малу возспановилось. Громъ голосовъ сдѣлался шире; каждый началъ думать о томъ, чтобы привести въ порядокъ свой бивуакъ на полѣ биввы. Я почувствовалъ, что къ ногамъ моимъ припнулся мапрацъ, а съ правой стороны другой. Каждый укладывалъ свой пюфякъ, какъ могъ, между пюфяками своихъ поварищей, и бросался на него; только одинъ шалунъ продолжалъ еще нѣкоторое время искать своего мапраца во всѣхъ углахъ и закоулкахъ, и выведенный изъ терпѣнія шѣмъ, что не находилъ его, набрелъ на свѣшлую мысль и вдругъ воскликнулъ: *Господа, кто нибудь изъ васъ легъ на двухъ матрацахъ?*

Это обвиненіе было опвергнуто единодушнымъ крикомъ негодованія, въ копоромъ я однакожь упорствовалъ принимая участіе.

Мой молодець оцять принялся искать — вполонину смѣясь, вполонину проклиная; потомъ, не найдя ничего, онъ кончилъ шѣмъ, чѣмъ бы ему надобно было начать: позвонилъ въ колокольчикъ, чтобы велѣть подать огню.

Мы услышали шаги приближившейся служанки пракпира; я увидѣлъ, какъ сквозь замочную щель блеспѣлъ огонь, и по инспектуальному движенію положилъ руку на карманъ, чпобы увѣрипсья, шупь ли находился благодѣшельный ключъ.

Мой молодець пошелъ къ двери; она была заперта. — Опворите, сказалъ онъ, и дайше намъ огню.

— Господа, ключъ у васъ въ комнапѣ.

— Ахъ!

Рука искавшаго перенимала у меня по временамъ свѣпъ, доходившій до моихъ глазъ изъ коридора; попомъ онъ наклонился и началъ шарипь рукою по полу и по печкѣ. — Какой же дьяволъ заперъ дверь извнутри, господа?

Но никпю не запиралъ. — Дѣвушка все ждала.

— Э, чорпъ возьми, въ вашей госпинницѣ у каждой двери по два ключа.

— Да, сударь.

— Ну пакъ, поди сыщи другой ключъ.

Дѣвушка повиновалась: эпо для меня было минупою испытанія. Если бы хозяинъ госпинницы не послѣдовалъ моимъ наспавленіямъ, я погибъ бы. Самое глубочайшее молчаніе царспивовало въ комнапѣ, и пре-

рывалось только непрерывнымъ спугомъ ногъ нашего несчастнаго поварища, ворчавшаго сквозь зубы: эпа вершущка не придетъ. — Спрашиваю васъ самихъ, что она можеть сдѣлать? — Вы увидите, что ей шеперь не найши ключа! — Ахъ, какое счастье!

Эпо послѣднее восклицаніе, какъ легко догадаюся, вырвалось у него возвращеніемъ дѣвушки, копорая снова оспановилась у нашей двери.

— Ну же!

— Господа, да эпо такое дѣло, что шущъ никакъ шолку не доберешся.

— А! шакъ спало бытъ самъ дьяволь вмѣшался шущъ! — Да, да. — Смѣйшесь, господа. — Чоршъ возми, эпо очень забавно, особенно для меня. — Впервыхъ, я предупреждаю васъ, что волею или неволею, а мнѣ нуженъ мапрацъ.

Общее воскицаніе, показывавшее, что всякій законно владѣетъ своимъ мапрацомъ, опшвѣчало на эпу угрозу, и каждый крѣпче ухвацился за свою поспель.

— Сколько принесли вы мапрацовъ?

— Пяшь.

— Видите ли, господа, что некрѣмѣнно у кого нибудь изъ васъ два мапраца.

— Оприцаніе еще рѣшипельнѣе и сильнѣе перваго опвѣчало ему.

— Очень хорошо; но я узнаю эпо. Подише, сыщипе мнѣ ящикъ со спичками.

Въ эпой просьбѣ заключался проекпъ, исполненія копораго я не понималъ, но возможное слѣдствіе копораго заспавило меня содрогнушься. Дѣвушка возврапилась съ пребуемою вещью.

— Хорошо, просуньте мнѣ спичку сквозь замочную щелку. — Она повиновалась.

— Теперь зажгите конецъ съ вашей спороны. Такъ, очень хорошо. —

Я слѣдовалъ за эпимъ дѣйспвіемъ со всѣмъ учаспіемъ, копорое легко можно понять; я увидѣлъ, какъ блеснуло съ другой спороны маленькое синевашое пламя, копорое исчезло на минупу, во внуспренности двери, и снова показалось съ нашей спороны блестящее, какъ звѣзда. Не глупое ли изобрѣшеніе эпи спички?

Въ самомъ дѣлѣ, я совсѣмъ не зналъ, какъ мнѣ выйпи изъ эпого запруднипельнаго положенія и понравился ли моимъ новымъ поварищамъ эша шупка; я оборопился на всякой случай къ спѣнѣ, чпобы имѣть время для пригоповленія маленькой привѣлспвенной рѣчи.

Въ продолженіе эпого времени пламень спички перешель на свѣспильню свѣчи, и комнапа освѣспилась. Я услышалъ, что каждый сѣлъ на свою поспель, чтобы учаспвовать въ осмопрѣ. Въ эту самую минупу крикъ удивленія вырвался изъ устѣ всѣхъ и каждаго, и громовой голось, подобный гласу спрашнаго суда, произнесъ сіи ужасныя слова :

— Нась шесперо! —

Впорой голось послѣдовалъ за первымъ:

— Господа, поименная перекличка.

Топъ, копорого поперя своей поспели дѣлала въ эпой повѣркѣ инпересѣе всѣхъ, попчасть присовокупилъ къ ней :

— Сначала я, Жюли де Ламаркъ, здѣсь.

— Г. Лекаронъ, медикъ, здѣсь.

— Г. Карлъ Суасонъ, владѣлецъ, здѣсь.

— Г. Огюспъ Реймоненкъ, Креоль, здѣсь.

— Г. Оноре де Сюсси. . .

Я съ живоспію оборошилъ.

— Кспапи, мой любезный де Сюсси, сказалъ я ему, пропягивая къ нему руку, я могу доспавипъ вамъ извѣспіе о вашей сесприцѣ Госпожѣ Герцогинѣ д' О. . . . Я видѣлъ ее назадъ пому восемь дней въ Женевѣ. Она была прекрасна до такой спепені, что всѣхъ приводила въ опчаяніе.

Можно судить о спраннымъ дѣйствіи, которое произвели мои внезапныя слова. Глаза всѣхъ успавились на меня,

— А, чортъ возьми, да эшо Дюма! вскричалъ де Сюсси.

— Я самый, любезный другъ; не угодно ли вамъ предсавишь меня эшимъ господамъ? Для меня было бы очень пріятно познакомиться съ ними.

— Конечно. Де Сюсси взялъ меня за руку, Господа, имѣю честь...

Каждый вспалъ съ поспели и поклонился,

— Теперь, господа, сказалъ я, обращаясь къ шому, у котораго похипилъ мапрацъ, позволите мнѣ опдашь вамъ вашу поспель, но шолько съ шѣмъ условіемъ, чшобы уполномочить меня приказашь принесли и мнѣ пакую же и посплашь подлѣ вашихъ.

Отвѣтъ былъ упвердипельный и единодушный. Я отворилъ дверь, — и черезъ десятъ минутъ сдѣлался законнымъ обладашелемъ мапраца.

Эши господа, подобно мнѣ, шли къ большой горѣ Сент - Бернардъ. Они оспавили за собою двѣ коляски, и предложили мнѣ мѣсто съ собою, на чшо я и согласился. Дѣвушка получила приказаніе разбудить насъ завпра въ шестъ часовъ ушра. Цѣль по-

ѣздки была опдаленна : опть Марпиньи до госпинницы было десяпть лье , изъ коихъ полько первыя семь можно было проѣхатъ въ экипажѣ ; каждый изъ насъ понималъ важность доброй высылки , и попому мы проспали по уговору до назначеннаго часу.

Въ семь часовъ мы уже увязались и чепверо изъ насъ усѣлись въ одну изъ эшихъ пѣсныхъ колясокъ , поперегъ копорыхъ кладется по двѣ доски , и копорыя получають опть пого пынное шипло колясокъ со скамейками , а двое въ одну изъ пѣхъ маленькихъ Швейцарскихъ повозокъ , копорыя ѣдутъ по споронамъ первыхъ , какъ крабы . Я , къ моему несчастію , былъ помѣщенъ въ коляскѣ со скамейками .

Еще не успѣли мы проѣхатъ и десяти шаговъ , какъ я сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе нашему кучеру , смопря на ухватку , съ копорою онъ правилъ своею лошадыю :

— Любезный , миѣ кажется , что ты пьянъ ?

— Это правда , но не бойпесь ничего , баринъ .

— Очень хорошо ; по крайней мѣрѣ мы знаемъ , чего намъ надобно ожидашь . —

Пока мы были въ долинѣ, дѣла шли славно, и мы полько и знали, что смѣялись надъ легкими кругами, копорья описывала лошадь и коляска; но когда мы проѣхали Марпиньи - ле - Бургъ и Сенпъ - Бляншье, когда спали углубляясь въ Междугорную долину и замѣтили, что дорога начала взбираться на бокъ горы, увидѣли эпу шѣсную дорогу Альпъ, если эпо была она, съ ея крупымъ, какъ спѣна, скапомъ съ одной спороны, и глубокою бездною съ другой; тогда нашъ смѣхъ сдѣлался не спѣль громокъ, хопя круги, даваемые лошадыю и коляскою, были все шакже часшы; тогда мы сдѣлали нашему кучеру эпо вшорое замѣчаніе, но уже болѣе энергическимъ образомъ:

— Чорпъ возьми! кучеръ, пы вывалишь насъ!

Онъ началъ шакъ спегать свою лошадь кнупомъ, что у ней полешѣли клоки кожи, и опшѣчалъ намъ своею любимою поговоркою:

— Не бойшесь, баринь. — Только онъ присовокупилъ, какъ кажешся, въ видѣ ободренія: — Наполеонъ проходилъ черезъ эпо мѣшо.

— Это такая историческая истина, копорой я не намѣренъ у тебя оспоривать; но Наполеонъ ѣхалъ налегкѣ, и у него былъ не пьяный проводникъ. —

— Налегкѣ! Знаете же его! Онъ ѣхалъ на мулъ...

Мы понеслись какъ вѣперъ; нашъ возничій продолжалъ говорить, оборотившись къ намъ головою, и даже не соблаговолѣя и взглянуть на дорогу.

— Да, на мулъ, а доказательствомъ то, что его везъ Маршинъ-Грозелье, изъ Сенш-Пьера, и черезъ это сославиль свое счастье.

— Кучеръ!...

— Не бойтесь, — и что первый консуль прислалъ ему изъ Парижа домъ и чепыре арпана земли. — Гэй! Гэй! —

Колесо нашей коляски пакъ близко касалось спремнины, что Ламаркъ и де Сюсси, находившіеся на той споронѣ доски, конецъ копорой превосходилъ ширину коляски, висѣли, въ полномъ смыслѣ сего слова, надъ бездною въ пяць-сопь фушовъ глубины.

Это обстоятельство дѣлало подобныя шупки очень плоскими и пошлыми. Я прыгнулъ съ коляски, съ опасностію перело-

мапъ себѣ ноги о колеса , и оспановиль за узду лошадь. Наши поварищи, слѣдовавшіе за нами во впорой повозкѣ , и ничего непонимавшіе въ игрѣ , въ копорую мы играли съ самаго начала нашего пупешествія , испускали крикѣ , копорый достигъ до насъ : они почипали насъ погибшими.

— Не бойшесь ничего, Наполеонъ проходилъ черезъ эпо мѣсто. Не бойшесь. —

И каждое слово эпого вѣчнаго припѣва сопровождалось ударами бича, одна часпъ копорыхъ приходилась по лошади , а другая по мнѣ ; взбѣшенное живоппое вспало на дыбы и ппяпилось назадъ , и коляска снова очупилась надъ ужасною бездною. Эпа минупа была крипическая ; наши спупники въ повозкѣ судили объ ней лучше , нежели кшо либо другой ; посему они приняли жесткое и инспинкшуальное рѣшеніе : кучеръ , схваченный руками поперегъ пѣла , былъ приподняпъ надъ козлами , и брошенъ на дорогу , на копорую и шлепнулся ппяжело , запупавшись , подобно Ипполипу , въ своихъ возжахъ , копорыхъ онъ не оспавиль. Лошадь , копорая была самаго ппихаго свойспва , попчасъ усмирилась. Тогда эпи господа воспользовались сею минупою опдыха , чшобы выпрыгнупъ на

землю, и каждый изъ насъ, исключая нашего проклятаго кучера, былъ здоровъ и невредимъ, на своихъ ногахъ посреди дороги.

Мы дали нашему молодцу волю вспасть, веспи свою лошадь и коляску, какъ ему было угодно, и продолжали свой путь пѣшкомъ. Это было упоминательное, за то надежное. Въ два часа мы обѣдали въ *Liddes*, гдѣ, въ слѣдствіе нашего уговора, должны были перемѣнить лошадь и кучера; мы слишкомъ интересовались пѣмъ, чпобы это условіе было съ точностію выполнено, и пошому упопресли всѣ наши усилія для совершенія онаго. Сдѣлавши эту перемѣну, мы снова пустились въ дорогу, совершенно успокоенные честною походкою нашего чепвероногого и миролюбивою спиною его хозяина, копорый, замѣчу между прочимъ, былъ напаріусомъ въ семь мѣстъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы безъ всякаго приключенія доспигли до Сент-Пьерра, гдѣ оканчивалась удобная для экипажей дорога.

Въ округности сего-то мѣстечка сдѣлала Французская армія свою послѣднюю станцію, когда она перешла черезъ большой Сент-Бернаръ, за копорымъ ее ожидали равнины Маренго. Здѣшніе жители показали

намъ различныя мѣста , копорыя были заняты пѣхопою , кавалеріею и аршиллеріею. Они располковали намъ , какимъ образомъ пушки , сбитыя съ своихъ лафетовъ , были ушверждаемы на спволахъ дуплистой пихты и переносимы руками людей , копорыя смѣнялись черезъ каждыя сто шаговъ. Нѣкопорыя изъ сихъ крестьянъ видѣли , какъ производилась эша гигантская работа , и съ гордостію хвалились тѣмъ , что участвовали въ ней ; они приводили себѣ на память фигуру перваго консула , цвѣтъ его плащя и даже нѣкопорыя его незначительныя слова , выроненныя имъ передъ ними. Такимъ-по образомъ , вспрѣшилъ я въ чуждой землѣ воспоминаніе , живое и во всемъ могущесствѣ объ эпомъ человекѣ , копорый для нашего юнаго поколѣнія , невидѣвшаго его , кажешся баснословнымъ героемъ , порожденнымъ какимъ-нибудь гомерическимъ воображеніемъ.

Эшо посѣщеніе мѣстности удержало насъ до семи часовъ вечера. Тогда мы возвратились въ Сент-Пьерръ ; небо было покрыто облаками и обѣщало дождливую ночь. Посему мы отказались опть своего намѣренія итти ночевать въ госпинницу , и войдя въ

пракпиръ, сказали нашему хозяину, чпобы онъ далъ намъ поужинашь и пригошовиль комнапы.

Эпо не легко было сдѣлашь: многія общеспва путешеспвенниковъ прибыли сюда и, подобно намъ, были здѣсь удержаны угрозами погоды и наспупленіемъ ночи; они захвапили себѣ комнапы и не жалѣли провизіи. Для всѣхъ насъ шесперыхъ оспавались полько чердакъ и яичница.

Яичница была съѣдена; попомъ мы приспупили къ посѣщенію нашей спальни.

Сказашь правду, полько въ головѣ Швейцарскаго пракпирщика могла родишься мысль, чпобы заспавляшь хриспіянъ спашь въ подобномъ углѣ: начинавшійся дождь пробивался сквозь досчашую кровлю; въсперь свиспѣлъ сквозь опверзпія худо соединенныхъ спавней, эпу единспвенную заспавку оконъ; наконецъ крысы, обращенныя въ бѣгспво нашимъ присупспвіемъ, доказывали шрещаніемъ своихъ зубовъ, копорое не могло ускользнуть опъ ушей споль опыпныхъ, каковы наши, свое право на владѣніе симъ мѣспомъ, копорое мы у нихъ опняли, и свое намѣреніе снова опбипъ его у насъ, какъ скоро мы запушимъ свѣчи, опбипъ, не спопря на по, чпо мы здѣсь расположились.

При видѣ сего гадкаго чердака , одинъ изъ насъ предложилъ намъ храбро дойти до госпинницы въ эпопъ же самый вечеръ. Правда, эпо было послѣ прехъ-часовой усталости и дождя; но за то, какая перспектива предспавлялась на концѣ дороги!.. Прекрасный ужинъ, славный каминъ, добрая комната и хорошая постель.

Предложеніе было принято съ воспоргомъ: мы сошли внизъ и велѣли сыскашь проводника, копорый и явился къ намъ минушь черезъ десяпъ; мы приказали ему завербовашъ двоихъ изъ его поварищей и доспашъ шеспъ муловъ, попому чпо намъ хошѣлось въ эпопъ же вечеръ ийти для ночлега въ большой Сен-Бернарь.

— Въ большой Сен - Бернарь! Чорпъ возьми! сказалъ онъ.

И подошедши къ окну, посмошрѣлъ онъ на погоду и увѣрился, чпо она сдѣлалась дурна на всю ночь, выспавиль руку на въперъ, чшобы узнать его направленіе, и попомъ подошелъ къ намъ, качая головою.

— Такъ вы говорише, чпо вамъ надо прехъ человекъ и шеспъ муловъ?

— Да.

— Чшобы вхашъ въ эту ночь въ Сен-Бернарь?

„Да.“

— Хорошо — у васъ будетъ то, чего вы желаете. —

И онъ оборотился къ намъ спиною, чпобы выйдти.

Однакожь, ужимки, копорья онъ даль намъ замѣшпшь, причинили намъ нѣкопое безпокойство; мы снова позвали его.

„Развѣ шупь есть какая нибудь опасность?“ сказали мы ему.

— Чоршь возьми!... Погода не хороша; но если вы хошпте ѣхать въ Сен-Бернаръ, то вамъ постараюся доставить проводниковъ. —

„Опвѣчаешь ли ты за это?“

— Человѣкъ можетъ обѣщать не больше того, чпо можетъ сдѣлать: постараюся; однакожь, если могу, съ позволенія вашего, дамъ вамъ совѣтъ, по возьмите лучше шестерыхъ проводниковъ, чѣмъ проихъ. —

„Ну, хорошо, пожалуй и шестъ; но обратимся къ опасности: въ чемъ она состоитъ? Кажется, еще не та пора, чпобы намъ можно было опасаться лавинъ?“

— Нѣтъ, если мы не собьемся съ дороги. —

„Но вѣдь съ дороги сбиваются только въ то время, когда она покрыта снѣгомъ, а 26

Августа было бы, чорпъ возьми, слишкѣмъ рано для этого!“

— О, что касается до снѣга, то, изволише видѣть, вамъ нечего беспокоиться: у насъ будетъ его и выше вашихъ шпигелей. . . Видите ли эпоть маленькѣй дождикъ, копорый пакъ вѣжливъ здѣсь? Вопъ въ чемъ дѣло: пакъ какъ намъ, идя до госпинницы, надобно будетъ взбираться все вверхъ, то онъ послѣ одного льѣ опъ Сен-Пьерра сдѣлается снѣгомъ. — Онъ оборотился къ окну. — И эпоть снѣгъ будетъ идти густо; присовокупилъ онъ возвращаясь:

А, ба! ба! въ Сен-Бернаръ! —

„Однакожъ; господа; возразилъ я. . .

— Въ Сен-Бернаръ! Пустъ тѣ, копорые думаютъ ночевать въ Сен-Бернарь, поднимутъ руки.

Четыре руки на шеспѣ поднялись. Опъѣздъ былъ рѣшенъ.

— Изволише видѣть, продолжалъ нашъ проводникъ, если бы вы были горцы; то я сказалъ: хорошо; въ путь! Но вы Парижане, а, съ вашего позволенія; судя по тому, что я могу видѣть, Парижанинъ нѣженъ и боится холода; онъ потчасъ заколошпилъ зубами, какъ скоро спушилъ на снѣгъ. —

„Ну такъ мы не будемъ сходитьсь съ муловъ?“

— Чпо ни говорите, а вы будете при-
нуждены къ этому. —

„Чпо за нужда! Спупай, предупреди
поварищей и опыщи своихъ четвероно-
гихъ.“

— Съ вашего позволенія, господа, вы
знаете, чпо за ночную повъздку плащипся
двойная цѣна. —

„Очень хорошо: сколько шебъ нужно
времени?“

— Четвершь часа. —

„Спупай.“

Какъ скоро мы оспались одни, по при-
няли самыя надежныя мѣры для дороги:—
каждый присовокупилъ къ пому, чпо было
на немъ, по, чѣмъ владѣль въ блузѣ, ре-
дингопъ или плащъ, наполнилъ свою пык-
вяннуую бупылку превосходнымъ ромомъ, роз-
давапелемъ копораго былъ Суассонъ. Брап-
скій раздѣль цигаръ былъ сдѣланъ, и фос-
форическая спица, величавшаяся въ своемъ
красномъ нарядѣ, по единодушному рѣше-
нію, съ печки перешла въ карманъ де Сюси.
Попомъ каждый, подошедъ къ огню, уси-
лилъ его всѣми дровами, копорыя полько
попались намъ, и запасся на дорогу шепломъ.

Тупь вошелъ нашъ проводникъ. — Хорошо, грѣйшесь, сказалъ онъ, опъ эшого не будешъ хуже.

„Гоповъ ли пы?“

— Гоповъ, сударь. —

„Въ такомъ случаѣ... на лошадь.“ —

Мы сошли внизъ, и увидѣли нашихъ лошадей у воротъ; каждый весело сѣлъ на свое живошное, и, движимый чувствомъ чесполубія, пыпался поднятъ повыше голуу онаго. Всякому извѣспно, кпо полько хопъ разъ въ своей жизни ѣздилъ верхомъ на мулѣ, чпо одно изъ самыхъ пруднѣйшихъ дѣлъ сего міра соспоипъ въ помъ, чпобы заспавипъ мула идпи впереди своего поварища. Эпа борьба доспавляла намъ удовольспвіе на чепверпъ часа; сполько чувспвовали мы нужды пропивоборспвоватъ заранѣ успалоспи опъ дороги; наконецъ Ламаркъ очуспился нашимъ предводилпелемъ, и, опуспивъ поводъ своего мула, при помощи каблуковъ и палки добился до того, чпо заспавилъ его бѣжапъ рысью, крича:

„Не бойшесь, Наполеонъ проходилъ здѣсь...“

Когда одинъ мулъ бѣжилъ рысью, по и весь караванъ бѣжилъ рысью, и, въ слѣдспвіе эшого, проводники, идущіе

пѣшкомъ, бывають принуждены пускаются въ галопъ. Это вообще возбуждаетъ въ нихъ опвращеніе къ сему роду ходьбы, и они доспигли того, что и скоповъ своихъ заставили раздѣлишь съ собою это опвращеніе; равнымъ образомъ и предводитель колонны въ такомъ случаѣ вдругъ оспанавливаешся и налагаетъ поочередно свою неподвижность на каждого индивидуума, какъ человѣка, такъ и живошнаго, копорые находяпся въ ряду. Потомъ вся линія снова важно пускаешся въ пупъ, пропягиваясь по мѣрѣ того, какъ движеніе сообщается опъ ея головы до хвоста.

— Съ вашего позволенія, сказалъ проводникъ Ламарка, копорый пуспилъ своего мула наравнѣ съ прочими, и копорый, изъ опасенія новой скачки, взялъ его за поводъ, подѣ предлогомъ того, что дорога была дурна, — Наполеонъ совсѣмъ не здѣсь проходилъ: дорога, по копорой мы ѣдемъ, еще никѣмъ не была попираема; ша находипся на пропивоположномъ боку горы, и если бы теперь былъ день, то вы увидѣли бы, что пѣ, копорые проходили по ней съ лошадьми и пушками, были сильные смѣльчаки. ---

Всѣ раздѣляли его мнѣніе, и попому не было спору.

„Господа, снѣгъ! Нашъ проводникъ про-
рокъ,“ сказалъ одинъ изъ насъ. —

Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ
мы около получаса взбирались на гору, хо-
лодъ спановился болѣе и болѣе оцупише-
лень, и то, что въ долину упало дож-
демъ, здѣсь падало льдомъ,

„А, клянусь Богомъ, снѣгъ 26 Авгу-
ста! вопъ что любопытно будетъ раз-
сказывать нашимъ Парижанамъ. Господа,
я думаю, что намъ надо сойдти внизъ, и
побиться въ снѣжки, въ память Наполеона,
который проходилъ здѣсь,“.

Каждый изъ насъ началъ смѣяться
надъ воспоминаніемъ, которое приводило
намъ на память это знаменитое слово; что
же касается до опасности, которую оно
въ то же время могло напомнить, эта опас-
ность уже была совершенно забыта.

— Съ вашего позволенія, господа, я
уже сказалъ вамъ, что дорога, по которой
проходилъ Наполеонъ, находилась на дру-
гой сторонѣ; что же касается до вашего
намѣренія биться въ снѣжки, то я не
совѣтую вамъ исполнять его. Это заста-
вило бы васъ поперять время, а у васъ его
не слишкомъ много: подумайте о томъ,
что черезъ четверть часа вы не увидите

ни зги Божіей, и даже не будеше въ со-
спояніи веспи вашихъ муловъ. —

„Ну шакъ чпожъ? Въ шакомъ случаѣ
наши мысли поведупъ насъ.“

— Вы не можете сдѣлать ничего луч-
ше, какъ не мѣшайте имъ идти самимъ;
Богъ каждую вещь сотворилъ для другой,
изволише видѣть: Парижанина для Парижа,
мула для горы — вопъ чпо я всегда говорю
моимъ путешественникамъ. — Оспавъше
мула идти, оспавъше его идти. — Здѣсь,
покуда мы еще находимся въ долину Пру,
нѣтъ большой бѣды; но какъ скоро верхушка
Бюдри будетъ пройдена, то вы увидите се-
бя на маленькой дорожкѣ веревочнаго пля-
суна, и когда снѣгъ, вѣроятно, не дозво-
литъ вамъ различать ее, то предайтесь на
волю вашихъ муловъ и будьте спокойны. —

„Браво! хорошо сказано, проводникъ;
выпьемъ по капелькѣ.“

„Спой!“ Каждый поднесъ свою бу-
пылку ко рту, и передалъ ее проводнику.
Въ горахъ пьютъ изъ одного спакана и изъ
одной пыквенницы; не брезгаютъ шѣмъ, ко-
торый, черезъ шесть шаговъ, можетъ спа-
спи вамъ жизнь.

Жаръ рому возбудилъ въ каждомъ изъ
насъ веселость, и хоша ночь и снѣгъ съ

каждою минушою спановились мрачнѣе и гуще, караванъ съ смѣхомъ, съ пѣснями и съ шумомъ снова двинулся въ пущь.

Спранно было мое впечатлѣніе посреди эпой безоправданной спраны, эпого пронзительнаго снѣга, эпой ночи, копорая спановилась все мрачнѣе и мрачнѣе, эпихъ кобылокъ изъ породы муловъ, эпихъ всадниковъ и проводниковъ, копорые весело углублялись въ гору мрачную, безмолвную и ужасную, въ копорой не было даже эха, чпобы передашь ей свои пѣсни и свои крики. Казалось, чпо эпо впечатлѣніе не одного меня поразило — ибо мало по малу пѣсни сдѣлались пише, хохопъ рѣже; нѣсколько опривиспыхъ побранокъ послѣдовало за ними; наконецъ, *sacre Dieu, ребяташки, знаете ли вы, что вѣдь не со всѣмъ тепло?* рѣзко произнесенное, показало пакимъ сильнымъ выраженіемъ общаго мнѣнія, чпо ни одного голоса не возысилось пропивъ зачинщика.

„Еще капельку, да закуримъ цигарки.“

— Браво! кому принадлежитъ эта мысль?—

„Мнѣ, Жюлю Тьерри де Ламарку.“

— По прибытіи въ госпинницу ему будетъ засвидѣтельствована благодарноссть. — Ну - ко, де Сюси, фосфорическую сѣрницу,

— Ахъ, господа, клянусь чesпью, вѣдь мнѣ надо вынуть мои руки изъ кармановъ, а имъ шамъ пакъ тепло, что совсѣмъ не хочется выйдти опшуда. Возьмите сѣрницу въ моемъ карманѣ. —

Проводникъ оказалъ намъ эту услугу; его шоварищи закурили посредствомъ сѣрницы свои шрубки, и мы снова пустились въ путь, видя другъ у друга (пакъ темна была ночь) только свѣшлыя почки, копорыя каждый подносилъ къ своему рпу, и копорыя дѣлались блестящими при каждой зашяжкѣ.

На эшопъ разъ не было ни гѣсень, ни криковъ; ромъ попереялъ свою силу: во всемъ ряду царшвовало глубочайшее молчаніе, которое прерывалось только ободреніями нашихъ проводниковъ, обрацаемыми къ муламъ, по голосомъ, по жестами.

Въ самомъ дѣлѣ, ничто изъ окружающаго насъ не располагало къ веселости; холодъ часъ опъ часу дѣлался ошущипельнѣе и снѣгъ падалъ съ возрастающимъ изобиліемъ; ночь освѣщалась только пусклымъ и бѣловапымъ опблескомъ; дорога все болѣе и болѣе сѣуживалась, и опъ мѣспа до мѣспа бока скалъ до такой шпепени загораживали ее, что наши мулы принужде-

ны были оставишь ее и пойши по маленькимъ пропинкамъ, даже по скапу пропасти, глубину копорой мы могли измѣряшь только шумомъ Дрансы, копорая пекла на днѣ оной; еще эщюшь шумъ, при каждомъ шагѣ ослабѣвавшій, доказывалъ намъ, что бездна дѣлалась все глубже и упесистѣе. По снѣгу, копорый мы видѣли на шляпѣ и одеждѣ того, копорый вѣхалъ впереди, мы заключали, что и каждый изъ насъ, въ свою очередь, несъ на себѣ такое же количество его. Сверхъ того, мы чувствовали сквозь наше платье его прикосновеніе, менѣе пронцапельное, но болѣе ледяное, чѣмъ прикосновеніе дожда; наконецъ нашъ предводитель оспановился.

„Клянусь чеспью, сказалъ онъ, я замерзъ, и попому пойду пѣшкомъ.“

— Я вѣдь говорилъ вамъ, что вы будете принуждены сойдши, — возразилъ нашъ проводникъ.

Дѣйствительно, каждый изъ насъ чувствовалъ нужду разогрѣться движеніемъ. Мы пошли пѣшкомъ, и такъ какъ едва было видно идти, то наши проводники совѣщовали намъ взяться за хвосты нашихъ муловъ, копорые такимъ образомъ представляли намъ двойную выгоду, избавляя насъ

опъ половины успалоспи и опъ ощупова-
нїя пупи, Эпопъ маневръ былъ выполненъ
со всею почностїю , ибо мы понимали не-
обходимость предасть инспинкпу нашихъ
живопныхъ и проницательности ихъ во-
дипелей.

Тогда-по узналъ я испину опкрыпїя
Бальмы : я почувспвовалъ головную боль , о
копорой онъ говорилъ мнѣ ; его головокру-
жипельные обмороки и эпу непреодолимую
наклонность ко сну , копорой я успунилъ
бы на моемъ мулѣ , и съ копорою полько
необходимость идпи пѣшкомъ могла сра-
жасться. Казалось , что и самъ нашъ док-
поръ чувспвовалъ ее , ибо онъ предложилъ
опдыхъ.

— Впередъ , впередъ , господа ! вскри-
чалъ съ живостїю нашъ проводникъ ; ибо ,
предупреждаю васъ , что попъ , кто оспа-
новился , уже не поидеть ояпъ. —

Въ звукѣ голоса, съ копорымъ онъ произ-
несъ эти слова , была споль глубокая убѣ-
дипельность , что мы снова пуспились въ
пупъ безъ всякаго пропиворѣчїя. Одинъ
изъ насъ , не знаю копорый , пыпался
напомнить намъ о прежней веселоспи ,
эпими священными словами , копорыя до-
шоль никогда не оставались безъ дѣй-

спвія: — не бойтесь ничего, Наполеонъ проходилъ здѣсь. — Но на эпопъ разъ шупка пошеряла свое дѣйсвіе: никпо не опвѣчалъ на нее смѣхомъ, и необыкновенное молчаніе, съ копорымъ она была принята, придала ей болѣе печальный, чѣмъ веселый характеръ.

Такимъ образомъ мы шли машинально, влекомые нашими мулами около получасу, погружаясь въ снѣгъ по колѣна, между шѣмъ какъ холодный попъ шекъ у насъ съ чела.

„Домъ!“ вдругъ воскликнулъ де Сюси.
— Ахъ! —

Каждый изъ насъ оставилъ хвостъ своего мула, удивляясь, что наши проводники ничего не сказали объ эпой спанціи.

— Съ вашего позволенія, сказалъ главный проводникъ, спало вы не знаете, что это за домъ? —

„Хотя бы это былъ домъ самаго дьявола, лишь мы могли въ немъ спряспи съ себя эпопъ проклятый снѣгъ и спавъ ногами на землю; поидемъ.“ —

Дѣло было не прудно: у эпого дома не было ни воропъ, ни спавней. — Мы позвали, но никпо не опвѣчалъ.

— Да, да! зовите, сказалъ нашъ проводникъ, и если вы разбудите шѣхъ, копо-

рые шупть спяшь, по хорошо вамъ будеть!...

Дѣйствительнѣно, никпо не опвѣчалъ и хижина казалась пустою; однакожь какъ не была она опкрыпа вѣмъ вѣпрамъ небесъ, она предспавляла намъ убѣжище опъ снѣгу; посему мы рѣшились оспановишься въ ней на минушу.

Если бы шупть была печь, мы развели бы огонь, сказалъ одинъ голось.

— А дрова? —

„Поищемъ - ко печи - по.“

Де Сюси пропянулъ руку.

— Господа, споль, сказалъ онъ. — За элыми словами послѣдовалъ родъ крику, вполонину ужаса, вполонину удивленія.

— Чпо шупть такое? — Гмъ...

„А по, чпо шупть спить на эпомъ споль человекъ. — Я держу его за ногу.“

— Въ такомъ случаѣ, пополкайте его, онъ проснешся. —

„Эй, другъ, эй!“ ..

— Господа, сказалъ одинъ изъ нашихъ проводниковъ, опдѣлясь опъ полпы своихъ поварицей, оспававшихся внѣ, и всунувъ голову въ окно, господа, за чѣмъ пакія шупки и въ такомъ мѣспѣ! Онъ могутъ причинить несчастіе какъ вамъ, пакъ и намъ. —

„Гдѣ же мы?“

— Въ одной изъ моргъ Сен-Бернара.

Онъ опнялъ голову опъ окна и пошелъ къ своимъ поварищамъ, не говоря больше ни слова; но мало орапоровъ могутъ похвалилисья пѣмъ, чпо они произвели когда нибудъ споль большой эффектъ споль немногими словами. Каждый изъ насъ оспался пригвожденнымъ къ своему мѣспу.

По чеспи, господа, надобно посмопрѣть на это. Это одна изъ любопытнѣйшихъ вещей дороги, сказалъ де Сюси, и онъ погрузилъ спичку въ фосфорическую сѣрницу.

Спичка запрещала, попомъ разлила на минупу слабый свѣтъ, при блескѣ копораго мы увидѣли при прупа, одинъ дѣйспвипельно лежавшій на сполѣ, а двое въ сидячемъ положеніи въ двухъ углахъ фонда; попомъ спичка погасла, и все исчезло.

Мы снова начали дѣло. Только на этопъ разъ каждый поднесъ къ маленькому и эфемерному очагу конецъ свернутой бумаги, и когда зажегъ ее, по началъ осмопръ комнашы, держа лѣвою рукою нагоповѣ другія свѣспильни.

Надобно находипсья въ нашемъ положеніи, чпобы имѣть понятія о томъ впечатлѣннн, которое произвелъ на насъ

видъ эпихъ несчастныхъ ; надобно посмотрѣть на эпи черныя и искаженныя фигуры при препешномъ и сомнительномъ свѣтѣ нашихъ импровизованныхъ свѣчей, чпобы такъ хранишь ихъ въ своей памяти, какъ оспались онѣ въ нашей. Надобно спрашившь за самого себя и въ подобную минушу ужасной участи предшественниковъ, копорые находились передъ нашими глазами, чпобы поняшь, чпо наши войбсы вспали дыбомъ, чпо попѣ пекъ по нашимъ членамъ, и чпо, не смопря на всю нужду, какую мы имѣли въ опдыхъ и въ огнѣ, мы ощутили только одно желаніе — оспавить какъ можно поскорѣ эту гостинницу мерпвыхъ.

И такъ мы снова пуспились въ дорогу, еще болѣе задумчивые и безмолвные, чѣмъ прежде, но равнымъ образомъ и исполненныя энергіи, копорую придалъ намъ видъ подобнаго зрѣлица; однакожь въ продолженіи цѣлаго часа не было произнесено ни одного слова, даже проводниками. — Снѣгъ, дорога, даже самый холодъ, думаю, исчезли: такъ овладѣла всѣмъ нашимъ умомъ эпа идея, такъ одинъ спрахъ сжималъ наше сердце и ускорялъ намъ ходъ.

Наконецъ главный проводникъ испуспилъ одинъ изъ эпихъ криковъ, споль

обыкновенныхъ у горцевъ , копорые своимъ рѣзкимъ голосомъ заспавляютъ слышапъ себя на чрезвычайномъ распояніи , и копорые своими модуляціями даюпъ знать , пребуешъ ли помощи попъ , копорый призываетъ , или только онъ извѣщаетъ о своемъ прибытіи.

Крикъ исчезъ , какъ будто ничпо не могло оспановить его на эпой снѣговой скаперпи; и пакъ какъ никакое эхо не опдало его намъ , по по прежнему воцарилось безмолвіе.

Мы сдѣлали еще около двухъ сотъ шаговъ , и тогда услышали лай собаки.

Сюда, Драпо, сюда! кричалъ нашъ проводникъ.

Въ пу же самую минупу огромный догъ, единственной породы извѣспной подъ именемъ породы Сен-Бернара, прибѣжалъ къ намъ , и узнавъ нашего проводника, вскочилъ на него , положивъ лапы свои къ нему на грудь.

— Хорошо , Драпо , хорошо , доброе живоппное ! Съ вашего позволенія , господа , эпо спаринный знакомый , копораго я очень радъ видѣпъ . — Не пакъ ли , Драпо ? Гмъ ! собака . . . . добрая собака ! Да , ну , ну , довольно , въ пупъ !

По счастью, дорога была не долга: почили черезъ десять минуць мы увидѣли себя подлѣ самой госпинницы, копорую даже и днемъ можно примѣпить съ эпой спороны только тогда, какъ подойдешь къ ней дикой кашпанникъ ожидалъ насъ на воропахъ, днемъ и ночью безденежно опворенныхъ для всякаго, кпо только просить госпепримства, копорое въ эпомъ безопрадномъ мѣсцѣ часпо еспъ щоже, чпо жизнь.

Мы были приняпы брапомъ, копорый споялъ на-спорожѣ, и приведены въ комнапу, гдѣ насъ ожидалъ славный огонь. Пока мы обогрѣвались, намъ пригоповляли кельи; успалоспъ прогнала голодъ, и попому мы предпочли сонъ ужину. Намъ подали по чашкѣ пеплага молока, когда уже мы легли. Брапъ, копорый принесъ мнѣ мою чашку, сказалъ, чпо я находился въ той комнапѣ, гдѣ обѣдалъ Наполеонъ; чпо касается до меня, эпо была ша комнапа, въ копорой я наилучшимъ образомъ спалъ.

На другой день, въ десять часовъ, мы всѣ были на ногахъ и дѣлали осмошрвъ консульской комнапы, копорая доспаласъ на мою долю; ничпо не опличало ее опъ прочихъ келій: никакая надпись не напо

минала въ ней о пребываніи новаго Кап-ломана.

Мы подошли къ окну : небо было лазурное , солнце блестящее , а земля покрыва на фупъ снѣгомъ.

Трудно сославить себѣ идею о шой суровой унылости, которая представляется изъ оконъ госпинницы, лежащей въ семи тысячахъ двухъ спяхъ фушахъ надъ уровнемъ моря и находящейся посреди прехъугольника, образуемаго верхушкою Дронажа, горою Веланомъ и Гран-Сен-Бернаромъ. Озеро, наполняющееся опъ пающихъ льдовъ и лежащее въ нѣсколькихъ шагахъ опъ монастыря, не полько не веселитъ эпого вида, но еще болѣе дѣлаешъ его мрачнымъ; его воды, копорыя въ своей снѣговой рамѣ казались черными, пакъ холодны, чпо не могутъ пишашъ никакой рыбы, пакъ высоки, чпо не могутъ привлечь къ себѣ никакой пшицы. Это ешъ маленькое изображение Мерпваго моря, лежащаго близъ разрушеннаго Ерусалима. Все, чпо одарено по наружности живошною или распшельною жизнью, расположено успунами по дорогѣ, смопря по пому, какъ высоко позволили имъ взобратъся силы; лишь человѣкъ и собака дошли до вершины.

Только при видѣ эпои мрачной карпины, полько шамъ, гдѣ мы находились, можно получить понятіе о великопи пожертвованія эпоихъ людей, копорые оспавляли очаровапельныя долины Аоспа и Таренпезы, опеческій домъ, копорый, можешь бышь, любовался собою въ лазоревыхъ волнахъ озера Орпы, копоре блеспишь, кипящее, влажное и глубокое, какъ взоръ влюбленной Испанки, любимое семейство, молодую жену съ ея залогомъ счастья и любви, чпобы съ палкою въ рукъ, съ собакою вмѣсто друга, помѣщапья на снѣжной дорогѣ путешеспвенниковъ, подобно живымъ спапуямъ обѣща. Тамъ-то можно пожалѣшь о хваспливой благодѣпельности городскаго жипеля, копорый думаешъ, чпо онъ все сдѣлалъ для своихъ брапій, когда опкрытымъ образомъ бросилъ въ кошелекъ прекрасной милоспynesобирапельницы золотую монету, за копорую ему плапашъ поклономъ или улыбкою. О! если бы могло случишься, посреди одной изъ сихъ сладоспраспныхъ ночей нашей Парижской зимы, когда балъ заспапляетъ женщинъ прыгашь, подобно вихрю изъ алмазовъ и цвѣшовъ, когда прекрасныя спихи Викпора Гюго *На Благодѣпельность* испоргли юношескую

слезу изъ глазъ, блисшавшихъ удовольствіемъ; если бы могло случиться, чпобы свѣчи погасли, спѣны дома развалились, глаза могли проникнуть въ проспранство, и вдругъ увидѣли бы посреди ночи, на узкой пропинкѣ, на краю бездны, угрожаемаго лавиною, облеченнаго снѣговою бурей, одного изъ энихъ спарцевъ съ сѣдыми волосами, ходящихъ съ громкимъ крикомъ: *сюда, братья!* о, конечно, конечно, и самый наиболѣе гордящійся своею милоспынею, оперь бы свое чело, сѣлавшееся влажнымъ опъ спыда, и упаль бы на колѣна, восклицая: О Боже!...

Намъ сказали, чпо насъ ждуть за споломъ.

Мы сошли съ спѣсненнымъ сердцемъ. Одинъ изъ брапьевъ шелъ впереди, чпобы показывать намъ дорогу. Мы прошли подлѣ часовни и услышали священное пѣніе. Мы продолжали путь, и по опдаленіи энихъ звуковъ, съ другаго конца коридора доходили до насъ звуки смѣха. Звуки смѣха! Намъ показалось это спраннымъ въ подобномъ мѣспѣ... Наконецъ мы опворили дверь и увидѣли себя посреди молодыхъ людей и прекрасныхъ женщинъ, копорыя пили чай и разговаривали о мамзель Тальони.

Мы посмопръѣли съ минушу другъ на друга съ изумленіемъ, попомъ сами начали

смѣяпсья , подобно имъ. — Мы встрѣчали прежде эпихъ дамъ въ нашемъ Парижскомъ свѣтѣ. Мы подошли къ нимъ съ тѣми же самыми ухвѣтками , какъ и на паркетѣ , и комплименты начали перебрасывапсья съ боншонностию самаго фашіонабельнаго общества. Потомъ мы заняли за споломъ мѣста , которыя были для насъ оставлены , и разговоръ сдѣлался общимъ , выигрывая въ веселости то , что перья въ принужденности. — Черезъ десяпть минутъ мы совершенно забыли , гдѣ находились.

Эпо произошло опть того , что ничто не могло намъ напомнить объ эпомъ. Зала , которую называли прапезною , нимало не соопвѣтспвовала важной идеѣ , съ которою сопряжено эпо имя. Эпо была прекрасная споловая , опдѣланная съ бѣльшею роскошью , чѣмъ вкусомъ ; піано украшало одинъ изъ ея угловъ ; большое число гравюръ было привѣшено на ея стѣнахъ ; вазы , спѣнные часы , нѣкоторыя изъ сихъ маленькихъ предметовъ роскоши , которыя находяпсь только въ будуарахъ женщинъ , обременяли печь ; наконецъ какой-то характеръ свѣтскости царспвовалъ во всѣхъ эпихъ вещахъ , и былъ объясненъ для насъ однимъ словомъ :

каждая изъ сихъ вещей была подарокъ, сдѣланный монахамъ какимъ нибудь признательнымъ обществомъ, которое хотѣло доказать добрымъ дѣломъ, что оно не забыло, по своемъ возвращеніи въ Парижъ, того гостепріимства полученнаго отъ нихъ.)

Въ продолженіе завтрака, пошъ братъ, который угощалъ насъ, сообщилъ намъ нѣкоторыя историческія свѣдѣнія касательно горы Сен - Бернара, кои, можетъ быть, увидать здѣсь безъ неудовольствія.

До основанія гостинницы, Гранъ-Сен-Бернаръ назывался Мон-жу (Mont-Joux), въ слѣдствіе искаженія сихъ двухъ Латинскихъ словъ — *mons Jovis*, гора Юпитера; само это имя происходило отъ храма, воздвигнутаго сему богу, подъ именемъ Юпитера Пенинскаго (*penin*). Время основанія сего храма, развалины котораго видны и теперь еще, неизвѣстно. При первомъ взглядѣ, правописаніе слова *penin*, которое Типъ - Ливій неправильно пишетъ *Pennin*, могло бы заславить подумать, что оно восходитъ ко времени перехода Аннибалова, и что это полководецъ, счастливо достигшій до вершины Альпъ, положилъ шупъ первый завѣщанный камень

храма *Юпитера Карфагенскаго*. Однакожь клады, найденныя при разрытіи сихъ развалинъ, показываютъ, что пилигримы, приходившіе сюда исполнять свои обѣты, были Римляне. Теперь, спали-ль бы Римляне приходилъ молился у ногъ спашуи бога своихъ враговъ? Это не возможно. Напрощивъ, не былъ ли эшопъ храмъ воздвигнутъ самими Римлянами, когда несчастія Аздрубала въ Сардиніи принудили его брата, ослабленнаго Капуею и разбишаго Марцелломъ, оставить Италію, почти со всѣмъ завоеванною, чтобы убѣжать къ Антіоху? Въ первомъ случаѣ, его посроеніе относилось бы къ 535 году, а во второмъ къ 555 году опъ основанія Рима. Что же касается до времени, въ которое было оставлено его богослуженіе, то это съ вѣроятностію можно отнести къ царствованію Феодосія Великаго; ибо никакой медали, относящейся къ царствованію дѣпей сего Императора, не было найдено въ развалинахъ этого храма.

Что касается до основанія гостинницы, оно конечно проспиралось до начала девятаго вѣка; поелику гостинница Мон-жу упомянута въ постановленіи о земляхъ, которое Лод-Геръ, Король Лопарингскій,

далъ Людвигу, своему брату, въ 859 году. И такъ она существовала прежде, нежели архипаспырь Аоспа ушвердилъ въ ней въ 970 году правильныхъ канониковъ Святаго Августина и перемѣнилъ языческое названіе ея — Мон-жу, въ Хриспіянское имя Сен - Вернара. Съ сего времени до нашего сорокъ при Наспояшеля смѣнили другъ друга.

Девяпъ вѣковъ прошекло, и ни время, ни люди ничего не перемѣнили ни въ правилахъ монаспыря, ни въ госпепрїимныхъ обязанностяхъ Каподиковъ.

Цѣпь Альпъ, на коихъ лежишь Сен-Вернарь, была свидѣтелемъ чепырехъ переходовъ: Аннибала, Карла великаго, Франциска I и Наполеона а). Аннибалъ и Карлъ великій перешли ее чрезъ гору Жени; Францискъ I и Наполеонъ въ помъ самомъ мѣсцѣ, гдѣ построена госпинница. Карлъ великій и Наполеонъ перешли ее, чпобъ побѣдишь; Аннибалъ и Францискъ I, чпобъ бышь побѣжденными.

Кромѣ дамъ, о копорыхъ я уже говорилъ, съ нами была за ужиномъ еще одна Англичанка съ машерью. Въ продолженіе

а) А Суворова? *Изд.*

прехъ лѣтъ онѣ проходили Ипалію и Альпы пѣшкомъ, нося свои пожипки въ узлѣ, и дѣлая каждый день по восьми или десяти лѣ. Намъ захопѣлось узнать имена эпихъ неуспрашиваемыхъ пупешеспвенницъ, и мы опыскали ихъ въ списокѣ иносбранцевъ; младшая росписалась *Луизою или дѣвою горѣ*.

Для опысканія этого списка мы вошли въ залу, смежную съ прапезною; она, какъ и первая, украшена пысячью маленькихъ мебелей, присланныхъ въ подарокъ добрымъ опщамъ. Она заключаепъ въ себѣ сверхъ того двѣ рамки, содержація различные предметы древности, найденные въ развалинахъ Юпишерава храма. Лучше прочихъ сохранены двѣ маленькія спашуи: одна представляющая Юпишера, а другая Геркулеса; одна больная рука, обвиная змѣею Эскулапа, и несущая на своихъ пальцахъ, какъ признакъ болѣзни, лягушку и жабу; наконецъ, многія бронзовыя бляхи, на коихъ находятся имена пѣхъ, копорые приходи-ли умоляпъ Бога о помощи.

Я списалъ многіе изъ эпихъ *ex voto*, и представляю здѣсь безъ всякой перемѣны въ расположеніи спрокъ.

J. O. M. Poenino: T. Macrinus demonstratus. V. S. L.

Jovi optimo maximo

votum solvit libente.

Poenino

numinibus-aug

Pro itu et reditu

Jovi Poenino sabineius

C. Julius-Primus

сensor ambianus

V. S. L.

V. S. L.

Я былъ прерванъ въ эпомъ занятіи шумомъ, копорой производили наши собесѣдники. Въ то время, какъ я списывалъ мои надписи, братъ, копорый угощалъ насъ завпракомъ, не принимая самъ въ немъ никакого участія, ушелъ для опправленія службы. Нашъ докпоръ спалъ на караулъ у дверей запрапезной, де Сюсси засѣлъ за піано, и наши дамы, включая сюда и *дѣ-еу горъ*, панцовали галопъ вокругъ спола.

Въ ту минушу, когда панець былъ въ самомъ своемъ развалѣ, докпоръ опворилъ немного дверь и, высунувъ изъ-за нее голову, сказалъ панцовщицамъ: — Сударыни, одинъ изъ служащихъ братій спрашиваетъ у васъ, не угодно ли вамъ видѣшь Большую Моргу (*la Grande-Morgue*)?

Это предложеніе попчасть прекрапило панець. Дамы совѣповались съ минушу между собою. Опвращеніе боролось съ любопытствомъ. Любопытство одержало верхъ, и мы опправились.

Дошедши до внѣшнихъ воровъ, наши соупницы объявили, что онѣ не пойдуть далѣе: снѣгъ возвышался на полпора фута, а морга находилась почти на сорокъ шаговъ отъ порога гостинницы. Мы утвердили двое креселъ на носилкахъ, и предложили нашимъ прекраснымъ любопытницамъ позволить неспи ихъ; онѣ приняли наше предложеніе.

Не безъ порядочнаго числа криковъ и смѣховъ, испоргаемыхъ колебаніемъ ихъ сѣдалища и оспупами носильщиковъ, доспигли онѣ до вѣчноопвореннаго окна, черезъ которое взоръ погружается подъ обширный сводъ морги Сен-Бернара. Нѣтъ ничего любопытнѣе и вмѣспѣ ужаснѣе того зрѣлища, которое представилось намъ.

Пусть представлятъ себѣ большую и низкую залу, со сводомъ около придцати пяти квадрапныхъ фушовъ, освѣщенную однимъ окошкомъ, съ поломъ на полпора фута покрытымъ прахомъ.

Человѣческій прахъ!

Эпопѣ прахъ, который, кажеся, подобно Мерпвому морю, выбрасываль на свою поверхность самыя тяжелые предметы, былъ покрытъ множеспвомъ оспововъ.

Человѣческіе осповы!

И на эпахъ основахъ, въ споячемъ положеніи, прислоненные спиною къ спѣнамъ, расположенные спраннымъ умысломъ случая, каждый, сохраняя выраженіе и шѣлоположеніе, въ которомъ захватила ихъ смерть, одни на колѣняхъ, другіе съ пролянушыми руками, шѣ съ сжапыми кулаками и преклоненною головою, иные съ челомъ и руками воздѣшными къ небу — спопяпѣдесяпѣ пруповъ, почернѣвшихъ опѣ мороза, съ пуспными глазами и бѣлыми зубами, и между ними женщина, бѣдная женщина, копорая думала спаспи свое дпшя, давая ему грудь, и копорая, посреди эпого адскаго сходбища, кажепся спашпую маперинской любви!

И все эпо, заключенное въ одной комнапѣ: прахъ, осповы и прупы, спопря по времени, къ копорому они опноспяпся, и у окна эпой комнапы, освѣщенной веселымъ лучемъ солнца, головы женщинъ, юныхъ и прекрасныхъ, жизнь одушевленная, едва имѣющая двадцапъ лѣпѣ, и созерцающая жизнь, погасшую назадъ пому нѣсколькo вѣковъ, — ахъ! все эпо соспавляло спранные зрѣлице! Пойдемъ - ше!...

Чпо касаетсся до меня, я буду видѣпѣ эпо зрѣлице всю мою жизнь, буду видѣпѣ

эту бѣдную мать , дающую грудь своему ребенку . . .

Что сказать послѣ сего о Сен - Бернарѣ ? Тутъ есть еще церковь , въ которой находится гробница Дезо , часовня , посвященная святой Фауспинѣ , черный мраморный столъ , на коемъ вырѣзана надпись въ честь Наполеона . . . . Есть и еще тысячи другихъ вещей . Но , повѣрьте мнѣ , прикажите показать себѣ эти вещи прежде , нежели увидите эту бѣдную мать , которая даетъ грудь своему ребенку . . .

IV.

Послѣдніе листки для составленія Истории
Русскихъ сказокъ.

I.

Конецъ Начатаго.

Впрочемъ порча Русскихъ сказокъ, по рѣшительному намѣренію нашихъ писателей приблизить свои народныя сказки къ новѣйшимъ Европейскимъ романамъ, вполне замѣтна спала при началѣ второй половины XVIII вѣка: ибо въ 1763 году къ нимъ уже явились сказки правдоподобныя, напр. *Приключенія Зелитовы*, а въ 1765 *Мексиканская Княжна Жевана*; наконецъ: Кербиліоновъ Принцъ *Соліи*, Волтеровъ Обер-Сталмейстеръ *Задихъ*, Прованская Поэма *Карлъ Орлеанскій и Аннибелла*, полу-русскій *Милордъ Георгъ* и проч. Сей послѣдній, изъ всѣхъ другихъ, ближайшій къ духу Рыцарскихъ сказокъ; и—вошь, между шѣмъ, какъ высшій классъ Любителей нашихъ Романовъ (еще весьма немногочисленный) жадно пробивался къ чтенію только новѣйшихъ сочинителей Англійскихъ, Нѣмецкихъ и Французскихъ, ш. е. когда уже въ нашихъ гостиныхъ принимали только Французовъ Вольпера, Мармоншеля, скучнаго Д'Аржанса и Нѣмцевъ: Мейснера, дивнаго Геше и высокаго Виланда, — тогда на мѣлкихъ залавкахъ книжныхъ, во всѣхъ господскихъ переднихъ, и даже въ самыхъ приемныхъ нѣкоторыхъ средняго сословія людей уси-

льно еще поржесествовали *Милордъ Георгъ*, *Гуанъ* и другія сполько же занимательныя повѣспи, какъ прежнія общія любимцы наши: *Петръ Златыхъ Ключей* и *Францискъ Венеціанъ*. Нѣкто *Кропотовъ* передѣлалъ изъ сказки о *Бовѣ* и *Зюльбѣ* даже цѣлую прозаическую трагедію въ пяти актахъ (*). Новый родъ сказокъ не жесточилъ еще сердцеъ безчеловѣчными убійствами, какія, въ послѣдствіи, безъ цѣли и безъ плана явились въ романахъ разбойничьихъ, и онъ же еще не изнѣживалъ богатырскаго духа *нашихъ* богатырей-чипашелей. „Машушка!“ говаривалъ иногда грамошный рекрупъ-кресстьянинъ, „не плачь, не шужи по мнѣ: шакъ намъ Богъ велѣлъ: буду *Илья Муромецъ*, буду *Бова Королевичъ*, пошибу шапки съ невѣрныхъ, да и ворочусь къ шебѣ не съ пустыми руками.“ Такъ и сбывалось: Русскіе прослоудины, жадные чипашели дѣяній богатырскихъ, недаромъ были *худобогатырями* на языкѣ *Суворовскомъ*.

II.

Новѣйшіе переводы Азіятскихъ сказокъ на Русскій языкъ. Вліяніе на нихъ Европейскихъ выдумокъ.

Между шѣмъ въ 1773 году съ языка Грузинскаго передали намъ Принцессу Гуль-яндъ-юну

(*) Петръ Ан—вичъ, Рязанецъ. Эшого *Кроптова* не должно смѣшивать съ другими писателями той же фамиліи. Его трагедія около 1780 годовъ ходила только въ рукописи и сохранялась *только*, какъ рѣдкость (будно бы подражательная *Шакспиру*), въ немногихъ книгохранилищахъ.

и Принца Бей-Реяму; въ 1790 съ Могольскаго переложили спрашнаго великана Гар-ган-Шуй-Я-Су и другіи. Наблюдатели всего испорико-сказачнаго могли бы радоваться возвращенію въ Русь такихъ диковинокъ; но полно, все ли это переведено съ Грузинскаго и съ Могольскаго языковъ?

Слѣдующія за тѣмъ приключенія *Нифара* и приключенія же *Мух-али-бе* и *Семиры*, равно какъ и прочія тому подобныя, имѣли своихъ чипашелей; а уже далеко опспавали безгрѣшными богашырскими чудесами опъ *Петра Ключей* и *Венигрянвѣ*. Въ упомянутыхъ Грузинскихъ и Ташарскихъ сказкахъ не было ни древнихъ *Подсолнечныхъ Царствѣ* съ ихъ изумрудными дивами, ни молодечества среднихъ временъ Европейскихъ, удалспва любимаго Русскимъ сердцемъ, привыкшимъ и къ необычайному богашырспву и къ цвѣпнымъ чудесамъ неизобразимымъ.

Въ началѣ вшорой же половины минувшаго столѣшія у насъ напечатана весьма замѣчательная сказка о *Бѣлой Кошкѣ* (1772); ее всѣ чипали съ жадностію, а попому и перепечашывали ее неоднократно то въ Москвѣ, то въ Пешербургѣ. *Бѣлая Кошка*, очарованная цареvна, была красавица *выше всѣхъ красавицѣ*. Она, въ видѣ *Кошки*; плѣняла мудростію, а въ образѣ челоvвка очаровывая сердца каменныя, прешворяла ихъ въ воскъ. Все это весьма нравилось чпещамъ-мужчинамъ и нашимъ женщинамъ, шогда еще спраспнымъ любишельницамъ всякихъ кошекъ (шакже, какъ и въ послѣдствіи, мосекъ и болонокъ). Печашная *Бѣлая Кошка* была споль же мила, какъ и всякая живая кошка. Мѣшпо рожденія *Бѣлой Кошки*

была Франція; аша же Кошка была прародительницею французскихъ *Земиръ* и *Азоровъ*.

Но и древнія наши сказки въ это время существовали, ихъ еще не совсѣмъ убила *новость*: въ Москвѣ былъ какой-то мѣщанинъ *И. И. Двойникъ*; онъ поправлялъ и переписывалъ русскія сказки со словъ сказочниковъ, а попомъ и печаталъ въ типографіи извѣстнаго типографащика *Алексыя Сипникова*.

III.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ КАТАЛОГОВЪ НѢКОТОРЫХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ СКАЗОКЪ. ЕГО СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ РАЗДѢЛЕНІЕ.

Бълюю Кошкою, какъ переходомъ опять къ древнимъ чудесамъ, я кончаю мои пробныя лиспки для составленія *исторіи русскихъ сказокъ*. Я говорилъ нѣчто въ отношеніи ихъ къ нравамъ, о пользѣ, кошорую бы онъ могли принести по ихъ сравненіямъ съ нѣкоторыми лѣшописями, преданіями и съ другими разгадками темныхъ мѣспъ въ самой нашей Исторіи — я говорилъ; ношусть нужна кришика, а кришическое разсмотрѣніе здѣсь не мое дѣло.

Заключая симъ мои мысли о русскихъ сказкахъ, разбросанныя въ несвязномъ безпорядкѣ, я къ моимъ пробнымъ лиспкамъ прилагаю два, или при сравненія сказочныхъ *пересказовъ*, принадлежащихъ разнымъ періодамъ времени, къ шому же присоединень мною и, сколько возможно, въ си-

стемашическомъ порядкѣ, крашкѣй каталогъ *нѣ-
которыхъ* сказокъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ.

Въ началѣ каталога поставлены сказки Азі-
ятскія, едва ли не древнѣйшія всѣхъ *Саяхъ* Исланд-
скихъ: онѣ раждались въ общей колыбели наро-
довъ. Даже и самыя первыя славено-русскія сказки
о Владимірахъ и богатыряхъ, хопя и показыва-
ють чшо-шо смѣшанное съ Сѣверомъ, но онѣ все
ближе къ солнцу, нежели ко льду.

Опъ періода нашествій Татарскихъ, убій-
ственнаго для нашей Испоріи, повпоримъ, у насъ
весьма мало, или почти уже и ничего нѣтъ *сво-
его* героико-романическаго. Эпоха побѣдъ Донска-
го чрезъ Литву и Польшу (начавшихъ болѣе
прежняго уважать Русскихъ) проложила къ намъ
пусть рыцарскимъ розказнямъ многихъ Европей-
скихъ народовъ; въ послѣдствіи ихъ нашествіе
усилено при Самозванцахъ и при Романовыхъ. Все
это невесьма древне; но за то, какъ мы видѣли,
Притчи Эзопа и другія собственно Греческія
Сказки и Побасенки принесены къ намъ, бытъ мо-
жетъ, вмѣстѣ съ подражаніями нашего басносло-
вія Греческому. Тогда и сказки берегли насъ опъ
Лапыни.

Слогъ сказокъ до XVІІІ вѣка.

Жили да были два брата, умны и богаты,
и былъ у нѣхъ братьевъ третій братъ дуракъ,
а звали дурака Хилею, а поплъ Хилипъ ни кого
не зналъ, ни спара, ни мала, ни слухаль, а съ
утра до вечера и съ вечера до утра въ кійждѣй

день Божій сиди на печкѣ, спалъ да лѣнився. Закону дуракамъ въ грамотѣ нѣтъ! И случихся шѣмъ умнымъ и благоразумнымъ брашимъ единымъ на двое ѣхати къ торгу на Ярилу, продаши *ненадобу*, а собѣ купать на нужду. И прощалися шѣ благоразумные брашья съ жонами, съ чадами и со всѣми домочадцами; а дураку Хилипу наказали они крѣпкимъ на крѣпко, какъ бы онъ Хилипъ безъ нихъ, безъ брашовъ былъ смиренъ, послухенъ и нершачиль бы онъ дуракъ въ послугъ ихъ брашнимъ жонамъ курить печи и самъ бы онъ дуракъ руками рубиль, кололъ и клинилъ дрова и шаскалъ бы онъ шѣ дрова на курево въ избу, да одинъ бы онъ дуракъ не рыскалъ по улицамъ, не выглаживалъ бы онъ на спорону и опасъ бы онъ собѣ отъ лиха, а пущее отъ Ягайей-бабы, ибо она де Ягайя-бабушка сиздавна !робяшъ безпризорныхъ и весь глупый людъ шаскала собѣ на кормъ.

А Хилипъ на шо сказалъ брашамъ: „*добро, братцы, будь по вашему*“, и брашья помолясь Господу-Богу, просясь съ дѣшями, съ жонами, и съ домочадцами, поклонились на всѣ на чешыре спороны и собравшись скарбомъ поѣхали въ дальній пушъ, въ дорогу на торгъ къ Ярилѣ.

А Хилипъ чесши не выдержалъ, не слухалъ онъ сесперъ Богомъ данныхъ: не рубиль онъ и не носиль и не клинилъ онъ дровъ ни коли, а лёжа онъ Хилипъ на печкѣ денно и ночью лѣнился. А какъ наскучила ему Хили воркошня Богомъ данныхъ, скакянулъ онъ Хили проворомъ съ печи, да какъ выскочилъ онъ на улицу, да бѣжалъ онъ по улицѣ, и съ шой улицы за околицу, а изъ-за

шой околицы въ поле чистое, и какъ ни опшудова, ни опсюдова ему на вспрѣчу пырь въ глаза Ягайя-баба, нога коспяная, а вся жилиспая. А и ѣхала она баба - Ягайя въ спупѣ, погоняла ее песпомъ, а слѣдъ свой замешала помеломъ.

Хиля дурачокъ испужахся, упалъ ничкомъ на землю, какъ мертвой. Баба-Ягайя дернула спупу, остановилась надъ Хилюю, оскалила зубы, схватила его, посадила вмѣстѣ съ собою въ спупу и унесла, куда, незнамо, невѣдомо! Скоро сказка сказалась, да нескоро сбылося дѣло: ѣхали Хиля съ Ягайей-бабою пушемъ и дорогою время немалое.

Много съ Хилюю было пряски! И пріѣхали они къ избушкѣ, а та избушка спояла на куричьихъ ножкахъ, а была она къ лѣсу передомъ, а къ нимъ задомъ. И какъ скажетъ баба-Ягайя: „Избушка, избушка, спань ты къ лѣсу задомъ, а къ намъ будь передомъ“, и та избушка спала къ нимъ передомъ, а къ лѣсу задомъ.

Слезла баба - Ягайя со спупы, засшучала ногою коспяною и внесла Хилю въ избушку на курьихъ ножкахъ. Чеспно вспрѣпили ихъ при дочери Ягайей-бабы, и низко онѣ ей поклонились. „Вошь вамъ дѣши госпинець!“ молвила Ягайя-баба дочери спаршей: зашпра *то* намъ на похлебку; вари его Уляша, да хорошенько! И держала Уляша въ опповѣдъ: „добро будетъ!“ и проч.

Другой примѣръ.

Нѣкій купецъ пріиде опгъ Югорскія земли во Свяшую Русь, а и попъ купецъ Иванъ Ивановичъ сынъ Нѣмчинъ, оспавя, по проспу, яко нѣмъ

быхъ , возъ свой порговый во Псковскомъ граду предъ палашами, самъ же безъ забошы спяше во палашѣ, и пришедши нѣкій удалый изъ воровъ Русскихъ и украдѣ у Ивана Иванина Нѣмчина злапо и все серебро и порговое, что въ возѣ и на возѣ не было. Наутрѣ рано яко бы со звѣздой вспаше Иванъ Иванинъ сынъ Нѣмчинъ и своего добраго хвашихся, и поиде онъ на посадскій дворъ и повѣда на дворѣ посаднику изгубленіе злапа и серебра и всего своего порговаго. И наибольшій посадникъ огорчихся и повелѣ по всему граду Пскову искаши госпева шапя, глаголя своимъ людямъ: не шакъ госпамъ у новградскихъ, шамо добро имъ, и у меня во градѣ аще не обрящется госпево злапо, весь Опсковъ погублю. — И повелѣ наибольшій свое злапо и свое добро ноцію положишь на возу Нѣмчиновомъ. Нѣмчинъ же вспа и обрѣше при злашѣ не свое доброе, пошедъ къ посаднику и рече ему: господине! обрѣшохъ злапо свое все; а добро не мое. Тогда и шапя приведоша со добромъ и злашомъ, и глаголя посадникъ купцу: иди съ міромъ; аще бы не повѣдалъ о моемъ добромъ, по и шы съ шашемъ на колу бы смерть пріялъ и проч.

Эта сказка имѣетъ также всю нравственную спорону: — У Карамзина, у Греча и у другихъ она называется сказкою о *Дракулѣ*, въ-рояшно взяною съ Греческаго. Я выписалъ ее изъ одной старинной рукописи, найденной мною въ Шацкѣ, 1825 года.

ТРЕТІЙ ПРИМѢРЪ.

Въ нѣкоемъ Царствѣ, въ нѣкоемъ Государствѣ жилъ да былъ велій и славный Князь Мус-

шафамъ Скурлашьевичъ ; у шого Князя Мустафама Скурлашьевича , и слугъ и прислужниковъ было шысяча, одѣваль ихъ Князь, обуваль, поиль, кормиль и наказываль и всѣмъ добрымъ жаловаль, а изъ всѣхъ шѣхъ слугъ и прислужниковъ всѣхъ любѣе былъ слуга его Князя, *Горе* именемъ, *Кручины* сынъ. А какъ былъ уже *Горе* на возрастѣ, шо для его добра, *Горина*, отдалъ его Князь Мустафамъ Скурлашьевичъ въ наученіе масперспву башмачному аль, рѣчь порускому, рукомеслю черевичному, а шого похотѣла Княгиня, молодда жена Князева Мустафама Скурлашьевича, и сама она договаривала съ хозяиномъ, чшо пошѣ де бы слуга, *Горе*, былъ насопрошивъ всѣхъ масперовъ въ черевичномъ дѣлѣ искусень и хишеръ, а буде ди пошѣ *Горе* шому не научишся, шо съ него и съ его хозяина голова съ плечь, какъ шапка, да и всѣмъ его хозяйскимъ масперамъ безъ пальцевъ бышь.

И посемъ *Горе*, учась года многіе, черевичному рукомеслу обучался шакъ изрядно и дивно, чшо аки бы шиль и шочаль вдвое лучше хозяйскаго. Тогда Князь Мустафамъ Скурлашьевичъ поворошилъ слугу своего, *Горе*, въ домъ свой Княжій паки и засшавиль онъ его, *Горя*, пошипъ шому ему Князю черевику всѣхъ напредки и шиль онъ *Горе* ему Князю пара къ парѣ черевики дюжень до двѣнадцати, а ни одна ша пара шѣхъ черевикъ Мустафаму Скурлашьевичу не показала, за чшо Князь и билъ своего слугу *Горе* безъ всякаго милосердія.

И вопъ опъ шѣхъ опъ побоевъ *Башманникъ* *Горе* сынъ Кручининъ еле не ряхнулся ума,

разума, а захвараль плошно, а былъ онъ опъ по-го въ недугъ недѣль съ десятокъ, и какъ началъ мало по малу опящъ пображивашъ, въ шѣ поры Мустафамъ Скурлашьевичъ, по Ташарскому упрямому обычью, опящъ и паки засшавлялъ *Горя* сына Кручинина шипъ черевики, и какъ онъ *Горе* пошилъ черевикъ паръ до сошни и принесъ ихъ примѣривашъ на Ташарина, шо и шущъ ни одна пара ему Ташарину не показалаь, и проч.

Эша сказка мѣшишь, кажешся, на безразсудное господство Ташаръ надъ нами.

— Злой господинъ не Русской крови бояринъ! — О Русскихъ же *болярахъ* что говоришь худаго! — Такъ думали прежде! Далѣе начинающся чудеса сказочныя; но слогъ сказки не совсѣмъ спаръ: разскащики почти всегда вмѣсто *башмаковъ* упошребляющъ *теботы*, да *черевики*, и эшо едвали не приличнѣе *башмаковъ* времени жизни *Горя* Кручинина?

КАТАЛОГЪ НѢКОТОРЫХЪ РУССКИХЪ СКАЗОКЪ, БОЛѢЕ ИЛИ МЕНѢЕ ИЗВѢСТНЫХЪ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

1) Сказки *Азіятскія*, неознаменовавшія точносшь своего произхожденія *по народамъ* :

1. Объ Иванѣ Царевичѣ, о Жарь-Пшицѣ и о Сѣромъ Волкѣ. 2. О Золшой Горѣ (весьма рѣдкая). 3. Объ Ивашкѣ бѣлой рубашкѣ, медвѣжемъ ушкѣ. 4. Объ Ушицѣ злашюкрылицѣ. 5. О Царевичѣ Ахрадѣичѣ. 6. Объ Ухарѣ, или Вихорѣ-Ко-

ролевичъ. 7. О Царицѣ Дѣвицѣ. 8. О Мальчикѣ съ пальчикѣ и о спарикѣ мужикѣ, у котораго борода съ локошъ, а самъ онъ съ ногошъ, и проч.

II). Сказки *Славено - Русскія* :

1. Объ Иванѣ богатырѣ, крестьянскомъ сынѣ. 2. Объ Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ. 3. О Будашѣ-Молодцѣ. 4. О Любимомъ Царевичѣ Любимѣ. 5. О Славномъ Вишязѣ Буривоѣ. 6. Всѣ вообще древнія спихотворныя сказки, со Славено-Русскими именами, и проч. 7. Всѣ подобныя же сказки въ прозѣ, изданныя Новиковымъ и Чулковымъ, и проч.

III). Опличительно *Татарскія* сказки :

1. О Царевичѣ Мулла-му-хандиржи Ибрагимовичѣ и о Царевнѣ Сала-камуль. 2. О Королевичѣ Бурга и о Русской Боярышнѣ Юспини. 3. О Зюлмѣ (Зюдмѣ) и Дама *Сынъ*. 4. О Гар-гаѣ-шуйсѣ. 5. О Гуна-дамма и Буг-ра-му. 6. О Мунгалѣ Ди-бей (Мунгалебѣ) и Сам-ирѣ (Семирѣ), и проч.

IV). Сказки *Турецко - Арабскія* :

1. О сынѣ Волшебника и о шрехъ шалисманнахъ. 2. Приключенія Нифара. 3. О Пшичкѣ Говорунѣ, древѣ пѣвунѣ и проч. 4. Великое множество сказокъ извѣстныхъ подъ названіемъ *Тысячи и одной ноги* и проч; но, къ сожалѣнію, мы переводили эти сказки, большею частію, не съ подлинниковъ.

V). Сказки *Грузинскія* :

1. О весьма чудныхъ и прекрасныхъ Гусляхъ самогудахъ; эту же сказку рассказываютъ Евреи,

но только уже съ нѣкошорыми своими особенностями. 2. О Царевичѣ Хоразатъ Хоразавичѣ. 3. О дщерѣ Иверскаго Царя, Динарѣ, Дѣвицѣ Царицѣ и проч.

VI). Сказки *Греческія* :

1. Пришчи Эзопа. 2. О Царѣ Агеѣ (Эгеѣ). 3. Объ Апполонѣ Королѣ Тирскомъ и о Королевѣ Тарсѣ. 4. О Мелиншестѣ (Менелатѣ) и Ариантѣ. 5. О Паламедесѣ и Епихарисѣ (Эвхарисѣ) и проч.

VII. Сказки *Сербскія, Черногорскія и Венгерскія* :

1. О Царевичѣ Пепрѣ. 2. О богатырѣ Силіонѣ Лукьяновичѣ и о Царевнѣ Судиславѣ. 3. О храбромъ Ярусланѣ Лазаревичѣ. 4 О Пепрѣ, Венгерскомъ Королевичѣ и проч.

VIII. Сказки *Итальяно - Германскія* : 1. О семи Симіонахъ, родныхъ братьяхъ. 2. о *Бовѣ* Королевичѣ (Калабрійская поэма среднихъ временъ). 3. О Королевичѣ Бренсвикѣ (Голландская). 4. О походе Зелинша (Нѣмецкая). 5. О Карлѣ Орлеанскомъ и *Анилъ Белль*. 6. О Бѣлой кошкѣ и проч. (Послѣдняя чрезвычайно рѣдка).

IX. Сказки *Французскія* :

1. О Пепрѣ Прованскомъ, прозваннымъ *Златые ключи*. 2: О Купцовой женѣ и объ его работникѣ. 3. Объ Адольфѣ, Принцѣ Лампадійскомъ. (Повѣсть взятая Французами). 4. О Трудѣ Королевичѣ. 5. О Каперинѣ Сопиринѣ. 6. О Дюранѣ Шаринѣ. 7. О Королѣ Залсорѣ и Клеменшинѣ. 8. О Принцѣ Солліи. 9. О Францылѣ Вениціанѣ (*Le François de Venise et sa belle Rinceau de Venus.*) и проч.

Х. Сказки *Польскія* :

1. О Смирномъ мужѣ и бранчивой женѣ (кажется, взяша съ Нѣмецкаго).
2. О дурачкѣ Емельянѣ.
3. О Судѣ Шемякинѣ.
4. О хозяинѣ, работникѣ и проч.

Примѣчанія.

А. Сверхъ того всѣ вообще богатырскія рапсодія, гдѣ упоминается о Владимірѣ, его богатыряхъ — *Муромцѣ, Заолешанахъ* и проч, или гдѣ говорятъ о разбойникахъ: *Кудеярѣ, Соловьѣ Свистнѣ* и проч., принадлежатъ Славено-Русскимъ сказкамъ.

В. Приложенный мною кашалогъ сказокъ весьма не полонъ; но онъ соспавляетъ полько обращикъ догадокъ для систематическаго раздѣленія нашихъ народныхъ сказокъ. Всѣ сіи догадки основаны на смыслѣ сказокъ, на принаравливаніи находящихся въ нихъ *собственныхъ именъ* къ языкамъ существующимъ, наконецъ, на сличеніи переводовъ съ нѣкошорыми подлинниками, и проч.

М. Макаровъ.

У.

Отъ чего въ Римъ не было трагедіи.

(Окончаніе.)

Объ отсутствіи въ Римъ вышеприведенныхъ трехъ
условій и о слѣдствіяхъ этого.

Въ Римѣ народъ не былъ Римскимъ. Въ то время, когда науки были здѣсь въ наибольшемъ развитіи, когда цвѣтъ націи представлялъ такую сумму образованія, что все роды изящныхъ искусствъ могли быть обрабатываемы съ успѣхомъ, въ то время уже не было народа Римскаго. Нѣсколько благородныхъ фамилій, люди, занимавшіе Государственныя мѣста, и квесторы — вошь все, что оставалось отъ чистой Римской крови. Но народъ исчезъ въ войнахъ, и, какъ прекрасно выразился одинъ молодой историкъ нашего времени (*Мишеле*) : „онъ разсыпалъ кости свои по всемъ берегамъ. Мѣста побоищъ, урны, вѣчныя дороги — вошь все, что должно было остаться отъ него.“ Италія посылала сыновъ своихъ умирашь въ страны опдаленныя, и въ вознагражденіе получала тысячи невольниковъ. Римъ, промотавшій Римлянъ, вербовалъ себѣ наемщиковъ, рабовъ и дѣшей рабовъ, подбираемыхъ по всемъ концамъ міра. Со времени Гракховъ, эгошь самоуправецъ народъ наполнялъ уже Форумъ и опправлялъ дѣла Итальянцевъ и Римлянъ. Въмѣсто истиннаго народа, находившагося въ опсушествіи или погибшаго, онъ управлялъ Римомъ, а слѣдовательно и всемъ міромъ. Съ политической почки

зрѣнія, можешь быть, эпо не было большое зло. Иноспранецъ, переродившійся въ Римъ, вскорѣ принималъ духъ своей *названной* опчизны. Наемщики, дѣши Африканскихъ или Испанскихъ невольниковъ, превосходнымъ образомъ понимали выгоды Рима; съ именемъ Римлянъ, они усвоивали себѣ эгоизмъ и гордоспъ ихъ. Эпопъ самозванецъ народъ вскорѣ сознавалъ себя народомъ великимъ, и если справедливо, что онъ былъ перемѣчивъ, благодаренъ, если онъ принудилъ Сципіона Африканскаго добровольно удалиться изъ своего опечесства, если онъ до такой степени заглушалъ своими кликами Сципіона Эмилиана, что эпопъ великій мужъ назвалъ его *незаконнымъ сыномъ Итали*; то я не знаю истиннаго народа, народа чиспой крови, подобнаго народу Авинскому, который не поступалъ бы такимъ же точно образомъ, и не показалъ бы себя въ такой же степени зависпливымъ и мяжежнымъ, какъ и эпопъ народъ самозванецъ. Повшоряю, много нужно шонкоспи, чпобы доказать, что Римская полишика была лучше опправляема гражданами Римскими, нежели иноспранцами, сдѣлавшимися гражданами; напрошивъ шого, я съ своей спороны гошовъ думать, что эша амальгама всѣхъ націй, эпопъ народъ всѣхъ кровей, эпо племя побѣжденныхъ, сдѣлавшихся господами, могло бытъ сильнѣйшимъ орудіемъ въ рукахъ пуземной, искусной и славной аристокраціи, нежели единоплеменный, и припомъ завидовавший эпой аристокраціи народъ. Я думаю, что такой народъ, можешь быть, гораздо болѣе безпокоилъ бы ее своимъ духомъ мѣспнаго сопер-

ничества и эпимъ усыпленіемъ, которое часто овладѣваетъ благородными народами. Аѳиняне свидѣтели того, что эпошъ народъ - выскочка не могъ сдѣлать сего по своему духу универсальности и по этому безпокойному характеру, который свойственъ всѣмъ націямъ, составившимся изъ различныхъ элеменовъ, и который предохраняетъ государство отъ опасности — клониться къ усыпленію. Впрочемъ, эпошъ вопросъ не принадлежитъ къ предмету моего разсужденія.

Но разсмащивая эпошъ предметъ съ точки зрѣнія, можетъ быть, менѣе важной, но есть въ отношеніи къ липературѣ, мы видимъ, что ничего не могло быть пагубнѣе, какъ опсушствіе Римскаго народа въ Римѣ. Наспоющій народъ сохранилъ бы преданія о національныхъ древностяхъ, о религіи, о языкѣ; у народа же ложнаго нѣтъ національныхъ древностей, нѣтъ общей религіи, нѣтъ языка: его языкъ есть просто-народное нарѣчіе.

Во всемъ томъ, что принадлежитъ шрагедіи, эпошу роду, который изъ всѣхъ произведеній искусства наиболѣе нуждается въ сихъ шрехъ предметахъ, ш. е. въ національныхъ древностяхъ, въ религіи, въ хорошемъ языкѣ, шрагедія могла существовать только при сихъ шрехъ условіяхъ, въ семъ возрастѣ міра и въ сей эпохѣ Римской республики; опсушствіе истиннаго народа дѣлало ее невозможною.

Для ложнаго народа Римскаго не было національныхъ древностей. Какой нибудь Африканецъ нимаю не могъ иншересоваться Ромуломъ и Ремомъ; Испанецъ ничушъ не безпокоился о Нумѣ,

Галль о Тарквиніи и Лукреціи. Происхожденіе такихъ Римлянъ не проспиралось далѣе вчерашняго дня; ихъ предки были въ Карфагенѣ, въ Нуманціи или въ Галліи: у нихъ не было ихъ въ Италіи. Наконецъ, шѣ изъ Римлянъ, копорые были чистой Римской крови, опъ эпого ничушь не больше знали о національныхъ древносняхъ, чѣмъ выслужившіеся Римляне. Еспъ нѣкопоруя темныя воспоминанія о семь предметѣ, воспоминанія, сохраненныя и искаженныя жрецами, воспоминанія, копорыми заняшья никпо не имѣль времени, но и шолько: дѣло Рима — война; ему нѣкогда было знашь свое прошедшее: пакъ спѣшилъ онъ осуществишь свое будущее. Народы шолько въ мирѣ занимающяся ученостію, и шолько чрезъ ученость снова находяшь свои древности. Римъ будетъ нѣкогда ученъ, ш. е. когда будетъ выполнено его военное дѣло; онъ обратится къ прошедшему, пошому что не будетъ имѣшь будущаго. Римъ Сципіоновъ не знаеспъ, откуда онъ произшелъ, однакожъ, когда въ него проникло образование Греціи, его завоеваніе, шо первые просвѣщенные имъ захошѣли имѣшь древности; великія имена въ особенноти захошѣли имѣшь предковъ: въ слѣдствіе сего древности и предки заказаны-были Греческимъ писателямъ, копорые, безъ всякаго выбора и кришки, собрали преданія жрецовъ, и щедро надѣлили багородныя фамиліи шиплами древняго происхожденія, копорыхъ у нихъ шребовали. Народъ оставался совершенно чуждымъ всего эпого; со взоромъ, устремленнымъ на Капишолій, онъ продолжалъ шопрѣшь впередъ, и вѣчнотъ, обшцанную Риму, по-

нималъ какъ шакое дѣло, которое никогда не должно было кончиться, а не какъ шакое, которое еще только началось.

Тоже самое скажу я и объ религіи: ея не было въ Римѣ. Религія шакже мало утвердилась въ немъ, какъ и національныя древности; а для народа чуждаго, расположившагося спаномъ въ своихъ сѣтѣнахъ, бывающъ только частныя суевѣрія, а не публичная религія. Въ мифологіи Карфагенянь не было ни слова о любви Марса и Иліи. Германецъ зналъ Тевтона, а не Юпитера. Чшо шакое была Нимфа Эгерія и ея шайншвенныя сношенія съ Нумою для Галла, приведеннаго въ Римъ изъ глубины лѣсовъ, въ кошорыхъ собирали священную омелу и въ кошорыхъ обшпали феи? Испанецъ ничего не понималъ въ эшпихъ щипахъ, украшенныхъ вырѣзками и упавшихъ съ неба. Религія сихъ народовъ слагается изъ смѣшанныхъ воспоминаній о мѣстныхъ религіяхъ и изъ невѣжешвеннаго уваженія къ религіи Римской. Еще въ семь случаѣ, состояніе вѣрованій почши одно и шже у аристократіи, какъ и у народа. Аристократія, обязанная идеею своего существованія Греціи, вывела изъ нея боговъ ея для употребленія Рима. Греческій Олимпъ перенесенъ въ Римъ вмѣстѣ съ поклажей побѣдителя. Назначеніе Рима было — жить только одними заимствованіями въ религіи, въ законахъ и въ липерашурѣ. Ему понадобились законы — и онъ отправляетъ за ними посольство; ему понадобились боги — и онъ разграбляетъ чужія капища; ему захотѣлось липерашуры — и онъ беретъ ее у иностранцевъ. Только одинъ мечъ его ознаменованъ печатью самобытности и оригинальности.

Надъ всѣми незаконнорожденными вѣрованіями эшого народа , споль же смѣшанными, какъ и его кровь , возвышается родъ какой-то полицейской религіи , которая поддерживалась на счетъ Государства , у которой не было писанныхъ догматовъ , которая спакивалась съ членами правительства, дабы имъ можно было упопребишь, въ пользу полишки , духъ общаго суевѣрія , который находихся въ основаніи всѣхъ частныхъ вѣрованій; религія, первосвященники которой были вмѣстѣ и судіями и военачальниками , вступавшимися дѣятельно и съ сильнымъ авторитетомъ только въ дѣла войны, чпобы предсказывать побѣды , и , предсказывая ихъ , распоряжались ими. Все это было до крайности лишено поэзіи и сухо для драмы.

Остается языкъ и по , чѣмъ онъ сдѣлался въ устахъ эшого народа, который имѣлъ съ полдюжины иностранныхъ языковъ. Мы далеки отъ пуризма Аѳинской порговки овощами. Римскій народъ не понимаетъ Латинскаго языка , или понимаетъ его худо. Аристокрашія говоритъ языкомъ Латинскимъ чистымъ, цвѣтущимъ, полнымъ гармоніи, языкомъ Теренція. Народъ говоритъ какимъ-то энергическимъ мужицкимъ нарѣчіемъ, положимъ, живописнымъ, какъ всѣшакого рода нарѣчія , но и вмѣстѣ пакимъ, который былъ просто мужицкимъ нарѣчіемъ. Въ немъ находятся частицы изъ всѣхъ завоеванныхъ языковъ. Изъ эшого нарѣчія не сославишся лихерашуры: эшого не дано никакому нарѣчію. Почему рукоплескали Плавшу? Пошому, что онъ въ латынь аристокрашіи спран-

ный жаргонъ публичной площади. Почему Теренцій былъ освиспанъ? Пошому, что онъ говорилъ хорошимъ Латинскимъ языкомъ. Тщешно представляется Теренцій подъ покровительствомъ самыхъ народныхъ именъ въ Римѣ; щешно, въ своихъ прологахъ, умоляетъ онъ народъ Римскій о благосклонности и униженно проситъ у него позволенія позабавишь его въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ; народъ, соскучившійся всѣми эшими понкостями спила, всюю эшою прелестью языка, опъ кошорыхъ плѣютъ въ наслажденіи первые ряды слушателей, заглушаетъ своимъ крикомъ голоса акшеровъ, и покидаетъ піесу при прешьемъ акшѣ, чтобы иди смопрѣшь на пляски слоновъ или на плясуновъ канапныхъ.

Однакожъ нѣкошорый родъ комедіи былъ возможенъ въ Римѣ: эшо комедія Плавта. Смѣшное и шуповшво, во всѣхъ спранахъ и у всякаго народа, имѣютъ счастье возбуждать смѣхъ. Смѣхъ не пребуешъ цивилизаціи; слезы, особенно избраннаго круга людей, такія слезы, какія Греческая трагедія умѣла исторгать изъ глазъ Аѣинскаго народа, пребуютъ, напрошивъ, цивилизаціи, оказавшей успѣхи. Тотъ же самый народъ, который рукоплескалъ панцамъ слоновъ или дракамъ пигровъ, очень можешъ находишь забаву въ шукахъ мошенниковъ, въ любви распущныхъ дѣвокъ, въ вопляхъ женщины, мучимой родами, въ мороченьяхъ фигляровъ, въ обманахъ скупцовъ, въ жадности слугъ, пѣмъ болѣе если поэитъ, который даетъ ему эшопъ родъ комедіи, соглашается говоришь съ нимъ уличнымъ языкомъ. Вошь почему Плавтъ имѣлъ успѣхъ. Его нравы, пере-

дѣланные изъ Греческихъ, заспаивали народъ смѣявшись, да и кромѣ того, въ этомъ смѣхѣ гораздо менѣе истинной симпатіи къ комическому, нежели радости дикаго, который смѣется надъ народомъ образованнымъ, и побѣдителя, который смѣется надъ побѣжденнымъ. И что за нужда? Плавтъ славно умѣетъ сбывать свою Греко-Римскую провизію. Его пьесы продаются эдиламъ за хорошую цѣну. Но Теренцій оставленъ, потому что онъ не добиваешься глупаго смѣха; Теренцій жаждетъ возбуждать слезы, съ тѣхъ поръ какъ онъ увидѣлъ, что надъ его швореніями плакали жена и дочь Сципіона. Къ тому же Теренцій говоритъ языкомъ знаменитыхъ домовъ съ народомъ перекрестковъ. И потому смѣются надъ его пашронами, надъ его вкрадчивыми прологами, и оставляютъ ихъ.

Ежели слезная комедія и изящный языкъ Теренція не могутъ находить у народа благосклонности, то чего же можешь ожидать отъ него благородная и жалобная трагедія, которая проситъ хочешь испоргать слезы и говоритъ только языкомъ боговъ?

Признаюсь, я не опдалъ себѣ опчета въ томъ, чѣмъ могла быть драма, истинно Римская. Гораций говоритъ о трагедіяхъ, содержаніе коихъ заимствовалося изъ жизни домашней а); изъ этого должно заключить, что были опыты Римскихъ

а) Hor., *de Art. poet.*

трагедій; но какого характера были эти опыты? Откуда брали они своих героев? Какіе это предметы из домашней жизни? были ли это драмы религиозныя, извлеченныя изъ временъ героическихъ? мы ничего не знаемъ объ этомъ. Я нигдѣ не нахожу ничего, откуда можнобъ было составить себѣ идею о драмѣ, вдохновенной эпическими смѣшанными древностями, эпою религіею темною и лишенною мѣстныхъ лѣтописей, эпимъ прошедшимъ, столь мрачнымъ и столь небогатымъ, даже и послѣ того, какъ снисходительные Греческіе историки, для расплаты съ благородными фамиліями, сшили нѣкоторыя спорныя событія; равнымъ образомъ не нахожу творенія, ознаменованнаго печатію высокой поэзіи и дерзающаго предсказать на театрѣ, который, по словамъ самого Горация, обращалъ въ бѣгство поэта, самаго смѣлаго въ своихъ изобрѣшеніяхъ, и отвергалъ его пьесу, что бы пребыть сраженія кулачныхъ бойцовъ а). Не болѣе того понимаю я причину, которую высказываетъ Горацийъ для поясненія неуспѣха этихъ Римскихъ трагедій. „Это отъ того, говоритъ онъ, что наши авторы не имѣли бодрости выглаживать стихи своихъ“ : это причина науки о стихотворствѣ, можетъ быть, критика законодателя Парнасса; но это не успѣхъ не происходилъ ли отъ другихъ причинъ, кромѣ небрежности въ языкѣ, кромѣ лѣности выглаживать стихи? Пришомъ Горацийъ намекаетъ ли эпимъ на прагиче-

---

а) Hor., *de Art. poet.*

скіе опыты поэзовъ своего времени, или на шѣ, копорые были во время Плавта и Теренція? Наконецъ, неопредѣленность его замѣчанія доказывается очень ясно, что эти опыты ни въ какое время не имѣли никакого успѣха, а мнѣ это только и нужно замѣнить, по крайней мѣрѣ, какъ отрицательное свидѣтельство невозможности истинно Римской прегедіи.

Навѣрно поэты Августова Рима были организованы не хуже Софокла и Эврипида. До Августова Рима были люди гениальные, слѣдовательно не людей, а сираны не доставало искусству. Римъ не имѣлъ въ своемъ прошедшемъ элементомъ для національной драмы. Греція имѣла древности, эпопею, мифы, легенды, неисчерпаемую исторію, въ копорой боги сходились съ людьми почти половина на половину; Римъ не имѣлъ ничего этого. Греція знала, откуда она произошла, Римъ не зналъ этого. Что касается до боговъ, у Рима были только ввозные боги; что касается до полубоговъ, то онѣ представлялъ своего Ромула очень подозрительнымъ; сверхъ того боготвореніе Ромула дѣлалось келейно, такъ что народъ, копорый создавалъ боговъ и полубоговъ, не принималъ въ этомъ участія. Римъ не имѣлъ своего Гомера, копорый бы освѣщалъ все его прошедшее, копорый бы твердилъ ему безпрестанно о божественномъ происхожденіи Юпитера, и о томъ, почему боги любили больше всего эту благоустроенную землю, и море, которое орошаетъ эту землю, и острова этого моря, на копоромъ сшолько разъ скользящая колесница боговъ встрѣчалась съ ушлыми ладьями смертныхъ; по копо-

рой прошло и перешло, еще прежде поэта, столько блуждающихъ цивилизацій, столько народовъ, искавшихъ себѣ опечества и переносившихъ съ одного берега на другой свои языки, свою религію. Не имѣя дѣйствительныхъ древностей, Римъ заставилъ дать себѣ поддѣльныя древности. Когда онъ сдѣлался властелиномъ міра, при помощи меча своего, и какъ по самодѣльныхъ оракуловъ, по ему пришла гордая мысль — имѣть прошедшее и вывести происхожденіе свое отъ боговъ. Виргилій сдѣлалъ все, что могъ, для удовольствованія эпои фаншазіи; но его воображеніе, при всей снисходительности, не нашло для Рима ничего лучшаго, какъ произвести его отъ Троянской колоніи, а для Августа ничего лучшаго, какъ выдать его за предка Венерина внука: тогда какъ самыя маленькіе князьки героической Греціи считали своимъ опцемъ или дѣдомъ великаго Юнипера. И замѣтите, что всѣ эти поэтическія поддѣлки, всѣ эти оспроумныя выдумки, которыми не довѣряли добродушно ни Виргилій, ни Августъ, всегда обращались не къ народу, но къ избраннымъ умамъ; ипакъ, повторяю, симъ послѣднимъ очень можно было согласиться на эту эпопею заднимъ числомъ и дать себѣ такое происхожденіе, какое имъ было угодно во всѣхъ этихъ произведеніяхъ искусства, которыя ускользали отъ коншроля народа; но имъ было запрещено создавать искусство драматическое безъ помощи народа и слѣдовательно безъ его коншроля. Драма только тогда можетъ быть самымъ шупземнымъ и самымъ оригинальнымъ лишературнымъ произведеніемъ какой либо страны, ког-

да она создана народомъ, когда народъ рукоплескалъ ей на полномъ театрѣ. Римъ не имѣлъ драмы по тому, что не имѣлъ истиннаго народа. Безъ народа можно создать всякую очень хорошую подражательную литературу, только не драму; и эпо-шо и сдѣлалъ аристократическій Римъ. Разсѣвая свой истинный народъ на всѣхъ поляхъ битвы, онъ потерялъ славу драмы, одну изъ прекраснѣйшихъ славъ ума человѣческаго; но, въ замѣнъ эпого, онъ имѣлъ славу побѣдишь весь мѣръ: было чѣмъ вознаградишь ее.

Заклучимъ, національная драма была не-возможна въ Римѣ; что же касается до прекрасной и прогательной трагедіи Аѳинянь, что бы стала она дѣлать посреди эпого народа ростовщиковъ и солдатъ, со всѣми своими художественными понкосями, копоры очаровывали умное народонаселеніе Аѳинъ? Какое участіе могли принимашъ эти мушныя лужи, эти люди безъ вкуса въ мужахъ Гомерической легенды, въ паденіяхъ древнихъ монархій, въ эписхъ кровосмѣшеніяхъ, въ эписхъ убійствахъ, копоры превосходили человѣческіе размѣры, въ эписхъ пресшупленіяхъ, общихъ богамъ и человѣкамъ, пресшупленіяхъ, копорыхъ земная власшь не можешъ постигнушь? Какую жалость могли они имѣть къ эписмъ сынамъ пораженнымъ прокляшіемъ, къ эписмъ царямъ блуждающимъ и ослѣпленнымъ, къ эписмъ юнымъ дѣвамъ, висящимъ на рукахъ спарцевъ, или склоненнымъ подобно прекраснымъ сшашуямъ надъ погребальными урнами, или погребаяющимъ своими руками шѣло брата, и всегда сохраняющимъ посреди горестныхъ испышаній, грацію и красоту,

всегда чуждымъ эпихъ слезъ новѣйшаго времени, копорыя изрываютъ браздами ланишы и наливаютъ кровью глаза, эпихъ искажающихъ лице спраданій, изобрѣшеніе коихъ восходитъ до времянь Сенеки? И ежели бы прагедія, пересаженная такимъ образомъ изъ Греціи на театръ Рима, смогла, подобно подражательной эпопее Виргилія и подобно подражательной одѣ Горація, воспроизвести на прекрасномъ Латинскомъ языкѣ всю гармонію и всю прелестъ языка Аѣинскаго, по какую бы пошному произвела эта музыка души и чувствъ въ зрителиахъ, привыкшихъ къ кулачнымъ боямъ и къ бивсамъ звѣрей, огрубѣвшихъ опъ зрѣлища крови, струившейся надъ ударами кистеней, или пѣль посинѣвшихъ опъ побоевъ, въ эпихъ зрителиахъ, слуху копорыхъ гораздо приятнѣе былъ ревъ медвѣдей, нежели мѣрный риѣмъ окриленныхъ спрофъ, восхищавшихъ Аѣинскій народъ и Римскую аристократію!

Итакъ, что же будетъ дѣлать Аѣинская прагедія, изгнанная изъ театра эними толпами зрителиахъ, незнающихъ ни порядка, ни вѣжливости, нагроздившимися тысячами на подмостахъ, съ копорыхъ они тягопѣютъ надъ головами кавалеровъ и людей со вкусомъ, копорые не имѣютъ права имѣть въ театрѣ мнѣнія, опличнаго опъ мнѣнія народа? Она скроется въ книгахъ опличныхъ умовъ, чиспыхъ, какъ сама она, и какъ сама она, исключенныхъ изъ сцены *площадною профанаціею*. Тамъ не будетъ прагедій играемыхъ: тамъ будутъ прагедіи писанныя. Квинтилианъ говоритъ, что *Юэсть Варія* былъ достоинъ занять мѣсто подлѣ лучшихъ

произведеній Греческаго искусства. Равнымъ образомъ приписывали большую важность Медеѣ Овидія. Хотя, повшоряю, я и мало вѣрю заперяннымъ или неизданнымъ геніямъ, но вѣроятнo эпошъ *Θіэспъ* и эпоа Медея были счастливыми подражаніями Греческимъ пьесамъ: почему не могли передѣлывать Софокла въ той спранѣ и въ то время, въ которыя передѣлывали Гомера, Пиндара, Анакреона? Умы того времени знали языкъ и логику спраспей. Самая Дидона можетъ почешься за успѣхъ надъ Греческимъ искусствомъ въ познаніи женскаго сердца. Тогда были элеменны для возрожденія драматическаго искусства; и если Августъ, которому возможно было все, могъ бы установить театръ и публику, то, можетъ быть, мы имѣли бы цѣлое собраніе прекрасныхъ передѣлокъ Греческаго искусства. Но Августъ сдѣлалъ для народа своего времени то, что эдилы дѣлали для народа, современнаго Сципіону. Сіи послѣдніе, видя, что опышы *шрагедіи* не нравились, переспали покупать эпошъ поваръ, неизмѣвшій сбыта, и оставили народъ шѣшиться своими медвѣдями. Такимъ образомъ поступилъ и Августъ: онъ даже и не сдѣлалъ, въ семь отношеній, никакого опыта надъ публикою, которую зналъ слишкомъ хорошо, и оставилъ ей на произволь предпочитать истинныя убійства цирка эшимъ безвреднымъ ударамъ кинжала. Эпошъ прудъ былъ невозможенъ, особенно послѣ новой амальгамы, которую только что сдѣлалъ его дядя, великій Цезарь, и съ эшимъ новымъ народомъ, свезеннымъ имъ въ Римъ со всѣхъ споронъ свѣта, съ эпою новою разнопою

въ нравахъ , въ религіи и въ языкѣ , такимъ образомъ , что ему нельзя было имѣть спектаклей , копорые нравились бы шолпѣ , кромѣ такихъ шолко ; въ копорыхъ актеры не говорили ни на какомъ языкѣ , и соспоили или изъ звѣрей или изъ гладіашоровъ , смопіря по нуждѣ .

Ипакъ , если хопите , эти кабинетшныя прагедіи Варія , Овидія , Азинія Полліона , и , безъ сомнѣнія , даже и Меценаша , сосспавляющъ большую пошерю ; ибо всѣ эти опличные умы , какъ покровишели , пакъ и покровишельспвуемые , писали драмы келейнымъ образомъ . Наконецъ , они были дѣши великаго лишперашурнаго вѣка , спрасшнаго и образованнаго ; они не знали чешырехъ или пяши родовъ прекраснаго , а особенно *безобразнаго* , копорое еспъ ни что иное , какъ прекрасное ; они однажды нѣспегда приняли *прекрасное* Греческое и держались его . Они были опрадою сердца и ума для Виргилія и Горація ; и конечно эти семейшныя лишперашуршныя бесѣды были не изъ числа шѣхъ , въ копорыхъ шолковали о бездѣлицахъ . Какъ во время Буало , въ нихъ любили другъ друга нѣжно , какъ люди , и хопя люди ученые , но наблюдали и управляли другъ другомъ спрого , какъ писашели . Никогда Греція не была лучше понимаема и обожаема , какъ въ эту эпоху ; никогда не дѣлалось болѣе пламенныхъ и болѣе умныхъ копій съ ея образцовыхъ произведеній , и когда вы видите , какъ всѣ великіе люди вѣка Авгусшова повергающся съ шакою благодарноспію къ ногамъ этой развѣнчанной царицы , копорую завоевашели пощадили опъ дурнаго обхожденія какъ съ рабынею , шо не кажешся

ли вамъ, что вы слышите Троянскихъ спарцевъ, рассказывающихъ о Еленѣ, копорая была такъ прекрасна, что могла произвести раздоръ между націями? . . . .

Мы должны предполагать Греко - Римскую трагедію, такую, какую могли писать ее во время Августа, и безъ поспешности дойти до трагедіи Сенекинской. Изъ трагедіи подражательной, копорой мы не знаемъ, но копорую предполагаемъ, изъ трагедіи, копорая, должно быть, писалась съ любовію и съ глубокимъ чувствомъ Греческихъ красавъ, мы вдругъ впадемъ въ трагедію по рецепту, такую, какой учили и какую писали во время Сенеки. Для чего не сохранили мы нѣсколькихъ піесъ первой! для чего не должны мы просто предполагать вшорую!..
Съ Франц. В. В.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по ошпечашаніи предсшавлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
Москва, Мая 15 дня 1835 года.

Ценсоръ Алексій Болдыревъ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

О Г Л А В Л Е Н І Е

XVIII части.

Стр.

Науки.

Общее понятие о правахъ древнихъ и новыхъ народовъ (О. Марошкина)	3
Испытаніе кипящею водою	62
О вліяніи фаншазіи на цѣлостное образованіе науки вообще	133
Похищеніе Папы (изъ Вильмена)	163
О вліяніи естественныхъ границъ государствъ на прочность и судьбу оныхъ (Revue Britannique)	250
Рѣчь о древней Скандинавской лимпературѣ, Ампера (пер. Межевича)	261
Ошъ чего въ Римѣ не было шрагедіи (спашья Низара)	509
О началѣ Ромынскаго языка	359
Пробные листы изъ Исторіи Русскихъ сказокъ (М. Макарова)	142—496
Нѣсколько мыслей для сравнительной Исторіи языковъ, Ампера (пер. Межевича)	403

Проза.

Жени Цвѣточница (Ю. Жанена)	28
Предисловіе Саади къ Гюлишпану (съ Перс. Коноплева)	39
Факель, морская сцена (Blackwood's Magazine)	184
Богатый и Бѣдный (изъ Записокъ Медика)	207
Беаша, повѣсть	423
Гора Сень-Бернаръ (изъ пупевыхъ впечатлѣній А. Дюма)	449

ЛѢТОПИСИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ.

Красавица Замка, или Повесть о Русской Царевнѣ, <i>подраж. Мугамледу Низам-медину, перев. Фр. Эрджаномъ (ДЕЛИ-БЮРАДЕРА)</i>	89
Соловей и Роза, <i>поэма Фазли (М.)</i>	394

